

И. КУПЕРМАН

НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ

И. КУПЕРМАН

НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ

Издательство
„Детская литература“
Москва • 1970

Исер Иосифович Куперман родился 28 апреля 1922 года. Звание мастера спорта по шашкам получил в 1940 году. Он трижды выигрывал титул чемпиона страны по русским шашкам и пять раз по стоклеточным. В 1958 году он становится чемпионом мира. Сыграл пять матчей на первенство мира и все выиграл.

По профессии И. И. Куперман горный инженер.

И. И. Куперман внес большой вклад в развитие теории и практики шашечного искусства. Он один из самых выдающихся современных стратегов и психологов шашечной борьбы.

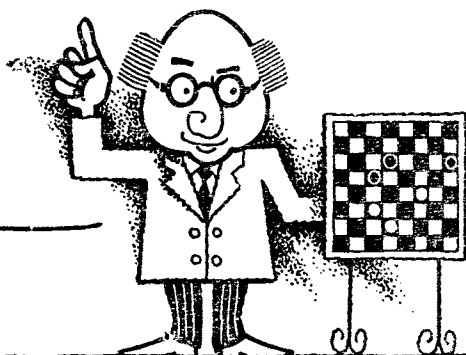
В этой книге автор увлекательно рассказывает о своих встречах и «битвах» за шашечную корону с лучшими шашкистами мира, о забавных эпизодах из истории шашек и матчевой борьбы. В специальном разделе «Начнем игру на черных диагоналях» он раскрывает юным читателям многие «тайны» стоклеточных шашек, показывает красоту и глубину шашечного искусства.

Отзывы об этой и других книгах издательства «Детская литература» просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки Б. А. Белова

Часть первая
ВОСПОМИНАНИЯ

ГЛАВА
1

Первая ступенька

«НИКАКОЙ Я НЕ ПРЕДАТЕЛЬ...»

Я вовсе не собирался играть в шашки. Сидеть и однообразно передвигать по доске эти круглые деревяшки? Вот еще! Шахматы — другое дело. Тут и кони и короли. А слова-то какие! «Шах», «ферзь», «рокировка»...

Вскоре я победил в шахматном турнире школы, удачно сыграл в районе и попал в школьный чемпионат Киева. Мои скромные успехи вскружили мне голову, и я решил, что должен стать первым шахматистом мира. В порыве откровенности я поделился своими честолюбивыми замыслами с прия-

телем — Колей Игнатьевым. И что же? Он, оказывается, тоже подумывал об этом! Мы тут же заключили «джентльменское соглашение»: когда кто-либо из нас станет чемпионом мира, он не будет чинить препятствия другому в вызове на матч... Пока же, готовясь к первенству школьников, мы непрерывно оттачивали в боях между собой «страшное оружие» — королевский гамбит.

Наконец во Дворце пионеров открылся долгожданный шахматный турнир. Я начал успешно, но тут случилось непредвиденное... Однажды мой противник опоздал, и я отправился побродить по дворцу. Увидев в соседней комнате демонстрационную шахматную доску, я подсел к ребятам, ожидавшим руководителя. Вслед за мной вошел какой-то человек и, к моему разочарованию, принялся расставлять... шашки. Я начал ерзать и поглядывать на дверь, прикидывая, как бы тихонько и незаметно улизнуть. Но сидевший рядом старший мальчишка щелкнул меня и прошипел:

— Замри, несчастный! Ты меня знаешь? Еще нет? Твое счастье. Так вот, учти: я сегодня дежурный...

Пришлось подчиниться. От нечего делать я стал смотреть на доску. Руководитель показывал шашечные комбинации. Никогда раньше я не испытывал такого наслаждения! Все выученные варианты королевского гамбита я отдал бы за то, чтобы самому провести в партии что-нибудь подобное. Особенно, помню, меня поразила одна, где белые ради победы из своих восьми шашек отдавали семь. Я был сражен! Я потерял всякую охоту продолжать турнир. Ореол шахматного чемпиона уже не привлекал меня. Шашки! Вот что завладело моим воображением.

— Эх ты! — упрекал меня Коля. — А я-то тебе верил: «давай тренироваться», «будем чемпионами»... Предатель!

— Никакой я не предатель, — оправдывался я. — Все равно нам было бы не разойтись на узкой дорожке. А теперь тебе же лучше: избавился от главного конкурента.

В шашечную группу меня принять не хотели: она уже укомплектована. Однако отделаться от меня было не так-то просто. Я начал повсюду как тень ходить за руководителем — Семеном Яковлевичем Натовым — и просить, чтобы меня записали. Встречал его у дверей перед занятиями. Ожидал, пока занятие окончится, и опять надоедал своими просьбами. Через некоторое время он стал жаловаться:

— Что за настойчивый! Я из-за тебя ничего делать не могу!

Это показалось мне предвестником капитуляции, я повел осаду еще более настойчиво и вскоре был принят в группу.

«СПЕЦИАЛИСТ» ПО СТАРИННЫМ ЗАДАЧАМ

В шахматно-шашечном клубе Дворца пионеров мы старательно изучали теорию, разбирали партии мастеров: чтобы достичь успеха, нужно много работать. Но были у нас и ребята, которые стремились подобраться к славе иными путями...

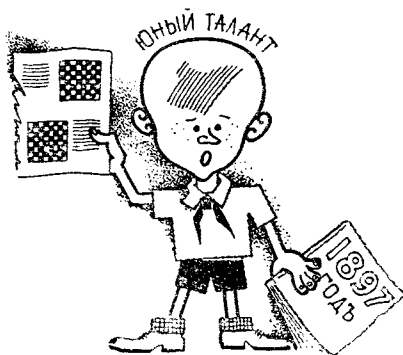
Саша Дынник был очень живой мальчик. Он всегда был полон самых неожиданных идей, которыми старался увлечь и нас. Вдруг он звал меня:

— Ну чего ты сидишь, копаешься в вариантах? Что это даст тебе? Пойдем! Я знаю, где можно подзаработать. Будем демонстрировать партии...

Ему удавалось чаще других пролезать в турниры взрослых, хотя он играл там без особого успеха. Мы не считали его сильным или одаренным шахматистом. И вот... В одной из киевских газет появилась статья об итогах конкурса составления задач: в нем приняло участие много известных шахматных проблемистов, но наиболее оригинальную и глубокую задачу представил талантливый питомец Дворца пионеров Саша Дынник. Несмотря на недочет (лишняя, «неработающая» пешка d3), задача настолько интересна, что автору присудили за нее первый приз. Статья называлась: «Юный талант».

Мы все были поражены и наперебой поздравляли Сашу. Юный талант сиял и снисходительно принимал поздравления, уже поглядывая на нас сверху вниз. Однако вскоре мы увидели в этой же газете заметку под заголовком... «Юный авантюрист». Оказывается, Саша Дынник, взяв из старинного журнала задачу, составленную еще в прошлом веке, просто повернул всю позицию на 90 градусов, а чтобы лучше замести следы, добавил пешку d3!

Представляете, какой произойдет во дворце переполох! Только и разговору было, что об этом случае. В первую очередь всех интересовало, успели ли Саша получить приз и собирается ли его возвращать. Когда выяснилось, что не успел, мы были очень разочарованы. На фоне всеобщего волнения в связи с этой историей завидным спокойствием выде-

лялся только один мальчик — сам Саша! Он махнул рукой и невозмутимо заявил:

— Не прошло — не надо! В другой раз. — А потом повторял несколько раз с возмущением: — Что это за судьи такие! Берутся судить конкурс, а не знают старинных задач! Халтурщики!

Хотя с тех пор Саша прослыл у нас специалистом по старинным задачам, но наше, из ребят, правление предупредило «специалиста»: при повторении подобных попыток он будет исключен из клуба.

Конечно, большинство ребят было другого склада. Я хорошо помню, например, одного бледного и худого, очень застенчивого мальчика, который всегда безмолвно ставил перед нами свою позицию — этюд или комбинацию, — как бы предлагая решить. Бывало, мы безрезультатно бились над ней по нескольку дней. А когда, наконец, решали, то поражались красоте и трудности решения. После событий с Дынником у нас возникали подозрения, что и он «заимствует» свои позиции. Но это было не так. Алик Мультых не успел, к сожалению, составить много позиций. Он погиб на войне. Некоторые его этюды были удостоены первого приза на всесоюзных конкурсах.

«РУКИ ПО КАРМАНАМ!»

Во дворце, в тех же комнатах, где занимались мы, но в другие часы, собирались филателисты. Ими руководил Николай Георгиевич Дараган — человек необычайно высокого роста. В разговорах между собой мы называли его Дядей Степой. Так как нам не хотелось освобождать помещение для занятий филателистов, то на этой почве постоянно велись «войны». Однако Дядя Степа так увлекательно рассказывал о марках, что многие из нас оставались послушать его, а кое-кто и вовсе перебежал в лагерь противника. Таких мы обратно не принимали.

Однажды в нашем клубе появился маленький мальчик, который стал приходить ежедневно. Он с равным увлечением играл и в шахматы и в шашки и пользовался особым расположением А. М. Константинопольского — руководителя шахматной группы.

— Из этого мальчика выйдет толк! — утверждал он.

Сначала мы называли новичка «малютка», а потом с чьей-то легкой руки за ним укрепилось прозвище Малюта Скуратов. Вскоре Натов потребовал от него:

— Хватит тебе разбрасываться. Выбирай что-нибудь одно.

Малюта остановился на шахматах. Последовали быстрые успехи, первые места в чемпионатах дворца и турнирах взрослых, а в 16 лет Давид Бронштейн уже выполнил норму мастера спорта. Теперь при встречах с ним я всегда с невольной улыбкой вспоминаю, какая густая черная шеvelюра была у «малютки» и как он, обдумывая ходы, непрерывно крутил пальцем завитой хохолок на лбу.

Наши руководители — Семен Яковлевич Натов и Александр Маркович Константинопольский — не только вели регулярные теоретические занятия, но и не упускали случая поделиться с нами богатейшим практическим опытом. Особенно запомнилась мне их упорная борьба с поспешностью в игре — бичом шашистов нашего возраста.

— А ну, руки по карманам! — раздавалась команда Семена Яковлевича перед началом туров в наших соревнованиях.

Время от времени он повторял эту команду. А означала она следующее: каждый из нас, сделав ход, должен был тут же спрятать руки в карманы. Это «домашнее средство» надежно предохраняло от хватания за первую попавшую в поле зрения шашку или от соблазна тут же, без всякой проверки, сделать наиболее очевидный напрашивающийся ход.

В нашем клубе выросло немало хороших шахматистов и шашистов. Команда дворца уже представляла в городе грозную силу и на первенствах Киева неизменно оказывалась на первом месте. Возможно, по этой причине были случаи, когда нашу команду не включали в соревнования.

В то время выполнить норму для получения первого разряда было очень трудно, особенно ребятам, так как к играм на личное первенство города нас не допускали. В течение долгого времени во дворце не было ни одного перворазрядника. И когда двое ребят — Лева Гольдфельд и Коля Заноздра — первыми получили это высокое для нас звание, во дворце было организовано торжественное чествование наших героев.

В 1938 году большой чести удостоился и я. Меня включили в состав команды дворца, представлявшей Киев на третьем первенстве страны среди школьников: я «прикрывал» шашечную доску.

Небезынтересна история юношеских шахматно-шашечных соревнований. Она восходит к 1934 году. Первые игры проводились в Москве. На торжественное открытие в Большой зал Консерватории к ребятам приехал первый Верхов-

ный Главнокомандующий, Народный комиссар юстиции Николай Васильевич Крыленко, руководивший шахматно-шашечным движением, а также альпинизмом и туризмом. Закрытие турнира проходило в Колонном зале Дома Союзов. Председательствовал любимый комсомольский вожак секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев. Первым юным чемпионом СССР был провозглашен ленинградский школьник Саша Казанский (погиб во время Великой Отечественной войны).

Вторым чемпионом страны по шашкам стал юноша из Белоруссии Веня Городецкий (ныне гроссмейстер).

На турнир 1938 года съехалось много ребят, ставших впоследствии известными мастерами: Вася Смыслов, Юра Авербах, Марк Стольберг, Фима Столяр, Оля Игнатьева, Абрам Виндерман и другие. Первое место было присуждено Семену Бороку. Мой результат был не то третьим, не то вторым; все же я был очень доволен: мне присвоили первый разряд. Справку об этом я до сих пор бережно храню, несмотря на то, что мне давно уже «выписали» гроссмейстерский билет.

ВАСИЛИЙ СОКОВ

Когда в конце двадцатых годов в шашечных отделах газет и журналов стало все чаще и чаще появляться имя Васи Сокова — пятнадцатилетнего ленинградского школьника, — никто не предполагал, что именно этому пареньку суждено стать основателем новой — советской — шашечной школы. И теперешнее поколение шашкистов, по праву считающихся сильнейшими в мире, чтит заслуги прославленного ленинградца.

Спортивные успехи Сокова огромны. За последние пять довоенных лет он принял участие в двадцати двух турнирах и только три раза делил в них первое и второе места, а в остальных девятнадцати случаях убедительно доказывал, что сильнейший только он. И как доказывал! В последнем предвоенном чемпионате страны Соков триумфальным маршем прошел от первого до последнего тура, на целых два очка обогнав ближайшего конкурента. Таких результатов не показывал ни один шашкист.

У всех, знавших Сокова или изучавших его творчество, осталась о нем память как о неутомимом спортсмене-труженике, непрерывно совершенствующемся, не признающем застоя в игре и постоянно ищущем новое.

Как-то я пожаловался Сокову:

— Василий Александрович, почему в этом варианте у меня что-то не то выходит? Не очень-то хорошая позиция получается...

— А почему ты решил, что тут обязательно должно получиться хорошо?

— Но ведь я играю здесь точно по книжке. Это же проверенный теоретический вариант!

— Эх, дружок, — улыбнулся Соков. — Вариант-то он теоретический... Да дело ведь в чем? Все теоретические варианты только на две группы и делятся: те, в которых ошибки уже обнаружены, и те, в которых они пока что еще не выявлены...

Поиски нового не сводились у Сокова лишь к разыскиванию отдельных дебютных ходов или вариантов. Конечно, у него и подобных новинок был неисчерпаемый запас, но главное, чем обогатил игру этот шашечный корифей, — невиданным до него стилем. Соков действовал в шашках так же, как Алехин в шахматах. «Я на каждом шагу заставляю их мыслить самостоятельно!» — говорил обычно гениальный русский шахматист, когда его спрашивали, каким образом удается ему так быстро разделяться со своими противниками.

Чтобы заставить противников на каждом шагу мыслить самостоятельно, Соков и изобрел свой способ игры. Он стал опираться на новые разработанные им принципы. Он первый доказал на практике, что шашечная игра так богата вариантами, что ее можно основывать не только на уже изученных правилах, но и на огромном числе исключений.

Я впервые увидел Сокова в 1938 году, когда в Киеве состоялся финал седьмого первенства СССР.

До войны чемпионаты страны проводились редко, и поэтому все мы — ребята-шашисты из Дворца пионеров — с нетерпением ждали этого соревнования. Еще бы! Ведь в нем должен был играть сам Василий Соков!

Нам поручили встречать прибывавших участников. Тут, конечно, не обошлось без споров: каждый мечтал, чтобы ему «достался» Соков.

— Проведем жеребьевку! — предложил кто-то.

Так и сделали. Соков «попал в руки» Когану.

— Марат, уступи его мне, — упрашивал я.

— Все, что угодно, только не это! — отрезал он и сохранил привилегию за собой.

В день торжественного открытия турнира мы собрались во дворце и оттуда коллективно поехали в клуб, где предсто-

яло увидеть столько шашечных звезд. Приехали мы рано. В углу вестибюля двое играли, а несколько человек, обступив их, время от времени вставляли замечания о сделанных ходах. Вскоре из разговора я понял, что оба играющих — участники предстоящего первенства.

Особенно часто критиковал их ходы один, как мне показалось, юноша. Узкое лицо с высоким лбом и длинноватым носом.

«Тоже мне, знаток... Сует свой нос без понятия, — мысленно бранил я юношу, слыша его шутливые реплики. — И говорит-то ерунду!»

Для меня ясно было: этот — шашист неважный. Высказываемые им оценки ходов редко совпадали с тем, чему учили нас во дворце. Он как-то совсем не так подходил к позиции, как, мне казалось, должны подходить сильные шашисты. Но игравшие партию почему-то не одергивали этого «высочку», а молча проглатывали все его «пилюли».

Наконец в зале началась жеребьевка и стали представлять участников.

— Мастер Василий Соков! Ленинград, — объявил главный судья.

В первом ряду поднялся и подошел к сцене, чтобы вытянуть номерок, юноша с высоким лбом и длинноватым носом....

Игру Сокова пронизывала смелая и даже дерзкая мысль. Шаблону, который начинал тогда царить в среде шашечных мастеров, Соков противопоставил творчество. Говорить об этом — просто, делать было нелегко. Ведь чтобы отойти в игре от известных путей и схем, Сокову приходилось идти порой на чрезмерный риск. И он шел на это, добровольно и даже намеренно получая на доске разбитую, а то и вовсе на вид безнадежную позицию. Но при этом противник, привыкший к игре шаблонной, был вынужден мыслить самостоятельно. Не для каждого это оказывалось под силу, тем более что время на обдумывание ходов было ограниченным. Противникам не удавалось разбить рискованные соковские построения, и положение выравнивалось. Зато на доске возникала ситуация необычная, бороться нужно было в незнакомой обстановке, и тут сказывалось полное превосходство Сокова. На его счету немало знаменитых побед, одержанных подобным путем.

Представляете, как я был счастлив, когда узнал, какой ждет меня сюрприз: мне доверили демонстрировать во время турнира партии Сокова.

Помню, однажды, когда я, стоя на сцене у демонстраци-

онной доски, переносил на нее каждый ход Сокова и его противника, меня осенила идея:

«А попробую-ка я предугадывать соковские ходы! Сыграю я хоть несколько раз в его силу?»

Об этом я, конечно, сразу сообщил ребятам, которые демонстрировали партии по соседству. Когда Соков задумывался, задумывался и я. А предположив, какой ход делает мой кумир, я немедленно шепотом оповещал об этом ребят.

— Вот увидите: сейчас пойдет с3 — в4!

Но он играл иначе.

— Не я буду, если не разменяется здесь на f4!

Соков делал ход, и... выходило, что я — не я. Ребята начали подсмеиваться надо мной:

— Изъка! Лучше ты наметь сначала ход, который ты бы не сделал, а потом скажи, что так сыграет Соков.

Но вот, наконец, я назвал ход верно! Следующий ход Соков тоже сделал «по-моему». И еще один. Три подряд! Угадать подряд три соковских хода — это что-нибудь да значило! Несомненно, я начинаю играть гораздо лучше, чем раньше...

— Ты что? Никак, в силу Сокова заиграл?! — поражались мои коллеги-демонстраторы.

— Ничего удивительного! Я хорошо чувствую свою силу.

Партия эта закончилась вничью, но с большим преимуществом у Сокова, и я был горд тем, что предугадал несколько его ходов.

— Послушай, дружок, а что это ты сегодня таким героем ходишь? — спросил меня Соков, встав из-за столика.

— Я угадывал почти все ваши ходы, Василий Александрович!

— Почти все, говоришь?

— Ну не почти все, а много. В общем, три.

— И какие же?

Я назвал. Соков печально улыбнулся:

— Для меня лучше было бы, чтобы именно эти ты не угадал.

А так как я не понял, то он разъяснил:

— Видишь ли, как раз тут я избрал неверный план. Поторопился. И выпустил. Выиграть должен был, а вот — выпустил. Когда выигрыш в кармане, дружок, еще нужно проверить, нет ли в нем дырки!

— Выходит, и вы ошибки делаете?

— А ты как думал! Ошибки — они всех подкараулива-

ют, они только и ждут, чтобы их сделали. Для этого ведь они и существуют!

Об одной партии, которую Соков выиграл, я осмелился высказать свое мнение:

— Василий Александрович! А ведь после десятого хода позиция вашего противника была много лучше. Там должен быть выигрыш!

Он внимательно посмотрел на меня, потянул за рукав к свободному столику, расставил позицию:

— Как ты, дружок, говоришь? Должен быть выигрыш? Садись и ищи. Только шашки не передвигай! Найдешь — скажешь.

И отошел. Через полчаса он вернулся, а я все сидел, схватившись за голову, один за другим перебирая в уме сложные и длинные варианты.

— Ну как? Разыскал выигрыш? То-то! Так вот, пойд и поставь себе большой ноль. А уже потом, дома, недельку посиди и доказывай, как ты мог выиграть. Понял? Шашки не так просты, дружок!

— Ну, а мастерам? Им они кажутся простыми?

— Нет, дружок, в том-то и дело: где в шашках для слабого все ясно, там для сильного все как в тумане. А почему так получается? Потому что слабый видит вперед на один ход и больше ничего. Вот ему все и ясно: делай этот ход. А сильный — он и ход видит и опровержение этого хода. А потом поразмыслит и опровержение этого опровержения найдет. А затем и дальше что-нибудь разыщет.

Очень интересно было играть против Сокова в сеансе одновременной игры или просто наблюдать, как он проводит его. Участники и зрители всегда получали удовольствие не только от искристой соковской игры, но и от каскада его остроумных реплик и шуток, которыми он обменивался с участниками.

— Мастер, вы проиграли! — объявил один участник Сокову, когда тот подошел к его доске. — Сейчас я нападу на шашку, вы должны уйти ею, а я — так, так и так, и все кончено.

— Пока одни разговоры, а хода я не вижу, — заметил Соков.

— Пожалуйста, вот вам ход! — воскликнул участник и напал на шашку.

— Через сколько ходов, вы сказали, все будет кончено?

— Через три. А разве не так?

— Почти так. Вы только на один ход зависили: не через три, а даже через два!

И Соков под хохот зрителей провел двухходовую, но очень неожиданную комбинацию.

Помню, в одной из своих лекций Соков, отвечая на чей-то вопрос, сказал:

— Вы спрашиваете, в чем заключается в шашках прогресс, их развитие? Вспомним, как играли в прежние годы такие корифеи, как С. А. Воронцов, Ф. А. Каулен, А. И. Шощин и другие. Конечно, они хорошо рассчитывали варианты, но играли, также полагаясь и на интуицию, надеясь, что возникнут осложнения, а там, глядишь, и какая-нибудь комбинация встретится. А теперь? Со всякого хода снимают мерку позиционным метром и шагу не рискуют ступить без точного дальнего расчета. Раньше шашист мог с любым играть, зная всего несколько теоретических вариантов. А теперь? Теперь их стараются заучивать сотнями. И что же? В этом заучивании, кое-кто считает, заложен прогресс нашей игры. Нужно знать теорию? Конечно, нужно. Но не в этом главное, вот какая штука. Играют-то в шашки вот чем! — Соков постучал по лбу пальцем.

Соков играл на 64-клеточной доске. Несомненно, в сто-клеточных шашках огромный талант его смог бы развернуться во всю ширь. Края маленькой доски сурово и четко ограничивали полет его фантазии. Он чувствовал это и недаром интересовался всем, что касалось стоклеточных шашек: участвовал в небольших тренировочных турнирах, составлял этюды.

Вообще Соков отличался чрезвычайной целенаправленностью и работоспособностью. Те, кто знал его близко, говорят, что в году он предназначал для работы над теорией 260 дней, для игры в турнирах — 100 дней и для отдыха — остальное!

Война рано оборвала жизнь замечательного шашкиста. Сокову не было и тридцати двух лет, когда в марте 1944 года в боях под Нарвой он погиб. Памяти его часто посвящаются соревнования, и имя Сокова всегда будет служить символом неисчерпаемого источника дерзновенной фантазии в шашечном творчестве.

КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ

Меня послали в Горький на Всесоюзный турнир перворазрядников.

«Ну, там-то я покажу класс! — думал я. — Я теперь знаю всех корифеев. Демонстрировал партии самого Сокоза!»

Но моего знакомства с участниками первенства страны и пребывания на сцене в роли демонстратора оказалось, конечно, недостаточно для успеха. Я очутился на гораздо более скромном месте, чем рассчитывал. Неудача эта разочаровала меня и вызвала даже некоторую депрессию. Нужное «лекарство» быстро подобрал Семен Яковлевич: он подверг строжайшему разбору все мои партии.

— Ты, конечно, здесь сыграл так? Да? — спрашивал он.

— Ясно, так! — самодовольно отвечал я.

— А нужно было совсем не так, а вот как... — безжалостно «доканчивал» меня Семен Яковлевич.

— А тут? Так пошел?

— Ну что вы! — отвечал я, наученный горьким опытом. — Зачем?

— Вот и напрасно. Надо было именно так пойти. Разве тебе не понятно? Смотри... — И он показывал все самым подробным образом.

Мне оставалось только сделать выводы, и это как будто удалось. В 1940 году я взял мастерский рубеж.

Такое знаменательное для меня событие совпало с моим совершеннолетием — мне исполнилось восемнадцать лет. Поздравляя меня, председатель Высшей квалификационной комиссии Л. С. Потапов в шутку сказал:

— Если в восемнадцать лет ты уже мастер, то что будет еще через восемнадцать лет? Остается только стать гроссмейстером!

Его пророчество исполнилось в точности! Звание гроссмейстера я получил, когда мне минуло тридцать шесть лет.

Потапов тоже участвовал в этом турнире. В выходной день участники гуляли в городском парке. К вечеру мы сходились в летнем павильоне. Слово за слово — появлялась доска, и начинались легкие партии с шутками, с «подковыркой», с тем, что у шашистов называется «звоном».

Играл там и Потапов. Помню, он, разыгрывая с кем-то дебют, сделал первые двенадцать ходов точно по теории, но тринадцатым ходом круто отошел от нее.

— Может быть, товарищ, вы и мастер, однако теорию надо лучше знать, — заметил один старичок-зритель, видимо, из тех любителей, которые играют слабовато, но исправно грызут гранит шашечной теоретической науки, заучивая наизусть дебютные варианты. — Такого хода в теоретических руководствах нет!

— А вот есть, как видите. И это теоретическое руководство — я сам!

Незадолго перед этим Потапов (в соавторстве с Л. Раммом) написал замечательный «Курс дебютов».

Наша встреча с Потаповым состоялась в одном из последних туров и имела для меня важное значение: мне нужно было выиграть. Волнуясь, я разыграл черными известный теоретический вариант. Вдруг во время игры Потапов вспомнил, что недавно была опубликована сыгранная этим же вариантом партия Натов — Куперман, которую черные проиграли.

«Наверное, Куперман нашел усиление. Иначе бы он не стал снова играть тот же самый вариант, в котором недавно проиграл,— подумал Потапов.— Лучше-ка я сверну в сторону».

Он сделал ход, давно признанный не лучшим. Но на тропе, расположенной в стороне от испытанной теоретической дороги, для Потапова ничего хорошего не предвиделось, и он проиграл. После партии мы стали обмениваться мнениями.

— Ну-ка, какой камень ты держал за пазухой на случай, если бы я так пошел?— спросил Потапов.

— Камень держал?— удивился я.— Никакого камня. Здесь ведь все ясно. Я получил бы худшую позицию, но надеялся выпутаться.

— Рассказывай, рассказывай...— усомнился мой противник.— Ты же недавно проиграл в этом варианте Натову. Стал бы ты без надобности применять его еще раз!

— Так это же был не я! Это мой однофамилец из Одессы с Натовым играл. Я об этой партии понятия не имею.

Огорчение Потапова не поддавалось описанию.

А «виновник» его поражения — теперь кандидат в мастера Григорий Куперман — часто говорит мне:

— Гроссмейстер, не забывайте, кому вы обязаны успешным началом своей шашечной карьеры!

Если в этом эпизоде мне случайно помогло то обстоятельство, что в Одессе жил мой однофамилец-шашист, то через много лет, уже когда я стал чемпионом мира, это же обстоятельство однажды выручило и моего однофамильца, вернее, команду, в которой он играл. Как мне рассказывали, произошло это так.

Григорий Куперман (который уже жил в Москве) состоял в шашечной команде, собиравшейся выехать на соревнования в другой город. Было это перед праздником, когда с билетами обычно туго, и неудивительно, что достать их в кассе не удалось.

Тогда капитан команды поехал к начальнику вокзала.

— Я очень прошу вас,— сказал он, доставая список команды, где первым был записан Г. М. Куперман.— Нас ждут. Сам чемпион мира играет в нашей команде! Там ведь уже объявлено о приезде, афиши расклеены...

— Какой там еще чемпион мира?! Я, разумеется, болею сначала за футбол, а за шашки уже потом, но все же мне помнится, что чемпиона мира зовут как-то не так... Не на «М»... А?

На лице капитана появилась ироническая улыбка. Начальник вокзала взглянул на него, потом на список, опять на него и... подписал ходатайство о билетах.

РАСКОЛ

В те годы мы, «натовцы», как и все шашисты, с интересом следили за дискуссией на страницах газеты «64» «О ничейной смерти русских шашек». Инициатором выступил московский мастер Владимир Сергеевич Гиляров.

Он, в свойственной ему резкой манере, ставил вопрос ребром: русские шашки — при смерти; диагноз — ничейная болезнь; выздоровление невозможно; все шашисты должны немедленно перейти на стоклеточную доску. Кое-кто, хотя и не в столь категорической форме, поддержал его, но большинство, признававших «ничейную опасность», хотело лишь изменить отдельные правила.

Дискуссия расколола ранее монолитный шашечный коллектив дворца. Мы, как и взрослые, спорили, шумели, волновались... Но аргументы у нас не всегда были чисто шашечные: практиковался и способ убеждения с «позиции силы». В каждом лагере проводились свои турниры, появлялись автономные чемпионы. Наши шахматисты смеялись:

— Что у вас происходит? Начался распад шашечной империи?

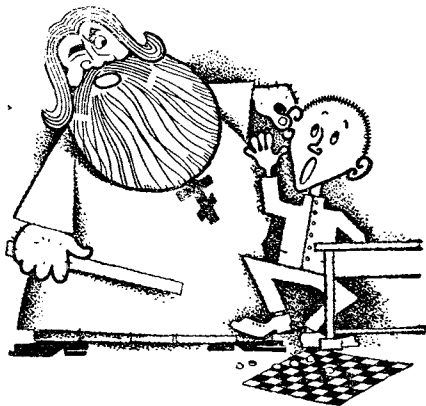
Все же постепенно страсти остыли, споры утихли, и шашечная жизнь дворца вошла в свою обычную размеренную колею.

ИНСПЕКТОР КИЕВСКОЙ ГИМНАЗИИ

Перед самой войной мы начали приводить в порядок огромный и очень ценный архив, который принадлежал когда-то известнейшему дореволюционному шашечному деятелю и организатору Павлу Николаевичу Бодянскому. Люди, в

свое время встречавшиеся с Бодянским, много рассказывали о нем и его преданности шашкам. Бодянский был инспектором в одной из киевских гимназий...

...Урок закона божьего. Мальчики сидят тихо. В сонном воздухе монотонно звучит убаюкивающий голос законоучителя — толстого и рыхлого протоиерея Паландина. Заложив руку за спину, он рассказывает перед классной доской.

— После речения «Аз есмь господь бог твой» стоит запятая. Это означает, что в месте сем следует сделать паузу, дабы выделить....

Из глубины класса, с одной из последних парт, доносится отчетливый шепот:

— Ходи, Федька! Выигрываешь, так ходишь, а проиграл — и ходить не хочешь! Сдавайся — любым ходом проигрываешь!

— «Любим, любим»... — передразнивая, ворчит Федька. — Много ты понимаешь!

Протоиерей от негодования вздрагивает, замирает и, вытянув шею, обводит прищуренными глазками парты. Затем крадучись направляется к увлеченным игрокам: хочет застать их врасплох, с поличным. Остальные гимназисты, предвкушая развязку, поворачивают вслед за ним головы.

— Дабы... выделить значительность последующего утверждения, — бубнит протоиерей, все приближаясь к парте озорников. — Вот вы чем, голубчики, занимаетесь!

Голос, доселе бесстрастный, переходит в визг. Нырнувшие под парту руки батюшки вцепляются в уши «голубчиков»: Феди Митренко, тринадцатилетнего худенького белобрысого мальчика в гимназической курточке, приобретенной с расчетом «на рост», и стоптанных ботинках, и Гриши Бурдина, холеного, упитанного сынка биржевого маклера.

За партами раздается смех, но грозное «цыц!» сразу наводит тишину. Священника боятся: он носит тяжелую линейку и больно выкручивает ребячьи уши. Вот и сейчас его пухлые, но цепкие и сильные пальцы впились и крутят оба пойманных уха так, словно намереваются вывернуть наизнанку.

— Вместо того чтобы внимать учителю своему, непотребство разводите! Игорный дом вам тут? Поганцы! Подберите утварь свою и марш по углам!

Федя и Гриша поднимают рассыпавшиеся черные и белые пуговики, заменявшие шашки, и, рассовав их по карманам, отправляются в углы. Стараются пройти подальше от протоиерея, чтобы избежать добавочного подзатыльника.

— На коленях стоять, лоботрясы! А после звонка к господину инспектору! — не унимается батюшка.

Ухо горит и ноет, пол-урока надо выстоять на коленях, а впереди встреча с самим инспектором... Поэтому даже гримасы с парт остаются без ответа...

Кабинет инспектора — высокий, с лепным потолком, большим красным ковром и кожаными креслами. Инспектор — Павел Николаевич Бодянский — тоже высокий. На живом лице черные, внимательные и умные глаза. Слышет строгим, но справедливым. От гимназии почему-то тщательно скрывает страсть — увлечение шашечной игрой, на которую тратит свободное время и деньги. Летом, в каникулы, он разъезжает по ярмаркам и городам, выискивая сильных игроков, из которых мечтает составить первенство России.

Инспектор, нахмурясь, шагает по кабинету. Федя и Гриша, стоя смирно, пристально рассматривают ковер.

— Итак, господа гимназисты, на законе божьем занимаемся играми? Подумали ли вы, к чему это может привести? Особенно ты, Митренко! Твою мать освободили от платы. Но при четверке по поведению, ты сам понимаешь...

— Заходите, прошу вас!

Входит знакомый инспектора, тоже любитель шашек.

— Вы, я вижу, не один, Павел Николаевич...

— О, Семен Семенович! Рад видеть вас! Проходите, пожалуйста, я сейчас.— И инспектор указывает на большое кожаное кресло.

Вошедший усаживается, надевает золотое пенсне и разглядывает мальчиков.

— Юные джентльмены, кажется, слегка провинились?

— Вот, Семен Семенович, посмотрите на этих просвещенных юношей! В классе, на уроке, занимаются игрой! И во что? В шашки!

Бодянский делает знак своему знакомому, но тот не замечает.

— Вы, любезный Павел Николаевич, по городам российским ищите талантов, а они произрастают под этой крышей! — улыбается он.— Как поклонники шашек юные джентльмены, вероятно, заслужат у вас снисхождения?

— Ни в коем случае! «Поклонники»! Вы полагаете, эти мизерабли любят шашки? Одно озорство! Ради него они хоть что сделают... Рыбок во время урока на спичках поджаривают! А вы говорите — шашки, поклонники... Играют-то, верно, без царя в голове: передвигают без соображения... Им главное — кобца разыграть.

— Как вы говорите? Кобца?

— Не слышали? Друг друга угощают: прижмут к голове большой палец и проведут им против волос. Получай, приятель! Так ведь, Бурдин? Кобца разыгрывали?

— Митренко проиграет — ему кобца, а я — орехи отдаю, — насупившись, отвечает Гриша. — Только он ход не делал: у него положение было безвыходное.

— И не безвыходное! — вспыхивает Федя. — Я выигрываю!

— Нет, безвыходное!

— Павел Николаевич! Взглянем на эту знаменитую партию, о которой спорят молодые джентльмены? — предлагает господин в пенсне.

— Не в моих правилах... Если ради вас только.

Мальчики поспешно расставляют свои шашки-пуговицы.

— Мои черные, — поясняет Гриша. — Его ход. Куда ему пойти? Некуда: везде проигрывает!

Господин в пенсне склоняется в раздумье над шашками. Бодянский, стоя — ноги циркулем — и подперев рукой подбородок, с интересом разглядывает положение.

— Павел Николаевич! А позиция весьма любопытна, и сей джентльмен, кажется, прав: белые обречены!

— Я-то вижу, а вот видит ли он? Ну, как ты, Бурдин, собирался выиграть? Пусть Митренко пошел бы так... Или этой шашкой... —

Инспектор показывает на ходы 1. в2 — с3 и 1. е3 — f4.

— А вот как. А на это пошел бы сюда и потом так... — И Гриша передвигает пуговицы:

1. в2 — с3 с7 — d6 2. е5 : с7 в8 : в4 с выигрышем.

1. е3 — f4 g5 : е3 2. d2 : f4 с7 — d6 3. е5 : с7 в8 : в4

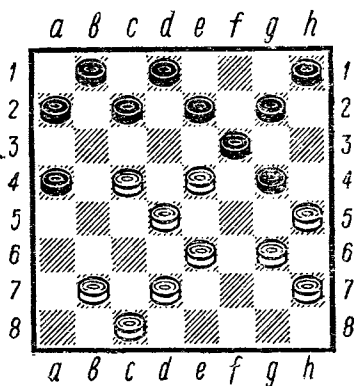

Диаграмма 1.

4. в2 — а3 g7 — h6 5. а3 : с5 а5 — в4 6. с5 : а3 f6 — g5
7. h4 : f6 e7 : с5 с выигрышем.

— Джентльмен оказался на высоте! А что бы вы, сэр, предприняли при ходе этой... гм... шашкой? — Господин, улыбнувшись, трогает пуговицу на g3.

Гриша показывает:

1. g3 — f4 g7 — h6! 2. e5 : g7 h6 : f8! 3. h4 : f6 e7 : g5
4. f4 : h6 f8 — g7! 5. h6 : f8 d8 — e7 6. f8 : d6 c7 : e1 с выигрышем.

— Превосходно! Но ведь белые могут сыграть и так, — с лукавой усмешкой говорит Бодянский. — Тогда ты тоже выиграешь?

— Выиграю! Так:

1. в2 — а3 а7 — в6! 2. с5 : а7 с7 — d6! 3. e5 : с7 d8 : в6!
4. а7 : с5 e7 — d6 5. с5 : e7 f6 : d8 6. h4 : f6 g7 : h4.

— Блестяще! Совершенно блестяще! Не правда ли, Павел Николаевич? Вот вам и шашечный талант!

От похвал Гриша совсем оттаял, ему уже не страшно. Пусть инспектор вызовет родителей или даже поставит четверку по поведению — эка важность! И он победоносно поглядывает на Федю. Тот стоит поодаль и исподлобья, угрюмо следит за движением шашек, а маленькую головку не покидает мысль: «Лишат освобождения от платы...»

— Однако юные джентльмены о чем-то спорили? И, по условиям, проигравший заслуживает... этого... как его... кобца. Не так ли, сэр? — поворачивается господин в пенсне к Феде.

На глазах мальчика навертываются слезы. Боязнь наказания смешалась с горькой обидой, но возражать нельзя: инспектор может рассердиться.

— Так что, Павел Николаевич? Если второй юный джентльмен все-таки признает поражение, сочтем инцидент исчерпанным и простим обоих сэров? — Господин в пенсне незаметно подмигивает Бодянскому.

Мысли в Фединой головке замелькали со страшной быстротой. Ради прощения признать Гришкину победу? Сдаться и получить кобца? Да черт с ним, с кобцом! Но — сдаться! Сдаться в выигрышном положении?!

— Я сам хочу выиграть! — вырывается у него.

Будь что будет, но проиграть Гришке?! Не дожидется!

— Вы хотите выиграть, сэр? Каждый всегда почему-то хочет выиграть... Но желания мало, надо лучше играть! Не делать хода — не означает победить. Тем более, что хода-то нет!

— Есть! У меня есть ход!

— Есть, так покажи! — не выдержав, огрызается Гриша.

— Действительно, Митренко, покажи. О каком ходе ты говоришь?

Федя подходит, расставляет шашки-пуговицы в прерванное положение и, чуть подумав, передвигает одну с е5 на d6.

— Вот! — выпаливает он, и лицо его краснеет, а глаза загораются победным блеском.

Ход неожиданный, и на некоторое время все в недоумении застывают над доской.

— Ну, знаете ли, не ожидал! — первым отрывается и разводит руками Бодянский. Он заметно доволен. — Смотрите, что он придумал!

1. е5 — d6 с7 : e1 (если с7 : a1, то 2. e3 — d4 a1 : e5 3. g3 — f4 с выигрышем). 2. в2 — с3 e1 : d6 3. g3 — f4 d6 : g3 4. h2 : d6 с выигрышем.

Господин в пенсне долго любуется комбинацией:

— Юный джентльмен, вы — победитель! — и, наклонив голову, он жестом как бы снимает шляпу.

Гриша закрывает рот, лезет в ранец и молча протягивает пакетик с орехами.

Становится тихо. Шашки собраны, и мальчики ожидают приговора инспектора. Каждый задумывается о своем... Гриша — о том, что теперь его не пустят в воскресенье в цирк. К Феде возвращаются невеселые мысли о плате за обучение... Бодянский думает, как поступить с мальчиками... Замять инцидент не удастся: протоиерей не допустит...

Неделю спустя в кабинет инспектора вошла бедно одетая женщина.

— Вы меня вызывали, господин инспектор... Я — мать Феи Митренко...

— Очень приятно... Садитесь... Видите ли, в связи с четверкой по поведению педагогический совет постановил на второе полугодие не освобождать вас от платы за обучение сына...

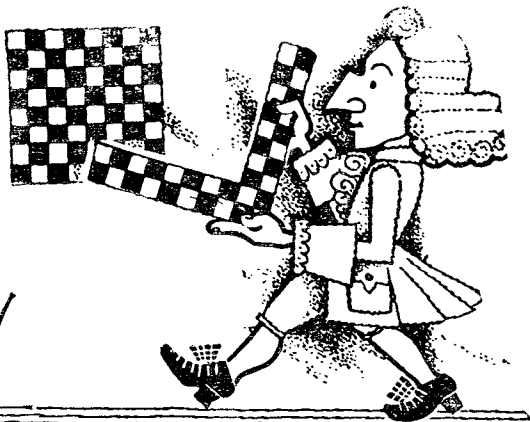
Женщина ничего не произнесла, только черты ее бледного лица обострились и оно побледнело еще больше. Бодянский, подойдя и понизив голос, продолжал:

— Но я хочу вам сказать... Это строго между нами... Вы не беспокойтесь: деньги будут внесены... Группой лиц... — Инспектор густо покраснел. — Мальчик должен учиться...

Об этом эпизоде из жизни Бодянского рассказал мне его друг — киевский шашист В. Г. Шерминский, виртуоз игры в поддавки, не имевший в ней себе равных.

В память дружбы Бодянский завещал ему свою богатейшую шашечную библиотеку. Завладев этой сокровищницей, Шерминский никого не подпускал к ней и, только умирая, передал ее А. Ефремову. Когда об этом узнал Семен Яковлевич, он так загорелся, что лишь о библиотеке и говорил. Каким образом он убедил Ефремова продать архив, я не знаю, но так или иначе библиотека перешла в руки Натова, и он тотчас же перевез архив во дворец и, строго распределив обязанности между всеми нами, стал руководить его разборкой. К сожалению, работа эта не была закончена, а сам архив бесследно исчез в огне разразившейся войны.

Война, война... Какие неисчислимые бедствия приносит она человечеству! Все физические и умственные усилия народ направлял на борьбу с врагом. Каждый жертвовал для победы всем, а многим пришлось отдать ради нее самое драгоценное — жизнь... Мы всегда будем помнить о замечательных шашкистах — Василии Сокове, Семене Натове, юном Владимире Могилевиче, Илье Риммере, Сергее Дьячкове, Александре Ефремове, Михаиле Поляке, Илье Гордоне и многих других, павших с оружием в руках при защите Родины.

На новых рельсах

НЕ ТЕ ШАШКИ

С большим трудом удалось собрать первый послевоенный чемпионат — восьмое первенство СССР. Многие мастера приехали еще в военной форме, прямо из армии. Составились два полуфинала — в Риге и Кишиневе. Я попал в рижский. Мы все истосковались по шашкам и поэтому не только играли, но и оживленно обменивались мнениями.

То тут, то там между мастерами вспыхивали споры. Ну, а как можно разрешить творческие споры о шашках? И вот часто после турнирных партий участники «в поисках истины» просиживали за доской чуть ли не до первых трамваев.

Забавный случай произошел, когда турнир окончился и мы разъезжались по домам. Билеты достать было очень трудно. Я отправился как представитель от нашей группы к начальнику вокзала. Захожу. Передо мной сидит старичок в очках.

- Я прошу вас помочь нам с билетами.
- А кто вы такой?
- Я мастер по шашкам.
- Вы — мастер по шашкам? Не может быть!

Он снял очки и принялся внимательно рассматривать меня.

— Это точно. Почему вы мне не верите?

— А как вы можете доказать?

— Как? Хотя бы на практике. Жаль, шашек с собой не взял. А у вас здесь нет? Впрочем, могу и документ показать...— И я полез в карман.

Он жестом руки остановил меня, вызвал дежурного и сказал:

— Обеспечьте этого товарища и его команду самыми лучшими билетами. Вы знаете, кто он такой? Он мастер по шашкам! Я сам старый кавалерист, в буденовских войсках служил. Желаю всего хорошего, молодой человек!

Мы расстались довольные друг другом.

СПОРТИВНАЯ ЗЛОСТЬ

Финал чемпионата состоялся в Москве. Впервые мне удалось возглавить таблицу в турнире такого масштаба. Чемпион СССР! Ведь это мечта любого спортсмена!

Основными моими конкурентами оказались Борис Блиндер и Марат Коган. А в следующем — девятом — чемпионате Марат становится рядом со мной: мы делим первое и второе места.

Бороться с Коганом было для меня особенно трудно. Ведь мы вместе занимались у Натова, и все «семена» позиций игры, которые он заложил в мою голову с детства, «проросли» и в голове Марата. Все, что знал я, знал и Марат. Он в совершенстве владел и позиционным и комбинационным стилями игры и подарил шашечному миру немало прекрасных партий. Не признавал он лишь одного стиля — серого трафарета. Он создал начало, которое носит его имя. Почему же успехи этого сильного мастера уже через несколько лет пошли на спад? Причина — недостаток в характере Когана — излишнее миролюбие: он со всеми готов играть на «ничью». А далеко ли так уедешь! Поэтому сейчас Коган как спортсмен уже не тот, каким был в 1945—1950 годах. Наивысший его успех — завоеванное в одиннадцатом первенстве (1949 год) звание чемпиона страны.

Пример Когана убедительно доказывает, что воля к победе играет в шашках большую роль. Чтобы достигнуть успеха, необходимо выработать ее в себе и всемерно развивать. Кто относится к этому скептически, немало от этого теряет. Мы с моим другом и нынешним тренером Юрием Барским разрабатываем сейчас методы подготовки к соревнованиям и считаем, что спортивная злость обязательна, если вы хотите полностью мобилизовать свои силы и возможности в игре. По секрету открою, что для накапливания спортивной злости я перед партией припоминаю все «обиды» и претензии, которые имею к партнеру. «Растравленные раны» требуют возмездия, и тогда создается напряжение всех душевных сил во время игры.

После девятого первенства страны я играл с Коганом матч, который выиграл в исключительно трудной борьбе.

В десятом первенстве (1948 год), после трудной «скачки с препятствиями», я снова пришел к финишу первым, в третий раз став чемпионом.

КУДЕСНИК ШАШЕК

В этом же году я рецензировал книгу Кукуева «125 этюдов». Интереснейшему шашечному мастеру в 1948 году исполнилось семьдесят пять лет.

Николай Александрович — ветеран русских шашек. Он более полувека отдал любимому искусству и встречался за доской с такими знаменитыми шашистами, как С. А. Воронцов, Ф. А. Каулен, А. И. Шошин, П. Н. Бодянский, В. В. Медков и др.

В первые годы после революции мастера «старой закваски» не хотели делиться опытом с молодежью. Действовала сила привычки: до революции играли почти всегда на ставки, поэтому «секреты» старались сохранить в тайне.

— Что, голубок, сам придумать не можешь, так хочешь мои ходы выведать да в дело пускать? Не выйдет! Или писанину долой, или играть не буду, — ставил условные знаменитый Воронцов.

В то время книг по теории игры не было. Все накопленные знания сохранялись только в личных записях, а то и просто в памяти. Николай Александрович, порвав с «кастовой традицией» старых мастеров, первый начал делиться с молодыми шашистами всем, что знал сам. А знал он немало и играл очень хорошо. Для его игры характерен изобретенный им дебют — «гамбит Кукуева». Это начало до сих

пор считается в русских шашках наиболее сложным и глубоким.

Книга Кукуева уже тогда выдержала несколько изданий. Не изучив ее, нельзя овладеть эндшпилем русских шашек. Естественно, к очередному изданию, которое Николай Александрович дополнил новыми этюдами, у меня не было никаких замечаний (кроме одобрительных, конечно!). Я пришел к нему домой. Он был тяжело болен и искренне обрадовался моему приходу. Он живо интересовался шашечной жизнью, жадно расспрашивал о последних новостях. Затем попросил жену принести шашки и предложил мне сыграть.

До последних своих дней он не расставался с шашечной доской. Советская школа многим обязана этому замечательному шашкисту — одному из тех, кто закладывал фундамент будущих побед.

«ПИШИТЕ КНИГИ!»

Когда я стал чемпионом страны, у меня появилась потребность рассказать о том, что я знал, поделиться взглядами, которые порой расходились с общепринятыми. В чем я ошибался и в чем был прав? Лучший способ проверки — широкое обсуждение. Я решил написать книгу.

Первая моя книга, вернее, тонкая брошюра вышла в 1948 году. Размеры ее скромны, но я трудился над ней долго, стараясь изложить свои теоретические воззрения на фоне партий, иггранных в матче с Коганом.

Мое добросовестное отношение к труду сказалось: книжка была встречена с одобрением. Меня поздравляли, я получил много лестных отзывов и... головокружение от успеха. Следующая моя книга была значительно толще, но я затратил на нее гораздо меньше времени. Простые названия уже не удовлетворяли меня, и я «скромно» озаглавил ее — «Новая теория шашечных начал».

Подчас в сенсационной форме я «опровергал» все и всех... Но «опровержение» не состоялось. Книгу подвергли острой и справедливой критике, а мне, к счастью, удалось быстро осознать свои ошибки.

Я должен был реабилитироваться и стал тщательно подготавливать к выпуску новую работу — «Начала партий в шашки». И хотя шашкисты уже были насторожены, на этот раз книгу встретили благожелательно.

Надеюсь, что мои работы принесли пользу любителям, изучающим игру. Но это предположение. А вот об одном

шашисте я могу сказать точно: он благодаря моим книгам стал играть сильнее. Это... я сам! Работая над рукописью, я многократно повторял старое, разбирал новое и глубоко задумывался над различными вопросами игры. Все это благотворно сказалось на моей игре в шашки. Поэтому когда меня теперь спрашивают: «Скажите, гроссмейстер, чтобы усилить игру, какие книги вы рекомендуете прочесть?» — я отвечаю: «Какие книги прочесть? Я могу, конечно, назвать... Но, дорогой, прочесть — это не самое лучшее. Вот написать книгу — другое дело! Это сразу поможет. Замечательное средство: проверил сам!»

Следующая работа была написана мной в соавторстве с Владимиром Капланом — «Начало и середина игры в шашки». Мы задумали ее как часть двухтомника и посвятили разбору ряда начал. Разбор был сделан очень подробный и глубокий, зачастую до самого эндшпиля. В другой части мы собирались так же подробно рассмотреть другие начала. Однако когда первая часть вышла, нами овладели сомнения: стоит ли работать над книгой дальше? Дело в том, что многие мастера начали нас упрекать:

— Что же вы, братцы? Хотите прикончить русские шашки? Вы все проанализируете, а что останется для игры?

Настроение у нас было «сбито» и желание писать вторую книгу пропало. Лишь потом, когда я уже переключился на стоклеточные шашки, стали приходить письма от рядовых любителей с просьбой выпустить вторую часть. Но я уже занялся другими проблемами, и вторая часть книги так и не была создана. К лучшему это или к худшему, кто знает?..

ПАРТНЕР ФРАНЦУЗСКОГО ВЕЛЬМОЖИ

Часто интересуются, когда и где появились стоклеточные шашки. Родина их — Франция. Но забавно, что сами французы называют их польскими. Причиной этому служит история их возникновения.

В начале XVIII века Франция переживала увлечение шашками. Играли на обычной 64-клеточной доске. Шашечные бои шли всюду: в лавках, в кафе, в салонах и даже в королевском дворце. Среди знатных почитателей игры выделялся один вельможа, занимавший высокий пост. Он играл хорошо и любил встречаться с сильными шашистами. В Париже таких было немало, и он, приглашая во дворец то одного, то другого, недостатка в партнерах не испытывал. И все же его особым расположением пользовался проживав-

ший тогда в Париже некий поляк, которого и звали не иначе, как Поляк. Он играл чрезвычайно искусно, и поэтому, когда встречался с вельможей во дворце, около них собиралась толпа любопытных (ведь «болельщики» были во все времена!).

В один из дней 1723 года во дворце происходила очередная шашечная встреча вельможи с Поляком. В какой-то момент партии Поляк надолго задумался. При этом лицо его выражало крайнее возбуждение: глаза горели, губы что-то шептали... Зрители да и сам партнер с нетерпением ожидали хода: все знали о высоком мастерстве Поляка и жаждали увидеть, какой разгром он учинит в лагере противника.

Но разгрома не последовало. Больше того: Поляк вовсе не сделал никакого хода! Он вдруг вскочил с места и молча быстрым шагом направился к выходу...

Столь невежливый поступок разгневал вельможу. Но победа, присужденная ему зрителями после бегства противника, явилась утешением: выиграть у Поляка удавалось не часто!

Через три дня Поляк явился во дворец и лично принес вельможе извинения. Он публично признал свое поражение и этим вновь снискал расположение партнера. Противники усадились, чтобы начать игру, но тут кто-то спросил Поляка о причине «бегства»...

— Вы помните, господа, перед тем как уйти, я задумался? Мне в голову пришла прелестная комбинация! Я делал расчет, все сходилось, но... для последнего удара доска оказывалась мала. Шашка выпрыгивала за доску! Я делал всякие перестановки в ходах — не получалось! Комбинация была так хороша, так мне понравилась, что расстаться с мыслью о ней я не мог. Я сидел и думал уже не над ходом, а над тем, что получится, если увеличить доску. Чтобы шашка не выскакивала за борт. Да! Если добавит два ряда, то удар пройдет! Я не мог и не хотел знать больше ничего... Я не мог думать о другом... Сейчас же сделать большую доску! Сейчас же провести эту комбинацию! Я бросился домой!..

— И в результате? — перебил вельможа.

Поляк движением головы показал на стоявшую в стороне принесенную им большую доску:

— Никто так не оценит изящество и глубину комбинации на этой доске, как вы, ваше сиятельство!

— Что ж, посмотрим, — ответил вельможа.

Комбинации, показанные Поляком, вызвали всеобщий восторг, и вельможа тут же предложил сыграть на новой

доске. Они поставили каждому по двадцать шашек, слегка изменили правила и начали первое в истории игры сражение на неизведанных тогда дорогах стоклеточной доски. Этот день, точная дата которого, понятно, затерялась, и следует считать «днем рождения» стоклеточных шашек.

«ИМЕНИННИК»

В нашей стране первый большой турнир в стоклеточные шашки состоялся в 1953 году в Харькове. Вспоминая, как мы тогда играли, трудно удержаться от улыбки. Цифровая нотация была для всех нас новой, непривычной, и требовалось немало внимания и терпения, чтобы вести правильную запись ходов в партии. Увлекаясь глубокими планами, утомительными расчетами длинных вариантов, мы порой забывали об отличиях и правилах. В таких случаях немедленно следовало наказание.

Помню, сделав ход, я отошел от своего столика прогуляться. Ко мне подошел один из участников, который тоже ожидал ответного хода партнера.

— Ты видел мою позицию? — спросил он меня.

— Ну, видел.

— Можешь меня поздравить: моему — труба! Я рассчитал все!

— Но ведь у вас такое сложное положение...

— Если я говорю — труба, это значит — труба. Можешь мне поверить. Если бы не было трубы, зачем бы я стал говорить? Рассчитано до последнего хода! Потом посмотришь — пальчики оближешь! Шедевр! Считай, что я сегодня именинник.

В этот момент его противник сделал ход. Он помчался к столику, а вслед за ним подошел и я. Небрежно взглянув на доску, он с самодовольной улыбкой побил шашку. Весь вид его выражал: «Это, мой друг, было мною рассчитано!» Однако его противник молча поставил шашку на место.

— Что такое? Что ты делаешь?! — возмутился «именинник».

— Надо брать две шашки. Я говорю: надо бить две шашки — как большее количество, а не одну. Бей сюда!

Когда слова дошли до «именинника», улыбка стала медленно сползать с его вытянувшегося лица: очевидно, о правиле взятия большинства он забыл. Пришлось побить две шашки, и после ответного удара противника он вынужден был сдаться.

Контроль времени тоже был необычным. Да и совсем поиному требовалось распределять в партии драгоценные минуты... Участников охватила «цейтнотная эпидемия».

А большая доска? Она вызывала какие-то галлюцинации: то казалось, что левый фланг слабый, и туда лихорадочно перебрасывались силы. Когда же переброска заканчивалась, начинало чудиться, будто слабеет правый.

Крупнейшим теоретиком считали Семена Корхова. Он достал где-то голландскую книжку, штудировал ее в свободное от игры время и поражал нас своими познаниями, которые, впрочем, не простирались дальше названий дебютов.

Мы не умели распределять силы: по аналогии с русскими шашками, боялись, что судьба партии решится в дебюте. Поэтому вначале тратили впустую много энергии, а к эндшпилю выдыхались (5—6 часов игры!) и допускали элементарные ошибки.

Кроме того, все участники имели во время игры непредвиденную дополнительную нагрузку: приходилось отгонять мух. Их было столько, словно они слетелись со всего Харькова! Дело объяснялось просто. Типографских досок тогда не было, поэтому их пришлось нарисовать, а художники употребили краску, которая очень привлекала мух...

Забавный случай произошел со мной вскоре после того, как производство досок было уже налажено. Приехав в Ростов, я зашел в магазин:

— Покажите мне шашечные доски.

— Вот, пожалуйста. — И продавщица положила несколько стоклеточных досок на прилавок. Но тут же доверительно зашептала: — Брать их не советую... Они какие-то порченные: на них клеток больше, чем надо...

Победил в турнире Цирик. Он проявил на новой доске великолепные комбинационные способности, выделялся быстрым расчетом вариантов, знанием дебютных систем. Я отстал на пол-очка.

Вскоре состоялся новый Всесоюзный тренировочный турнир. И опять Цирик был первым. Мы стали называть его «тренировочным чемпион».

В обоих турнирах Цирик не проиграл ни одной партии, и казалось, что именно он станет лидером наших «стоклеток». Но уже тогда появился симптом болезни, которая потом преградила ему путь к первым местам в стоклеточных турнирах. Это — бич многих шашистов, сменивших нашу доску на большую, — нерешительность в выборе плана и цейтнот.

Собственно, одно всегда влечет за собой другое: цейтнот — следствие нерешительности. А постоянный цейтнот обязательно снижает спортивные результаты шашиста, даже такого, который может по быстроте соображения и реакции соперничать с электронной вычислительной машиной. Таким соперником машины в расчетах форсированных вариантов и комбинаций является Цирик. Как ни поразительно, но когда харьковчанину предлагают решить какую-нибудь комбинацию, то он часто называет все до единого ходы решения еще раньше, чем вы расставите на доске шашки!

Особенно авторитетен Цирик в области эндшпиля на маленькой доске. Здесь ему равных нет. По крайней мере, я так считаю и всегда говорю об этом. Однажды во время турнира подошел ко мне партнер Цирика — не помню кто из мастеров — и сказал:

— Твой хваленый Цирик самый лучший эндшпилист, а посмотри, какой он со мной эндшпиль получил! У меня явно активнее. Посмотри, посмотри!

Я посмотрел. Мастер был прав.

— Вот видишь? — продолжал он. — Кто же этот эндшпиль выиграет, как ты думаешь?

— Цирик! — моментально ответил я.

— Ты не согласен, что у меня активнее, что ли?

— Почему не согласен?.. Согласен. Но ты разве об этом спросил? Ты же хочешь узнать, кто выиграет...

И Цирик действительно сначала уравнивал игру. А когда мастер, которому стало жалко ускользающего преимущества и который поэтому слишком неосторожно стал гоняться за жар-птицей победы, Цирик перехватил инициативу и серией тонких ходов заставил противника сдаться.

Никому, разумеется, не нравится, если его противник, сделав свой ход, начинает прогуливаться и переговариваться с другими, более сильными шашистами. Невольно думаешь, что разговор касается играющей партии, что происходит разбор, даются советы... И тогда либо, стиснув зубы, терпишь, либо заявляешь протест судье.

Цирик особенно подозрителен в подобных случаях. Помню, он играл партию с Пеккером — шашкистом, который явно слабее его. Однако даже при таком соотношении сил партнеров в русских шашках для ничьей бывает достаточно всего лишь одной подсказки. Цирик размышлял над своим очередным ходом и зорко следил за сидевшим противником. Вдруг тот начал подниматься...

— Вы куда? — резко спросил Цирик.

— Мне бы попить... — растерянно произнес партнер.

— Никаких «попить»! Сидите на месте!

Может быть, Пеккеру и в самом деле хотелось пить, но со стула он уже не встал до конца игры.

Цирик не мог долго остановиться на чем-нибудь одном и выступал как в русских, так и в stokлеточных шашках. Лишь когда он сделал выбор (по-видимому, правильный) и сосредоточил все усилия на маленькой доске, то достиг таких успехов, что ему присвоили звание гроссмейстера. Пример Цирика подтверждает, что выступать в обоих видах шашек вредно: одно мешает другому.

В этом отношении отличаются от Цирика наши гроссмейстеры № 4 и № 5 — Вениамин Городецкий и Валентин Абаулин. Они, правда, тоже выступали (и небезуспешно) в соревнованиях по stokлеточным шашкам. Но затем оба раз и навсегда решили: «Играем только в русские шашки».

Городецкий — математик по образованию, шашкист по увлечению и журналист по профессии. Он всегда полон энергии и в первые послевоенные годы так увлекся организационной работой в шашечных комиссиях, секциях, добровольных спортивных обществах, что забыл о самой игре. Работал над шашками мало и поэтому играл в соревнованиях без успеха.

— Нет, видно, у меня таланта, — жаловался он мне, не понимая, что талант без труда ни к чему не приведет.

Как-то он показал одну из своих партий. Я поразился:

— Ты еще смеешь говорить, что у тебя нет шашечного таланта! Играть надо чаще! И работать над шашками!

Городецкий принял мои слова за шутку и не послушался. Однако вскоре ему как опытному журналисту издательство «Детская литература» предложило написать для школьников книгу о шашках. Не заняться при этом анализами невозможно. После того как книга «Учись играть в шашки» вышла в свет, Городецкий начал занимать самые высокие места в чемпионатах страны, за что ему было присвоено звание гроссмейстера. И хотя он стал мне равен «по чину», я нередко поучаю его:

— Вenea, держись за книги. Перестанешь их писать, помни мое слово, сорвешься вниз!

В игре Городецкого ахиллесовой пятой является разыгрывание ясных, открытых позиций. Но зато когда партия запутывается, когда появляются неожиданные удары, комбинации, нешаблонные ходы, тут Городецкий в своей стихии. Теорию он, конечно, знает, иначе не быть бы ему гроссмейстером, но любит, очень любит и всегда стремится «завернуть что-нибудь этакое», от чего у иного теоретика мурашки по коже побегут.

«Теория ищет, но находит только практика!» — вот лозунг Городецкого.

А вот Абаулин резко отличается от москвича по стилю игры: его сила в изумительной позиционной интуиции. Добавив к тому же редкое знание теории, мы получим творческий образ этого гроссмейстера.

«Гроссмейстерский жезл» вручен также молодому ленинградцу Виктору Литвиновичу и бакинцу Юрию Арустамову.

«ТЫ ПРАВ...»

После тренировочных турниров я решил полностью переключиться на большую доску и стал серьезно готовиться к первому чемпионату страны (1954 год). Мне посчастливилось достать книгу французского гроссмейстера Пьера Гестема (Жестема) «Как я стал чемпионом мира». Во время отпуска я основательно проштудировал ее, читая буквально запоем. Именно тут я впервые увидел правильный подход к столклеточным шашкам. Моя игра стала неузнаваема по сравнению с тренировочными турнирами, и в итоге мне удалось победить в первом и втором (после дополнительного матча с М. Шавелем) чемпионатах страны.

В одном из туров второго чемпионата произошел необычный инцидент... Встреча Цирика с Козловым была очень напряженной, отняла у обоих немало энергии и уже близилась к концу, когда харьковчанин вдруг заявил, что Козлов взялся за шашку и не хочет ею ходить.

— Ты ведь взялся, Ваня? Взялся? — все громче кричал Цирик.

— Ну, взялся,— сохранял спокойствие Козлов.— И что из этого? Я поправил шашку, и все.

— Но ты же не сказал «поправляю», Ваня! — наступал Цирик.

— Ну, как же не сказал?! Я сказал. Не кричал, конечно, а сказал. Разве же ты не слышал?

— Ваня, ты же знаешь, что у меня идеальный слух! Но я ничего не слышал. Ничего!

На спор сбежались судьи и почти все участники, но к соглашению прийти не удалось, и стали искать главного судью — Е. Тюнева. Его в турнирном зале не оказалось. Замещал его М. Сычев. Видимо, ему не хотелось принимать решение без главного судьи, и он повел «расследование» так.

Вызвал в судейскую Цирика.

— Что у вас произошло, Зиновий?

Тот, разумеется, заявил, что Козлов тронул шашку и теперь обязан ею пойти.

— Ты совершенно прав, Зиновий,— успокоил его Сычев.— Но подождем Тюнева.

Затем был вызван Козлов.

— Что у вас произошло, Ваня?

— Ничего не произошло. Я сказал «поправляю» и поправил шашку. Разве у меня бывали раньше случаи, чтобы я поправлял шашки и не говорил «поправляю»? А у Цирика всегда такие случаи. Ты не забыл, наверное, как он в Одессе сделал против Шестакова явно проигрышный ход, а затем, увидев, что того нет поблизости, взял ход назад? И потом, ведь ход шашкой, которую я только поправил, совершенно абсурдный. Разве, дорогой мой, мне может прийти в голову мысль о таком ходе?

— Конечно, ты совершенно прав, Ваня,— сказал Сычев,— но подождем Тюнева.

Я присутствовал при обоих «допросах» и поэтому спросил:

— Послушай, Миша, как же так? Как может быть, чтобы они оба были правы?!

— Ты совершенно прав, Изя,— услышал я в ответ.

Во всяком случае, пока что и Цирик и Козлов ходили довольные: ведь каждый считал, что Сычев на его стороне.

Когда пришел Тюнев, созвали судейскую коллегия, где вынесли решение, что прав Козлов.

— Ты сказал мне, что я совершенно прав,— подошел к Сычеву Цирик,— а на заседании поддержал Козлова!

— Видишь ли, Зиновий, ты так сильно играешь, что добьешь его при любом ходе. Ты со мной согласен?

Цирик успокоился. Вскоре он действительно получил выигрышную позицию, но переживания не прошли даром: он выпустил победу из рук и чуть было не проиграл.

ИХ БЫЛО ДЕВЯТЬ

Партии из наших соревнований, сведения о турнирах и победителях часто помещались в голландской, французской, бельгийской шашечной печати. Творчество наших шашистов уже тогда расценивалось высоко.

«Русские играют весьма сильно и располагают большим количеством опытных шашистов», — писал голландский гроссмейстер Р. Келлер.

Или другое его высказывание: «Я высоко ценю оригинальную и сильную игру советских мастеров. Уверен, что участие в международных соревнованиях принесет русским шашистам такую же репутацию, какую завоевали их соотечественники-шахматисты».

В конце 1955 года пришло официальное приглашение генерального секретаря Всемирной федерации шашек (ФМЖД) господина Пьера Люко, и с 1 января следующего года шашечная секция СССР стала членом ФМЖД.

Предстояло включиться в соревнования на первенство мира. Три шахматные короны (женская, мужская, командная) были уже «прописаны» в нашей стране. «Для комплекта» хотелось добавить к ним корону шашечную.

Соревнования, в которых шашисты «выясняли», кто же из них сильнейший на нашей планете, начали проводить с конца прошлого века. Чтобы бороться за шашечную корону, необходимо было изучить, как проходила такая борьба, кому и за счет чего удавалось становиться обладателем наивысшего шашечного титула.

Их было девять — девять человек, которые до вступления советских шашистов в эту борьбу побывали на вершине шашечного Олимпа.

— Я предлагаю поднять бокалы в честь первого чемпиона мира. Трижды «ура» Вейсу! — такая здравица прозвучала в 1894 году на закрытии шашечного турнира в Париже.

На этом соревновании был открыт счет чемпионам мира по шашкам. Француз Вейс достойно завоевал такой титул. Его изумительные комбинации, его смелая игра вызывали восхищение, и, отмечая это, современники прозвали Вейса «Наполеоном шашечной доски».

Шестнадцать лет никто не мог победить Вейса. За это время он участвовал в соревнованиях много раз, но всегда предпочитал играть в турнирах, а не в матчах.

— Я приобрел свой титул в турнире, значит, и утратить могу его только в турнире! — обычно отвечал он на предложения провести матч.

Но голландцам, да и всему шашечному миру в то время, было бы очень интересно организовать единоборство Вейса с чемпионом Голландии Яковом де Гаазом. А так как француз выставлял как предлог для отказа свою постоянную причину, то пришлось соблазнить его крупной денежной наградой, предназначенной победителю.

Встреча эта состоялась в 1904 году. Десять сыгранных партий привели лишь к равному счету. Возможность подобной ситуации была предусмотрена в условиях матча: при ней титул сохранялся за прежним владельцем.

Однако это решение не удовлетворило партнеров. Чемпиона мира потому, что он не доказал своего превосходства. Голландца потому, что он не смог применить изобретенный им дебют. После переговоров было заключено соглашение о повторном матче, на этот раз из двадцати партий.

И действительно, уже в первой партии Гааз, применив тайное оружие — новый дебют, заставил сдаться своего грозного противника. Шум, поднятый голландскими газетами, утих уже на следующий день: француз немедленно нанес сильнейший ответный удар, сразу же выровняв «крен», образовавшийся в матче.

Переменные успехи, которые в дальнейшем выпадали то

на долю чемпиона, то на долю претендента, привели к окончательному счету 10,5 : 9,5 в пользу Вейса. Победа досталась ему нелегко.

После этого Вейс уже не соглашался защищать свой титул в матчах. Только в турнирах! Однако это не означало, что он вообще отказывался от матчей, как от формы соревнований.

— Матч? — говорил он. — Пожалуйста! Но результаты его не связывайте с титулом чемпиона мира...

В 1911 году такой ответ получил молодой соотечественник Вейса — Альфред Молимар.

— Но позвольте, господин Вейс! Ведь для игры должен быть какой-то спортивный стимул!

— Хорошо. Я предоставляю вам стимул. Если вы выиграете матч, к вам переходит звание чемпиона Франции. Вы согласны?

Не согласиться означало вовсе не играть матч. Молимар же считал свои шансы на успех очень большими. Он, может быть, первый из шашкистов понял, что для успешного исхода матча нужно предложить противнику наиболее неприемлемый для него стиль игры!

И Молимар, который, как и Вейс, умел хорошо играть комбинационно, все партии матча старался перевести на рельсы сухой позиционной игры. Вейс чувствовал себя неуверенно. На доске не создавалось условий, в которых он мог бы применить свой главный козырь — богатейшую комбинационную фантазию. Уже после пятнадцатой партии Молимар набрал необходимые для победы 10,5 очков, но принесли они ему лишь звание чемпиона Франции.

Итак, Вейс, проиграв матч, все же остался чемпионом мира! Однако психологический надлом не прошел для него даром, игра его неузнаваемо изменилась, и когда в следующем году состоялся международный турнир, где наградой был высший шашечный титул, Вейс смог лишь поделить третье и четвертое места.

Новым чемпионом, сменившим «Наполеона шашечной доски», был голландец Герман Гоогланд. Игра его не отличалась комбинационным блеском. Наоборот, он стремился к сухим классическим построениям, где сменяющие друг друга позиционные рисунки пронизаны единой связывающей их логической нитью. Стиль, противоположный стилю предшественника!

Молимар, неудовлетворенный тем, что, победив чемпиона мира, приобрел лишь звание чемпиона Франции, тут же направил вызов новому обладателю шашечной короны. Но

Гоогланд вовсе не жаждал заполучить себе в противники игрока, разбившего самого Вейса, и быстро охладил пыл француза.

— Матчи я не играю. Пока титул принадлежит мне, он будет разыгрываться только в турнирах.

А так как из-за войны организовывать турниры стало очень трудно, то Гоогланд «царил в шашечном королевстве» до 1925 года. Наконец все же удалось собрать представительный международный турнир, и короной завладел новый игрок — француз Станислав Бизо.

Третий чемпион мира хотя и продержался на Олимпе только один год, но посвятил шашечной игре всю свою жизнь. Когда сразу же после окончания турнира корреспондент спросил еще увенчанного лавровым венком Бизо, какую форму соревнований — матч или турнир — предпочтет он для защиты титула, француз ответил:

— В интересах шашек и всех шашкистов чемпион не должен прятаться от претендентов за какой бы то ни было стеной. И этим интересам я буду верен. Я готов играть за титул когда угодно, где угодно и с кем угодно!

Этот ответ очень обрадовал второго призера турнира, в котором Бизо стал чемпионом. Им был Мариус Фабр — шашкист из Марселя. Готовясь к матчу, он стал разрабатывать новую по тем временам манеру игры — фланговую систему. И когда почувствовал, что его оружие уже достаточно отточено, вызвал Бизо на единоборство. Шесть очков, набранных им в матче из десяти партий, принесли ему в 1926 году славу первого шашкиста мира.

Бенедикт Шпрингер был пятым человеком, взошедшим на шашечный Олимп. Это произошло на турнире в Амстердаме в 1928 году.

Голландец Шпрингер, как и Бизо, был беззаветно предан шашкам. Дважды в его жизни возникали сложные конфликты из-за шашек. И оба раза Шпрингер разрешал их в ущерб себе, жертвуя своими личными интересами.

— Чтобы я не слышал больше о шашках, Бенедикт! Ты понял меня? — кричал его отец. — Я не допущу, чтобы черно-белые деревяшки испортили твою карьеру! Коммерцией занимался твой дед, коммерцией занимаюсь и я, и твой путь поэтому ясен! Ты понял меня?

— Я понял тебя, папа, — спокойно ответил юный Бенедикт. — Мой путь для меня ясен.

А на следующий день, порвав с семьей, Шпрингер уехал во Францию. Шашки, шашки, шашки... И вот он — чемпион мира.

В начале 30-х годов Шпрингеру предстояло защищать в матче свой титул. И тут шашечный мир раскололся на два лагеря.

— Шпрингер должен играть матч с Фабром, — потребовала французская Федерация.

— Почему с Фабром? У Фабра нет никаких прав играть матч. Наша Федерация не разрешает Шпрингеру (который уже вернулся в Голландию) играть матч с Фабром! — заявили голландцы.

— Ах, Шпрингер отказывается от матча? Значит, отныне чемпион мира — Мариус Фабр!

— Чемпион мира — Шпрингер! Он никому не проигрывал.

Обе стороны стояли на своем. И снова Шпрингер решил пожертвовать своим благополучием ради любимого искусства.

— Меня всегда интересовало процветание шашечного искусства, а не звания и распри, — заявил он. — Единство шашечного мира мне гораздо дороже звания чемпиона.

Тогда было решено: чемпионы Франции и Голландии того года сыграют матч и победитель будет провозглашен чемпионом мира.

Чемпионом Голландии был тогда Рейнер Корнелий Келлер, чемпионом Франции — Морис Райхенбах. В их матче победу одержал француз, точнее, поляк, принявший французское подданство.

До войны Райхенбах успешно защитил свой титул в нескольких матчах. Игра его была исключительно разносторонней и гармоничной, и неизвестно, сколько еще лет он был бы в силах отражать натиск претендентов. Однако всю войну немцы продержали Райхенбаха в концентрационном лагере, а как только его освободили, ему сразу же пришлось отстаивать корону в матче. Матч был коротким — всего из десяти партий. Райхенбаха словно подменили, но это не удивительно. Если бы ему дали срок, чтобы прийти в себя после нескольких лет, проведенных в лагере, счет был бы иным, но сейчас он смог набрать только три очка... Корона перешла к шашисту из Лилля — Пьеру Гестему.

Некоторые в свое время скептически восприняли победу Гестема.

— Помилуйте! Он выиграл матч... Но у кого? У человека, только что покинувшего концентрационный лагерь? Разве такая победа что-нибудь доказывает?

Причина, вызвавшая надлом в игре Райхенбаха, не требует дополнительных комментариев. Но, будучи объектив-

ным, следует сказать, что Гестем проявил себя удивительным мастером. Особой силы, даже виртуозности он достиг в разыгрывании так называемых классических позиций, которые требуют от игроков ведения выжидательной борьбы. Здесь равных ему нет, пожалуй, и теперь. Такая игра требует большого терпения, настойчивости и силы воли. Гестем в избытке обладал этими качествами, за что получил прозвище «игрок железной крепости».

Рассказывают, что Гестем обладал удивительной способностью заниматься сразу несколькими делами, несколько при этом не утомляясь. Так, например, известен случай, когда он одновременно вел сеанс против двадцати пяти сильнейших шашкистов своего города, играл партию в бридж и тут же переводил на английский, немецкий и голландский языки любой текст, предложенный ему участниками сеанса или зрителями.

Книга Гестема «Как я стал чемпионом мира» производит на каждого, прочитавшего ее, неизгладимое впечатление прежде всего тем, что в ней показано, какую титаническую аналитическую работу проделал этот неутомимый шашкист, для того чтобы достигнуть своей цели. Анализы в дебютах, анализы в миттельшпиле, анализы в эндшпиле, сотни специально составленных комбинаций и комбинационных приемов — все это лишь часть труда, затраченного Гестемом, чтобы чувствовать себя в классической игре совсем свободно. И этого он добился! А если вспомнить, что в то время подавляющее число партий проводилось в модной классической медлительной манере, то станет ясно, что Гестем был тогда практически непобедим.

Как раз в период «царствования» Гестема была создана Всемирная шашечная федерация (ФМЖД). Она постановила, что «чемпион мира по шашкам обязан защищать свой титул и в матчевой борьбе и в турнирной». С тех пор чемпион не мог отказаться играть матчи, мотивируя тем, что он завоевал титул в турнире, или же не признавать турниров, желая играть только матчи. Всемирная федерация тщательно следит за выполнением этого пункта.

В 1948 году впервые был разыгран Олимпийский турнир, согласно новому порядку, установленному ФМЖД.

— Как вы считаете, господин Гестем, у кого наибольшие шансы занять здесь первое место? — спросил перед началом турнира какой-то корреспондент.

— А вы как считаете? — контратаковал француз.

— Я не знаю, — уклонился корреспондент.

— Это потому, что вы не проанализировали складываю-

щуюся здесь ситуацию. Давайте сообразим: кому из участников турнира удастся тут избежать встречи за доской с чемпионом мира? Кроме меня, никому! Так у кого же, как не у меня, наилучшие шансы?

— В вашей шутке есть доля правды, господин Гестем! — воскликнул корреспондент, довольный тем, что получил интересное для печати интервью.

Этой доли правды для первого приза оказалось мало. Окончился турнир сенсационной победой молодого голландского шашкиста Пита Роозенбурга. Сенсационной потому, что, набрав в двадцати партиях восемнадцать с половиной очков, голландец опередил второго призера на четыре с половиной очка.

Гестем заявил, что не признает себя побежденным, так как это был не матч, а турнир. Но теперь уже ему пришлось спорить не с одним спортсменом, а со Всемирной федерацией, что, конечно, утешения не принесло. Единственное, что смог сделать Гестем, это хлопнуть напоследок дверью: объявить, что в таком случае он бросает шашки. И сыровар из Лилля действительно променял шашечную доску на карты и стал там одним из королей бриджа.

Интересно, что до 1948 года Роозенбург играл в манере, в какой играли тогда все, но Олимпийский турнир, где он стал чемпионом, провел совсем по-иному. Эта новая игра явилась сюрпризом для всех. Когда я изучал его творчество (а без подобного изучения сейчас нельзя стать полноценным мастером), меня поразила такой резкий переход от одного стиля к другому. Уже много позднее, познакомившись с ним, я спросил:

— Господин Роозенбург! Чем объяснить такое внезапное изменение стиля и манеры вашей игры в 1949 году?

— Если бы я этого не сделал, мне бы никогда не удалось отобрать корону у Гестема. Разыгрывать с ним классические позиции? Безнадежно! Мне посчастливилось найти путь, давший мне возможность уклониться от них, но открыть ему этот путь раньше времени я не хотел.

Что же за путь «посчастливилось найти» Роозенбургу? Не стану вдаваться в теоретические тонкости, но кратко охарактеризую манеру игры этого выдающегося шашкиста, манеру, которая принесла ему не только корону, но и симпатии всего шашечного мира.

Роозенбург смело пренебрег многими принципами ранее разработанной теории. Так, например, он смело допускал считавшиеся гибельными связки одного, а то и обоих своих флангов; он, казалось вопреки логике, уже в ранней стадии

партии сдвигал шашки с дамочных полей; он специально ухудшал свою позицию, чтобы избежать шаблонных построений и таким способом заставить противника самостоятельно мыслить за доской. А когда партия переходила на неизвестные теории пути, становилось очевидным: Роозенбург ведет игру по ранее разработанному оригинальному плану. Он неизменно одерживал победы над не привыкшими к подобной манере противниками. Не напоминает ли все это игру Сокова? Краеугольным камнем своего стиля Роозенбург сделал разработанную им необычную систему атаки — атаки силами короткого фланга (см. диаграмму 8, стр. 228). Такой стратегии он подчинил и весь «дебютный репертуар». Раньше лишь Роозенбургу и удавалось успешно играть в такой манере. Но постепенно образовалась целая группа сильнейших шашкистов — последователей Роозенбурга, — и среди них в первую очередь нужно назвать гроссмейстера В. Щеголева, еще более углубившего и с успехом применяющего стратегию голландца.

Четыре раза увенчивали лавровым венком Роозенбурга, а утратил он свой титул не совсем обычно. По уставу Всемирной федерации титул чемпиона мира дается на один год. После этого Федерация может предложить чемпиону играть матч с любым претендентом, которого она сочтет достойным, и назначить для встречи любое место земного шара.

После триумфального для Роозенбурга турнира 1948 года следующий Олимпийский турнир разыгрывался в 1952 году. На это первенство мира впервые в истории шашек приехали два участника из Канады — Рауль Дажне и Марсель Делорье. Дажне исключительно сильно вел турнир. Он выиграл у своего основного соперника — Роозенбурга и должен был вот-вот стать чемпионом мира. И вдруг на самом финише обидный, незаслуженный проигрыш партии довольно посредственному игроку — китайцу Ли Джоан-кингу! Пришлось канадцу довольствоваться вторым местом, имея на пол-очка меньше, чем у Роозенбурга.

В 1954 году Роозенбург защитил титул в матче с победителем турнира претендентов Вимом Гюисманом. Наступил 1955 год. Чемпиону пришла пора вновь играть «проверочный» матч. Но с кем? Турнир претендентов не проводили. И тогда Всемирная федерация приняла решение: матч должен быть проведен с Дажне, который еще в Олимпийском турнире доказал, что является достойным противником. Об этом сообщили Роозенбургу. Местом встречи была назначена Канада, без предварительного согласования с ним. Чемпион мира наотрез отказался ехать туда, и... его лишили титула.

В последние годы Роозенбург редко выступает в соревнованиях, ссылаясь на занятость научной работой (он доктор экономических наук). Правда, в турнире «Бринта» (турнир шашечных звезд) в 1967 году он набрал столько же очков, сколько победитель А. Андрейко (первое место было присуждено по так называемой таблице коэффициентов), но недавно Роозенбург официально заявил, что принимать участие в турнирах, связанных с розыгрышем первенства мира, не будет, потому что такое требование предъявила ему фирма, в которой он работает.

ЗАДЕРЖАННЫЙ ЧИТАЕТ ЛЕКЦИЮ

Для шашкистов 1956 год был в некотором роде юбилейным: прошло двадцать лет с тех пор, как у нас начали популяризацию stokлеточных шашек. Пионером — в 1936 году — выступил московский мастер Владимир Сергеевич Гиляров, машинист метро, в декабре 1934 года проводший по трассе первый поезд. Он страстно любил шашки. Конечно, как и все, он играл тогда на маленькой доске...

«Но постепенно,— рассказал мне Гиляров,— мне стало казаться, что возможности наших шашек ограничены. Хотя я успешно выступал, регулярно входя в первую «десятку» страны, мысль о том, что шаблон и зубрежка дебютных вариантов приобретают в русских шашках все большее значение, вытесняя творчество за доской, не давала мне покоя. Я начал искать способ оживить, сохранить шашки. И вот однажды шахматный гроссмейстер Александр Толуш показал мне французский шашечный журнал. С этого момента я стал неистовым приверженцем stokлеток. Стал собирать все, что касалось этой чудесной игры, и, где только мог, пропагандировал ее».

Вначале Гиляров был в одиночестве. Его предложения перейти на большую доску принимались в штыки, над ним только смеялись. Но он не унывал и постоянно выступал с лекциями, рассказывал о первенстве мира, показывал комбинации. У него стали появляться сторонники, а в 1939 году вышла его книжка «Stokлеточные шашки». Однако stokлеточных досок в продаже не было, и это задерживало распространение игры.

Мы принимали на веру все, что он в своей книге рекомендовал. Например, он писал, что «золотые шашки» (они располагаются на полях 48 и 3) следует как можно дольше удерживать на своих местах, и мы старались не двигать их

почти до конца партии. Лишь через несколько лет выяснилось, что существует огромное множество позиций, в которых нужно рано развивать именно эти шашки.

— Володя, как ты мог так поступить? На целых пять лет задержал движение золотой шашки! — шутили шашкисты.

Гиляров только разводил руками. Несмотря на отдельные недочеты, польза от его книги была большая.

Разумеется, на первый послевоенный стоклеточный турнир в Харькове Гиляров был приглашен. Он чувствовал себя на седьмом небе.

— Эх, братцы, что за дни наступают! Об этом же можно было только мечтать! Подождите, еще не то будет: мы и на международную арену выйдем. Вот увидите, мировое первенство выиграем!

Вообще если вы очутитесь в одной комнате с этим увлекающимся человеком, знайте: интересный рассказ о стоклеточных шашках вам обеспечен. Были бы лишь слушатели, а за ним дело не станет! Правда, если в комнате нет рояля... В противном случае этот любитель классической музыки, и особенно Бетховена, обязательно сядет к инструменту и порадует вас отличным исполнением.

В своих выступлениях в печати Гиляров нападал на русские шашки, предсказывая им близкую «ничейную смерть», убеждал заменить их стоклеточными. Порой он применял такие способы пропаганды, которые могли прийти в голову только ему. Так, например, однажды он во всеуслышание заявил:

— Все! На маленькой доске играть прекращаю! И судить такие турниры не приглашайте: не пойду!

И вот, зайдя в клуб, вижу: главный судья турнира по русским шашкам — Гиляров! Спрашиваю:

— Что же ты, Володя? Говоришь одно, а делаешь другое! Где же твоя принципиальность?

В ответ я услышал:

— А ты сначала присмотришься и разберешься, что к чему...

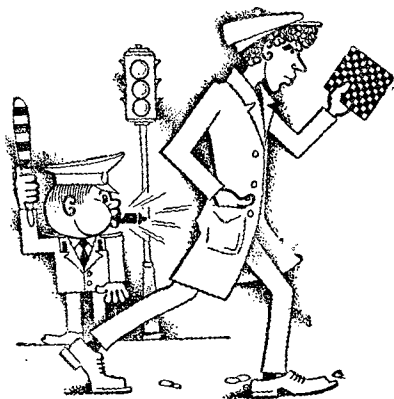
Я стал наблюдать. Гиляров брал под руку то одного, то другого участника и выводил в коридор. Здесь он начинал «обработку»:

— Зачем ты играешь в эти шашки? Ведь это же мертвечина! Переходи на стоклеточные... — И тут же, на приготовленном столике с большой доской, принимался демонстрировать прелести стоклеточных шашек.

Как ни удивительно, но и такая «вербовка» прямо из стана «противников» нередко увенчивалась успехом.

Он не ограничивался одной лишь пропагандой, но оказывал большую помощь молодым шашкистам. У него и теперь всегда с собой миниатюрная клеенчатая столклеточная доска с шашками и коллекция интересных позиций, о которых он готов часами говорить когда угодно и где угодно.

Однажды, обдумывая очередную столклеточную проблему, Гиляров грубо нарушил правила уличного движения. Перед ним вырос милиционер.

Последовало объяснение, а так как вместо документов у Гилярова в кармане лежала лишь его знаменитая клеенчатая доска, то его попросили «для выяснения личности» проследовать в отделение. Впоследствии Гиляров говорил:

— «Выясняли», кто я такой, целых два часа, но время не пропало даром. Я им подробно рассказал о преимуществах столклеток. Да и комбинаций показал немало. Приглашали заходить почаще... Я сказал: «С удовольствием!»

Когда начались переговоры о вступлении во Всемирную федерацию, Гиляров очень волновался: вступим или нет? В эти дни он буквально пропадал в кабинете государственного тренера Ивана Пименовича Козлова, к которому сообщения должны были поступить в первую очередь. Козлов тогда работал над книгой, и Гиляров, конечно, отвлекал его. Но вот однажды Козлов сам позвонил Гилярову:

— Володя, приходи.

— Что такое? Вступили в Федерацию?

— Приходи, приходи, узнаешь,— таинственно продолжал Козлов.

— Я же у тебя только что был!

— Приходи, приходи, не пожалеешь,— настаивал Козлов.

Гиляров мгновенно примчался.

— Ну что, Ваня?

— Послушай, Володя, ты стал такой рассеянный. Ты ведь оставил здесь свою газету. Возьми и больше никогда не забывай.

Гиляров был явно обижен. Он направился к выходу. Когда дверь за ним закрылась, Козлов бросился за ним и крикнул вдогонку:

— Эх ты! Тебя даже не интересует, что мы вступили в Федерацию!

Все было прощено...

Как-то раз я спросил у Гилярова о бывшем чемпионе мира:

— Володя, ты не знаешь, почему Гестем бросил играть в шашки?

Ответ был лаконичен:

— Сошел с ума.

Потом, выяснив, что ничего подобного с Гестемом не произошло, я обратился к Гилярову за объяснением. И услышал:

— А как же? Если человек бросает играть в шашки, то он сумасшедший.

Это было сказано совершенно искренне и убежденно. Таков Гиляров.

ПОБЕДА ТРЕХ «К»

Перед тем как включиться в борьбу за первенство мира, наши шашкисты решили проверить свои силы в каком-нибудь небольшом «домашнем» турнире с участием иностранцев. Такой турнир был организован в Москве, и туда, кроме лучших советских мастеров, пригласили по одному представителю от Голландии и от Франции. Голландцев представлял экс-чемпион мира Бенедикт Шпрингер, французов — двукратный чемпион Парижа мастер Пьер Перро.

Шпрингер являлся с 1928 по 1931 год чемпионом мира, и даже среди своих «коллег-чемпионов» его можно считать одним из самых талантливых. Шпрингер явно тяготел к комбинационной школе, любил разыгрывать запутанные острые позиции. Он — теоретик, автор многих книг, издавал свой шашечный журнал и вел множество теоретических отделов в других изданиях. Количество оригинальных, проведенных Шпрингером комбинаций огромно. Его именем назван изобретенный и разработанный им дебют. Он прекрасно рассчитывал, хорошо атаковал, а в трудных позициях очень точно защищался. Когда хотят определить силу игры шашкиста, то в первую очередь смотрят, как он защищается: самое трудное — это защита, по ней оценивается класс мастерства.

Шпрингеру было около шестидесяти лет. К тому же вторую половину турнира он провел в болезненном состоянии. Все это, понятно, повлияло на его результаты. Вместе с тем

его партии поражали оригинальностью, и мы уже с первых встреч могли сравнить нашу игру с игрой зарубежных корифеев.

Шпрингер задавал много вопросов, просил пояснять то, что наблюдал в нашей стране. Мы, в свою очередь, интересовались его мнением по шашечным проблемам.

— Смогут ли советские мастера успешно выступить на международной арене? — такой вопрос задавали Шпрингеру особенно часто.

— Меня поразили успехи, достигнутые вашими мастерами на стоклеточной доске за такой короткий срок. Особенно это относится к позиционной игре. Я считал, что буду здесь экзаменатором, а выяснилось, что мне самому придется держать экзамен. Все же должен сделать ряд замечаний: 1) в комбинационной игре вы еще отстаете; 2) у вас наблюдается однообразие разыгрываемых позиций, нет широкого диапазона; 3) вы не умеете правильно распределять время по ходу партии; 4) у вас недостаточные познания в теории. В международных соревнованиях вы сможете успешно выступать, когда преодолите указанные недостатки. Но и при этом, без достаточного опыта международных встреч, вы, особенно первое время, будете испытывать робость перед «именами» и титулами.

В турнире Шпрингер поделил пятое-шестое места с Цириком.

В свободный от игры день я сыграл с Шпрингером необычный матч из трех партий. Я встретил его в коридоре гостиницы, и у нас завязался разговор о нашей партии.

— Мне кажется, — сказал я, — что если бы вместо нападения на шашку я сыграл на борт, то смог бы выиграть. Но тогда появилась бы масса острейших вариантов. Разве мыслимо их все рассчитать? Вот если бы во время игры разрешалось пользоваться вспомогательной доской для анализа, тогда другое дело, тогда я бы не побоялся сделать ход без полного расчета...

— При чем тут вспомогательная доска! — воскликнул Шпрингер. — Да будь у вас хоть сто вспомогательных досок, в такой позиции все проанализировать невозможно. Стоклеточные шашки — это океан! Вы хотите играть наверняка, находить каждый раз «ход с гарантией»? А в них проделать полный расчет или анализ бывает невозможно! Нужно не бояться играть интуитивно!

В русские шашки мы не играем интуитивно, и для меня это было непривычным, казалось совсем неверным.

— Нет, что вы ни говорите, расчет в уме — это одно,

а анализ на доске — совсем другое. Вот если бы я мог рассчитывать в уме так же быстро и точно, как анализировать на доске, то...

— Знаете что? — перебил меня Шпрингер. — Мы сейчас сыграем с вами маленький матч... И будем, — он улыбнулся, — анализировать во время игры на карманных досках. Каждый за счет своего времени. Вы согласны?

Мы расставили шашки, завели часы, а рядом с собой каждый из нас положил карманные шашки.

Началась игра. Я многократно отрывался от большой доски и углублялся в анализ на доске карманной, но всякий раз убеждался, что чем глубже я анализировал, тем больше проблем и новых, неясных вариантов неизвестно откуда возникало передо мной. А часы-то отбивали секунды... Шпрингер на свою карманную доску положил какую-то толстую книгу и ни разу не снимал ее, желая подчеркнуть, что он не пользуется правом анализировать.

Наш матч закончился уже после второй партии: обе выиграл Шпрингер.

— Не думаю, что был бы такой счет, если бы вы не отвлекались. Именно анализ-то вам и мешал! — сказал он.

С этого дня я начал размышлять над принципиальной разницей между русскими и стоклеточными шашками: в первых при выборе хода всегда требуется конкретный и точный расчет, во вторых он зачастую бывает излишним, а учитывая, что растрачивается время, даже вредным, и ход нужно делать, исходя из общих соображений, интуитивно.

После игры Шпрингер обрел хорошее настроение и стал вспоминать свои «лучшие дни» — разные эпизоды из тех лет, когда он владел шашечной короной. Среди них был и такой.

— У чемпиона славы много, но денег мало, — рассказывал Шпрингер. — Поэтому я не отказывался и от игры на ставку, которая обычно происходила в кафе. Понятно, с чемпионом играть лестно, однако не каждый хочет платить за это. Но вот появился в кафе один любитель, который непременно хотел играть только со мной, какая бы ставка ни назначалась за выигранную партию. Хотя я давал ему шашку, а потом и две форы, не было случая, чтобы он выиграл.

«Послушайте, — сказал мне как-то один из моих друзей, — вы не цените такого партнера! Позвольте ему хоть иногда выигрывать, а то вы совсем отобьете у него вкус к игре».

«А пожалуй, это верно», — подумал я. И в этот же вечер

дал своему противнику возможность отдать две шашки и забрать пять моих. Я сдался.

«Я выиграл у Шпрингера! — воскликнул мой партнер. — Я победил чемпиона мира!»

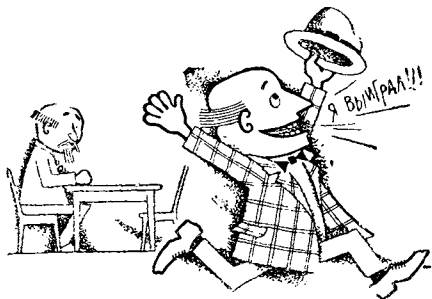
Он вскочил, надел пальто и шляпу и бросился из кафе. Больше я никогда не видел его.

Второй гость, Пьер Перро, представлял французскую школу. После ухода с «шашечной сцены» французских чемпионов Мориса Райхенбаха и Пьера Гестема Франция осталась без шашкистов экстра-класса. Правда, в последнее время выдвинулся талантливый Мишель Изар, но в это время он еще не достиг зрелости. Перро оказался очень приятным человеком. Веселый, общительный, он быстро сдружился со всеми участниками. По профессии рабочий-мясник, он был членом французской Коммунистической партии. Мы все симпатизировали ему, но... шашки есть шашки, и, играя против него, каждый старался как мог. В итоге двукратному чемпиону Парижа пришлось замкнуть таблицу нашего турнира.

Соревнование закончилось победой Когана, второе и третье места разделили Каплан и я. С тех пор в зарубежной шашечной печати нас троих стали называть «большая киевская тройка К».

ВЫЗОВ ПОСЛАН!

В конце этого же года состоялось третье первенство страны. Уже со старта мне удалось завладеть красной майкой лидера, но по пятам следовал минчанин Макс Шавель. И вот наша встреча... И снова, как и в прошлом году, он ловит меня на комбинацию и выигрывает! Что это? Я становлюсь «постоянным клиентом» Шавеля? Долгое время мы лидируем вместе. Только перед самым финишем мне удается оторваться от него на пол-очка. Последний тур. Шавель уже на восьмом (!) ходу выигрывает у Николая Сретенского, переходит в зрители, и теперь уже (хотя и временно!), имея на пол-очка больше, чем у меня, с волнением следит за моей партией с ленинградцем Володей Меркиным.

Володя в таких турнирах новичок. Его уверили, что я легко ловлюсь на комбинации и что, играя именно так, он получит реальные шансы победить меня. Он так и делал: ловил! Но, как это часто случается, чересчур увлекшись «ловлей», сам просмотрел что-то несложное и проиграл. Таким образом, мне удалось в третий раз стать чемпионом страны. Вторым был Макс Шавель, а третье и четвертое места поделили Анатолий Коврижкин и Марат Коган.

По итогам первенства страны Шавель, Коврижкин, Коган и я должны были поехать на Олимпийский турнир в Амстердам, но международная обстановка того времени сделала нашу поездку невозможной.

Олимпийский турнир — это часть программы розыгрыша первенства мира. Он проводится в високосные годы. Для участия в нем допускаются чемпион мира и представители стран, входящих в Федерацию, а победитель объявляется новым чемпионом.

В период между турнирами чемпион должен доказывать, что он сильнейший и в матчевой борьбе. Матчи свободны от случайностей, связанных с турниром, из-за неровного состава участников. Послать чемпиону мира вызов на матч имеют право чемпионы стран. Если таких вызовов поступает несколько, то, чтобы определить, кто же будет играть матч за корону, сначала проводится состязание среди претендентов.

Олимпийский турнир начался без нас, и нам только оставалось по сообщениям газет следить за тем, что там происходит. В нем участвовали представители восьми стран, и среди них чемпион мира голландец Пит Роозенбург. Прогнозы «знатоков» дружно предсказывали, что борьба за первое место, как и в прошлые годы, развернется между голландскими и французскими шашкистами. И все же один голос звучал диссонансом и настораживал... Это «особое мнение» высказывал не кто иной, как сам Роозенбург:

«В предстоящей борьбе за мировое первенство я больше всего опасаясь канадцев, а также русских, которые в области шахмат уже показали, каких они могут достичь высот. Партии советских турниров заставляют тщательно изучать достижения русских мастеров».

Таким образом, взамен титула чемпиона по шашкам Роозенбург приобрел другой — «чемпиона по прогнозам»: первенство мира выиграл представитель Канады Марсель Делорье! Шашечной короне предстояло дальнейшее путешествие...

Следующий Олимпийский турнир должен был состояться только через четыре года. Попытку вырвать титул из рук канадца можно было сделать и раньше: для этого надо было послать ему вызов на матч. Не будет ли это слишком дерзко с моей стороны? Ведь я еще не играл ни в одном большом международном соревновании. Не встречался ни с кем из «светил» зарубежного шашечного мира. Не слишком ли малы мои шансы на успех?

После долгих раздумий, советов с друзьями, обсуждения на Всесоюзной шашечной секции¹ я все же решился на вызов. Надо когда-нибудь начинать! В конце концов, заранее гарантировать победу невозможно, а никогда не проигрывает лишь тот, кто не играет вообще. Пусть я проиграю матч, но из него извлекут урок те наши шашисты, которые будут штурмовать шашечный Олимп после меня... Следовательно, польза будет. Вызов был послан, и я начал готовиться.

За несколько месяцев подготовки у меня накопился ряд новых идей. Их нужно было проверить в условиях турнирной игры, и для этого представился случай: Всесоюзное первенство общества «Спартак».

Когда я ознакомился с составом участников, средним по силе, то, признаться, подумал:

«Здесь мне предстоит легкая прогулка».

Еще бы! Ведь я отправил вызов самому чемпиону мира! Но турнир разочаровал и насторожил меня: он превратился в непрерывную гонку за Коврижкиным, которого я нагнал только в конце. Мы поделили первое и второе места.

Матч.

Сначала я был раздосадован тем, что не смог взять чистое первое место, но впоследствии остался доволен. Короткий матч с Коврижкиным и особенно подготовка к нему явились ценной репетицией к более ответственным встречам. Именно тут я впервые понял, каким образом нужно готовиться к противнику на столеточной доске.

Анатолий Коврижкин очень интересный шашист.

Обычно мастера ожесточенно борются за центральные поля доски. Коврижкин — пожалуйста! — добровольно уступает центр и направляет свои силы на фланги, занимая там бортовые поля. Такую стратегию он применяет давно и, вопреки мнению большинства о том, что так играть невыгодно, неизменно добивается успехов.

¹ Теперь секции по различным видам спорта называются федерациями.

Мне интересно было проверить, смогу ли я одолеть его, разбить его стратегию.

Это был первый противник, к игре с которым я попробовал готовиться по-иному: не к дебютным вариантам, а к манере игры, к излюбленной стратегии в миттельшпиле. Результаты превзошли все мои ожидания. Я победил со счетом 5,5 : 0,5, и это подтвердило мою мысль о том, что на столклеточной доске готовиться «под противника» нужно совсем не так, как мы привыкли делать это в русских шашках.

Говоря о Коврижкине, не могу не отметить интересное явление. Коврижкин — известный шашечный композитор, автор красивых и сложных комбинаций, а вот в игре он нередко попадает на простейшие ловушки. Вначале все удивлялись, но потом привыкли и старались поймать его на чем-нибудь несложном...

Забавный случай произошел однажды.

Коган расставил перед Коврижкиным шашки:

— Анатолий Иванович, реши. Интересная комбинация! Харьковчанин думал, думал и спасовал:

— Позиция вроде знакомая, но что-то не получается...

В комнате раздался громкий смех всех присутствовавших: они были посвящены в то, что Коврижкину ради шутки «подсунули» его собственную комбинацию, опубликованную им несколько лет назад.

Когда я вспоминал о промахах Коврижкина, связанных с его «комбинационной слепотой», мне казалось это забавным, но вовсе не забавным явилось для меня открытие, что и я подчас страдаю этим же «недугом». Почти все мои проигрыши были результатом непостижимых просмотров несложных, а порой и элементарных ударов. Достаточно было вспомнить о двух турнирных партиях против Шавеля. Убедительно было и новое подтверждение: осенью на командном первенстве страны я, словно загипнотизированный, попался на простейшую ловушку молодого мастера Сергея Давыдова.

Я довольно хорошо замечал и рассчитывал сложные и скрытые комбинации как за себя, так и за партнера. А вот простейшие, элементарные «пропускал в свои ворота»! Что это? Неизлечимая болезнь? Результат невнимательности, пренебрежения или, вернее, неуважения к противнику? Быстрой утомляемости? Что бы это ни было, но с таким недостатком «замахиваться» на Делорье — несравненного мастера коварных ловушек — было безрассудно. От «слепоты» нужно было избавиться! И я принялся «проглатывать» комбинации. Я их «глотал» одну за другой... Десятки, сотни.

Вот уже счет пошел на тысячи... А помогавший мне в подготовке Владимир Каплан выискивал и заготавливал из разных источников всё новые и новые. И я должен был их решать. Решать! Для чего? Для того чтобы во время партии замечать несложные комбинации автоматически. При любом утомлении.

Можно спорить о правильности выбранного нами способа подготовки. Предлагать другие. Но, не зная в то время иных, мы придумали и остановились на этом. И, может быть, именно ему я обязан тем, что избегал, «уходил», как говорят боксеры, от многочисленных ловушек, хитро расставляемых Делорье в нашем матче.

Наконец Всемирная федерация прислала письмо-ответ на мой вызов. В матче с чемпионом мира пожелали сразиться, как и я, чемпионы Голландии, Франции, Бельгии. Поэтому на апрель 1958 года назначался турнир претендентов. То, что мне уже стал известен и срок соревнования, подхлестнуло меня, и я с удвоенной энергией принялся готовиться к турниру. Мне помогал Каплан. Мы детально изучали партии намеченных участников, искали в их игре слабые стороны, определяли, в чем они сильны. Словом, на каждого завели особое «дело». Наряду с этим стремились пополнить мой арсенал новыми дебютными вариантами и идеями.

Конец тренировочного периода я провел в Ленинграде, где шел финал четвертого первенства страны. Я сыграл пять контрольных партий с мастерами Л. Раммом, Ю. Шмидтом и И. Козловым. Четыре с половиной очка, набранные мной, что называется, придали мне духу.

У каждого шашиста есть свои тайные разработки. Он хранит их в секрете, чтобы при случае ошеломить противника сюрпризом. Поэтому я был очень тронут, когда участники финала, желая мне успеха, наперебой раскрывали свои «тайны».

«ТАНЦУЕТЕ ЛИ ВЫ РОК-Н-РОЛЛ!»

И вот мы — я и гостренер Иван Козлов — вылетели в Амстердам. Встретили нас очень тепло. Тут же, в аэропорту, состоялась пресс-конференция. Впервые я попал под такой град неожиданных, а порой удивительно нелепых вопросов. Отвечать приходилось иногда серьезно, иногда шуточно, но всегда быстро, и это напоминало игру в цейтноте, когда противник играет в знакомой ему позиции, имея много времени на обдумывание, а вы должны моментально и правильно парировать его ходы. Но и тут шашки помогли мне: ведь в цейтнотах я бывал не раз!

Вот что чрезвычайно интересовало представителей прессы:

— Сколько раз вы были женаты?

— Танцуете ли вы рок-н-ролл?

— Есть ли у вас сбережения и как велико ваше состояние?

Приходилось отвечать. На один вопрос, помню, не ответил. Меня спросили:

— Правду ли говорят, что вы очень серьезный человек и никогда не улыбаетесь?

Я невольно улыбнулся, и ответа не потребовалось.

Много вопросов было о воздушном гиганте «ТУ-104», на котором мы летели, и, конечно, о спутнике. Причем спрашивали такие подробности, словно я сам его конструировал. Кто-то спросил, как я готовился к турниру. Не показывать же было варианты! Я ответил, что готовился физически: купался, играл в настольный теннис. А на следующий день мы прочли в газетах: «Русский участник — атлетически развитый человек двухметрового роста и является чемпионом Киева по плаванию и настольному теннису». Впоследствии мне даже предлагали выступать в этих видах. Приходилось под различными предлогами отказываться. Зато по возвращении в Киев я срочно стал учиться плавать. А вот настольный теннис до сих пор не могу освоить: даже для выдавшего виды цейтнотчика очень уж малым кажется время, отводимое «на обдумывание» очередного ответа — удара по мячику.

Из Амстердама мы поехали в Роттердам, где остановились в отеле «Лоренц». Роттердам — это самый промышленный или, как здесь принято говорить, деловой город Голландии.

Во время первой нашей прогулки по городу нас поразила скульптура, стоящая в центре Роттердама, — человек, у которого вырвано сердце. Голова его запрокинута, руки подняты, словно в отчаянии... Скульптура эта — творение знаменитого французского мастера Задкина. В ней он хотел выразить трагедию Роттердама: в ночь на 14 мая 1940 года гитлеровская авиация за несколько минут «вырвала сердце» города, разбомбив весь его центр. Теперь почти весь город заново отстроен, а скульптура называется «Разрушенный город».

Но не только монумент напоминает о великой трагедии войны.

В четвертый день каждого мая Голландия чтит двухминутным молчанием память тех, кто сложил головы в борьбе с гитлеровским нашествием. Это национальный день памяти погибших, и голландцы возлагают венки из живых цветов на могилы павших борцов — независимо от того, соотечественники ли они или воины другой страны.

Следов, оставшихся от фашистских бомбардировок, в Роттердаме предостаточно. Отстраиваясь, город резко изменяет свой облик. Первое в Голландии метро строится в Роттердаме.

Но главное в жизни Роттердама — порт. Ни лондонский, ни нью-йоркский, ни антверпенский, ни гамбургский — а это

крупнейшие порты — не принимают и не отправляют столько грузов, сколько роттердамский. Роттердамские гавани принимают суда водоизмещением 50 тысяч тонн. Строятся причалы, способные обслуживать суда водоизмещением до 100 тысяч тонн. Порт раздвигает свои границы, оснащается техникой, превращаясь в «Европорт» номер один, в настоящие морские ворота Западной Европы. У роттердамских причалов я видел и несколько советских судов.

На следующее утро после приезда, взяв газеты, мы увидели, что в них живо обсуждается предстоящий матч за шашечную корону и строятся прогнозы о том, кто будет противником Делорье. Мнения, конечно, расходились. Были и такие, которые совпадали с моим. Например, газета «Хет роттердамс парол» писала:

«Многие заранее говорят, что именно русский шашист — Куперман из Киева — окажется тем, кто бросит перчатку канадцу. Как будто не существует ни Вима Роозенбурга, голландского представителя, ни Мишеля Изара, французского чемпиона... Русский сперва еще должен доказать, что он действительно сильнее их!

Мы охотно признаем ряд факторов, говорящих в пользу русского. Например, то, что он прекрасно подготовлен (это доказывается его победами в последних турнирах в своей стране). Но... до сих пор он всего два раза играл против западных шашистов и в этих двух партиях не смог добиться большего, чем две ничьи. Конечно, он отлично знает своих соотечественников, знаком с манерой игры каждого сильного русского шашиста. Но, например, с таким, как Изар, он никогда не встречался.

...Три представителя «традиционных шашечных стран» именно в игре с Куперманом приложат все свои усилия. А поэтому русскому, который скорее ищет в игре осложнений, чем избегает их, будет нелегко добиться лучшего результата, чем результат других участников».

МЕНЯ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

На торжественном открытии соревнования участников представляли зрителям. Каждого вызывали, говорили о его заслугах, успехах, победах... Представляемый стоял, пока о нем говорили. Козлов, являясь руководителем нашей маленькой делегации и моим тренером, исполнял «по совместительству» и функции переводчика. Поэтому мы условились: когда меня вызовут, он подаст мне сигнал.

Сначала вызвали чемпиона Голландии Вима Роозенбурга. Затем чемпиона Франции Мишеля Изара. Потом чемпиона Бельгии Гюго Ферпоста. Меня — последним. При этом Козлов ткнул меня в бок и прошептал:

— О тебе.

Я встал. Там говорили, говорили... Сначала один, потом другой...

А я стоял и думал:

«Как долго обо мне говорят! Неужели у меня такой длинный перечень успехов и побед! Что ж, это неплохо...»

Вскоре я заметил, что кое-кто, глядя на меня, улыбается, я приветливо улыбался в ответ. Козлов в это время увлекся разговором с каким-то голландцем. Кончив разговор, он повернулся ко мне и... широко раскрыл рот:

— Ты все еще стоишь? Почему ты не садишься?!

— Но меня ведь представляют!

— Тебя представляют? Разве я тебя не толкнул? Давно уже зачитывают регламент турнира!

Я решил немедленно приступить к изучению немецкого языка...

ПОПАЛ ПАЛЬЦЕМ В... РЫБУ

Однако во время турнира не следовало распылять свои силы, и я отложил занятия до возвращения домой, тем более что здесь со мной был Козлов: когда я сказал ему, что начисто забыл немецкий, он заявил:

— Я буду твоим переводчиком, а меня они понимают лучше, чем друг друга!

Мы зашли в ресторан позавтракать. Сели, стали совещаться, что заказать.

— Я закажу вот это.— И Ваня показал на что-то в меню.— А ты?

Я соблюдал диету и поэтому сказал:

— А мне закажи сливки.

Он ненадолго задумался, как будто вспоминая что-то. Потом повернулся ко мне:

— Может быть, что-нибудь другое?

— Нет, Ваня. Мне сливки.

Козлов подозвал официанта и стал заказывать:

— Битте, сливки...

Тот не знал, что такое «сливки».

— Сейчас объясню популярно,— сказал мне Ваня. И начал: — Мильх, ферштеен зи?

— Их ферштее.
— Буттер, ферштеен зи?
— Их ферштее.
— Цвишен милых унд цвишен буттер. (Между молоком и маслом.)

Тот сказал:

— Их ферштее ниht.

Тогда Козлов развел руками:

— Ну, Изя, если уж он меня не понял, значит, у них в Голландии сливок не делают!

Я наугад ткнул пальцем в меню. Когда официант принес, выяснилось, что я попал в рыбу.

С этих пор мне приходилось есть только те блюда, названия которых знал Козлов. Вскоре я приспособился: наблюдал, что едят другие участники, узнавал у них названия и ел это с опозданием на день. Впоследствии, правда, Козлов быстро восстановил свои познания в языке и был хорошим переводчиком.

БОРЬБА НАЧАЛАСЬ

21 апреля в помещении редакции роттердамской газеты «Хет фрайе фольк» я сел за столик против Роозенбурга, а Ферпост — против Изара...

Вим Роозенбург — чемпион Голландии 1957 года. Конечно, все голландцы очень болели за него, тем более что его «младший братишка» Пит только что — в 1956 году — потерял титул чемпиона мира, и они мечтали, чтобы брат «отомстил» за брата. Но после турнира мечты и надежды остаются в стороне, а подсчитываются только очки в таблице. Забегая вперед, скажу, что у Вима их оказалось не очень много...

Итак, борьба началась! Вначале я волновался, нервничал, но постепенно успокоился и полностью мобилизовался. Мне удалось переиграть партнера и принудить его к сдаче. Я стал лидером: партия Ферпост — Изар закончилась вничью. На такой короткой дистанции (два круга по три партии — всего шесть партий) каждые пол-очка могут сыграть решающую роль. Я был доволен. На следующий день спортивные комментаторы высоко оценили мою победу, а мне стали прочить победу в турнире.

Второй тур свел меня с Изаром, а Роозенбурга с Ферпостом. Мишель Изар — двадцатидвухлетний, высокий, худощавый блондин с интересным и симпатичным лицом. В нем

сразу чувствуется бесхитростный парень. Живет он довольно скромно, изучает юридические науки и очень любит шашки. Мы с Мишелем подружились с первого же дня. Утром я, Козлов и он были неразлучны, вместе гуляли. А потом, вечером, садились за доску и превращались в соперников: ведь каждый хотел быть первым. Зная, что одному из нас, чтобы добраться до Делорье, нужно «перешагнуть через труп» другого, мы все же не желали друг другу поражения.

Обычно принято готовиться к туру не на глазах у других участников, но Изар не скрывал от меня своей подготовки. Он с шашками выходил в вестибюль, разбирал, анализировал и открывал мне свои секретные варианты. Я говорил:

— Мишель, что же ты делаешь! Ведь тебе придется играть это и против меня!

Он отвечал:

— Но ведь мы же друзья. У меня нет от тебя секретов.

Приходилось придумывать причину и уходить.

Наша встреча закончилась вничью, а Ферпост выиграл и догнал меня. Вопрос о лидере решится завтра.

«ДИНАСТИЯ» ФЕРПОСТОВ

На следующий день турнирный зал, вмещающий более тысячи человек, был переполнен. «На помощь» бельгийцу приехали болельщики из его страны. Их возглавлял президент шашечной Федерации Бельгии М. Ферлейн. Среди них, конечно, находились и братья Гюго Ферпоста — Оскар и Пауль.

Сам Гюго одних лет с Изаром, Оскар — старше, а Пауль — младше. Шашечные успехи братьев пропорциональны их возрасту: хотя «династия» Ферпостов уже давно монопольно владеет титулом чемпиона Бельгии, но во внутренней «братоубийственной» войне Оскар побеждал десять, а Гюго шесть раз. Страсть к шашкам у братьев, видимо, «наследственная»: их мать тоже увлекается игрой и всегда приезжает болеть за своих «ребятишек».

Мне было известно, что бельгиец отличный тактик. Поэтому я решил вести партию в строго позиционном стиле. Это удалось, и я получил преимущество, но жестокий цейтнот чуть не испортил дело. Все же я выиграл, и Ферпост был отброшен.

За два тура до конца я имел в таблице на очко больше, чем у следовавшего на втором месте Изара. Поэтому, играя с ним, я еще в середине партии предложил ему ничью. Он принял ее. Многие комментаторы в газетах упрекали за это француза, обвиняя его в «трусости». А французский консул, прочитав газеты, приехал в турнирный зал и потребовал у Изара объяснений. Тот ответил, что поступил правильно: моя позиция была лучшей, и если бы он играл ва-банк, то легко мог проиграть и окончательно лишиться шансов. Теперь же он надеется в последнем туре одолеть Роозенбурга, и если я проиграю Ферпосту, то мы встанем наравне.

Помимо этого, в газетах приводился ответ Ферпоста на вопрос о том, как он будет играть против меня. Гюго заявил, что, «если русский предложит ему ничью, он отклонит ее и будет играть до победного конца».

Последний тур. Французский консул приехал еще до начала игры, сел против столика, на котором играл Изар с Роозенбургом, и в таком положении пребывал до конца партии. Как ни странно, но, возможно, это и помогло Изару сломить сопротивление голландца: находясь под контролем бдительного ока, Изар сидел как прикованный и, обхватив голову руками, сосредоточенно думал и тогда, когда была его очередь хода, и тогда, когда над ходом размышлял соперник.

На моей доске завязалась очень напряженная и неясная игра. Мне достаточна ничья, но бельгиец упорно уклоняется от упрощений. Что делать? Я волнуюсь, а в таком состоянии да еще в запутанном положении легко просмотреть удар. Предложить ничью? Но Гюго заявил, что не согласится... Наконец наступил благоприятный момент: единственный правильный для Гюго план — произвести большой размен.

— Вы согласны на ничью?

Гюго с гордым видом отказывается. Этим он связывает себя по рукам и в отношении размена. Он уклоняется от него и... вскоре признает себя побежденным. Я получил право на матч с Делорье!

Много приветствий, поздравлений... Кратко и точно выразил общее настроение президент Нидерландского шашечного союза В. Буш:

— Представитель нашей страны Роозенбург проиграл обе партии Куперману. Однако все мы выиграли, завязав дружбу с посланцами России.

Меня, Изара и Ферпоста пригласили принять участие в двух небольших турнирах в городах Эймейдене и Гааге. День перерыва мы с Козловым решили посвятить знакомству с Голландией и для этой цели воспользовались любезным приглашением одного из сильнейших голландских шашкистов Филиппа Хаама прокатить нас «с ветерком» по стране в его машине.

Поражает обилие цветов. Красных, голубых, лиловых, желтых, белых, черных... Всевозможнейших тонов и оттенков. Гиацинты, нарциссы, гвоздики и особенно тюльпаны — розовые, лиловые, сине-сиреневые, одни пышные и нежные, другие — с красиво изрезанными лепестками, по окраске и форме напоминающими крылья птиц. Цветы в жилищах, цветы на газонах перед домами, цветы в парках, на берегах каналов, цветы — везде. Цветы выращивают тут не только ради красоты, но и ради дохода — их очень много идет на экспорт: ведь голландские тюльпаны украшают самые изысканные банкетные столы всех стран мира. На организуемых выставках тюльпанов — «Кекенхофах» — богатство красок неповторимое! А рядом с цветами — таблички с наименованиями фирм или фамилиями отдельных фермеров, вырастивших и продающих эту разновидность тюльпана.

Есть в Голландии целые селения, например, такие, как Алсmeer, где главное занятие жителей — цветоводство. Здесь целые поля застеклены, превращены в громадные теплицы, в которых пестреют тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны... Для продажи устраиваются аукционы цветов. Это очень красочное зрелище — прямо-таки сказочное царство цветов. Перед оптовыми покупателями на передвижных платформах провозят цветы. Называется сорт, количество, начальная цена. На крупном циферблате вспыхивают электрические сигналы — идет состязание покупателей. Стрелка, задрожав на одной из цифр, останавливается: продано. И затем горы ярких, свежих, сочных цветов в специальной упаковке развозятся самолетами по всей планете.

В основе голландского разведения тюльпанов лежит многовековой опыт, выработавший целый ряд правил. Было, например, замечено, что тонкие тюльпаны хорошо растут на песке дюн лишь при условии, что уровень воды будет держаться на 22 дюйма ниже поверхности земли. И с величайшей точностью голландцы-цветоводы постоянно поддерживают этот уровень.

Машина несет нас по равнине, изрезанной каналами. Местами каналы эти, зажатые дамбами, идут над землей, и суда как бы плывут над полями. Старые мельницы лениво помахивают крыльями, хотя давно уже ничего не мелют и не качают воду. Машут для туристов. А туристов в Голландии очень много, они буквально наводняют страну и, как сказали нам, вносят ежегодный «пай» в бюджет — миллиард гульденов.

Города Голландии — близкие соседи. Из города в город лучше всего за полчаса доехать на электричке, машине, а еще проще — на обыкновенном велосипеде. Редкая страна в мире так уплотнена, как Голландия. Просто удивительно, как это на 33,6 тысячи квадратных километров люди умудрились разместить столько больших городов, зеленых полей, крупных заводов, такую сеть дорог и каналов. На этой территории живут более двенадцати миллионов голландцев.

Очень тесно в Голландии. Земли не хватает, и ее с завидной настойчивостью и трудолюбием отвоевывают у моря. С давних пор, на протяжении столетий, ведется эта тяжелая борьба с морем. Продолжается она и теперь. Мы ездили смотреть на эти работы. Сначала строится огромная дамба, которая отсекает часть моря на мелководе. Затем эту часть рассекают на более мелкие другими дамбами и спускают оттуда воду. После трехлетней сушки эти участки превращаются в плодородные земли — польдеры, и правительство продает их частным лицам.

Голландцы мужественный и трудолюбивый народ, и, когда думаешь о колоссальном труде, вложенном ими в свою землю, поневоле вспоминаешь их шутливую поговорку: бог создал весь мир, и только Голландию создали сами голландцы. Эта земля, «сотворенная» самими людьми, создана ими по-хозяйски: наивысший урожай в мире — в Голландии, наивысший доход с квадратной мили — в Голландии, наивысший урожай — в Голландии.

В борьбе с морем голландцы победили: научились отеснять волны и освобождать от воды плодородную землю. Осушено более 70 тысяч гектаров. Едешь в Флеволанд по недавнему морскому дну и видишь: направо — бескрайняя водная гладь, налево — зеленые поля и пастбища. Их отняли у моря. В местном музее есть большая фотография: морское дно чудом сохранило корабль, затонувший давным-давно. Люди обнаружили судно, когда с помощью насосов выкачали воду.

Плотины. Дамбы. Если выстроить в ряд лишь основные, то они растянутся более чем на три тысячи километров.

Голландия немыслима без дамб. Слово это — по-голландски «дамм» — входит в название многих городов страны: Амстердам, Роттердам, Зандам. Даже известный игрушечный городок «Голландия в миниатюре» имеет все то же национальное окончание — Мадуродам.

Одна из дамб, построенная прямо в Северном море, протянулась на тридцать километров. Она дерзко отделила от него залив Зейдер-Зе. Пока ее не было, люди долго кружили вдоль моря, добираясь из Северной Голландии во Фрисландию. Теперь уникальная дамба сблизила эти районы страны. Но самое главное — получены новые жизненно важные земли. Развилось животноводство. Особенно повезло породистым черно-белым коровам. Совсем не случайно в центре провинции Фрисландии — Леувердене — на главной площади стоит монумент коровы. Подпись коротка: «Нашей матери».

Значительная часть страны расположена ниже уровня моря. Отсюда и название: Нидерланды — низкая земля. Против воды ведется «война», и «война» нелегкая! Гектар земли, вырванной у моря, обходится примерно в десять тысяч гульденов. Столько нужно затратить лишь для того, чтобы осушить, откачать соленую воду, создать на месте морского дна так называемые польдеры. А сколько еще средств и сил надо отдать, чтобы на новой земле взрастить сельскохозяйственные культуры: необходимо освободить ее от излишней соли, удобрить, зорко следить за грунтовой водой. И все равно выгодно, очень выгодно «превращать воду в землю». Ведь голландская земля дает с одного гектара 4260 килограммов пшеницы (урожай 1960 года). В то же время в Англии сняли с одного гектара 2820 килограммов, а в Америке — 1110. Теперь становится ясным, почему немцы в последнюю войну вывозили из Голландии вагонами землю, эту искусно созданную из «смеси грязи и соли» почву.

Одна из проблем Голландии — укрыть людей от большой воды, обезопасить страну от угрозы наводнений. Для этого создан особый грандиозный «Дельта-план». По этому смелому проекту будет выстроена целая серия гидротехнических сооружений, которая соединит острова на Юго-Западе Голландии и запрет заливы между островами.

Проезжая город Делфт, мы задержались на интересной ярмарке. Называют ее ярмаркой древностей. Собственно говоря, это аукцион, где собраны коллекции картин известных художников, редкие скульптуры, изделия из дорогих металлов, уникальные предметы старины. Хозяева почти всех собранных здесь сокровищ — тридцать антикваров.

Они-то и устраивают ежегодно (в июле) ярмарку-распродажу. Из разных стран съезжаются покупатели. Одно из условий ярмарки: купленная вещь некоторое время остается на месте, но с указанием имени ее нового хозяина. Прежде чем она исчезнет в недрах частной коллекции, ею еще можно полюбоваться.

Делфт известен и своей высшей технической школой с девятью тысячами студентов. Среди них лишь сто девушек. Обучение рассчитано на пять лет, но курс растягивается на семь, а на архитектурном отделении на двенадцать лет. Одному из студентов математического отделения около... 80 лет.

ПОДАРОК «СО СКИДКОЙ»

Фамилия де Йонг очень распространена в Голландии. Когда мы проезжали по Амстердаму, Хаам повернулся к нам:

— Вот аптека господина де Йонга. Он наш известный шашист... Кстати, он один из организаторов турнира в Эймейдене. Зайдем к нему? Ему будет очень приятно...

Почему не сделать человеку приятное? Мы решили зайти. Де Йонга не было, и нас встретил приказчик. Когда он узнал, что мы — шашисты, то стал очень внимателен и принялся развлекать нас, показывая всякие товары, главное место среди которых занимали разнообразнейшие очки. Мы порывались уйти, но он не хотел и слышать об этом и не соглашался отпустить нас до прихода хозяина.

— Хозяин вот-вот придет, — каждый раз говорил он.

Наконец явился де Йонг. Он пригласил нас к себе домой (в этом же здании). Угостил кофе. Козлов сказал:

— Мы во многих местах пили кофе, но нигде не было такого вкусного!

Мне показалось, что я слышу от него эту фразу, по меньшей мере, в шестой или пятый раз. Но что поделать? Дань этикету. А может быть, и верно, что, на вкус Козлова, график качества кофе представлял собой восходящую кривую. Дело не в этом. Когда мы собрались уходить, хозяин сказал:

— Господин Куперман! Вы очень дальнорорки в шашихах, но все же вам нужно носить очки: я как специалист вижу, что вы страдаете близорукостью.

Это было правильно. По крайней мере, вторая часть его высказывания.

— Я хочу вам сделать приятный сюрприз, — продолжал де Йонг и велел приказчику принести коробку с очками.

Тот принес. Хозяин раскрыл ее и спросил, какие мне нравятся. Я показал на какую-то пару. Тогда он вынул их и сказал:

— Я дарю их вам! Со скидкой двадцать пять процентов. Их цена всего тридцать гульденов! — и тут же передал их приказчику для упаковки.

Я растерялся... Деньги, которые у меня были, я вовсе не предполагал тратить на очки. Я давно наметил те шашечные книги (кстати, очень дорогие в Голландии), которые мне необходимо было купить. И пока приказчик заворачивал этот дорогой для меня «подарок», я думал: «От какой же из книг придется отказаться?»

Но, к счастью, Козлов понял меня с единого взгляда и вовремя подоспел на выручку. Он сказал:

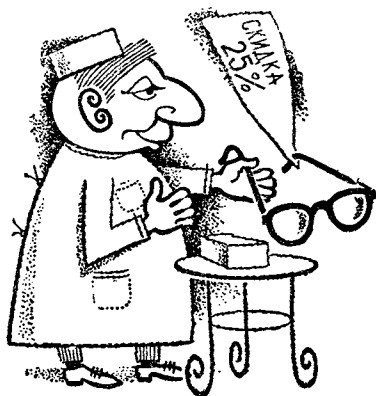
— Нам очень приятно ваше внимание, господин де Йонг. Гроссмейстеру Куперману действительно нужны очки. Но ведь вы лучше нас знаете, господин де Йонг, что если носить не те очки, которые нужны, то они сослужат плохую службу: зрение даже ухудшится. У гроссмейстера нет с собой рецепта на очки. Когда он выезжал из Киева, ему как раз выписали такой рецепт, но он, как обычно (ведь это гроссмейстер!), забыл его в ящике письменного стола. Когда он придет домой, то найдет этот рецепт, и вы спешите...

Я с облегчением почувствовал, что лишаюсь «подарка»! Ура! Книги спасены!

Когда я вспоминаю об этом случае, мне на память всегда приходит другой: я играю матч с ван Дейком. Рига. Кандидат в мастера И. Гойхман, придя на тур и увидев, что я близорук, на следующий день принес и подарил мне две пары замечательных очков.

— Я слышал о подарке со скидкой двадцать пять процентов, — с улыбкой сказал он. — Если в Голландии вам опять будут так дарить очки, скажите, что вам уже их подарили. И на более льготных условиях!

Читатели, видимо, обратили внимание, что Козлов дважды в разговоре с де Йонгом назвал меня гроссмейстером. Он не оговорился. Действительно, на заседании бюро

ФМЖД мне было присвоено звание международного гроссмейстера.

В турнире в Эймейдене, кроме меня, Изара и Ферпоста, играли чемпион Голландии 1958 года ван Дейк и сильнейшие мастера страны Дукел и Ларос. День первого тура совпал с днем моего рождения, и мне удалось «отметить» его победой над Изаром. А в четвертом туре, выиграв ответственную партию у Лароса, с которым в этот момент мы делили лидерство, я обеспечил себе первое место.

В турнире в Гааге меня и Изара «столкнули» с чемпионами Голландии разных лет. Здесь почему-то во всех партиях ничьи посыпались одна за другой. Я и голландец Бом имели всего лишь по одной победе, но этого оказалось нам достаточным, чтобы поделить первое и второе места.

СЫР ГОЛЛАНДСКИЙ...

Каждый советский человек, который выезжал за границу, знает, как приятно возвращаться на родину. Для меня возвращение было радостным вдвойне. Ведь я уезжал мастером, а вернулся гроссмейстером.

Я получил массу приветствий и поздравлений по почте. В Киеве многие друзья и родственники приходили ко мне на квартиру. А надо сказать, что при отъезде из Голландии кто-то из любителей шашек всунул мне в руки, «на память», большую голову голландского сыра. Я привез ее домой. Пришли гости. Жена нарезала сыр, и каждый пробовал. На следующий день пришли новые гости. Снова был подан сыр. Слух о сыре распространился между родственниками и знакомыми, и каждый, кто приходил, пробовал голландский сыр.

А тем временем сыр кончился. В магазине за углом сыров — завались! Мы купили головку нашего отечественного сыра и продолжали угощать, а гости ели и нахваливали:

— Вот это сыр так сыр! Почему у нас не умеют такой делать?

«РУССКИЙ ВЕЛИКАН С ЗОЛОТОЙ ГОЛОВОЙ»

Пока я играл в турнире претендентов, закончилось четвертое первенство страны. Я узнал об этом из голландских газет, которые писали: «Воспользовавшись тем, что Куперман уехал в Голландию, русский великан с золотой головой

похитил у него титул чемпиона России». Даже если бы дальше не стояла фамилия, из намеков на рост и цвет волос нетрудно было догадаться, что речь шла о Михаиле Корхове.

Миша — представитель известной «шашечной семьи» Корховых, которая с успехом могла бы вызвать на матч семью Ферпостов. Дядя, Семен Михайлович Корхов, — мастер, приверженец стоклеточных шашек. Своего сына Эдуарда и племянника Михаила он также вырастил мастерами. Наибольших успехов добился Михаил: после четвертого первенства он еще два раза — в пятом и шестом — выходил победителем.

Корхов — один из немногих молодых мастеров, который в совершенстве овладел позиционной игрой: отлично понимает существо борьбы, обладает прекрасно развитой интуицией, хорошо и быстро рассчитывает. Однако он играет чрезмерно осторожно, избегая сложных положений. Отсюда — ограниченность его репертуара и стиля: он играет только классические и открытые позиции. А это приводит к тому, что он мало выигрывает партий. В его игре не хватает смелости и риска в той мере, в какой они необходимы.

Я „Куперман Десятый”

МЕНЯ АВАНСИРУЮТ

Я вернулся в Киев в начале мая. Надо было готовиться к матчу. Я наметил план подготовки; он получился довольно объемистый. Но, подсчитав время, оставшееся до матча, я схватился за голову: ведь, кроме шашек, меня ожидала масса дел, скопившихся в проектном институте, где я работал в качестве горного инженера.

Я очень волновался: как я сумею справиться со всем этим одновременно? А когда меня вызвал в кабинет мой начальник — Валентин Николаевич Фугалевич, — я подумал: «Ну, совсем пропал! Сейчас мне гайки подкрутят...»

Он начал с вопроса:

— Почему, Исер Иосифович, вы считаете, что Делорье играет слабее вас?

— Ну что вы, Валентин Николаевич? Разве я могу так думать!

— Так какого же черта, простите за выражение, вы молчите! Вам же нужно готовиться, готовиться и готовиться! Товарищи из вашего отдела приходили, просили, чтобы вас чрезмерно не загружали. Если что-либо понадобится спешно, они сделают сами... А я им ответил, что может вам и го-

товиться к матчу не надо, откуда я знаю? Ведь вы молчите.

Мой взгляд был, наверное, красноречивее всяких слов.

— Так вот учтите,— продолжал Валентин Николаевич.— Льгота будет. В порядке аванса. Но чтобы потом вы компенсировали нас...— И, когда я уже был в дверях, бросил: — Выиграшем матча!

НЕОБЫЧНЫЙ СЕМИНАР

Если кто-нибудь скажет, что не боялся противника, с которым ему предстояло бороться за звание чемпиона мира,— не верьте! Человек — не механизм. И при одной лишь мысли о поединке с Марселем Делорье у меня напрягался каждый нерв.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Горько потерпеть поражение, когда находишься на шаг от цели, о которой мечтаешь годами. Но в тысячу раз горше не оправдать надежд, которые на тебя возлагали соотечественники, не отстоять честь флага Родины в ответственном соревновании. Именно этого — не оправдать надежд — я боялся больше всего, когда готовился к матчу с канадцем.

Готовиться, конечно, можно по-разному. Разумеется, я играл тренировочные полутурнирные партии со своим тренером Владимиром Капланом и молодым чемпионом страны Михаилом Корковым. Понятно и то, что мы обстоятельно изучили все лучшие партии Делорье, стремясь разгадать его стратегические секреты. Но немало времени я затратил и на изучение фотографий чемпиона мира, всматриваясь в каждую черту его лица, чтобы понять, что он за человек, какой у него характер. Ведь это так важно знать, вступая в борьбу с неизвестным противником! Но с фотографии, сквозь стекло очков, на меня смотрели немного холодные светлые глаза, и только их открытый прямой взгляд да тонкие стиснутые губы свидетельствовали о сильной воле этого человека.

Все предвещало тяжелейшую борьбу и не давало мне поводов для особого веселья. А когда, изучив его почти безошибочные партии, я убедился в ярком комбинационном темпераменте противника, мое настроение все больше и больше становилось пасмурным.

Правда, прогнозы иностранных газет утверждали, что с Востока, то есть из России, на международную шашечную арену надвигается грозная туча в лице советских мастеров.

Но ведь и Делорье сумел удивить спортивный мир: сначала скромно разделил в Олимпийском турнире 1952 года девятое и десятое места, а уже в следующем первенстве блестяще завоевал титул чемпиона мира. Поэтому на прогнозы полагаться было нельзя.

Заключительный этап моей подготовки проходил в Москве.

Собрались все столичные шашечные мастера, поставили демонстрационную доску, и... заседание президиума Всесоюзной шашечной секции превратилось в своеобразный семинар по подготовке Купермана к поединку с чемпионом мира.

ГОРОД-ИГРУШКА

1 октября я вместе с Капланом и Козловым прибыл в Голландию.

На аэродроме нас встретила большая толпа. Первым подбежал гроссмейстер Шпрингер. Он искренне нас обнял и расцеловал. Через некоторое время мы узнали, что он, после того как побывал в Советском Союзе, считается «специалистом по русским мастерам», и поэтому Делорье выбрал его своим тренером и секундантом. Сам чемпион приехал в Голландию раньше, чтобы акклиматизироваться, но не встречал нас, да и не должен был, конечно. Мне не терпелось увидеть своего противника.

Мы сели в машину и отправились в Гаагу. Здесь находятся резиденция правительства Голландии, парламент, королевский двор. Здесь же помещаются и иностранные посольства. Город буквально утопает в зелени парков. Голландцы называют Гаагу «большой деревней». Она белая и очень тихая, но тишина в ней совсем не деревенская, а скорей дворцовая. Именно в Гааге проводятся обычно конгрессы, совещания, заседания, дипломатические приемы.

В предместье Гааги есть городок, подобного которому нет в мире. Это знаменитый Мадуродам — город-игрушка. Город, где все виды зданий — и древние, и современные, и башни, и колокольни, и высотные дома, и автострады, и аэропорт, — все наиболее типичное в стране уменьшено в двадцать пять раз против настоящего размера.

В основе проекта Мадуродама лежала мысль — показать на модели такого города всю Голландию: взять из разных городов — Утрехта, Лейдена, Роттердама, Гарлема, Амстердама — самое интересное, воспроизвести это в точной копии,

добавив крестьянскую ферму с ее угодьями, гавань, аэропорт, все виды транспорта, увеселений, памятников.

Здесь все в движении. Поезда проходят с грохотом по мостам, исчезают в туннелях; разворачиваются океанские суда; спортсмены несутся на водных лыжах за моторными лодками; на площади под музыку проходят солдаты; на «американских горках» катаются человечки. Человечки меньше мизинца. Автомобили чуть больше спичечных коробок.

Интересно, что ежегодно за день до сезонного закрытия Мадуроадама, в сентябре, туда специально приглашают слепых. Я читал письмо, присланное слепым человеком в Мадуроадам. Он пишет: «Теперь я знаю, каким я должен представлять себе многоэтажный дом; поезд стал для меня реальностью; я смог ощупать руками электролинии троллейбуса и понял, почему он движется. О многих вещах я имею теперь конкретное понятие».

Мадуроадам — игрушечный город... Но «Мадуро» отнюдь не означает в переводе «игрушечный». Мадуро — это фамилия. На войне против немецких фашистов 10 мая 1940 года отличился один молодой голландец, почти мальчик, — Жорж Ляйонель Мадуро. Он был командиром небольшого взвода молодежи. Составив смелый план захвата занятой немцами виллы за рекой Флит, он с необычайной отвагой, во главе своего взвода, выполнил этот план, бросившись в атаку и захватив в плен немцев. Ему присужден был посмертный рыцарский диплом. Этот погибший смельчак был единственным сыном у своих родителей. Как увековечить его память? И вот у родителей погибшего героя возникла мысль построить в память сына этот новый голландский город — Мадуроадам.

ПЕРЕГОВОРЫ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Вскоре состоялось мое знакомство с канадцем. Невысокого роста человек с большой головой, красивым лицом и умными глазами. Теплая улыбка, твердый взгляд, отличное здоровье. Я смотрел на него, и память услужливо напоминала о его блестящих партиях против голландца ван Дейка, французов Верса и Бизо. Эти партии убедили меня, что канадец необычайно силен в комбинационной борьбе.

Делорье дарит мне на память красивые металлические шашки, а я ему свою книгу «Начала партий в шашки».

На следующий день мы снова встретились с Делорье.

На этот раз — за чашкой кофе у нашего главного арбитра, господина Ивенса. Тут были и шашки. Я получил маленький «добавочный» психологический удар: мы разбирали какую-то сложную позицию, и я убедился воочию не только в том, что канадец поразительным образом «улавливает» все комбинации (это я знал), но и в том, что он почти не тратит времени на их поиски. Поэтому если кому-нибудь из нас суждено будет попасть в цейтнот, то это только мне.

Здесь же, у Ивенса, «за круглым столом переговоров», были окончательно утверждены условия матча. Они были трудными:

1. Матч будет проведен за 26 дней в тринадцати городах Голландии (шашки здесь очень популярны, и каждый город «выпросил» себе одну-две партии).

2. За этот срок необходимо сыграть 20 партий. При счете 10:10 титул сохранялся за Делорье. Таким образом, мне для победы нужно было набрать хотя бы десять с половиной очков.

3. Матч должен игратья до последней партии, независимо от счета. (Причина: организаторы матча продали все партии различным периферийным союзам, редакциям газет и даже фабрике по производству напитка «кока-кола». Если не довести матч до конца, «покупатели» потерпят убытки.)

— Все это так,— сказал Делорье,— но я пока еще ни слова не слышал о том, какой будет приз.

Ивенс назвал весьма и весьма скромную сумму — шестьсот гульденов победителю и четыреста побежденному.

— Не густо... Очень не густо...— Лицо Делорье вытянулось.

— Призами они никогда не баловали,— заметил Шпрингер, имея в виду руководство Федерации, с которым он в последнее время не ладил.

— Конечно, дорогой Шпрингер, такой приз, какой некогда получили вы, Федерация никогда не назначит! — улыбнулся Ивенс, представлявший тут ФМЖД.— Впрочем, наверное, ни господин Делорье, ни господин Куперман на подобный приз и не претендуют.

Так как чемпиону мира и мне было непонятно, о чем они говорят, то Шпрингер разъяснил:

— Видите ли, господа, разумеется, сейчас на это не похоже, но когда-то, поверьте мне, я был молод. И я ухаживал за девушкой. Мне казалось, что для нее и я был не безразличен... Но отец моей девушки очень любил играть в шашки и за мерило ценности человека принимал силу его игры. Однажды я нечаянно подслушал такой разговор:

«Ну, что этот молодой человек, который за вашей дочерью ухаживает, представляет собой?»

«А!.. Что я могу о нем сказать? Он даже не умеет как следует играть».

«Неужели вы считаете, каждый должен хорошо играть в шашки?»

«Каждый не должен... Но уж если ты играешь, то докажи, что у тебя тут что-то есть!»

Я не видел, но думаю, что в этот момент отец моей девушки постучал себя по лбу. Когда мы решили пожениться и я пришел к нему, то услышал:

«Бен! Я ничего не имею против тебя, но мое согласие ты получишь не раньше, чем станешь первым шашистом в Амстердаме».

Через полтора года я зашел к нему в кабинет и, не говоря ни слова, поставил перед ним на стол кубок чемпиона Амстердама. Он молчал и вопросительно смотрел на меня.

«Ну, как теперь?» — сказал я.

«Что «ну, как», Бен?» — спросил он, видимо забыв о том нашем разговоре или притворяясь, что забыл.

«Вы же сказали мне, что я получу ваше согласие на женитьбу, когда стану в городе первым шашистом...»

«А? Так ты за этим пришел? Пришел за призом? Но тут, видишь ли, такой «приз», что надо спросить и у него!»

А так как с «призом» у нас все уже давно было согласовано, то очень скоро все мои друзья получили приглашение на нашу свадьбу.

Вот это был приз! Не правда ли? — закончил Шпрингер.

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

Матч открылся в гаагском Дворце искусств. Аудитория собралась большая: представители посольств, зарубежные гости, генералы, арбитры, секунданты, журналисты.

Чтобы определить, кому каким цветом играть первую партию, провели жеребьевку. На подносе подали две шаш-

ки: одну с серебряным дном, другую — с золотым. Кто вытянет с серебряным — тому начинать белыми. Она досталась Делорье. После этого он заявил, что настроение у него чудесное и чувствует он себя в Голландии, как дома. Я, честно говоря, дома чувствовал бы себя куда приятнее.

Затем мы церемониальным маршем прошли по залу. Впереди, при всех знаках отличия, шел бургомистр Гааги со своими заместителями, за ним — Делорье с секундантами, потом — наша делегация и, наконец, многочисленные гости. Мы сели за столик с установленными на нем государственными флагами СССР и Канады. Бургомистр по традиции сделал за белых первый ход, и матч начался. К слову, и в других городах бургомистры делали за нас первые ходы. Узнав об этом, моя жена, которая, естественно, была моим главным болельщиком, встревожилась и позвонила мне в Голландию:

— Не делают ли они за тебя плохие ходы? — слышался в трубке ее взволнованный голос.

Но я ее успокоил:

— Не бойся. Бургомистры не гроссмейстеры, мы им подсказываем ходы.

Таким образом, матч начался, и мы остались с чемпионом мира, так сказать, с глазу на глаз. Наши стили игры были противоположны, и успех должен был сопутствовать тому, кто сумеет диктовать противнику свою манеру ведения партии, заставит его подчиниться своей воле. К столклеточным шашкам мы тоже пришли с «разных полюсов». Он еще недавно играл только в канадские 144-клеточные шашки, а я в русские 64-клеточные. Ему пришлось «спуститься», а мне, наоборот, «подняться» до той доски, на которой мы встречались теперь.

Не буду подробно приводить весь ход поединка. Скажу только, что матч был очень утомительным. Почти ежедневно приходилось переезжать из одного города в другой и после короткого отдыха играть по 6—7 часов (с 5 часов вечера до 12 часов ночи). Подготовка к следующей партии отнимала у меня часть ночи, поэтому спать я мог лишь несколько часов в сутки. Зная, что мой соперник старше меня на 16 лет, я, откровенно говоря, рассчитывал, что физически перевес будет на моей стороне, но Делорье строго придерживался спортивного режима и не уставал.

Первую партию я выиграл. Но на следующий день чемпион мира уравнил счет. Затем потянулись семь изнурительных партий, в которых мне приходилось выдерживать сильнейший штурм канадца.

Играть шестую партию мы приехали в Энсхед. Не успев зайти в гостиницу, лишь отправив туда свои вещи, мы сразу приступили к игре. Партия закончилась поздно. В гостинице мы разошлись по номерам, и я лег спать. Утром меня разбудил стук. Набросив пижаму, я открыл дверь. На пороге стоял сам хозяин с подносом. Он сказал, что принес завтрак и очень рад познакомиться. Потом добавил:

— Ведь мой фаворит — вы. Я тут за вас и пари кое с кем заключил. И этот номер я почти никогда не сдаю... Только для вас. Вы видите — какой это номер?

Я похвалил номер. Действительно, это был хороший старинный номер: в нем были огромный красивый камин, канделябры, резные узоры на окнах.

Но моя похвала показалась ему недостаточной.

— Нет! — воскликнул он. — Это исторический номер! Вот, посмотрите, что здесь написано. — И хозяин указал на надпись на стене. А так как я не понял, то он перевел с голландского на немецкий: «В этом номере в 1810 году останавливался император Наполеон со своей супругой Марией-Луизой».

У меня не было оснований не поверить его словам, но я невольно вспомнил аналогичный эпизод из книги «Трое в одной лодке»...

При счете 4,5:4,5 мне удалось наконец одержать победу, а на следующий день заставить канадца сдаться еще раз.

«После двух внушительных побед Купермана канадцу в ближайших турах вряд ли удастся восстановить свой прежний боевой дух», — писал тогда в газете гроссмейстер Пит Роозенбург.

ДОМИК В ЗАНДАМЕ

Перед очередной партией мы получили два дня отдыха. Я, Козлов и Каплан решали, как их провести. В те дни в Бельгии была открыта Всемирная выставка. Нас пригласили ее посетить. Но поездка могла оказаться утомительной, и мы «поставили вопрос на голосование». Два голоса было «против», и меньшинство подчинилось большинству. Зато мы решили съездить в Зандам. Этот городок находится неподалеку от Амстердама и является центром голландского судостроения. Голландцы говорили нам:

— В Зандаме вы увидите много деревянных домов, которые стоят уже несколько веков.

Но нас привлекало туда каменное сооружение... Когда выезжаешь на центральную площадь этого города, то видишь красивый памятник из черного камня: молодой Петр Великий с топором в руке, а рядом маленькая лодка. Русский царь учился здесь корабельному делу. Нам рассказывали, что он приехал сюда в 1697 году под именем Петра Михайлова и поселился в домике голландского кузнеца Герита Киста, чтобы под видом простого плотника изучать корабельное дело. Домик этот теперь превращен в музей. От времени он накренился набок, поэтому его обшили бревнами, одели в каменный колпак, защищающий от ветра и дождя. В домике две небольшие комнаты, в одной из них стоит грубый деревянный стол, за которым сидел царь. На стене висит портрет Петра, а под ним написано: «Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагам страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быти не перестанет».

В свое время этот дом посетил Наполеон, и над скромным очагом выписаны слова, сказанные им здесь: «Для великого человека нет малого».

Конечно, прибывающие в Голландию из разных стран туристы с большим интересом посещают этот музей и оставляют в книге отзывов свои записи. А советские люди, побывав здесь, оставляют по традиции, возникшей с чьей-то легкой руки, что-нибудь хотя и самое незначительное, но привезенное с советской земли и о ней напоминающее — коробку спичек или папирос, видовую открытку... Все это бережно хранится местным сторожем тут же, на особой витрине. Вы можете на этой витрине увидеть и раскрытую книгу — переведенный на голландский язык роман Алексея Толстого «Петр Первый», и книги о наших морских городах, и портрет В. И. Ленина. Говорят (правда, мне не удалось этого проверить), что сторож знаменитого зандамского домика является прямым потомком Герита Киста.

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК

Когда я выиграл еще и двенадцатую партию, то казалось, что мои три лишних очка делали матчевое положение чемпиона безнадежным. Он очень хотел, хотя бы частично, отыграться в следующей, тринадцатой партии. Однако я не

пошел навстречу его желанию завязать неясную игру, провел серию упрощающих разменов, и мы пришли к позиции, в которой ничейный исход был неизбежен. Тут Делорье задумался.

— Вы на ничью согласны? — спросил я.

Мой противник не ответил. Слышал он или нет? Прошло еще некоторое время, а он все не делал хода и по-прежнему находился в таком глубоком раздумье, какого эта абсолютно ничейная позиция совсем не заслуживала.

— Вы на ничью согласны? — отважился я повторить свой вопрос.

Делорье услышал и словно очнулся от глубокого сна.

— Да, да, конечно... — Он остановил часы. — Тут ничья, это ясно. Совершенно ясно.

— Над каким же ходом вы думали, если это не секрет?

— Что? Над каким ходом? Над тем, какой я сделаю в завтрашней партии. Над первым ее ходом! — улыбнулся, уже придя в себя, канадец.

— Но ведь завтра белыми играю я.

— А разве черным не надо делать первого хода? — отпарировал он, и мы поднялись.

И все же он нашел в себе силы оправиться от психологического удара, и в четырнадцатой партии ценой невероятного напряжения достиг своего: изящной жертвой шести (!) шашек буквально разгромил мою позицию. Любому шашкисту эта комбинация доставит громадное эстетическое наслаждение.

Победа вдохновила Делорье. Стремясь во что бы то ни стало ликвидировать просвет в два очка, он в каждой встрече бросал все силы в атаку. Я же должен был — любой ценой — выстоять и не проиграть. Часто нужно было мобилизовать все силы, весь опыт, чтобы избежать его коварных ловушек и сохранить равновесие. Иногда мне казалось, что я сорвусь, и не знаю, что было бы, если бы рядом со мной не было моих верных товарищей — Ивана Козлова, которого мы между собой прозвали «гроссмейстером психологии», и Владимира Каплана. Последний нередко оставался в отеле, следя за матчем по трансляции, чтобы сохранить свежую голову. А когда я возвращался с игры, он нас встречал с новыми предложениями и вариантами. Далеко за полночь мы анализировали их и готовились к очередным боям.

На финише соревнования в зале присутствовали многие сотрудники нашего посольства в Голландии. Они сидели молча, но я каждой своей клеточкой чувствовал дружескую поддержку соотечественников. Мне даже трудно подобрать

слова, чтобы передать это чудесное чувство, когда знаешь, что ты не один, что соотечественники следят за каждым твоим движением и горячо желают тебе успеха. Если бы не это, возможно, выдержка изменила бы мне.

К тому же не каждая партия проходила спокойно. Иногда во время игры трудно было полностью сосредоточиться. Когда мы играли в Шевенингене, местные девушки подготавливали торжественную встречу с нами так старательно и долго, что в конце концов опоздали к началу партии. Смущенные, они появились со своими подарками и цветами, когда борьба была в самом разгаре. Пришлось прервать игру и вежливо выслушивать их поздравления.

В другой раз игру остановил Делорье. Случилось это, когда в зале стало известно, что скончался папа римский. Делорье — католик — так разволновался, что не смог продолжать партию и попросил прервать ее. Я, конечно, атеист, но пришлось пойти навстречу.

На одну из партий мне случилось опоздать к началу. Я играл черными. Поздоровавшись и попросив извинения у ожидавшего меня за столиком противника, я бросил взгляд на часы: моя стрелка продвинулась вперед на 25 минут! Я решительно двинул шашку навстречу уже сделанному Делорье ходу, записал свой ход в бланк и поднял голову... Противник мой исчез! Прошла минута, две, пять — его нет. Судьи пошли разыскивать его. Напрасно... Но ровно через 25 минут он подошел к столику и опустился на стул.

— Куда вы пропали, господин Делорье? Уже давно ваш ход! Ведь вы же видели, когда пришел господин Куперман, — сказал ему судья.

— Вы полагаете, что меня устраивает игра с форой?! — воскликнул канадец.

Когда мы подошли к счету 10,5 : 8,5 в мою пользу, это означало, что матч мной уже выигран, хотя еще и не окончен. Тут же в зале, сразу после партии, я начал получать поздравления: от моих спутников, от работников посольства, от Келлера и еще нескольких голландцев. Но особенно поразило меня поздравление одной незнакомой старушки, которая даже бросилась обнимать меня:

— Я так рада, так рада, господин Куперман! Вы не знаете меня, но я сестра известного шашкиста. Моя фамилия Кац.

— Ты знаешь такого шашкиста? — шепнул я стоявшему рядом Козлову. Тот сделал недоуменную гримасу. — Ведь не может быть она сестрой нашего московского мастера Льва Каца?

Выяснилось, что старушка — сестра знаменитого голландского «претендента на шашечный трон» де Гааза.

— Господин Куперман! Вы и господин Козлов должны оказать мне честь, вы должны принять мое приглашение на ужин. Еще не было чемпиона мира, который бы не ужинал или не обедал в моей квартире.

Посоветовавшись с Козловым, мы решили не нарушать такую «чемпионскую традицию».

На ужин к госпоже Кац были приглашены и несколько ее друзей, среди которых были и шашкисты. Еще до того, как все сели за стол, зашел разговор об игре вслепую.

— Я слышал, что у вас в стране игра вслепую запрещена, — сказал мне один из гостей.

— Не игра вслепую запрещена, а запрещены публичные выступления с игрой вслепую, — поправил я. — Ввиду вреда, наносимого такой игрой здоровью выступающего.

— Жаль, что вы не умеете играть вслепую... Было бы интересно сыграть с вами партию. За доской я, конечно, не могу быть вам партнером, но если бы вы вели партию вслепую...

— Что ж, можно попробовать, — согласился я.

Достали доску, он сел и расставил шашки, а я отошел в дальний угол комнаты и отвернулся к стене, чтобы ничто не отвлекало меня и не мешало сосредоточиться. Начали играть. В это время пришла еще какая-то запоздавшая гостья.

— Что здесь происходит? — как рассказывал потом Козлов, шепотом спросила она у хозяйки.

— Это господин Куперман, новый чемпион мира. Он играет партию вслепую с известным вам мистером Либелем.

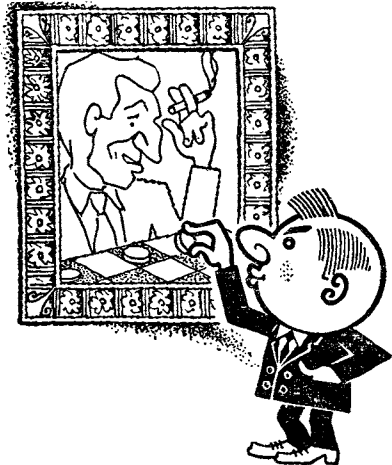
— А этот Куперман, он играет совсем вслепую? — через некоторое время вновь зашептала с хозяйкой гостья. — Вы считаете, что он действительно слепой? Я, например, следила за ним и абсолютно уверена в том, что он только что посмотрел через окно на улицу!

Хозяйка рассмеялась и объяснила ей, что называется игрой вслепую. Хорошо быть сестрой знаменитого шашкиста: знаешь много такого, что неизвестно другим!

После ужина госпожа Кац предложила гостям ознакомиться с ее коллекцией картин.

— Вот это — мой брат. — Она позвала нас к картине, на которой известный голландский художник запечатлел де Гааза, погрузившегося в глубокое раздумье над шашечной доской.

Все посмотрели эту картину и отошли к другим, среди

которых действительно было несколько редких и ценных полотен. Только Козлов остался у картины де Гааза. Осмотр коллекции подходил уже к концу, а Козлов все стоял на одном месте, напряженно всматриваясь в полотно.

— Да,— вернулась к нему госпожа Кац,— мой брат вышел здесь замечательно. Как живой! Не правда ли, художнику очень удалась эта картина?

— Очень, очень... Просто замечательно удалась! — воскликнул Козлов.— Такая комбинация! Ведь белые отдают семь шашек, но зато потом забирают девять и проходят в дамки! Смотрите... — И он стал показывать ходы в позиции, которую на картине разбирал де Гааз...

По регламенту предстояла еще партия. Она была проведена в знаменитом Графском зале правительственного дворца. Каждый житель Голландии хорошо знает историю этой святыни-цитадели. Это первое здание в Гааге, сооруженное еще в 1260 году. Ежегодно, в третий вторник сентября, королева Голландии проводит здесь церемониал утверждения нового состава правительства и чтения правительственной программы. И вот впервые залы величественного здания, где сосредоточены правительственные и парламентские учреждения, были предоставлены для спортивного соревнования.

Хотя партия не имела особого значения, но Делорье очень хотелось выиграть «под занавес». Это ему не удалось, и окончательный итог матча стал 11 : 9. Тут же состоялось официальное закрытие, где я был провозглашен чемпионом мира. Как написали на следующее утро газеты, на шашечном троне, «сменив Делорье Девятого, воцарился Куперман Десятый».

Голландская печать подробно и живо комментировала мою победу. Особо отмечалось, что теперь по двум распространенным в мире умственным видам спорта — шахматам и шашкам — звание чемпиона принадлежит представителям Советского Союза. И одно из первых поздравлений я получил именно от М. Ботвинника, находившегося в то время в Голландии.

Поездка за границу всегда оставляет много впечатлений: новые пейзажи, обычаи, люди, традиции. Немало воспоминаний осталось и у меня. Я был тронут, увидев в холле одного из отелей в Гитене пожилого человека, державшего в руках книгу, на обложке которой был изображен так знакомый советским людям профиль. Пушкин! В голландском переводе. Не знаю почему, но этот томик нашего поэта в руках голландца произвел на меня большее впечатление, чем виденные мной до этого в витринах магазинов собрания сочинений различных русских классиков. В магазинах я встречал книги и Гоголя, и Достоевского, и Толстого, и, конечно, Пушкина. С голландцем, державшим книгу Пушкина, я, понятно, разговорился и услышал от него, что наш великий поэт очень популярен в их стране.

Произвели на меня впечатление темпы печатания газет и выпуска кинофильмов. Как-то корреспондент «Гаагисхе курант» нас сфотографировал и взял интервью, а через два-три часа мы увидели себя в свежем номере газеты. Кинооператоры снимали нас вечером, а наутро все это демонстрировалось в кинохронике.

Когда проходишь по городу, то удивляешься, как мало покупателей в магазинах. Мы даже опасались в них заходить: продавцы сразу набрасываются и так уговаривают, что поневоле приходится что-нибудь купить. Стремясь продать товары, хозяева прибегают к разным трюкам. Например, объявляется неделя, когда все продается за полцены (надо думать, что это делается не в убыток!). Нередко можно увидеть объявление: «Такие-то товары на день-два понижены в цене. Торопитесь купить!» В магазинах торгуются — это вызывало у нас удивление. Тому, кто много покупает, делается скидка. Сами цены имели для нас непривычный вид: вещь никогда не стоит шесть гульденов, но обязательно пять гульденов 99 центов. Не четыре гульдена, а три и 98 центов. Этот прием создает своеобразный «обман зрения».

В Голландии велосипед — самый популярный вид транспорта. В часы «пик» создается впечатление, будто все сели на велосипеды. Велосипедисты мчатся с большой скоростью, смело лавируя под «носом» у автобусов, трамваев и автомашин. На велосипедах можно увидеть возвращающихся из школы ребят, монахинь и, конечно, множество влюбленных парочек. Попадаются велосипеды, приспособленные для обслуживания целой семьи — «папа, мама и я»: для малыша предусмотрен специальный плетеный стульчик.

Водный и велосипедный спорт, а также шашки считаются национальными видами спорта. Нам говорили, что во время войны немецкие захватчики конфисковали все велосипеды и использовали их как арматуру для строительства укреплений.

В те дни в Голландии демонстрировались наши фильмы — «Летят журавли», «Идиот» и другие. Кинотеатры были переполнены. Мы тоже захотели пойти. Подошли к кассе одновременно с группой голландцев, а там — только четыре билета... Когда голландцы узнали, кто мы, то решили нам уступить. И мы уже чуть было не взяли билеты, но вдруг дело приняло другой, и, пожалуй, более правильный оборот. Кто-то из голландцев сказал своим друзьям:

— А ведь фильмы — советские! Наши друзья сумеют посмотреть их дома, не то что мы...

Мы отказались от билетов.

Не обошлось и без забавных случаев. В Амстердаме нас пригласили на футбольный матч с участием сборной Голландии. Перед началом объявили, что мы все — Делорье, Козлов и другие — присутствуем на стадионе. Нас шумно приветствовали. Затем дирекция стадиона пригласила нас в особую комнату, где были также журналисты и судья матча. Нас спросили, видели ли мы игру голландских футболистов. Мы сказали, что видели в прошлый приезд. Они захотели узнать наше мнение о них и получить прогноз об исходе предстоящего сегодня матча. Из нас самым большим любителем и знатоком футбола был Козлов. Если он начинает рассказывать о футболе, то остановить его уже не так просто... Он начал высказывать свое мнение, давать советы, словом, «ударился в теорию». Как на грех, судья матча тоже оказался не только «крупным теоретиком кожаного мяча», но и ярым спорщиком. «Слово за слово, беседу завязали мужички...» Они так увлеклись (и увлекли других), что опомнились лишь тогда, когда кто-то открыл двери и донесся негодующий рокот ожидающих зрителей. Судья взглянул на часы, хлопнул себя по лбу и, прокричав на ходу: «Победа за вами!» — побежал вызывать команды на поле. По вине Ивана Пименовича матч был задержан на 18 минут.

Голландцы были очень гостеприимны, но недаром говорят, что в гостях хорошо, а дома лучше. С огромной радостью садимся в самолет. Мы были счастливы, что оправдали надежды многочисленных болельщиков и друзей. С этим настроением я вернулся в родной Киев и приступил к своей работе инженера.

НОВОЕ ИМЯ

Пятый чемпионат страны состоялся в мае 1959 года в Киеве. Уже до начала приятной неожиданностью явилось значительное омоложение состава по сравнению с предыдущими первенствами. Никогда еще не бывало, чтобы более половины участников было моложе 30 лет, треть была и вовсе представлена почти юношами, не достигшими 25 лет.

Турнир не выявил чемпиона: первое и второе места поделили «опытный известный мастер» (22-летний!) Михаил Корхов и молодой неизвестный (18-летний!) Вячеслав Щеголев. Оба набрали по 11,5 очка из 17 и оторвались от третьего — Макса Шавеля — на полтора очка.

Успех Славы Щеголева — воспитанника Московского стадиона юных пионеров — был большим сюрпризом. При этом он установил еще один своеобразный рекорд: в закончившемся (накануне пятого чемпионата) первенстве страны по русским шашкам Слава разделил первое — третье места. Такой дубль был впервые достигнут в соревнованиях! И все же кое-кто склонен был тогда расценивать достижение Щеголева как результат везения. Но уже ближайшее будущее показало, что это не так.

Другим открытием чемпионата был совсем еще юный (16-летний) рижанин Андрис Андрейко. Он поделил с Цириком четвертое-пятое места. Его не по возрасту зрелая игра предвещала, что он способен вскоре сказать и еще более веское слово.

В июне состоялся короткий матч между Корховым и Щеголевым. Победила молодость! Москвич завоевал право участвовать в турнире претендентов в Монако.

ЭКЗАМЕНАТОР ИЗ ВАГЕНИНГЕНА

В июне 1958 года в Монте-Карло проходил турнир претендентов, в котором наш представитель, к сожалению, не играл: он прилетел в Монако с опозданием и не был допущен к соревнованиям. Первое место завоевал чемпион Голландии Герт ван Дейк.

Теперь я знал, кому в октябре буду «сдавать экзамен», с кем стану бороться за титул. Времени на подготовку у меня было немного, гораздо меньше, чем имел мой соперник.

«Да разве время течет не одинаково для обоих?» — спросит малоискушенный читатель.

«Побывайте «в шкуре» чемпиона мира, и вы поймете», — отвечу я.

И верно: каждый претендент, который в душе лелеет мечту сразиться с чемпионом, может начать готовиться — изучать его партии, стиль игры и прочее — задолго до начала турнира претендентов. А чемпион? Ведь он не может готовиться к игре со всеми претендентами! Он должен ждать конца этого турнира, чтобы узнать, кто будет его противником.

Итак, я знал: за столик против меня сядет ван Дейк. Тот самый, с которым я играл в свое время в двух маленьких турнирах в Голландии. Тогда обе наши партии закончились вничью...

Нашему матчу предшествовали длительные переговоры. Голландцы хотели устроить матч из четырнадцати партий, а не из двадцати, как обычно. Почему-то они решили, что чем длиннее дистанция, тем больше у меня шансов на победу. Хотя я и не считал, что это так, но мы отстаивали число двадцать: в подобных соревнованиях должна быть стабильность. Мы настояли и на том, чтобы матч проводился у нас (голландцы предлагали организовать его в трех странах — Франции, Бельгии, Голландии). Однако из-за торга начало игры отодвинулось, и — нет худа без добра! — я получил на подготовку еще месяц.

Я принялся составлять характеристику своего будущего противника. Во многом мы были с ним схожи. Начиналось с возраста: ван Дейк моложе меня всего на два года. У нас было также много общего в стиле и манере игры. А разница: я — горный инженер, он — научный сотрудник Вагенингенского научно-исследовательского института, занимается селекцией трав; я — атеист, он — верующий, лютеранин.

Он усиленно готовился к матчу со мной, а перечень его турнирных и матчевых успехов производил впечатление. Он очень редко проигрывал и в 55 турнирных партиях, иггранных в начале 1958 года в международных турнирах и первенствах страны, только два раза испытал горечь поражения, выиграв при этом 21 раз и окончив вничью 32 партии. В прошлом году ван Дейк выиграл матч у чемпиона Европы Келлера, а результат, показанный им в Монако, тоже был отличным: 9 из 12! Недаром все ведущие голландские шашисты, кроме Келлера, предсказывали победу ван Дейку.

Изучая его партии, я пришел к выводу, что выиграть у ван Дейка, играя в позиционной манере, будет трудно: он в совершенстве владел тонкостями позиционной игры. Нужно изменить свой стиль, навязать противнику игру сложную, запутанную, с комбинационными осложнениями. Словом, именно то, от чего я уклонялся, играя против Делорье! Конечно, мне было нелегко решиться на такую «перестройку»: за многие годы своей шашечной практики я привык к позиционному стилю.

«ОТДАЙТЕ НАМ ТИТУЛ!»

Матч проходил с переездом, в пяти городах, по маршруту: Киев, Минск, Рига, Ленинград, Москва.

На открытии выступил сопровождавший ван Дейка господин Ивенс, который в шутку сказал:

— У вас страна большая, у вас много чемпионов. У нас страна маленькая и чемпионов мало. Этот титул почти всегда принадлежал нам. Отдайте его! А не хотите, так заберем силой...

После этого были пущены часы, и борьба началась.

В первых четырех партиях я испытывал трудности. Ван Дейк непрерывно атаковал и имел преимущество. Голландские газеты писали, что даже родные стены седого Киева не помогают Куперману, что он вот-вот потерпит поражение. Но мне как раз очень хотелось выиграть, хотя бы одну партию, именно в Киеве. И в пятой это удалось сделать. Тогда в голландских газетах замелькал заголовок: «Куперман поставил ван Дейка на одно колено».

Я предполагал, что после поражения ван Дейк будет стремиться отыграться

и охотнее пойдет на осложнения. Так и вышло. Ван Дейк проиграл еще партию, что голландская печать отметила заголовком: «Наш ван Дейк на коленях перед Куперманом», а затем, войдя в азарт, еще две, «Куперман бьет лежачего» — таков был отклик зарубежных газет.

Наших голландских гостей везде встречали очень тепло, и это они неоднократно отмечали. Они везде получали столько подарков, что их уже некуда было складывать. Мы с Козловым купили им по добавочному чемодану, но вскоре и этого оказалось мало: их багаж непрерывно увеличивался.

«Я БУДУ У ВАС МНОГО БОЛЕТЬ!»

Когда мы переехали в Ригу, счет матча был 7,5 : 2,5 в мою пользу. Однако ван Дейк был очень бодр и приветливо улыбался.

Зато Ивенс, секундант ван Дейка, заболел. Он простудился в дороге, и у него повысилась температура. Но на все предложения Козлова прислать врача и сестру для уколов пенициллином Ивенс отвечал категорическим отказом. Все же когда ртуть в термометре подскочила очень уж высоко, Козлов вызвал врача, не спрашивая гостя. За доктором пришла сестра с уколами и различными лекарствами... Температура стала быстро спадать, и вскоре Ивенс выздоровел.

— Сколько я должен уплатить? — спросил он, вздыхая, и полез за кошельком.

— Уплатить? — удивился Козлов. — Платить не надо: у нас медицинская помощь предоставляется бесплатно.

Ивенс, в свою очередь, еще больше удивился, а потом заметно повеселел:

— О! Я буду у вас много болеть! Лечиться и не платить — ведь это так приятно!

«ГИБЕЛЬ ВАН ДЕЙКА В СНЕГАХ РОССИИ»

После четвертой рижской партии стало известно, что я сохранил титул: «на моем счету» уже было десять очков. Однако матч нужно было доиграть до конца, как это было заранее предусмотрено Федерацией. Мы переехали в Ленинград.

После двух ничьих в Ленинграде, который так понравился гостям, что они в один голос заявили: «В этом прекрасном городе мы оставляем свое сердце!», мы отправились в Москву.

Заключительная часть матча, конечно, представляла собой для ван Дейка пытку, но он держался очень спортивно. Я ему несколько раз в лучшей позиции предлагал ничью: меня такой исход устраивал. Он отклонял ничьи и играл до конца, хотя два раза и пострадал на этом.

Матч окончился со счетом 13,5 : 6,5. Голландские газеты скорбели: «Гибель ван Дейка в снегах России».

1960 год был богат шашечными событиями. Состоялся шестой чемпионат страны. В списке участников имена совсем молодых талантливых шашкистов — ленинградцев Александра Раца и Валерия Епифанова, шестнадцатилетнего харьковчанина Льва Слободского... Чемпионом становится Михаил Корхов.

Летом в Киеве был проведен второй международный турнир. Из пятнадцати участников пять иностранцев: чемпион Европы голландец гроссмейстер Рейн Корнелий Келлер, мастера француз Жорж Обье и бельгийцы Жозеф Демесмекер, Морис Ферлейн, Артур ван ден Берг.

Келлер — весьма примечательная фигура на шашечном горизонте. Как сильно он играет, видно хотя бы из того, что он тринадцать раз выигрывал первенство Голландии. Но по своим достижениям в борьбе за мировое первенство он напоминает Пауля Кереса: всегда второй и никогда первый! Действительно, Келлер дважды занимал в Олимпийских турнирах второе место и четыре раза завоевывал право на матч с чемпионом мира.

Когда мы были в Амстердаме, Келлер пригласил нас к себе и по нашей просьбе показал свои медали за шашечные победы. Их оказалось больше ста! Это подлинная история шашечных соревнований...

Вообще на Западе не много сильных позиционных шашкистов, но Келлер один из тех, кто блестяще владеет позиционным стилем. Изучение его партий много дало мастерам советской школы на первом этапе освоения стоклеточных шашек.

Меня всегда интересовало: почему Келлер не написал никакого учебника по шашкам. В Киеве я спросил его об этом.

— Видите ли, — ответил он, — учебники пишут люди, глубоко понимающие игру, проникшие в ее суть, люди, от которых шашечная игра не таит секретов. Для меня же чем больше я играю, тем яснее становится, какое огромное количество малых и больших тайн в шашках я еще не раскрыл.

Не знаю, раскрыл ли наконец Келлер «все тайны шашечной игры», но через два-три года после нашего разговора он все же издал учебник. И очень неплохой!

Келлер — искренний друг Советского Союза. Еще в 1938 году он публиковал у нас, в газете «64», статьи, пропагандирующие стоклетки, потом присылал шашечную ли-

тературу, партии турниров. Когда мы вступили в ФМЖД, он одним из первых приветствовал это вступление.

Как и раньше, в турнире 1956 года, гости не устояли перед сильным волевым напором наших шашистов. Хотя отдельные партии они проводили очень хорошо, но все же были вынуждены ограничиться весьма скромными итогами. Было ясно: они не ожидали встретить такой класс игры в Советском Союзе, где основательно занимаются стоклеточными шашками всего семь лет.

Приближался Олимпийский турнир, и поэтому я был очень доволен, что мне удалось взять первое место с отрывом в полтора очка. Это казалось мне свидетельством моей хорошей формы. Так оно и было, но не послужило мне на пользу: самоуспокоение перед ответственным соревнованием всегда опасно.

Второе и третье места поделили Щеголев и Цирик.

Гости расположились на местах «за креслами»: Келлер поделил девятое и десятое, а остальные поместились в таблице еще ниже. Тем не менее они остались довольны. Нет, нет. Не результатами, конечно...

Келлер сказал:

— Я приятно удивлен тем вниманием и заботой, которыми нас окружили советские люди...

Обье:

— Я никогда не забуду день, когда участники турнира торжественно отметили французский национальный праздник — взятие Бастилии!

И общее мнение выразил Демесмекер:

— Незнание языка не мешало сближению наших сердец!

После моего нового успеха я в самом радужном настроении стал ожидать Олимпийский турнир. В подготовке мне помогал Каплан. Однажды утром он вошел ко мне, таинственно улыбаясь:

— Изя, ты сегодня читал газеты?

Когда я сказал, что еще не читал, Володя засиял: всегда приятно сообщить радостную, воодушевляющую новость. Он вынул газету:

— Смотри!

Указом Президиума Верховного Совета СССР я, в числе других ведущих спортсменов, был награжден орденом «Знак Почета» за достижения в области шашек.

ГОРОД КАНАЛОВ

10 октября 1960 года Щеголев, я, Козлов, Каплан и Тамбиев (председатель Федерации шашек СССР) вылетели на Олимпийский турнир в Голландию. Погода не благоприятствовала торжественной встрече: лил сильный дождь. Несмотря на это, представители Советского посольства, спортивной общественности и многочисленные корреспонденты ожидали наш самолет на аэродроме.

До начала турнира оставалось пять дней, и мы решили ознакомиться с достопримечательностями Амстердама. Это крупнейший город страны. Его часто называют «Северной Венецией», так как по числу каналов он ей не уступает. А гиды уверяют даже, что каналов и мостов в Амстердаме вдвое больше, чем в Венеции. Идешь по городу и наблюдаешь удивительную картину: по суше, как в сказке, величественно проплывают суда. Лишь когда приближаешься, то видишь широкий канал с поднятыми мостами. После пропуска судна мосты опускаются, и уличное движение восстанавливается.

Фактически весь Амстердам изрезан каналами. Иногда, как наши бульвары, они проходят прямо посередине улицы,

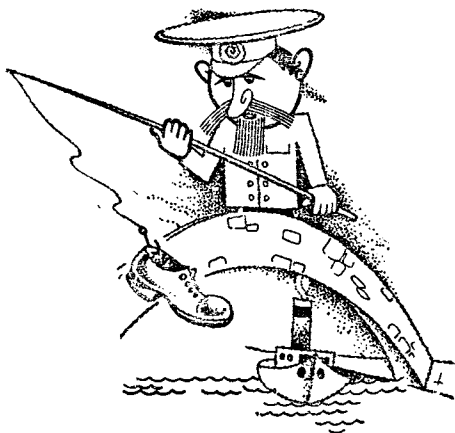
а то и сами являются узкими водяными улицами, по которым плавают лодки, порбй заменяющие дома живущим в них людям. Ведь с жильем там туго. Здания в Амстердаме вытянулись вверх и плотно прижались одно к другому, словно стараясь занять меньше места на земле. ПопадаютсЯ дома удивительно узкие — всего по одному окну на каждом этаже, а лестницы в них почти вертикальные, и мебель приходится втаскивать канатами прямо через окно.

Подъезды домов порой выходят прямо на воду, а автомобили и подавно стоят впритирку носом к воде. Весь город выстроен на нетвердой илистой почве, под ним — осушенное болото. На сваях стоят многие дома.

Каналы, каналы — их очень много (только больших каналов — свыше пятидесяти). Мостов — больше четырехсот. Вдоль каналов одна к другой прижимаются жилые баржи, образуя целые улицы на воде. В Амстердаме больше тысячи таких барж-домов. Рядом с военным кораблем, неведь зачем оказавшимся здесь, — большое ободранное судно. Круглые иллюминаторы переделаны в квадратные окошки. Оказывается, старую посудину, отжившую свой век, приобрели под общежитие студенты. Но их поджидает беда. Амстердамские власти разрешают ставить вдоль каналов жилые баржи и суда, предназначенные для жилья, шириной не более 20 метров. А студенты неосмотрительно позарились на судно шириной 26 метров.

Нередко какая-нибудь машина, а то и автобус из-за неосторожности водителя падают в канал. Если окна и двери машины плотно закрыты, пассажиры не должны беспокоиться: их вытащит специальная полицейская спасательная машина с краном. Она по сигналу тревоги немедленно примчится к месту происшествия.

Проходим под каким-то мостом. Сверху служитель спускает на удочке башмак. Девушка-гид кладет в башмак мелкую монету, и тогда служитель подсекает свой улов. Взимать таким «рыболовным способом» плату за проход под мостом — старая традиция. Ее соблюдают ревностно.

Амстердам — город знаменитых гранильщиков алмазов. И еще — город Рембрандта. Конечно, нам очень хотелось посетить музей Рембрандта. Я пытался это сделать в предыдущую поездку, но тогда Козлов, который строго следил за моим режимом, сказал:

— Нет, Изя. Ты иди поспи: Рембрандт Рембрандтом, а Делорье — не подарок. Мало ли что случится...

Теперь же мы располагали временем и собрались пойти. Но как найти туда дорогу?

— Беспокойтесь о чем-нибудь другом, но не об этом. Ведь поведу вас я! — заявил Козлов.

Мы пошли. Ходили, ходили, ходили... Наш «проводник» все время говорил: «Вот, вот здесь...», но каждый раз это оказывалось что-нибудь другое.

— Скажите, пожалуйста, как пройти в музей Рембрандта? — начали спрашивать мы у прохожих.

К нашему удивлению, многие не знали даже, что в Амстердаме есть такой музей. Когда мы порядочно устали, то повернули назад, к отелю, и, уже подойдя к нему, наткнулись... на музей.

Были мы и в государственном Райхсмусее, который по величине и богатству экспонируемых картин сравним с нашей Третьяковской галереей.

Основное место в музее занимают картины Рембрандта. Есть такие, например, как знаменитый «Ночной дозор», которые в разных вариантах занимают по целому залу. Однако здесь экспонируются произведения не только Рембрандта, но и других художников голландской школы, в частности Ван Дейка. Я как-то спросил моего соперника в матче, не является ли он родственником художнику. Голландец просто ошеломил меня, сказав, что точно не знает. Конечно, ван Дейков в стране много, но даже будь их в десять раз больше, как можно не выяснить, кем вам приходится знаменитый художник?

Тут же, в музее, этом храме искусства, процветает бойкая торговля сувенирами, копиями картин, цветными диапозитивами. Имеется здесь и ресторан, где можно отдохнуть, если вы устали от осмотра многочисленных залов с картинами.

В Амстердаме есть церковь, право молиться в которой имеют только двое: голландская королева и принц. (По законам страны, если королева выходит замуж, ее муж не становится королем, а считается принцем.)

Амстердам — главный город страны. Между Амстердамом, Гаагой и Роттердамом постоянное соперничество во всех областях: в промышленности, в торговле, во всем. В этой конкуренции не забыты и шашки.

ПРИЕМ У БУРГОМИСТРА

В отель «Красный лев», где мы остановились, начали прибывать и другие участники. Из Канады прилетел мой «старый противник» Марсель Делорье. На этот раз он захватил «подкрепление» — сына, который, являясь историком, очень интересовался русской исторической литературой.

Делорье перед приездом перенес тяжелую операцию глаза, но, несмотря на это, по-прежнему был полон энергии и заражал всех жизнерадостностью.

Приехал африканец Баба Си. Он отправился в путь очень легко одетый, потом, спохватившись, послал предупредительную телеграмму, и ему принесли теплые вещи прямо к поезду. Об этом шашисте с его удивительной историей я расскажу несколько позже. Ко дню открытия были почти все.

Турнир был задуман как небывалый шашечный «марафон на колесах». Туры должны были проводиться в двадцати двух городах. Для переездов был закуплен огромный автобус, на котором мы и пересекали страну в разных направлениях.

В Голландии очень любят торжественные церемонии. Например, открытие турнира проходило так: нас собрали в холле гостиницы, выстроили парами (я вспомнил золотую пору детства!), и таким строем мы подошли к нашему автобусу. Этот автобус остановил все движение: улица была узкая, а он занимал всю ширину. Садясь в него, мы подумали, что придется долго ехать, но место назначения оказалось рядом, и мы быстрее бы дошли пешком. Посадка в автобус и поездка — дань церемониалу открытия.

Мы сошли у городской ратуши, в которой нас должен был встретить и принять бургомистр. Я как чемпион мира и Делорье как экс-чемпион шли впереди процессии. Это очень беспокоило Козлова, который шел сзади:

— Изя, тебе придется сказать несколько приветственных слов... — многократно напоминал он мне. — Ох, как ты там без меня справишься? Ты иногда неплохо проводишь партию в шашки, но за твой немецкий я...

— Ничего, Ваня, не беспокойся. Все будет в порядке.

Когда мы зашли, нас у входа встретил голландец в треугольной шляпе. В руках он держал палку с золотым набалдашником.

«Это — жезл, символ власти», — подумал я и принялся говорить ему любезные фразы насчет города и всего другого. Он же предложил мне примерить его шляпу. Это нас сразу поставило на короткую ногу, и беседа потекла очень непринужденно. Я уже достал из кармана шашки и начал ему показывать какую-то позицию, но в этот момент подбежал Козлов:

— Чего вы тут топчетесь около швейцара? Почему задерживаетесь? Изя, бургомистр ведь ждет! А ты остановил всю процессию.

Мы пошли дальше. Когда встретились с бургомистром, я был чрезвычайно сдержан...

ЗНАКОМЛЮСЬ С ГРАФОМ

После приема мы шли к автобусу через двор. Нас попросили остановиться. Оказалось, что на пятый этаж забрался фотограф, который хотел сделать сверху оригинальный снимок. Он чуть не вылетел из окна, но сфотографировать нас ухитрился. Его подвиг был всеми оценен, а он не растерялся и, пользуясь этим, назначил дикую цену за снимки... «Каждый делает деньги, как может», — говорили участники, разбирая его товар.

Затем мы сели в автобус, и наш кортеж, напоминавший сценки из «Записок Пикквикского клуба», направился в отель «Краснопольский», где должно было состояться открытие турнира.

Я уже знал всех участников, кроме Сен Фора и графа де Дескалара.

В автобусе было много посторонних, и я спросил сидевшего рядом человека:

— Скажите, пожалуйста, где тут граф де Дескалар?

— Это я, — услышал я в ответ.

Так состоялось мое первое знакомство с аристократом. Этот представитель старинной дворянской фамилии, конечно, ничем не напоминал героев Дюма. Он — француз, чемпион Марокко, живет в Касабланке, где работает архитектором. Во всех городах Голландии дамы «болели» за графа. Возможно, именно их внимание отрицательно сказалось на его результатах.

— С шашками у нас трудно, — сказал он мне. — Государство никакой помощи не оказывает: король больше любит играть в шахматы.

— Плохо пропагандируете. Надо показать королю несколько шашечных комбинаций, — пошутил я.

Приехав в отель, мы все направились в огромный, обставленный тропическими растениями зал, где уже были накрыты столы для обеда на двести персон. Каждому заранее вручили список блюд, которые будут подаваться, чтобы он мог «рассчитать свои силы». На мой вопрос: «Почему банкет предшествует официальной части?» — организаторы ответили:

— Вы впервые на открытии Олимпийского турнира? Поэтому вы и спрашиваете. Впредь на Олимпийских турнирах вы такой вопрос не зададите.

И действительно, не задам! Ведь открытие — приветствия, выступления, представление участников, и прочее, и прочее — длилось с трех часов дня до двенадцати ночи... Это было очень утомительно и, когда вызвали Дескалара, кто-то за него сказал, что граф уже отправился спать.

Публике нас представлял специальный церемониймейстер. Он громовым голосом объявлял о всех титулах и шашечных победах участников. Все это каждый раз сдабривалось еще какой-нибудь шуткой, впрочем не всегда удачной. Например, Аглиарди представили как «чемпиона великого Монако и его окрестностей».

Я НАРУШАЮ... ПРАВИЛА

В турнирном зале необычная для наших спортсменов обстановка. Зрители сидят за столиками, на которых раскладывают принесенные ими шашки и анализируют еще играющиеся партии. Арендная плата за помещение не платится. Хозяева довольны, когда у них проводят турнир: они получают доход. Вход бесплатный, но служитель разносит программы соревнования, за которые каждый платит 25—50 центов. Кроме того, посетители заказывают что-нибудь поесть, вино, разные напитки.

Всего было 14 участников, и каждому предстояла нелегкая задача — сыграть в два круга 26 партий. Старт я взял удачно: после первых шести партий у меня было 5,5 очка. На пол-очка отставал Щеголев, и на очко Баба Си. Среди этих партий одна была очень напряженной — с голландцем Барисом Дюкелом. В ней все менялось как в калейдоскопе:

сначала мог выиграть я, потом — он, а главное случилось, когда, казалось, что буря уже утихла. Рассчитав вариант и делая ходы, я забыл о правиле взятия наибольшего количества шашек и вместо двух шашек побил одну! Но самое интересное, что противник тоже не заметил нарушения правила. Я взял одну шашку, и это вело к моей победе, возьми я две — была бы ничья. Весь зал глухо шумел, но мы не обращали внимания и продолжали борьбу. Вскоре Дюкел сдался. Тогда к нам подбежали Козлов и несколько голландцев и стали показывать, что я обязан был брать не одну, а две шашки... Я думал, что меня тут же заставят снова разыгрывать партию с неправильного хода (как требует наш кодекс). Но ничуть не бывало! Мою победу зафиксировали. Оказалось, в голландском и международном кодексе есть такой пункт: если ход делается не по правилам, то противник может либо заставить пойти правильно, либо продолжать игру с этим неправильным ходом. Но выбрав что-нибудь одно, потом уже нельзя предъявлять никаких претензий.

Дюкел по профессии рыбак. Он вел теоретический отдел в шашечном журнале «Хет дамспел» и «по должности» был в курсе всех дебютных новинок. Он очень честолобив и со всеми играет на выигрыш. Не заметил, чтобы он был большой «счастливчик» в игре, но в одном отношении ему повезло: он живет в Эймейдене, а бургомистр там большой любитель шашек. Во время турнира он посылал Дюкелу анализы его партий, то есть был своеобразным тренером. Хозяин Дюкела тоже любит шашки, и даже настолько, что для подготовки к турниру освободил его на месяц от работы, не удерживая зарплату.

— Ему везет,— говорили голландцы, намекая на этот факт.

Другой участник — голландец Бом — работает на заводе в Утрехте. А так как его хозяин любитель не шашек, а футбола, то он не освободил Бому даже на время турнира. Голландец должен был ежедневно после работы ездить на тур в другой город. В день моей с ним встречи ко мне подошел главный судья господин Фреуде и сказал:

— Мистер Куперман! Только что звонил Бом: у него в дороге испортилась машина, и он опаздывает на игру. Тем не менее я пускаю его часы, а по истечении часа поставлю ему поражение. Он голландец, и я тоже, но турнир есть турнир...

О решении судьи сообщили притихшим зрителям. Это случилось на финише, когда каждые пол-очка были особен-

но дороги. Разумеется, я очень хотел выиграть у Бомы, но получать очко без борьбы... Я сказал Козлову, чтобы он от моего имени попросил главного арбитра не включать часы Бомы, пока тот не придет. Голландцы аплодисментами встретили это «ходатайство» советской делегации. В зале раздались возгласы: «Да здравствуют советские спортсмены!» Все же эту партию мне удалось выиграть.

Интересно, что в другой моей партии с Бомой повторился случай с нарушением правил. Моя позиция была очень тяжелой, и я уже подумывал о сдаче. Сам не знаю, что меня сдерживало. Может быть, слишком гордый вид Бомы, гулявшего вокруг столика. И действительно, он сделал ошибку, и я провел простейший удар (поддал три и снял пять). Однако, наверное, из-за радостного волнения я по ошибке поставил бьющую шашку не на то поле, куда полагалось. Бом промолчал, партия продолжалась и чуть не кончилась ничьей, а побей я правильно, был бы быстрый и эффектный выигрыш.

Забыл я о правиле взятия наибольшего количества и в партии с Диони: вместо двух шашек взял одну. Он поднял шум, стал энергично жестикулировать и заставил меня исправить ошибку, что дало ему возможность добиться ничьей.

Эти три случая удивительных «провалов в памяти» (чего со мной раньше не бывало) показывают, каким утомительным был турнир. Невольно я вспомнил партию двух известных украинских шахматистов. Белый конь был связан. Ходить им нельзя: открывался шах королю. Тем не менее игравший белыми после довольно длительного раздумья сделал ход этим конем. Противник заметил:

— Конем ходить нельзя!

— Простите, простите... — извинился игравший белыми, взял ход обратно и снова стал думать. Затем он опять пошел конем.

— Вы что? Смеетесь надо мной?! — И конь со стуком был поставлен на место.

Белые вновь погрузились в сложные расчеты и вскоре пошли... опять конем! Противник, не сказав ни слова, схватил коня и отбросил далеко от столика...

После удачного старта мне нужно было играть спокойно. Я же решил, что обязан победить всех, и стал идти на чрезмерный риск в каждой партии. Но подобная тактика нередко кончается печально. Так было и здесь: я проиграл Щеголеву. После этого наш юный москвич воодушевился и заиграл так, как никогда раньше. Выигрывая партию за партией, он закончил первый круг с прекрасным счетом 11,5 из 13. На полтора очка было меньше у меня, и на два — у Баба Си. Остальным такой темп был не под силу: Делгорье не оправился еще после операции, у некоторых было мало опыта, а кое-кто был явно слабоват.

К последним относится, например, Аглиарди — чемпион Монако. Из 26 партий он «извлек» всего два очка. Аглиарди живет в Монте-Карло и, как он сам говорит, «играет в карты значительно лучше, чем в шашки». Он неплохо владеет искусством фокусника-иллюзиониста, поэтому ему удалось превращать наши переезды в автобусе из города в город в большие эстрадные представления. Благодаря общительному характеру он пользовался у зрителей большой популярностью. Они всегда обступали его и просили марки, монеты, спичечные коробки Монако, которые очень ценятся коллекционерами. Публика везде болела за Аглиарди, но он все проигрывал и проигрывал... И вот во время тура в зале раздался страшный шум, зрители опрокинули барьер, бросились на сцену... Я перепугался: подумал — пожар. Однако когда увидел, что все схватили Аглиарди и начали его качать, то понял: он одержал первую победу. Она же оказалась и последней... На закрытии самые громкие аплодисменты достались не Щеголеву, не Баба Си, а Аглиарди, который с одним очком и двумя половинками среди множества нулей замыкал таблицу.

К малоопытным участникам я отношу, например, африканца Сен А Кава. Это очень талантливый шашкист, он приехал из Суринама. Непривычный для него климат тоже повлиял отрицательно на его игру. Сен А Кав уже не молод, ему было 42 года, и у него шестеро детей. Он поразил нас колоссальным чемоданом, который с трудом таскали два носильщика. Чего там только не было! И какие-то фуражки, которые он дарил направо и налево. И серебряные медали, посланные президентом шашечного союза Суринама в дар всем участникам. И какие-то напитки из тропических фруктов «для бодрости». И сами тропические фрукты... Он сказал, что вез не один чемодан, но другие бросил в дороге,

так как уже нечем было оплатить их перевозку. Сен А Кав в первом туре выиграл у Делорье. Президент Суринама немедленно прислал ему поздравительную телеграмму и чек на пятьсот долларов.

— Это мы спрячем сюда, а это вот куда,— сказал Сен А Кав и положил чек в карман, а телеграмму в корзину.

Но чек пролежал в кармане недолго. Победа над экс-чемпионом мира вселила в Сен А Кава такую уверенность в своих силах, что он заключил пари с Аглиарди: обязался занять место не ниже пятого. Ставка — упомянутый чек президента. Однако он оказался только на восьмом, и... Аглиарди отправил президенту Суринама телеграмму с благодарностью за пятисотдолларовый чек.

«ЛЕНТОЧКУ РВЕТ» ВЯЧЕСЛАВ

Во втором круге Щеголев немного ослабил темп наступления, и перед двадцатым туром с ним сравнялся не только я, но и Баба Си. У каждого из нас было по 15 очков. Сенегалец этим не удовлетворился и, замахиваясь на большее, выиграл подряд еще три партии. Это подстегнуло Щеголева. Замечательным финишным броском из пяти рядовых очков, одно из которых за блестящую победу над Баба Си, он снова вырвался вперед. В последнем туре ему уже была достаточна ничья, что он и сделал. Его итог — 21 очко. Титул чемпиона мира с этого момента стал принадлежать 19-летнему москвичу Вячеславу Щеголеву! Он выступил прекрасно: не проиграл ни одной партии за весь турнир и из тринадцати «маленьких матчей» восемь выиграл со счетом 1,5 : 0,5, четыре — 2 : 0 и лишь один (с Делорье) сыграл вничью — 1 : 1.

Судьба второго и третьего мест тоже решалась в последнем туре. Баба Си, победив Сен Фора, «не дотянул» до чемпиона на пол-очка. Я же, сыграв вничью, «подравнял» свои результаты в первом и втором круге: в каждом взял по десять очков.

Как только Щеголев, окончив партию последнего тура, набрал 21 очко и сделался недостижимым, все принялись поздравлять его с выдающимся успехом.

Заккрытие турнира проходило в Гарлеме. Вообще говоря, мы «петляли» по Голландии с удивительной непоследовательностью: ехали играть в один конец страны, потом в другой, а назавтра снова возвращались обратно, хотя и в новый город. Понятным было наше недоумение. Оказалось, что «виноваты» бургомистры. Они жертвовали на проведение

турнира различные суммы. Кто жертвовал больше, тому предоставлялось первоочередное право выбирать тур для своего города. Отсюда и получившаяся «чехарда». Бургомистр Гарлема «отвалил» денег больше остальных и «наложил руку» на закрытие.

В Гарлем приехал наш посол в Голландии, представители других посольств, президенты национальных шашечных федераций, журналисты, гроссмейстеры, мастера, много туристов, любители. Приехал и знаменитый шахматист Макс Эйве. Он подошел ко мне с улыбкой:

— Теперь, когда мы оба в одинаковом звании — экс-чемпионы, я приехал с вами познакомиться.

— Очень приятно, — сказал я. — А не стоит ли нам попытаться вернуть утерянное?

— Это никогда не удастся! Победенный однажды — всегда побежденный. Только великий Алехин смог найти в себе достаточно сил для такого подвига. Второе исключение — Ботвинник. Может быть... — он помедлил, — может быть, ему это удастся даже еще раз — с Талем. Впрочем, желаю успеха и вам!

ПЕРЕД ТЕЛЕЗРИТЕЛЯМИ

Закрытие передавалось по голландскому телевидению. Чемпиона и всех присутствовавших экс-чемпионов попросили к микрофону. Операторы вручили Щеголеву перед экраном большой торт — подарок телестудии, а потом обратились ко мне:

— Обычно в таких случаях первым говорит новый чемпион мира. Но сейчас мы решили нарушить этот порядок и обратиться к вам. Сегодня вы стали экс-чемпионом мира. Как вы себя чувствуете в этой роли?

Когда на душе скребут кошки, трудно парировать подобные «шпильки».

От меня ждали ответа, и я сказал:

— Конечно, самочувствие могло бы быть неважным. Но, повторяю, только могло бы быть. Посмотрите, в какую замечательную компанию я попал! Тут и надежда голландцев — Пит Роозенбург, и гроссмейстер Делорье, и ваш соотечественник Эйве... Среди них и мне неплохо.

Тогда меня оставили в покое и спросили Щеголева:

— Ваше первое желание в данный момент?

— Хочется поскорее вернуться домой.

— К маме, конечно? — улыбнулся оператор.

— И к маме, и ко всем двумстам миллионам моих друзей,— быстро ответил Слава.

И действительно, нас всех неудержимо тянуло домой, на Родину. Сорок дней мы провели вдали от нее, от друзей, родных, находясь в постоянном напряжении. Поэтому мы отклонили многочисленные приглашения на международные турниры в Париже и других городах.

Президент Всемирной федерации господин Виллемс объявил Вячеслава Щеголева чемпионом мира и увенчал его лавровым венком. Прозвучал гимн Советского Союза. Москвич был награжден золотой Олимпийской медалью и Большой серебряной медалью королевы Юлианы. Медали и призы были вручены и другим участникам. Было объявлено «о рождении» двух новых шашечных гроссмейстеров: Щеголева и Баба Си. В Африке появился первый гроссмейстер!

«СЕНЕГАЛЬСКИЙ РЕБУС»

— Русски — Африка — дружба. Ты — друг. Хорошо?

Все было понятно. Тем более, что слова подкреплялись блеском выразительных доверчивых глаз и приветливой улыбкой. Он свободно изъяснялся на трех языках, и мы легко могли столковаться на одном из них. Но хотя его познания в русском, который он только-только принялся изучать, были очень скудны, он все же решил предложить дружбу на языке моей Родины. Не для того лишь, чтобы мне было приятно, но и потому, как он сказал потом, что «дружба, о которой договорились на русском языке, будет искренней, надежной». Так мы стали друзьями, я и Баба Си — двадцатичетырехлетний сенегалец из Дакара.

Как же попал на Олимпийский турнир Баба Си? Ведь незадолго до этого о нем никто и не слышал.

Известный французский мастер Эмиль Бискон в 1959 году отправился в туристское путешествие по Африке. Какой истинный шашист не возьмет с собой в подобном случае комплекта шашек? Остановливаясь, он встречался за шашечной доской с лучшими местными игроками.

В Дакаре его спросили:

— Вам нужен хороший партнер в шашки, господин Бискон? Разрешите привести к вам Баба Си?

И привели, прямо в номер.

— Это и есть хороший партнер? — с кислой улыбкой сказал Бискон, увидев оробевшего юношу. — Стоклеточные правила знаешь? Играешь часто?

— Правила знаю, господин, а играл мало: у нас больше играют на малюсенькой доске.

В Сенегале распространена игра на 64-клеточной доске.

— А ты, парень, соображаешь! — воскликнул Бискон, видя, что противник разгадывает его хитрые ловушки.

А парень только проглотил улыбку и тут же подстроил французу такое... Сердце — не камень: Бискон, нарушив план путешествия, задержался на несколько дней в Дакаре и провел их за доской с молодым сенегальцем. Уезжая, он оставил ему «строгий наказ» — играть и играть. Чаше играть! А сам подумал: «Черт возьми! Этот малый, кажется, как раз то, что сейчас требуется Франции!»

Шашечной Франции срочно требовались таланты. Ох, как требовались! Посудите сами: ведь родиной столеточных шашек является Франция, и французы привыкли, чтобы титул чемпиона мира находился в их стране. Нет, не безвыездно, конечно: изредка они выпускали его за границу. Но... только в Голландию! А что получается теперь? Голландец Пит Роозенбург, отобрав в 1948 году высокий титул у француза Пьера Гестема, задержал его на восемь лет. В 1956 году титул все-таки «уплыл» из Голландии. Кажется, пора бы ему вернуться на место? Так нет — Марсель Делорье увозит его в Канаду. А дальше пошло еще хуже: шашечной короной завладели русские! И отобрать ее у них будет не так-то просто! Таланты нужны, и срочно... Поэтому Бискону легко удалось убедить руководителей шашечного союза Франции пригласить юного сенегальца на чемпионат страны: может быть, чертенок со временем подучится, а там, смотришь, будет защищать честь Франции на международной шашечной арене.

Конец 1959 года. Баба Си приезжает в городок Шатеро, недалеко от Бордо: здесь проводится первенство Франции. Ни отсутствие теоретических знаний, ни естественная робость новичка, впервые участвующего в большом турнире с мастерами, не преградили Баба Си дорогу к званию чемпиона Франции. Сенегалец играл легко, быстро, смело и, что особенно для него характерно, улучшал свою игру буквально от партии к партии. После первого же выступления для него открылись двери на Олимпийский турнир! Случай беспримерный в истории шашек и «основательная пиллюля» для «теоретиков» расового превосходства людей с белой кожей. О Баба Си заговорили, о нем стали писать. «Сенегальский ребус» — назвали его в одном из голландских журналов. Чтобы разгадать этот «ребус», голландцы приглашают его на шашечное турне по городам страны. А что нужно Баба

Си для подготовки к Олимпийскому турниру? Играть, играть и еще раз играть: ведь на стоклеточной доске у него было так мало практики. Он принимает предложение и разъезжает по Голландии, выступая в небольших турнирах, матчах, многочисленных, проходящих с огромным успехом, сеансах одновременной игры. Сыграно больше тысячи партий, из которых проиграно только двадцать три! А сколько полезных выводов было сделано им при анализе этих партий...

Я уже тогда знал, что мне придется встретиться с ним на Олимпийском турнире: состав участников был известен задолго до начала. Следя по голландским журналам за его выступлениями, я радовался успехам этого сына Африки. Но, признаюсь, я никак еще не ожидал встретить в нем опасного соперника: его «стоклеточный стаж» исчисляется только месяцами.

И вот — Олимпийский турнир. Съехались лучшие шашечные мастера и гроссмейстеры мира. И среди них «сенегальский ребус» — Баба Си. Французы верно угадали в «чертенке» большой талант, но просчитались в другом — он не защищал на турнире цвета Франции: за прошедший год история сделала очередной скачок, и бывшая французская колония стала независимой республикой Сенегал. На столике рядом с Баба Си стоял флажок его родной страны, и он очень гордился, что ему первому из сенегалцев довелось защищать спортивную честь флага юной республики на международной арене. А выполнил он это отлично: место, куда поедет шашечная корона мира, в Москву или Дакар, определилось только в последнем туре! И если перед турниром падкие на крикливые заголовки голландские газеты именовали Баба Си «сенегальским ребусом», то у финиша прозвище заменили на «сенегальский автомат». Этим подчеркивались быстрота и почти полная безошибочность его ходов. К характеристике его игры я хочу добавить глубокий расчет и умение неожиданно и остроумно опровергнуть план противника. Еще одна черта его характера раскрылась мне в случае, не связанном с шашками...

Закончив прогулку, мы отправились к отелю. Погода была хорошая, и нам то и дело встречались матери, гуляющие с маленькими ребятишками. Одна из них взяла свою девочку на руки и стала переходить дорогу. Внезапно из-за угла на полной скорости выскочила машина. Секунды и метры, отделявшие ее от перепуганной и оцепеневшей женщины, уменьшались со страшной быстротой. И тут, словно тень метнулась с тротуара, Баба Си стремительно бросился

вперед и буквально из-под самых колес вынес и мать и маленькую девочку. Смелость, быстрота и ловкость, с которыми он это сделал, произвели большое впечатление на всех свидетелей происшествия. А Баба Си, едва отдышавшись, через минуту был совершенно спокоен, продолжал с нами путь и, застенчиво улыбаясь, просил проверить, правильно ли он произносит те немногие русские слова, которые уже выучил.

Смелость! Смелость без оглядки — вот черта характера, которая, преломляясь в его игре, придает ей особую привлекательность. Может быть, главным образом этим он и покорила зрителей и участников соревнования.

Следующая моя встреча с Баба Си произошла в Италии на Олимпийском турнире 1964 года. Туда я уже снова приехал чемпионом мира, так как между турнирами мне удалось победить Щеголева в матче-реванше. Мой тренер Юрий Барский вел на турнире дневник. Вот несколько его записей, касающихся африканского гроссмейстера.

«Перед самым открытием Олимпийского турнира участники собрались в холле гостиницы и обменивались мнениями о причинах неприезда Баба Си. Вдруг двери распахнулись, и вошел он сам — в яркой оранжевой безрукавке, эффектно оттенявшей черную кожу.

Я спросил его, почему тут говорили, что он не приедет.

— Да я неважно чувствовал себя. Давление повышалось. И сейчас немного повышено... Все после этих сеансов.

И он рассказал, что не так давно провел в Голландии серию рекордных сеансов. Последний раз на 150 досках! Он вел сеанс непрерывно восемь часов, 112 партий выиграл, 33 свел вничью и только 5 проиграл, несмотря на то, что ему делалось дурно и приходилось перевязывать голову полотенцем, смоченным холодной водой.

— Сначала я всех участников запомнил. Потом они стали словно бы на одно лицо. А к концу все лица куда-то пропали, и я видел только шашки, шашки, шашки... После этого болели руки, ноги, голова... Будто в нокауте побывал!

Тут к нам подошел Щеголев и спросил у Баба Си, кто, по его мнению, будет здесь первым. Он ответил, что есть игроки турнирные, есть матчевые. Куперман — это матчевый игрок, а Щеголев — турнирный. А ведь будет турнир!

— А вы какой, турнирный или матчевый?

— Я? Ни тот, ни другой. Но зато я счастливый, а счастливые игроки тоже бывают очень опасны! — Он сощурил

глаза и рассмеялся. Его смех, негромкий и отрывистый, удивительно приятен.

Мы подошли к длинному столу с закусками и бокалами. Я выбрал пунш, а Баба Си стал разыскивать бокал с лимонадом или апельсином.

— А! Спортивная форма? — подмигнул я ему. — Это правильно, так и надо.

— Так всегда надо, — серьезно сказал он. — По нашим законам, по мусульманским законам, так всегда надо. Вино нельзя...

На игру он являлся, обязательно надев поверх оранжевой рубашки два изумительно красивых ожерелья из оригинальных сенегальских бус, а на запястьях постоянно сверкали серебряные браслеты. Он сидел неподвижно, нога на ногу, обдумывая ход, и курил сигарету, вставленную в дорогой черный с серебряными прожилками мундштук. Казалось, будто он перенесся в какой-то другой мир. Остановившиеся и затуманенные глаза были устремлены на доску, но видели как будто насквозь. Он никого не замечал и ничего не слышал. Существовали только он и шашечная доска с мозаикой позиции. Сделав ход, Баба Си склонялся над блоком и начинал медленно записывать, шевеля губами.

«Что он там, колдует над записью, что ли?» — подумал я и подошел поближе.

В руке Баба Си лежала красивая бирюзовая шариковая ручка, но держал он ее как-то странно. Он обхватил ее всеми пятью пальцами и часто перебирал ими, как бы отыскивая наиболее удобный способ держать эту ручку. Он водил ею по бланку робко и старательно. Я взглянул на запись. Цифры тянули нестройную песню. Иногда он, видно, терял терпение и вместо ходов ставил кресты, чтобы не сбиться с счета, в других местах была перепутана нотация, а почерк... почерк, какой бывает у первоклассника в октябре,

После тура мы шли в отель вместе.

В качестве кого он теперь работает? Еще три года назад — шифром, а сейчас — переводчиком в муниципалитете Дакара. Туда часто приходят французы, англичане — они ведь по-сенегальски не говорят...

Почему он с таким трудом пишет? Да он вовсе не умеет писать! Он не умеет и читать. Для него самое сложное в партии — запись ходов. Раньше он их не записывал, но теперь судейская коллегия требует.

Разве он не учился в школе? Может быть, религия?.. Нет, нет! Просто в его семье никто не учился, ни его два брата, ни сестры: на это у отца не хватало денег.

— Приходится теперь. Я взял учителя. Нужно ведь учиться: о мире и людях надо все знать. Я и маленького братишку отдал в школу. Ему только семь лет, и он еще не понимает... Не очень старается. Но я слежу за ним строго.

— А деньги?

— Деньги? А зачем я давал сеансы? Зачем? — На меня вопросительно смотрели лукавые блестящие глаза. — Сеансы — трудно, но разве годится, чтобы мой братик не читал, не писал?

— Мне показали журнал, где под фотографией подписано...

— Будущий чемпион мира? — перебил он. — Я знаю. Сейчас чемпионом я не стану. Но разве это главное? Титулы, звания... За этими я не гонюсь. Главное — лучше играть! Я обязательно буду играть лучше всех. А тогда пусть называют меня «чемпионом» или по-другому, как кому нравится.

— Когда же это будет?

— Когда? Не скажу «завтра», но до тридцати пяти лет. Я ведь пока и не женюсь, чтобы ничто не мешало. — Он тихо засмеялся...

Я попросил Баба Си рассказать о его семье и о том, как он начинал играть в шашки... Отец его — крестьянин, разводил в окрестностях Дакара земляные орехи, да беда, что плохо орошается земля. Мать продавала орехи на рынке. У него два брата — старший и младший — и три сестры. Начал играть он мальчишкой в переулках Дакара, начертив на тротуарах клетки, камешки же отлично заменяли ему шашки. Но в их семье играл только он, и отец всегда наказывал его за это. Особенно не терпел отец, если Баба Си играл со взрослыми. Он запрещал это, но Баба Си упорствовал, и, бывало, отец, заметив игру, подкрадывался к нему... Тогда уж доставалось крепко! И все равно он шашки не бросил. А однажды друг познакомил его с французом, таможенным чиновником, большим любителем шашек. Они стали играть, и Баба Си постоянно выигрывал. Сначала тот все говорил, что случайно, но когда наконец убедился, что Баба Си хорошо играет, то купил ему за свой счет билет во Францию и обратно. Там, в первенстве Франции, в 1959 году, Баба Си занял первое место...

— Ну, а дальше вы, наверное, знаете, — закончил Баба Си. — Теперь уже, конечно, отец меня не трогает. Теперь меня даже от работы освобождают, когда мне нужно играть или готовиться.

Мы шли рядом, вплотную друг к другу, и я почувствовал у него под рукавом что-то твердое. Я коснулся его руки

чуть пониже плеча. Да, там было какое-то широкое кольцо. Коснулся другой руки — там тоже. Я спросил, не от повышенного ли это давления. Баба Си немного смутился, потом застенчиво заулыбался и сказал:

— Нет, это совсем другое... Это... Это... — Он не знал английского слова и назвал по-французски: — Амюлетч. Не понятно?

Он подумал, что я стану смеяться. Но этого нельзя было делать ни в коем случае. Самым серьезным тоном я сказал:

— Понятно, понятно. Это слово на всех языках звучит похоже. По-русски тоже — амулет.

— Да? Значит, и по-русски есть? — Это было ему почему-то приятно. Однако он еще несколько раз метал в меня неожиданный взгляд: не смеюсь ли я украдкой?

В зале я часто подходил к его столику. Баба Си отвечает на ходы быстро и уверенно, толкая вперед свою шашку небрежным движением кисти, отчего она скользит и не всегда попадает в центр нужной клетки. Если противник задумывается, Баба Си начинает прохаживаться по залу, приветливо улыбаясь знакомым. Сложнейшие комбинации Баба Си находит и рассчитывает мгновенно. Такой случай я наблюдал. Его противник — Аглиарди — сделал ход, а Баба Си, отложив в сторону, чтобы не мешала, свою бирюзовую ручку, начал, не задумываясь ни на миг, одну за другой поддавать шашки. Одна, две, три... шесть, семь. Затем он своей шашкой описал над доской круг, обозначая путь, перевернул ее, сделав дамкой, и ловко сбросил с доски сбитые шашки партнера.

Раскрывшие рты зрители зашумели, зааплодировали, а Баба Си продолжал сидеть, сохраняя каменное спокойствие, только как-то весь вытянулся, а в глазах забегали лукавые бесенята.

В другой раз я наблюдал за ним после ничьей с суринамцем Санирсадом. Он, видимо, рассчитывал на победу и, по окончании, долго стоял у ~~своего~~ столика один, задумчивый и смущенный.

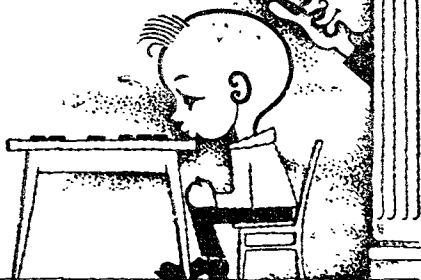
Баба Си еще на старте отстал от обоих наших шашистов, но особенно не переживал, по крайней мере внешне: был весел, разговорчив, приветлив. Казалось, он сразу понял и примирился с тем, что не будет здесь первым. В целом играл он как-то вяло, не проявляя необходимой силы воли. Может быть, из-за повышенного давления... Но во всяком случае, он никому не жаловался и ни разу не заявлял, что ему не везет, что такую-то партию он должен был выиграть, а того-то он выпустил.

Хотя Баба Си был приветлив со всеми, но с нашей делегацией он сдружился особенно близко: завидев кого-нибудь из нас, всегда улыбался, подходил, шутил. Такие же чувства питали к нему и мы. При расставании он снял с себя оба ожерелья из сенегальских бус и надел их на Купермана.

— Для дочурок. Чтобы обязательно носили — это счастливые.

Он знал, что у Купермана дочери-близнецы».

Сенегалец все еще продолжает совершенствоваться в игре, и в ближайшие годы этот талантливый самородок из Африки, симпатичный человек Баба Си будет, вероятно, одним из самых опасных соперников наших шашистов в борьбе за мировую корону.

Сод в роли экс-чемпиона

ОДИН ПРОТИВ МНОГИХ

Еще долгое время после Олимпийского турнира я часто вспоминал, как «ухитрился» там трижды нарушить в игре правила стоклеточных шашек. В чем причина этих непонятных срывов? Усталость, конечно, само собой, но только ли? Я перебирал и то и это, пока, наконец, не мелькнула правильная догадка: сеансы! Перед отъездом на турнир я был перегружен сеансами одновременной игры. Я признавал тогда, что это излишняя нагрузка, что она окажет вредное влияние, но отказаться удавалось далеко не всегда...

Звонит телефон, снимаю трубку.

— Гроссмейстер, вас беспокоят из... — следует название солидного учреждения. — Мы вас очень просим провести у нас сеанс...

— К сожалению, не смогу. Теперь я готовлюсь к первенству мира и дал зарок — никаких сеансов!

— Ну, гроссмейстер, вы так нас обидите! Ведь это займет у вас какой-нибудь час-полтора... Что стоит вам — чемпиону мира — расправиться с двумя десятками таких игроков, каких вы встретите у нас. И потом, мы ведь тут все ваши болельщики. Мы вас очень просим!

И я уступал. Уступал, думая при этом: «Ну что ж, занимаюсь в этот день меньше на час, и нагрузка не станет чрезмерной». Но, оказывается, дело было не только и даже не главным образом в нагрузке. Вред, очевидно, заключается в том, что в сеансах я вынужден был играть на маленькой доске — в русские шашки.

Некоторые шашисты считают, что игру на маленькой и на большой доске можно совмещать без ущерба для играющего.

Я не разделяю этого мнения. И вот почему.

Формально стоклеточные шашки отличаются от русских немногим: величиной доски, числом шашек и тремя правилами игры. Но чем глубже проникаешь в суть игры, тем больше убеждаешься, что эти отличия требуют совсем иного подхода к партии.

Дебют. Весь теоретический дебютный багаж русских шашек, требующий изрядного напряжения памяти, совершенно бесполезен для шашиста-стоклеточника. Но гораздо важнее другое: русские шашки требуют большой осторожности при отходе от теоретических вариантов и развивают в шашистах боязнь таких отклонений. В стоклеточных шашках такая боязнь была бы очень вредной. Кроме того, в русских шашках центр тяжести партии лежит в дебюте: нередко именно там решается ее исход. В стоклеточных шашках дебют редко может определить результат партии.

М и т т е л ь ш п и л ь. Принципы изучения этой стадии игры в русских и стоклеточных шашках различны. В первых изучение миттельшпиля связано с тем дебютом, из которого он вытекает. Во вторых миттельшпиль с дебютом не имеет какой-либо прочной связи, и изучать его нужно, только сообразуясь с рисунком шашек на доске.

Э н д ш п и л ь. Ввиду существенной детали — на большой доске три дамки не в силах поймать одну — стоклеточный эндшпиль коренным образом отличается от русского.

Мышление во время игры. В русских шашках при выборе хода всегда необходим конкретный и точный расчет вариантов. В стоклеточных шашках такой расчет нужен далеко не всегда, а подчас даже вреден: возможностей столько, что рассчитать их полностью все равно не удастся, и ход нужно выбирать интуитивно, исходя из общего плана, из общих соображений.

Распределение времени. Партия в русские шашки обычно разыгрывается два — три с половиной часа и требует от играющего совершенно иного распределения времени, чем партия стоклеточная, которая длится около шести часов.

Кроме того, длительность игры неимоверно усиливает необходимость физической подготовки шашкиста к соревнованию.

В свое время, взвесив все эти и другие соображения, я отказался от «совместительства» и, перейдя на стоклеточные шашки, прекратил играть в турнирах по русским шашкам. Но сеансы... Сеансы, я считал, не могут принести большого вреда: ведь обычно против сеансера играют довольно слабые противники...

Теперь я понял, что вредность сеансов недооценивал. И все же полностью отрешиться от сеансов нельзя. Сеанс — одно из главных и нагляднейших средств пропаганды шашек. А кому же вести пропаганду, если не гроссмейстерам?

Человек, даже случайно сыгравший в сеансе с гроссмейстером, обычно шашек уже не оставляет. У меня было немало случаев, когда участник сеанса просил по окончании своей партии, чтобы я написал ему справку о том, что он со мной играл.

— Я уже один раз играл с вами, товарищ Куперман, но наши мне не поверили. И я давно искал случай еще раз сыграть с вами, чтобы взять у вас об этом справку, — услышал я как-то от одного участника.

Но чаще всего просят, настаивают, требуют справку те, кому удастся сыграть вничью или выиграть. Тут мне вменяют в обязанность даже расписаться так, чтобы подпись была разборчивой! Не могу без улыбки вспомнить о нескольких необычных случаях, с которыми я сталкивался в сеансах одновременной игры.

Когда в Киеве, по окончании чемпионата Украины, я проводил сеанс, в зал вошел опоздавший к началу любитель. Он пришел со своими шашками. Не знаю, что послужило причиной его опоздания, но явился он, как говсрят в подобных случаях, «на взводе». Сеанс уже шел, и опоздавшему любителю не разрешили присоединиться. Он был очень недоволен этим, долго и громко со всеми спорил, а потом принялся перебегать от доски к доске, давать непрошенные советы и ехидными замечаниями раздражать участников. Нормальное течение сеанса нарушилось.

— Неужели вы не можете удалить его? — в удобный момент тихо спросил я организатора.

Тот только руками развел:

— Пытался. Разве милиционера вызвать... По правде говоря, не хочется... Может, все-таки сам успокоится?

Тогда я решил сам принять соответственные меры.

— Послушайте, — сказал я «возмутителю спокойствия». — Вы, кажется, хотели сыграть? Вот освободилось ме-

сто, и, в виде исключения, я разрешаю вам сменить выбывшего товарища.

Любитель сразу же разложил свою доску, расставил шашки. Ворча, сел. Я сделал ход, он моментально ответил, я сделал еще ход и... предложил ему ничью.

— Я подумаю, — важно сказал любитель.

Когда я прошел круг и подошел к нему, он спросил:

— А если я соглашусь — вы распишетесь?

— Конечно, конечно.

Ничья была принята, я расписался на бланке, а любитель тут же выбежал из зала — отправился показывать знакомым бланк. Даже шашки свои забыл забрать.

Кстати, хотя организаторы сеанса всегда обеспечивают всех желающих шашками, многие участники любят играть только на собственной доске своими шашками, для чего приносят их на сеанс. В чем причина? Не знаю...

Однажды, кажется в Белой Церкви, начав сеанс, я стал быстро переходить от доски к доске, делая свой первый ход. За одним из столиков никого не оказалось.

— А кто же тут сидит? — спрашиваю.

— Я, товарищgrossмейстер, — ответил усатый «дядько», мимо которого я только что прошел, сделав на его доске ход.

Я перехожу к следующему столику — опять никого нет; рядом — тоже пусто.

— А здесь кто играет? А там?

— Я же, товарищgrossмейстер, и там обратно я, — отвечают «усы».

— Так что же это выходит? Вы даете сеанс мне?

— Не сеанс, товарищgrossмейстер, а на четырех досках счастье пытаю: на которой-нибудь, может, и добыюсь... Специально для этого и четыре доски из дома прихватил. Разрешите уж мне...

Глядя в его умоляющие глаза, я дал согласие.

В первенстве СССР 1954 года в Минске я длительное время шел по пятам за лидером турнира М. Шавелем. В одном из туров я был свободен от игры, а он в этот день встретился с В. Капланом. Я считал, что их партия окажется решающей для нашей «гонки», так как именно Каплан — тот, кто может «остановить» разогнавшегося Шавеля. Однако наблю-

дать их встречу я не мог: судейская коллегия обязала меня провести для зрителей сеанс одновременной игры в соседнем зале. Проводя сеанс, я все время думал об игравшейся рядом партии. Несколько раз даже выбегал в турнирный зал, чтобы мельком взглянуть на демонстрационную доску. Сначала у Каплана была хорошая позиция, но потом неожиданно стала ухудшаться. Меня это очень волновало, и, стараясь поскорее закончить сеанс, чтобы следить за важной для меня встречей, я стремительно переходил от доски к доске.

Наконец, остался только один противник, и, как всегда в таких случаях бывает, мы очутились в плотном кольце зрителей.

Помню, у меня был абсолютно выигрышный эндшпиль, в котором, однако, для реализации преимущества требовалось сделать еще ряд ходов. Но противник мой очень долго раздумывал над каждым, даже самым очевидно единственным ходом. Потеряв терпение, я попытался объяснить ему, что этот эндшпиль известен, что он описан в теории, и предложил показать, как белые выигрывают при любых продолжениях черных. Все было напрасно.

— Зачем мне показывать! Я не хочу знать, что там в теории, и я не хочу поддаваться ее влиянию, и я до всего хочу дойти сам! И чтобы вы знали, так я не признаю авторитетов! Могу я иметь такой принцип? А?

Пришлось продолжить игру. Но время так тянулось! И тогда я... предложил ничью.

— Ага! — торжествующе воскликнул мой противник. — А вы говорили, что выигрыш! Нет, тут, наверно, что-то есть! Будем продолжать и увидим.

Публика тоже, видимо, была на его стороне.

— Держись, Миша! Не соглашайся! — слышались возгласы.

И Миша стал думать еще больше.

— Ну ладно, — сказал я, не выдержав, — раз не хотите ничьей, я сдаюсь.

— Это другое дело. Это совсем другое дело. — И противник протянул мне на подпись бланк. — Выходит, я правильно поступаю, что не признаю авторитетов? А?

Так впервые я сдался в выигрышном эндшпиле.

Как-то зимой меня пригласили в Оренбург провести ряд выступлений на предприятиях города. Первый сеанс я провел на одном из заводов, где против меня выставили довольно сильный состав участников. Несколько партий я сыграл вничью и даже проиграл, но у чемпиона города выиграл. Де-

ло в том, что перед сеансом мне его представили, а когда сеансер знает, какой именно участник сильнее других, то и партию ведет против него по-иному. Чемпиона Оренбурга страшно огорчило, что другие выиграли или сыграли вничью, а он — чемпион — проиграл. И он тут же заявил, что все равно он выиграет у меня. С тех пор, где бы я ни проводил сеанс в Оренбурге, за одной из досок я неизменно видел чемпиона города. Правда, выполнить свое обещание ему не удалось.

В сеансах принимают участие любители всех возрастов, и это хорошо. И все-таки когда против меня играют несколько стариков или подростков, я почему-то беспокоен и опасаясь различных казусов... Вот какой случай произошел в клубе строителей Кисловодска.

За столиками левого крыла разместились группа стариков. Вскоре они все, кроме одного, проиграли и принялись шумно помогать последнему, партия которого тоже держалась на волоске. От такой «групповой игры» редко бывает польза, и поэтому неудивительно, что старик быстро допустил решающий промах. Я пожертвовал шашку и в расчете на то, что сейчас ее отыграю, напал на шашку противника. Он задумался, а я двинулся дальше — вдоль строя других досок.

Когда, обойдя всех, я вновь подошел к старику, то увидел, что картина резко изменилась: старик сделал два хода подряд, и вместо выигрыша меня ожидал проигрыш! Повидимому, пока я отсутствовал, он разбирал положение, двигая шашки (что запрещается правилами сеанса), а затем неверно его восстановил.

— Мне кажется, что вы сделали два хода подряд, — сказал я, — вспомните, пожалуйста.

— Не делал! Вот все подтвердят, что не делал. — И столпившиеся старики закивали головами.

— Но ведь такого положения не было! И быть не могло. Я помню все партии сеанса и могу показать вам нашу с самого первого хода.

— Вы мне что угодно сможете доказать: на то вы и мастер! А положение все равно было такое! — продолжал настаивать он.

Возник конфликт... Чтобы как-то разрядить обстановку, организатор — кисловодский кандидат в мастера Григорий Маркосов — пригласил старика в отдельную комнату и там пытался ему доказать всю нелепость его упрямства, но все усилия были напрасны. Я уже закончил сеанс, а они все спорили, убеждая друг друга.

На этом же сеансе, когда завершилась последняя партия, кто-то спросил:

— Товарищ Куперман! Вот вы тут сказали, что помните все партии из сеанса...

— Вы думаете, это не так? — перебил я. — Чью партию показать вам? Вашу? — И я показал его и еще несколько других.

Однажды в Кисловодске подошел ко мне один шахтер.

— Товарищ гроссмейстер, — сказал он. — Вы меня, конечно, не помните. Я играл против вас в сеансе, когда вы приезжали в Донецк, лет десять тому назад. И вот, знаете, неудобно говорить об этом, но тогда я был молод и ради шутки, пока вы делали ходы на других досках, стащил у вас шашку. Вы и не заметили.

— А! Как же, как же, помню! И заметил я прекрасно: вы сняли шашку а3. Так? Только я не хотел вас тогда смущать. Все равно моя партия была выигрышной...

Мой собеседник был чрезвычайно поражен.

Это запоминание всех партий, выигранных в сеансе, характерно не только для меня, но и, полагаю, для любого сеансера. Оно подтверждает, что мозг сеансера подвергается за время сеанса большой нагрузке. Таким подтверждением служат и сны в ночь после сеанса: в них то и дело мелькают встречавшиеся в сеансе позиции.

Есть один подвох, с которым приходилось сталкиваться в сеансах, наверное, не только мне. Осуществляют его обычно ребята. На практике он выглядит так.

— Гроссмейстер! Разрешите мне играть в сеансе белыми! — просит перед началом такой «изобретательный» паренек. (По правилам, белые во всех партиях предоставляют-ся сеансеру.)

— Хорошо, играй, — соглашаюсь я.

Этот паренек — назовем его Васей — садится за двадцатую доску, а его дружок — пусть Коля — за восьмую. И вот начинается игра. Я обхожу все доски и везде делаю первый ход.

Вася смотрит, какой ход белыми я сделал против Коли, и делает этот ход на своей доске. Я отвечаю ему за черных и иду дальше. А Коля, подсмотрев у Васи мой ответ, копирует его на своей доске и т. д. Таким образом получается, что на обеих досках разыгрывается одна и та же партия, но на Колиной доске я веду ее белыми, а на Васиной — черными, то есть фактически и тут и там я играю сам против себя, а двое таких «хитроумных противников» лишь повторяют мои ходы. Если на одной из досок я выиграю, то на второй обяза-

тельно проиграю: ведь нельзя выиграть и белыми и черными одну и ту же партию!

Однако против опытного сеансера подобный номер не проходит. Он быстро распознает такую парочку и, как бы случайно, пройдет мимо Колиной доски, не сделав своего очередного хода белыми. Васе скопировать не удастся, и приходится сделать ход «от себя». А тогда цепочка оборвется, и каждая из этих партий начинает идти по самостоятельному руслу.

Когда в Ялте один мальчик попросил у меня разрешения играть белыми, то я подумал, что в сеансе будет применен описанный трюк. Но уже через несколько ходов я убедился, что такой партии, где бы я играл сам против себя, не возникло. И все же партия с мальчуганом вызывала у меня опасения. Во-первых, он в известном варианте применил теоретическую новинку. А во-вторых, играл так хорошо, что достаточно оказалось мне не лучшим образом ответить на новинку, чтобы мое положение быстро ухудшилось. Я еще надеялся на спасение, ибо в сеансах часто бывает, что вначале получаешь плохую позицию, но потом участник ошибается, и все переворачивается. Однако мои надежды не сбылись: мальчик находил точные, единственные ведущие к победе ходы. Через некоторое время под аплодисменты зрителей я поздравил своего юного противника с победой. А еще через час, когда я уже шел в гостиницу, ко мне подошел самаркандский кандидат в мастера С. Борухов:

— Ну, товарищ Куперман, как вам нравится моя игра? Это ведь я играл против вас в сеансе: я стоял за колонной и передавал пареньку все ходы. Гожусь я для матча?

А дело было вот в чем. Борухов, когда я приехал в Ялту, стал атаковать меня просьбами сыграть с ним. Я отказывался, ссылаясь на то, что готовлюсь к матчу с Баба Си и в русские шашки во время подготовки не играю. Но Борухов продолжал свои «атаки» — ему очень хотелось убедить меня в том, что он играет в силу мастера: он намеревался получить разрешение на классификационный матч на звание мастера, а такие матчи разрешались лишь самым сильным кандидатам. Я же являлся председателем высшей квалификационной комиссии... Игрой «из-за колонны» ему все-таки удалось убедить меня в его силе.

С игрой «из-за колонны» встретился я еще один раз. Было это в Бендерах. В одной из партий я быстро почувствовал, что противник играет очень сильно: моя позиция ухудшалась ход от хода. Не знаю почему, может быть, из-за имевшегося уже горького опыта, когда я заметил, что противник

мой сидит около массивной колонны, в меня закралось подозрение. Но не пойдешь ведь во время сеанса выяснять, скрывается ли за колонной кто-нибудь или нет! Тогда я решил схитрить. Посмотрим, что будет, когда мы останемся с ним один на один. Я начал пропускать ходы и вообще всячески задерживал развитие игры. Вскоре другие партии закончились, и мы с этим любителем остались друг против друга. Какие бы то ни было подсказки теперь исключались. Какой же неузнаваемой стала его игра! Он долго думал, но делал ходы один хуже другого. Мне удалось не только спасти эту безнадежную партию, но даже выиграть ее. Тогда из-за колонны вышел мой друг — бендерский мастер Александр Дунаевский — и признался, что хотел разыграть меня...

А однажды сеансера хотели «разыграть» не один и не два, а сразу шесть мастеров. Случилось это с ленинградским мастером Борисом Герцензоном. Во время полуфинала первенства страны в Пярну они решили подшутить над ним...

В свободный от игры день Герцензон должен был провести сеанс с любителями. Когда он вошел в зал, участники заняли свои места. Представьте его изумление, когда среди них он увидел шесть мастеров — соратников по турниру. Они смотрели на него и ухмылялись.

— Товарищи! — произнес вступительное слово не растерявшийся Герцензон, который обычно говорит в приподнято-торжественной манере. — Сегодня состоится необычный сеанс одновременной игры. Он необычен своим чрезвычайно сильным составом участников. С некоторыми из них я хочу вас познакомить. Вот там — на третьем месте с края — за доской сидит мастер... — И Герцензон назвал всех пришедших на сеанс «шутников».

После такого «представления» их публике мастера, конечно, чувствовали себя не в своей тарелке и не могли вести игру в полную силу. Герцензон нанес группе насмешников сокрушительное поражение — набрал в шести партиях пять очков. Результат, которого он, разумеется, не достиг бы против этих мастеров в турнире, где с каждым играл бы один на один.

Однажды я проводил сеанс в одном из киевских парков. Уже вскоре после начала я почувствовал, что состав участников слабоват, а еще спустя некоторое время партии одна за другой стали заканчиваться в мою пользу. На оставшихся досках дела мои тоже были хороши, и только один участник, вернее, участница сеанса добилась хорошей игры. Это была девушка, миловидная девушка, одетая в яркое весеннее платье. Не знаю почему, но в этой партии у меня игра

как-то не клеилась, и позиция девушки ход от хода становилась все лучшей и, наконец, стала подавляющей. Зрители же принялись добродушно подшучивать:

— Э! Гроссмейстер знает, кому проигрывать!

Может быть, именно эти шуточки настроили меня так, что, когда девушка в какой-то момент сделала ошибочный ход и, сразу заметив, попыталась поставить свою шашку обратно, я твердо сказал:

— Назад ходы не даются!

Девушка вынуждена была сохранить на доске свой ошибочный ход, проиграла из-за этого и ушла очень расстроенной.

Признаться, и у меня после сеанса на душе было нехорошо: нужно ли было портить ей настроение? Все-таки она ведь хорошо провела свою партию...

Недели через две я ехал в троллейбусе и читал книгу. «Гражданин, ваш билет!» — раздался голос контролера. Я стал лихорадочно шарить в карманах. Тут — нет, там — нет... Где же он, черт возьми? Ах, как неловко! Но что поделаешь, никак не могу найти.

— Штрафуйте, — говорю. — Брал, но потерял, видно. Сколько с меня?

Девушка получила штраф, выдала квитанцию и пошла дальше. Я снова раскрыл книгу, и тут из нее выпал мой билет!

— Девушка, товарищ контролер! Я нашел свой билет! Вот он! — протянул я билет контролеру, чтобы реабилитировать себя в глазах пассажиров.

Она взяла билет, сличила номер, а затем... затем подняла на меня глаза и произнесла:

— Гроссмейстер, назад ходы не даются!

ТРИ РАЗЛИЧНЫЕ ПОЛОВИНКИ

Первым серьезным соревнованием, в котором я принял участие после возвращения из Голландии, был седьмой чемпионат страны. Он состоялся в Латвии, но не в одном городе, а «на колесах» — с переездами.

В первых турах было очень много ничьих. Но как поразному они появлялись! Вот, например, три ничейных партии одного тура.

В первой шашки Козлова, игравшего с Меркиным, попали под смертельную связку. Казалось, его поражение неминуемо, но тут Меркин ослабил бдительность и сделал неосто-

рожный ход. В игре с Козловым такое безнаказанным не остается. Жертва шашки! Двух! Еще двух и еще одной! Удар. Очко... раскололось пополам.

Рац, играя со мной, попал в цейтнот, и тогда я необоснованно отказался от выгодного эндшпиля в пользу скрытой ловушки. Почему-то решив, что мой молодой противник не успеет разобраться в ситуации. Однако эта ловушка обернулась против меня! Ленинградец моментально нашел правильный ответ, и теперь уже мне пришлось форсировать ничью. От добра добра не ищут!

Третья же партия еще не вышла из дебюта, когда Корхов и Каплан затеяли генеральный размен и тут же расписались в том, что претензий друг к другу больше не имеют.

Судьи каждому из шестерых записали по одинаковой половинке... Где же справедливость?

Вскоре мне удалось на пол-очка оторваться от конкурентов, и на какое-то время я стал лидером.

«ВЕЗЕТ — НЕ ВЕЗЕТ...»

Курьезно закончилась партия Козлов — Рац. Козлов в цейтнотной горячке делал ходы по принципу «лишь бы успеть!». Сделав контрольный ход за миг до падения флага и не посмотрев на позицию, он обрадованно произнес:

— Ничья?

Рац, еще не опомнившийся от цейтнотного ажиотажа, поверил на слово и согласился. Затем, взглянув на доску, оба увидели: ленинградец может выиграть в один ход! Алик был очень огорчен: как об этом сообщить папе, которому он посылал письма с подробным описанием каждого тура? Стремясь хоть отчасти загладить свою «вину», Козлов старался подыскать ему «приемлемую форму» для отчета об этом казусе...

Алик, конечно, говорил, что «ему не повезло». Впрочем, подобные жалобы можно часто услышать на любом турнире:

— Мне не везет! Я пропустил то-то и то-то...

Сколько различных «доказательств невезения» можете вы услышать во время соревнований! Сколько нелепых причин выставляют «потерпевшие» для оправдания своих ошибок — даже перед самим собой!

Московский мастер Б. Миротин, когда его партия заканчивается не тем результатом, на какой он рассчитывал, начинает каждого убеждать, что ему не повезло: он не угадал, какой следовало сделать первый ход!

— Ты понимаешь, что случилось? Я начал партию ходом 1. с3 — b4. Зачем это мне нужно было?! Я ведь мог сыграть 1. с3 — d4! Он бы ответил так, я — так, он — так, я — так, он — так... И у него безнадежно! Нет, ты видишь, что безнадежно? Ты согласен? Ах, черт возьми, надо же — выпустил выигрыш!

Однажды я наблюдал партию винницкого шашиста С. Брока. Он очень хотел выиграть. Ну, а в таких случаях результат частенько бывает обратным. Так произошло и с ним.

— Я сдаюсь, — зло бросил Брок партнеру, — но вы благодарите за это его! — Он ткнул пальцем в стоявшего рядом зрителя очень высокого роста. — Если бы не он со своей головой, вы бы у меня выиграли, как бы не так!

— Я, кажется, никому не подсказывал, — робко возразил зритель.

— Он не подсказывал! Вы слышите, что он говорит? Можно подумать, что я боюсь его подсказок! Тень! Тень от вашей головы! Вы видите? Нет? Вот здесь. — Брок ткнул пальцем в угол доски. — Она закрыла поле h8! А там стояла его шашка, и я это упустил в расчете!

И долго еще доставалось «голове, отбросившей тень на поле h8».

Есть шашисты, которые при поражении во что бы то ни стало стараются умалить заслугу противника. Говорят, что играли несерьезно, что партия не имела для них значения, что турнир этот их не интересует.

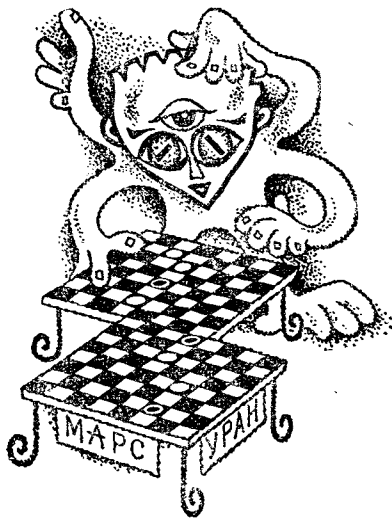
Кое-кто начинает всех убеждать, что он не работает над шашками, что в то время, как выигравший у него только и делает, что просиживает за шашками штаны, он почти и в руки-то шашек не берет.

Многие, когда проигрывают, с пеной у рта начинают доказывать, что они должны были выиграть. Если при совместном разборе партии вы начнете им возражать, то станете злейшим врагом. Лучше уж соглашайтесь с ними. А когда через день-два противник ваш «отойдет» и снова обретет способность трезво рассуждать и объективно судить о позиции, тогда вы без ущерба для ваших отношений сможете высказать ему все свои соображения.

Один московский мастер, проиграв, начинает доказывать, что с вами вообще играть невозможно — до того вам везет. И откуда только у него появляется память? Он тут же начнет перечислять одну за другой ваши победы против разных шашистов за несколько лет и все их припишет вашему везению.

Но самое смешное — это то, что пока вы наблюдаете все эти казусы со стороны, то воспринимаете их юмористически, но стоит самому проиграть партию, как невольно начинаешь подыскивать для себя всяческие оправдания.

Если все жалобы претензии и поправки попытаться внести в таблицу результатов, то итог турнира получится совершенно иным. Что же, это и будет правильным отражением сил? А реальное распределение мест — лишь случайность, вызванная «везением» у одних и «невезением» у других? Рассуждение о «невезении» — это очень наивное и ограниченное толкование. Если бы во время партии на ваш столик, скажем, обрушилась люстра и вы проиграли, у вас есть законная причина говорить о невезении. Но если вы порой не видите простых выигрывающих ходов или не замечаете элементарных ударов, это уже не невезение. Это либо плохая спортивная форма, либо (если повторяется из турнира в турнир) ваш постоянный спортивный дефект. Шашечная игра — сложный комплекс, в который, кроме прочего, входят и спортивная форма, и психология, и фактор времени. При неудаче лучше не жаловаться на невезение, а уточнить, какой из элементов комплекса недостаточно отработан. Решение вопроса часто упирается в соблюдение спортивного режима.

«АНДРЕЙКО ВЫШЕЛ НА ОРБИТУ ЛИДЕРА!»

В дни турнира радио объявило о беспрецедентном полете Германа Титова. Мы живо обсуждали это событие. Возникло немало и «специальных» вопросов, вроде: «Если на других планетах живут люди, то в какие шашки они играют?» В том, играют ли они в шашки вообще, не сомневался, разумеется, никто.

Когда Андрейко нагнал меня по очкам, местные газеты написали: «Андрейко вышел на орбиту лидера!» А произошло это таким образом: Козлов против юного рижанина до-

бился подавляющей позиции и начал, как он любит, гулять между столиками. Но Андриса голыми руками не возьмешь! Все время ускользая, он затыгивал сопротивление. А часы тикали и тикали... Флажок у Козлова повис, и началась игра «пулеметными очередями». События замелькали: Козлов не заметил однокходовый выигрыш, а через несколько секунд он уже без шашки. Победа Андрейко! Как пригодились бы Козлову минуты, беззаботно растроченные им в прогулках по залу! Он говорил:

— Я постоянно нахожусь меж двух огней: с одной стороны, не хватает времени на обдумывание, а с другой — возраст требует хотя бы кратковременного отдыха. Никак не отыщу золотую середину... Я дал себе зарок. «Все, — твердо решил я, — с сегодняшней партии начинаю играть по-новому. Никаких посторонних разговоров! Никаких прогулок по залу! Буду сидеть все пять часов и думать только о партии. Все время должно быть израсходовано с предельным коэффициентом полезного действия. Только на обдумывание ходов!» И действительно, три ближайшие партии я заставил себя играть по такой «программе». Хорошего получилось мало. Уже на четвертом часу голова — как свинцовая и играю — хуже нельзя. Вместо верных двух с половиной очков взял только полтора. Пожаловался знакомому врачу-шашкисту. «Что вы, Иван Пименович! — воскликнул он. — Разве так можно! Вы четыре-пять часов подряд задаете своему мозгу напряженнейшую работу, не даете ему даже передохнуть и хотите, чтобы он к концу оставался таким же ясным, как перед началом партии! Это невозможно. Так вы всегда будете раздаривать очки. Когда противник думает над ходом, надо отвлекаться от шашек — вспомнить о чем-нибудь совсем постороннем, с кем-нибудь поговорить, даже отойти в сторонку и небольшую физическую зарядочку проделать. Смотришь, мозг — по крайней мере, та часть его, которая ведет у вас шашками, — и отдохнет, освежится...»

«Ну, — подумал я, — теперь секрет знаю. Хочешь производительно работать — побольше отдыхай! Перегрузки допускать ни в каком случае нельзя. Нужно почаще отвлекаться от партии». И в очередных турах я принялся «отвлекаться». Сделав ход, я вставал, подходил то к одному, то к другому свободному участнику и разговаривал с ними только на такие темы, где слово «шашка» ни разу не употреблялось. Итог этих партий был не лучший, чем предыдущие, а другой шашкист — тоже врач — сказал мне: «Ваня, что ты делаешь! Ты же сам губишь свою игру. Разве можно во время игры отвлекаться? Мозг не любит, чтобы его поминутно переключ-

чали то на одно, то на другое. Он любит работать так работать. Сделал дело — гуляй смело! А так все твои усилия ни к чему не приведут».

Я уже писал о Козлове как о переводчике и как о руководителе нашей маленькой шашечной делегации при поездках за границу. Теперь скажу как о шашкисте-спортсмене.

Его партии всегда отличаются необычайной остротой. Многие порицают его за игру «только на комбинацию», в ущерб собственной позиции, но для него в этом весь смысл и прелесть шашек. Он может играть и позиционно, но никогда не занимается «арифметикой» очков. Он скорес готов провести красивый удар в одной партии и проиграть две другие, чем сделать три сухих ничьи.

О своей партии Козлов и Андрейко высказались так.

Андрейко:

— Я, конечно, доволен результатом, но не удовлетворен самой партией.

Козлов:

— Хотя я и расстроен результатом, но партией доволен.

ПРОИГРАВШИЙ ПРИНИМАЕТ... ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Несколько туров мы с Андрейко шли нога в ногу, значительно опередив остальных участников. Интересно, что пять туров подряд мы одинаково заканчивали партии: побеждает Андрейко, выигрываю и я; ничья у меня, ничья и у него... Зрители, подметив это, говорили:

— Скажите мне, как сыграл в туре Куперман, и я скажу, как сыграл Андрейко.

Одиннадцатый тур — у нас с Андрейко очков поровну. Двенадцатый — поровну. Тринадцатый — тоже! Четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый — поровну! Семнадцатый — снова поровну... Когда же окончится это «двоевластие»?

И вот в восемнадцатом туре Андрейко, не придя на игру (он был свободен), сделал то, чего не мог добиться играя: сбогнал меня. Я проиграл ленинградцу С. Маншину. На следующий день газеты ошибочно сообщили, будто я выиграл, и мне (мало самого поражения!) приходилось принимать по телефону поздравления своих болельщиков и объяснять им истинное положение дела. В таблице у нас было теперь по двенадцать очков, но Андрису оставалось сыграть три партии, а мне — две.

В следующем туре свободен был я, и Андрейко превратил «невесомые» шансы в реальный перевес. Он играл с М. Корховым и вскоре по выходе из дебюта предложил ничью. Часы Андриса показывали 37 минут, Корхова — 1 час 05 минут. Борьба фактически отсутствовала, но уместны ли упреки? Каждый стремится к лучшему спортивному результату и избирает к нему свой путь...

Около столика Андриса всегда скапливалось много зрителей. По этому поводу бакинский мастер Низами Туаев сказал:

— Некоторые думают: когда у тебя много болельщиков — это хорошо. Нет! Когда мало болельщиков — это хорошо! В первенстве Азербайджана я имел хорошие шансы стать чемпионом. Сказал всем знакомым, что у меня ответственная партия, просил прийти. Все пришли, и что же? То один, то другой спрашивают: «Как дела, Низами?», «Ну что, Низами? Выиграешь?» Только успевай отвечать! Можно ли тут играть в полную силу? Попал в цейтнот и, конечно, проиграл. А вы говорите — болельщики помогают!

В предпоследнем туре мы оба выиграли, и дистанция в пол-очка сохранилась. В последнем — Андрейко сыграл вничью и, видимо, волнуясь, вышел из зала. Я же старался победить Н. Алфимова в ничейном эндшпиле. Видя, что он играет точно и что на «счастье» надеяться нечего, я, еще не предлагая ничью, попросил кого-то позвать Андрейко. Зрители мгновенно разгадали мое намерение — первым поздравить нового чемпиона, — и тут разразилась буря восторга! Андриса внесли на руках в зал и принялись качать! В его честь раздавались приветственные возгласы...

Андрис, несмотря на свои 18 лет, имел уже отличный «послужной список». Он дважды становился чемпионом страны среди юношей, три раза побеждал в первенствах Латвии, дважды — в объединенных турнирах Прибалтики и Белоруссии. В пятом чемпионате страны он разделил 4—5 места.

Как было видно из партий и как определил сам Андрис, его тянет к живой комбинационной игре, не чрезмерно запутанной, но богатой возможностями неожиданных ударов. Чтобы оказаться в «излюбленной стихии», он сознательно допускает ухудшение своей позиции. В острых ситуациях он с удивительной легкостью, быстро и точно рассчитывает далеко вперед. Интересно наблюдать, как по окончании игры Андрис показывает противнику глубокие варианты — пути

для спасения партии, а то и для победы. А ведь перед ним тоже не новички! В чемпионате Андрис выиграл восемь раз и не проиграл никому. Интересно, что очков он набрал больше всех, а времени на свои партии затратил меньше всех: на все 20 партий менее 30 часов.

Если до этого первенства мне надо было заботиться об одном реванше, то теперь уже приходилось думать о двух.

РАССКАЗАНО СЛЕДОВАТЕЛЕМ...

После седьмого первенства читал лекции о stokлеточных шашках. Одну из них я провел на курсах следователей. Аудитория решала мои комбинации с такой быстротой, что я поинтересовался, чем это объясняется. Тайнственно переглядываясь, меня направили к старосте шашечного кружка — Петру Ильичу.

— С удовольствием отвечу, — улыбнулся он. — Как вы насчет «пешего транспорта» и где живете?

Вот что я услышал по дороге:

— Однажды у сотрудника иностранного посольства, затеявшего путешествие по городам страны, изъяли фото-пленку — снимки секретных технических нормативов. Случилось это в середине мая. Нормативы относились к работам одного научно-исследовательского института, и мне поручили выяснить обстоятельства «утечки».

Этот «дипломат», кстати сказать, говорил по-русски не хуже нас с вами. Давать показания он отказался, заявив, будто пленку ему подбросили. Больше ничего у него не нашли и предложили ему убраться восвояси.

В описи вещей «путешественника» оказались stokлеточные шашки. Это меня удивило. Ведь иностранец разъезжал один и играть ему было не с кем... Зачем он взял их в дорогу? Впрочем, вскоре я решил, что придаю им значение лишь потому только, что сам шашист. Ну, как свяжешь шашки с изъятой пленкой?

Итак, нужно было выяснить, кто сфотографировал секретные нормативы и как пленка попала к иностранцу.

В институте мне сказали: все нормативы разнесены по альбомам, заснятые — из альбома номер три. На месте ли он? Да, на месте. Последние два месяца им пользовалась бригада Маслова: сам Маслов Сергей Сергеевич, опытный инженер с солидным стажем, два молодых инженера-конструктора, Николай Ельников и Федор Зайцев, и два техника — Алеша Жоев и Надя Грачева — тоже молодежь.

Анализ пленки показал: снимки свежие, сделаны в первые дни мая, то есть в праздники, когда институт был закрыт. А не выносил ли кто-либо нормативы из института? Члены бригады это отрицали. Пришлось съездить на квартиры. Когда я выяснил, что в праздничные дни у Елнова собирались и работали, мое подозрение переросло в уверенность.

Я вызвал Елнова, решив ударить «в лоб».

— Почему в праздники альбом номер три находился у вас на квартире? С какой целью и кто выносил его из института?

Я попал в точку. Николай вздрогнул и сразу как-то обмяк. Последовало признание.

К пятому мая бригада Маслова должна была сдать важную работу. Задержка сорвала бы срок сдачи всего объекта. В понедельник, двадцать первого апреля, Сергей Сергеевич забил тревогу:

— Не закончим узел к пятому — позор для бригады! Больше того: институт не сдаст вовремя объект, а его значение вам известно. Как назло, пропадут три майских праздничных дня: институт закроют, а работать дома без нормативов невозможно. Есть способ заполучить альбом домой... Рискованно: нормативы секретные, выносить нельзя. Впрочем, ведь это для пользы института да и всей страны... К тому же, не сдадим в срок — премии не видать...

Вскоре к нему подошел Алеша Жюев и вызвался рискнуть, то есть попытаться на праздники унести альбом домой. Появившись, Сергей Сергеевич открыл способ, но предупредил, что сам на праздники уедет и вообще «об этом деле ничего не знает»...

И вдруг двадцать четвертого апреля, в четверг, Жюев получил телеграмму: «Мать при смерти». Он немедленно уехал. А в пятницу утром Николай Елнов сказал, что альбом возьмет он, и решили в праздники работать у него. Четвертого мая Елнов незаметно вернул альбом...

— Конечно, я нарушил инструкцию, — закончил Николай, — но ведь с альбомом ничего не случилось. Он в институте. А разве вовремя сдать такой объект, это не важно?

— Ничего, говорите, не случилось? А это что? Узнаете? Я показал несколько снимков с нормативами.

Елнов стал пунцовый.

— Это... это... снимки с альбома... Но, честное слово, я ни при чем! — с жаром воскликнул он. — Мы все ни при чем! За Зайцева и Грачеву я ручаюсь, как за себя... Снимки могли быть сделаны давно! Раньше.

— Нет, не раньше. Анализ пленки показал, что их сдвигали в первые дни мая.

Ельников расстегнул воротник. Если его растерянное лицо только игра, то он — великолепный актер.

— Да, конечно,— бормотал он,— как теперь доказать? Все против меня...— Вдруг он с силой хлопнул себя по лбу: — Как же я забыл!.. Может быть, это гад, который заходил ко мне второго утром!

— Гад? Какой гад?

— Да я и сам не знаю. Второго утром заходил ко мне какой-то. Меня не было дома.

— Кто его видел?

— Соседка открывала ему. Марья Васильевна. Она мне об этом сказала.

Поехал я еще раз на квартиру Ельнова. Марья Васильевна, бодрая старушка, рассказала:

— Утром, минут через пять, как Коля ушел, является один гражданин. Спрашивает Николая Васильевича Ельнова. — «Нет его, говорю, только что ушел».

А он пристал, простите за выражение, как пиявка:

«Посмотрите да посмотрите в комнате. Николай Васильевич должен был меня ждать».

Открываю ему Колину дверь: смотри, мол, нет — и все тут! Он и говорит:

«Странно, что нет. Ну ничего, я ему записочку напишу».

А сам — в комнату и уселся за стол. Достает бумагу, карандаш. Водички попросил попить. Хотела из графина, а он:

«Извините, бабушка, нельзя ли сырой?»

Сходила на кухню, принесла сырой. Он пишет, я стою жду.

«Бабушка, телефон у вас в коридоре? — говорит. — Очень прошу вас: позвоните на вокзал. Когда из Риги поезд прибывает?»

Пока я в справочном номер спрашивала, пока дозвонилась на вокзал — прошло минут десять. Вхожу в комнату, он вроде на другом стуле уже сидит. Показывает на сложенную бумажку:

«Вот написал, оставляю. Может быть, еще зайду до отъезда. Извините за беспокойство».

И ушел. Вскоре вернулся Коля. Я ему:

«Были у тебя, записку оставили».

Он прочитал ее, а от кого — не понимает: написано только: «Николай, привет! Я тут проездом. Жаль, не застал», а подпись неразборчива. И эту писульку царапал целых десять

минут! Вот писатель-то! Коля попросил рассказать, какой он из себя. Ну рассказала.

«Нет, говорит, не пойму кто».

На этом и кончилось, больше не приходил,— заключила Марья Васильевна.

— Обрисуйте его мне,— попросил я.

Как я и ждал, она описала внешность «дипломата». Все эти трюки — записка как предлог, чтобы войти в комнату Елнова, просьбы принести сырую воду и позвонить на вокзал, чтобы остаться в комнате одному, все это не новинка. Ясно: он приходил сфотографировать нормативы.

Если верить Елнову, в это же утро ему кто-то позвонил, представился знакомым друга, фамилию которого не назвал, и попросил срочно приехать за письмом и посылкой. Когда Елов отправился на свидание, к нему домой и явился «дипломат».

Все это, на первый взгляд, говорило о непричастности Елнова: иначе зачем нужен был визит иностранца? К чему было разыгрывать примитивные сцены с водой и справкой о прибытии поезда? Имея дома альбом, Елов мог сделать снимки, а потом передать их иностранцу. Проще и спокойнее. С другой стороны — все могло быть сделано именно с целью отвести подозрения от Елнова, если обнаружат, что он выносил альбом. Все же я склонялся к версии — Николай с иностранцем не знаком.

— Раньше «писателя» этого ни разу у нас не видела,— рассказывала Марья Васильевна,— а вот звонил ли он, не знаю. Но помню: первого мая было два странных звонка. Первый раз — снимаю трубку, какой-то мужчина спрашивает:

«Ваш номер Д 4-43-14?»

«Да».

«Позовите Ключева».

«Тут таких нет».

«Почему это нет? Ваш адрес — Цветочный переулок, дом восемь?»

«Какой еще дом восемь! Проспект Мира, тридцать один».

«А квартира?»

«Квартира семь».

«Извините, говорит, мне, видно, дали неправильный телефон».

Спустя некоторое время снова звонок. Просят позвать Елнова Семена Петровича.

«Здесь такой не проживает», — отвечаю.

«А что, говорит, здесь разве не живет Елов?»

«Живет Елнов! Но не Семен Петрович, а Николай Васильевич ему имя».

«А с кем я говорю? Вы его мамаша или жена?»

«Не мамаша и не жена, а соседка. Он холостой».

«Ах, простите, говорит, вышла ошибка», — и повесил трубку.

— А голос был тот же, Мария Васильевна? Оба раза звонил один и тот же человек?

— По голосу не скажу, не запомнила. А только, думаю, говорил тот же самый.

— Почему же вы так считаете?

— А потому, как при обоих звонках он сперва спросил: «Ваш номер Д 4-43-14?» Видно, такая его манера говорить по телефону.

— Но оба раза он назвал номер Д 4-43-14? То есть именно ваш телефон?

— Да, да, оба раза наш.

Понятно, что эти звонки не были случайными ошибками. Когда вы узнаете, что ошибочно соединились с ненужным телефоном, вам незачем спрашивать номер квартиры! Очевидно, кто-то знал номер телефона и фамилию Елнов и хотел с помощью «ошибочных звонков» выяснить имя хозяина и его адрес. Не звонил ли это, узнав о секретных материалах, сам иностранец? Замечу, что мое мнение — Николай не был знаком с «дипломатом» — укрепились: если визит еще мог маскировать участие Елнова, то телефонные звонки — уже чересчур «тонкая» и бесполезная для маскировки деталь.

Итак, кто-то сообщил иностранцу: в праздники альбом будет у Елнова. Кто-то дал ему номер телефона. Однако этот кто-то не сказал, как Елнова зовут, и не указал адреса. Почему? Если «кто-то» из бригады, то он, конечно, мог бы указать и адрес.

Могло быть и так: кто-нибудь из бригады известил друга, что в праздники будет работать на дому, и назвал фамилию и телефон хозяина. А к иностранцу сведения попали от этого друга, не знающего ни адреса Елнова, ни имени. Такой случай был возможен...

Все члены бригады твердили одно: «Об альбоме не говорили ни с кем». Может быть, боятся подвести своего друга? Я решил проверить, с кем они встречались перед праздниками, когда уже знали, что альбом возьмет Елнов.

Жоев уехал двадцать четвертого, и Елнов вызвался его заменить в пятницу двадцать пятого. То есть именно в пятницу стало известно, где альбом «встретит праздники».

Мне сказали, что весь обеденный перерыв в пятницу Мас-

лов присидел за шашками, а затем, в рабочее время, отлучился на час из института. А ведь в своих показаниях, где и с кем он проводил время, он об этом часе отлучки не упомянул. Разумеется, мог просто забыть. Я напомнил:

— Сергей Сергеевич, в пятницу, двадцать пятого апреля, вы, кажется, в три часа уходили из института. Не припомните куда?

— О, я имел на это разрешение начальника отдела.

— Не сомневаюсь, что разрешение имели. Меня интересует, где вы были.

— Я ездил в редакцию. — И он назвал газету.

— Вы пишете в газеты?

— В своем роде — да. Я занимаюсь шашечной композицией. Вы знаете, что это такое?

Я кивнул головой.

— По субботам газета выходит с шашечным отделом, и я должен был занести материал до пяти часов.

— Какой материал?

— Две диаграммы с комбинациями.

— Так вы и есть тот С. С. М., чья подпись встречается под комбинациями? Ведь я тоже их всегда решаю. И эти две, о которых вы сейчас говорите, я решил. Прелестные вещицы!

Мой комплимент был встречен холодно. Было ясно, что Маслов не расположен продолжать разговор, уклонившийся от официальной темы.

«Может быть, из скромности?» — подумал я.

На всякий случай поехал в редакцию. Заведующий спортивным отделом подтвердил:

— Да, в пятницу Маслов приезжал. Он неожиданно привез мне новые диаграммы и просил заменить ими те, которые сдал во вторник двадцать второго апреля. Такая замена нас мало устраивала: по прежним диаграммам уже были изготовлены клише. Я предложил дать новые через субботу, но Маслов так настаивал на замене, что пришлось уступить.

— Почему он хотел переменить диаграммы?

— Сказал, что обнаружил в старых много недостатков и нельзя допустить, чтобы подобный материал появился в отделе. Понятно, мы и сами заинтересованы, чтобы материал в газете был как можно лучший.

Было очевидно: в своем разговоре они альбома не касались. Но как любителя-шашкиста меня заинтересовала замена диаграмм.

— А что, первые комбинации действительно были плохи?

— Знаете, Маслов не дал решений, а я в шашках слабоват. Но, собственно говоря, в чем может быть другая причина?

— А диаграммы у вас не сохранились?

— Почему же... Они здесь.— И он стал рыться в какой-то папке.— Вам все четыре?

— Нет, только две забракованные. Напечатанные диаграммы я видел.

Заведующий отделом достал диаграммы.

— Пожалуйста. Вот — первая, а вот — вторая.

— А не все ли равно?

— Не знаю, только Маслов просил печатать их в таком порядке. Впрочем, и в напечатанной паре он тоже обозначил порядок.

Перерисовывая позиции, я обратил внимание на приписку: «Решения присылать до двадцать второго мая». Между тем я хорошо помнил: в газете было указано — до тринадцатого мая. Заведующий сказал, что изменить срок тоже просил Маслов.

Итак, я убедился, что Сергей Сергеевич провел этот час в редакции. Об альбоме и Елнове он там не разговаривал, а мне не сказал об этом посещении просто потому, что забыл о нем.

Вечером я вновь и вновь сопоставлял факты, чтобы выявить тоненькую ниточку, которая связывала «дипломата» с кем-то из институтской бригады. Связывала, скорее всего, через третье лицо...

Тут мы с Петром Ильичом завернули за угол и оказались у моей гостиницы.

— Вот и пришли,— сказал мой спутник,— что дальше?

— Дорогой Петр Ильич, так хочется услышать конец истории, но признаюсь — ходок я никудышный и здорово устал. Может быть, поднимемся ко мне?

— С удовольствием! — ответил он и добавил с лукавой улыбкой: — Тем более, что нам потребуется столеточная доска.

Мы поднялись, я устроился на диване, а Петр Ильич, расхаживая по комнате, продолжал рассказ:

— На чем я остановился? Я обдумывал, как сведения об альбоме могли дойти до «дипломата»... Не придя к выводу, я ради отдыха стал решать переписанные в редакции забракованные комбинации Маслова. Сейчас я их покажу. Интересно, найдете ли вы их плохими?

Я дал ему шашки, и Петр Ильич предложил мне две позиции:

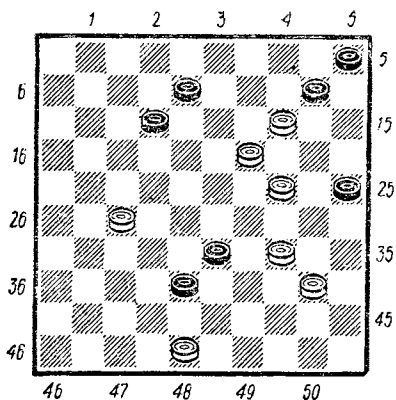

ДИАГРАММА ПЕРВАЯ
(ЗАБРАКОВАННАЯ МАСЛОВЫМ)

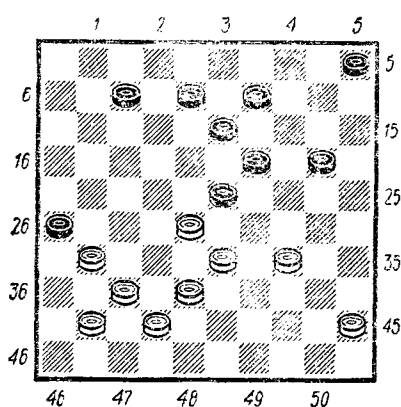

ДИАГРАММА ВТОРАЯ
(ЗАБРАКОВАННАЯ МАСЛОВЫМ)

В обеих позициях — белые начинают и выигрывают.
Я нашел обе комбинации отличными.

— Вот видите! Они и мне понравились, а ведь Маслов потребовал заменить их, потому что они якобы негодные... Я занес их в свою коллекцию — в тетрадь. Потом тут же изобразил обе позиции, опубликованные в газете. Может быть, и вы их знаете? Вот первая. Тоже белые выигрывают. — И Петр Ильич расставил на доске шашки (см. стр. 134).

Когда я решил, Петр Ильич предложил мне записать решение без последнего удара. Я записал¹:

1. 50—44 23 : 32 2. 47—41 36 : 47 3. 44—40 47 : 29
4. 34 : 14 45 : 34 5. 14—9 4 : 13 6. 43—38².

— Если бы я записал, как вы, — карандашом и в строчку, то не пришлось бы мне рассказать эту историю, — улыбнулся Петр Ильич. — Возможно, я бы тогда ничего не выяснил. Но мне повезло: я записал столбиком и чернилами.

— А какая разница?

— Это сейчас станет ясно. Ведь столбик выглядит так:

50—44	23 : 32
47—41	36 : 47
44—40	47 : 29
34 : 14	45 : 34
14—9	4 : 13
43—38	

¹ О правилах игры в столбчатые шашки и записи ходов рассказано на стр. 293—306.

² Далее следует: 6... 32:43 7. 48:17, снимая все шашки.

— Не улавливаю,— сказал я.

— Минуту, не торопитесь. Чтобы чернила высохли, я положил промокательную бумагу, а она легла так, что закрыла все решение, кроме первых цифр каждой строчки. Кроме первых цифр каждой строчки!

«Что за чертовщина?— думал я, пробегая глазами сверху вниз эти незакрытые цифры.— Ведь что-то они напоминают!»

И вдруг, будто меня осенило, вскочил со стула: 544314! Помните? «Ваш номер Д 4-43-14?» Телефон Елнова! А первая цифра — 5 — намек на пятую букву алфавита — Д! Как акrostих!

Чертовски маловероятно, чтобы такое совпадение было случайным! Я как сумасшедший забегал по комнате... Когда Елнов вызвался забрать альбом? В день отъезда Жоева — двадцать пятого апреля. И в тот же день Маслов требовал в редакции заменить диаграммы! Раньше предполагалось, что «операцию» проделает Жоев... А когда он заявил об этом? В понедельник, двадцать первого... А во вторник Маслов принес в газету первую пару диаграмм! Я бросился к записи решения первой забракованной комбинации:

48—43	38 : 49
27—22	49—35
34—30	25 : 34
22—18	12 : 23
19 : 30	10 : 19
24 : 2 ¹	

Запомнив первые цифры, я подошел к телефону и набрал номер Г 2-32-12.

— Слушаю,— раздался в телефонной трубке женский голос.

— Позовите, пожалуйста, Жоева Леонида Андреевича. В ответ слышу:

— У нас есть Жоев, но его зовут Алексей Георгиевич.

Других доказательств не требовалось! Я сказал, что ошибся номером, и повесил трубку.

Итак, решение первой диаграммы из газеты передавало номер телефона Елнова. Да, но была еще и вторая. Кстати, вот она. Тут уже черные начинают и выигрывают.

О значении этой — второй — диаграммы нетрудно было догадаться: кроме телефона, иностранцу была известна фамилия...

¹ Далее следует: 6... 35:24 7. 2:35, и белые выигрывают.

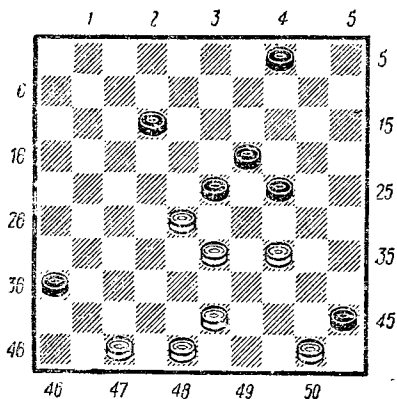

ДИАГРАММА ПЕРВАЯ
(НАПЕЧАТАННАЯ В ГАЗЕТЕ)

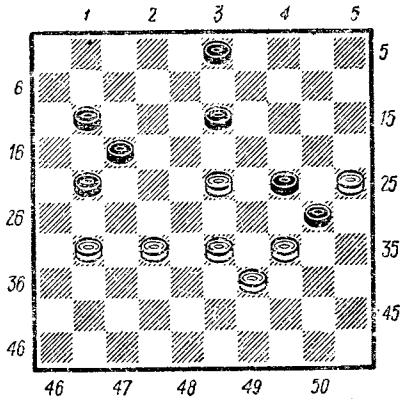

ДИАГРАММА ВТОРАЯ
(НАПЕЧАТАННАЯ В ГАЗЕТЕ)

Я записал столбиком решение комбинации:

.....	13—19
23 : 14	3—9
14 : 3	21—26
3 : 21	26 : 28
33 : 22	24 : 29
34 : 23	11—16

Вскоре мне удалось подобрать ключ и к этому шифру. Нужно выписать, идя сверху вниз, номера полей, на которые ходят черные шашки, то есть 19, 9, 26, 28, 29, 16. Как видите, последний удар и в этом случае не учитывается¹. Затем из каждого числа вычесть 13. Помните приписку? «Решения присылать до тринадцатого мая»! Так как 9 меньше, чем 13, то оно выпадает и остается ряд — 6, 13, 15, 16, 3. А дальше я пронумеровал по порядку — от первой до последней буквы — русский алфавит. Вот так:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
ть	ь	ь	э	ю	я																					
28	29	30	31	32	33																					

Теперь замените каждое число из моего ряда соответствующей буквой. Что получится?

¹ 6. 25:34 16:40, и черные выигрывают.

— Еленов! — выпалил я.

— Вот именно. Таким же образом из второй забракованной диаграммы можно узнать фамилию Жоев. Ее решение:

34—30	23 : 43
42—38	43 : 32
37 : 28	26 : 46
30—25 ¹	

Так как здесь выигрывают белые, то выписываем номера полей, на которые ходят белые шашки — 30, 38, 28, 25. Учтя пометку: «Решения присылать до двадцать второго», надо вычесть из каждого числа 22. Остается 8, 16, 6, 3, а это и есть «Жоев».

Способ связи Маслова с иностранцем был раскрыт.

Стало ясно: «дипломат» возил стоклеточные шашки, чтобы решать комбинации. Требование Маслова о замене одних диаграмм другими тоже сделалось понятным. В общем, как говорится, все стало на свои места. С такими уликами в руках нетрудно было заставить Маслова признаться в остальном.

— Один вопрос, Петр Ильич! Почему Маслов выбрал такой странный способ оповещения? Казалось бы, проще ему встретиться с иностранцем и подробно все передать.

— Видите ли... Иностранной разведке трудно заполучить такого агента, как Маслов. Их очень ценят. А когда агенты встречаются или ведут переписку, то, как правило, провал одного приводит к поимке другого. Поэтому «шеф» Маслова и «дипломата» поставил работу так, что его агенты не переписывались и не встречались. Каждый знал только «шефа».

Петр Ильич посмотрел на часы, покачал головой и схватился за шляпу.

— Засиделся я у вас. Мне пора. Разрешите еще раз поблагодарить вас за выступление. До свидания!

¹ 4... 46 : 23 5. 25 : 1, и черная дамка попала в капкан; 5... 23—46 6. 33—28 46 : 23 7. 1 : 40 с выигрышем.

ЭКС

Реванш состоялся

ПОЧЕМУ ЭТО РЕВАНШ!

Меня часто спрашивали:

— Почему ваша встреча со Щеголевым называется «матч-реванш»?

И действительно, это наш первый матч, откуда же слово «реванш»?

Ответ дают правила Всемирной федерации, по которым разыгрывается первенство мира: чемпион должен доказать свое превосходство не только в турнирной борьбе, но и в матчевой. Раз в четыре года — в каждом високосном году — устраивается Олимпийский турнир, на который допускаются чемпионы стран. Победитель объявляется чемпионом мира. Он должен в течение четырех лет (то есть до следующего Олимпийского турнира) защищать свое звание в матчах. Если ему это удалось, но в очередном Олимпийском турнире он оказывается не первым, то ему предоставляется право вызвать нового чемпиона на матч. Такой матч-турнир является попыткой реванша за поражение в Олимпийском турнире.

«Позвольте, — скажут некоторые читатели, — ведь победой в Олимпийском турнире новый чемпион уже доказал,

что именно он — сильнейший. Зачем еще устраивать матч-реванш?»

Но вспомните: чемпион должен превосходить всех не только в турнирной, но и в матчевой борьбе. А играть в матче — это совсем не то, что играть в турнире.

«Ерунда! — скажут отдельные скептики. — Кто проиграл в турнире, должен проиграть и в матче. Не дадут же ему для матчевой партии больше двадцати шашек!»

Больше двадцати шашек, конечно, не дадут, а все-таки... Представьте, будто вы — чемпион мира и приехали играть в Олимпийском турнире. Против кого остальные участники будут сражаться с наибольшим напряжением и с самой тщательной осторожностью? Против вас! Пусть ваш конечный итог в турнире — восемь побед и семь ничьих. Что говорить — результат прекрасный. Однако с вашим конкурентом играли не так осторожно, и он выиграл десять партий, сыграв вничью лишь пять раз. Весь ваш блестящий результат тускнеет... Не то в матче: вы остаетесь с соперником один на один, и если сегодня выигрываете, то твердо знаете: в этот день получите очко только вы; при ничьей теряете по пол-очка оба одновременно; ну, а если проиграете, тогда, конечно, противник настигает или обгоняет вас.

Перед матчем меня часто спрашивали:

— Как вы считаете, вернете титул?

Что я мог ответить?

— Надеюсь, — говорил я.

Конечно, я надеялся, иначе поединок был бы бессмысленным. Но в этой надежде не было и тени уверенности. Да и откуда ей было взяться? Многие мои друзья основывали расчеты на том, что встречали мое имя в верхней половине турнирных таблиц чаще, чем Щеголева. Однако меня этим ввести в заблуждение нельзя. Я хорошо знал цену последних побед молодого чемпиона!

САМОКРИТИКА С «ПРИСТРАСТИЕМ»

Сразу по приезде с турнира, в пылу еще не угасшего спортивного азарта, я, признаться, наивно думал, что «при другом повороте судьбы все могло сложиться иначе». Но после трезвых размышлений я, к счастью, избавился от такой опасной недооценки молодого чемпиона. Особенно убедил меня разбор его блестящих партий с Келлером и Баба Си: эти победы Вячеслава являются подлинными шедеврами шашечного искусства. А мой собственный счет со Щеголевым?

Ведь до матча я не выиграл у него ни одной партии! Может быть, отказаться от мысли о реванше? Я вспомнил слова Эйве: «Побежденный однажды — всегда побежденный». Так что? Примириться? Утешаться тем, что «все не вечно»? Нет! Работать и трижды работать! Все мобилизовать на подготовку! Результат неизвестен, но бой должен быть дан. Решение было принято, его надо выполнять...

Готовясь к подобному соревнованию, особенно опасно обманывать самого себя. Недооценки противника я, кажется, избежал. Иначе и быть не могло: перед глазами был длинный список его блестящих выступлений, без единого срыва, в шашечных сражениях последних двух-трех лет. Теперь важно было честно и тщательно, я бы даже сказал «с пристрастием», вскрыть дефекты, таившиеся в собственной игре. Их набиралось немало, и, следовательно, было над чем потрудиться.

Во-первых, я констатировал, что заразился «цейтнотной болезнью», а играть со Щеголевым, виртуозным тактиком, страдая цейтнотами, было бы безнадежно. Во-вторых, я проанализировал ряд последних турниров, сравнивая качество и результаты своих партий в первой половине соревнования и во второй. Итог неутешительный: все графики показывали, что к концу турнира я сильно утомлялся. Раньше подобного явления не было. Хотя в моем возрасте оно и естественно (каждый день турнира — почти шесть часов чрезвычайно нервного и умственного напряжения), но ведь в матче скидки на это не будет! Продуманный план физической подготовки и строгого режима мог оказать здесь неоценимую помощь. То, что я еще ни разу не добивался победы в личной встрече со Щеголевым, также не окрашивало перспективу в розовый цвет. К этим главным тревожным симптомам добавлялись и «технические недоделки»: требовал «ремонта» мой дебютный репертуар, обнаружились небольшие пробелы в ведении эндшпиля и другое. В общем, работы хватало.

Всю подготовку я разбил на два этапа — предварительный и окончательный. Первый необходимо было начать немедленно. Прежде всего, «в здоровом теле — здоровый дух». Регулярная утренняя гимнастика, плавание в бассейне, занятия гантелями и длительные прогулки — все это должно было укрепить нервную систему и повысить жизненный тонус. Мною был продуман предстоящий строгий режим во время матча, и, чтобы плавно войти в него, пришлось подлаживать к нему весь образ жизни задолго до соревнования.

С тренером — Владимиром Капланом — мы наметили, в каких соревнованиях я должен участвовать до матча. Тут

надо было найти «золотую середину». С одной стороны, от длительного перерыва начинаешь играть хуже, с другой — нельзя доводить игру в турнирах «до порога» матча: для спортивного накала необходим некоторый «шашечный голод». Были выбраны два турнира: один «для разгона» — первенство общества «Спартак», а другой «для генеральной проверки» — чемпионат страны. В них нужно было приобрести форму и испытать за доской новые идеи и варианты.

Я понимал, что Щеголев следит за моими выступлениями, и поэтому, кроме вариантов, подготовленных к матчу, употреблял и те, которые я не собирался в нем применять. Проверка состоялась, и оружие было «отточено». Помимо этого, турниры показали: физическое состояние хорошее, но цейтноты еще не изжиты.

В первенстве «Спартака» мне удалось установить свой личный «рекорд»: из семнадцати партий выиграть шестнадцать. Ничьей закончилась моя партия (кажется, в предпоследнем туре) с московским мастером А. Виндерманом, весь турнир шедшим на втором месте. Финал партии был забавный.

На тридцать втором ходу я предложил противнику ничью. Он был согласен, однако главный судья не утвердил наше соглашение: в положении турнира говорилось, что все соглашения о ничьей, если в партии не сделано сорока ходов, должны быть переданы на усмотрение главного судьи, который вправе утвердить или отменить их. Мы стали играть дальше. В подобных случаях обычно партнеры исполняют требующуюся формальность — делают ходы, которых недостает до сорока, а затем уже без судьи подписывают бланки с ничейным результатом.

Я без особых раздумий делаю 33-й, 34-й, 35-й ходы. Виндерман каждый раз отвечает какими-то непонятными, запутывающими игру ходами...

«Что он там задумал? Решил играть на выигрыш, что ли? — забеспокоился я. — Спросить? Неудобно, пожалуй...»

Следующим ходом я предлагаю размен. Москвич уклоняется. Снова даю ему возможность разменяться и упростить позицию. Опять отказ!

«Ну, — думаю, — это подозрительно!» Я делаю ходы в стиле легких партий, а он, этот хитрец, накапливает на фланге силы для атаки. Да и верно: у него позиция стала лучше моей. Надо держать ухо востро!

Прошло еще три хода, их стало уже сорок. Слышу:

— Ну как, Исер Иосифович, ничья?

— Ну да, ну да, — поспешно ответил я. — Но почему вы

так странно играли? Почему так упорно отказывались от упрощений...

— Если партия проходит без переживаний, то какой в ней интерес? Вот я и хотел «пощекотать» вас немного!

В другой партии — с ленинградским мастером Алексеем Кашуриным — я получил печальную возможность убедиться, что память моя стала уже не такой, как несколько лет назад.

В этой партии я играл белыми. На каждый мой ход в дебюте Кашурин отвечал уверенно и быстро, а главное, как я обнаруживал всякий раз после раздумья, наилучшим образом.

«Неужели я попался на домашнюю разработку?» — стал побаиваться я.

Однако все окончилось для меня благополучно. Выйдя из дебюта с преимуществом, мой противник растерял его в середине партии, а в довершение просмотрел несложный удар и был вынужден сдаться.

— Вы очень сильно разыграли дебют, — сказал я, когда мы удалились в соседнюю комнату, чтобы проанализировать нашу партию. — Это какой-то подготовленный вами вариант? Или вам часто приходилось играть его?

— Что вы, Исер Иосифович! — изумился Кашурин. — Я впервые этот вариант играю. Но ведь я повторял те ходы, которые вы сами делали в партии против Дунаевского из позапрошлого первенства «Спартака»!

Наступил заключительный этап подготовки: окончательная шлифовка оружия, изучение последних партий Щеголева, отдых. Мой соперник решил перед матчем выступить лишь в одном турнире, по времени стоявшем ближе к началу нашей встречи. Это было проходившее в сентябре командное первенство страны. Вячеслав и тут сыграл превосходно, заняв с большим отрывом первое место на первой доске. Интересно, что единственное поражение он потерпел от ленинградского мастера Сергея Маншина, которому в первенстве страны проиграл и я. Изучение последних выступлений Славы показало мне, что он по-прежнему стремится решить партию тактическим путем — несжиданным эффектным ударом, комбинацией.

Щеголев после турнира поехал для окончательной подготовки в Ялту. Это было не случайно: там проходил международный турнир с участием Баба Си, Изара, Андрейко, и он получил возможность, наблюдая за их игрой и новинками, пополнить свой «арсенал». (В Ялте на первом месте был Баба Си, второе место занял Андрейко, третье — Корхов.)

В ноябре матч начался. Главный арбитр — голландский мастер Филипп Хаам — объявил:

— В матче-реванше предстоит сыграть двадцать партий. При счете 10 : 10 результат считается ничейным, титул чемпиона мира сохраняется за Щеголевым.

Для моего противника это не было новостью, а для меня тем более. Ведь мне пришлось уже побывать в «обеих шкурах»: против Делорье меня устраивала только победа, а с ван Дейком достаточно была ничья. Итак, мне нужно 10,5 очка, Щеголеву — 10.

Эта, казалось бы, такая маленькая добавочная половинка настолько важна, что могла «сделать всю погоду»! Она принуждала меня во что бы то ни стало выиграть в начале матча хотя бы одну партию. Нужно было захватить инициативу! Ведь если счет будет идти все время ровный — 3 : 3, 5 : 5, 6 : 6 и т. д., то время будет работать на моего противника. Другое дело — играть, имея победой больше... Кроме того, соотношение наших возрастов было 1 : 2 (20 и 40 лет). Это тоже заставляло меня обязательно добиться перевеса в счете уже в первой половине соревнования: почти ежедневная шестичасовая напряженная игра плюс переезды из города в город могли вызвать к концу сильное утомление. Наш своеобразный «шашечный караван», выйдя из Москвы, должен был сделать полный круг — Москва, Киев, Минск, Вильнюс, Ленинград, Москва, — проводя на «привалах» бои за шашечную корону мира.

«ОДИН ВЫСТРЕЛ—ТРИ ЗАЙЦА»

В трех первых партиях я, действуя по намеченному плану, яростно атаковал укрепления противника и везде был на грани победы. Но две из них Щеголев искусной защитой сводит вничью и только в третьей дает мне перейти эту грань. Этой победой я убил сразу трех зайцев! Получил перевес в счете, чем заставил каждую новую ничью «работать на меня» и оказывать угнетающее воздействие на противника. Приобрел уверенность: ведь до этого я ни разу не выигрывал у Щеголева. Опроверг его любимое дебютное построение, чем отбил у него охоту употреблять свое наиболее опасное оружие — систему Роозенбурга, с помощью которой он обычно заводил игру в русло головоломных тактических осложнений.

Переезжаем в Киев. Надеюсь на то, что «в родном доме и стены помогают», я мечтал развить успех. Но одно дело — мечты, а другое — действительность... Щеголев полностью мобилизовался, и мне пришлось выдержать бешеный штурм его атак. Все же пять киевских партий закончились миром, но при этом был скомпрометирован мой «коронный дебют» черных — голландская защита. Со счетом 4,5 : 3,5 выезжаем в Минск.

Острые минские встречи проходили с переменным успехом, но выиграть никому не удалось. На следующем этапе — в Вильнюсе — Вячеслав, очевидно, решил во что бы то ни стало уравнивать счет. Но снова, уйдя в глухую защиту, я с трудом спас несколько партий. В одной из них Щеголев был очень близок к заветной цели: он мог победить несколькими путями. До сих пор не могу понять, как мне удалось избежать поражения! Все это подействовало: Щеголев, вложивший столько энергии в партии киевского, минского и особенно вильнюсского этапов и не выигравший при этом ни одной, отчасти утратил веру в победу. Я по-прежнему имел перевес — 7,5 : 6,5. «Караван» двинулся в Ленинград.

ПРИСТАВКА «ЭКС» ОТБРОШЕНА

Мое положение в матче было лучшим, но острота и напряженность, которыми отличались партии, не позволяли считать его устойчивым: лишнее очко могло «испариться» в любой момент. Поэтому я был очень доволен, когда переиграл чемпиона мира в комбинационных осложнениях и выиграл шестнадцатую партию. После Ленинграда счет стал 9,5 : 7,5.

Конечно, задача Щеголева — набрать в трех последних московских встречах два с половиной очка — была очень трудной. Выполнить ее не удалось, и после мирного исхода 18-й и 19-й партий главный арбитр матча объявил, что я вернул утраченный в Олимпийском турнире титул. Реванш состоялся, и я избавился от приставки «экс». Двадцатая партия, ничего не меняя по существу, сделала известным окончательный итог — 11 : 9. Такое соотношение уж второй раз принесло мне звание чемпиона: со счетом 11 : 9 я выиграл и у Делорье.

Иногда в ходе матча и после него мне приходилось слышать недовольные реплики:

— Слишком много ничьих!

Да, ничьих было много. Но велик ли был у меня выбор?

Партию можно или выиграть, или проиграть, или закончить ничью. Выиграть больше двух партий у Щеголева я не смог, хотя старался как умел. Кто думает, что это так просто, пусть попробует! Проигрывать специально для уменьшения количества ничьих я не хотел. Кто может меня этим попрекнуть? И вот получилось: две победы и восемнадцать ничьих. Но разве эти ничьи говорят о стремлении противников уйти от борьбы? Разве не насыщены они острыми и рискованными ситуациями? Разве партии оканчивались до того, как были исчерпаны малейшие возможности игры на выигрыш?

Чем же тогда объяснить большой процент ничьих? Самым простым обстоятельством: силы противников были почти равны. А в таком случае — «действие равно противодействию»...

ИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РУЖЬЯ

Если шахматист, чемпион мира, получает право «отдыхать» три года, то шашиста могут «потревожить» уже через два или даже через год после завоевания им титула.

Матч со Щеголевым закончился в декабре 1961 года, и ФМЖД решила: турнир претендентов провести в 1962 году, а мою встречу с победителем — в 1963 году. Меня, конечно, очень интересовало: кто явится моим соперником? Из нескольких наиболее вероятных кандидатов явно выделялось имя сенегальца Баба Си. Его и нужно было взять «на главный прицел». Так мы решили на «военном совете» с моим новым тренером — ленинградским мастером Юрием Петровичем Барским.

Некоторые наивно полагают, что тренер обязательно должен играть лучше тренируемого. При этом под словами «играть лучше» понимается «добиваться больших спортивных успехов», что не всегда соответствует одно другому. Ведь способности к игре, понимание ее, знания — все это «превращается» в достаточное количество турнирных очков лишь при наличии необходимых спортивных качеств. А если их-то и нет? Спортивные успехи тренера не являются его главным «производственным показателем». Кроме того, как же быть со мной? Ведь если тренер будет играть лучше меня, то он тогда и должен называться чемпионом мира!

С Барским я познакомился в 1958 году на полуфинале в Баку. Инженер-кораблестроитель по образованию, он после войны не мог продолжать работу по специальности из-за тя-

желого ранения. Начав играть в стоклеточные шашки в 1956 году, уже в сорокалетнем возрасте он за четыре года вырастает в сильного мастера. Конечно, рассчитывать на большие спортивные успехи уже поздно: быстрое утомление, цейтноты и прочее не позволяют набирать в турнирах много очков, но по пониманию игры и по знаниям он достиг самого высокого уровня. Особенно большим знатоком он проявил себя в области эндшпиля. Переведя на русский язык известный капитальный труд голландского теоретика И. Мозера, посвященный окончанию партий, Барский в значительной мере исправил и дополнил эту книгу. Эндшпильные работы Барского высоко расцениваются в шашечных кругах. Его важному анализу, помещенному в голландском журнале «Хет Дамспел», редакция расточает множество похвал.

Барский — хороший психолог. Проверив на практике различные рекомендации, которые он мне давал к седьмому первенству страны и к матчу со Щеголевым, и учтя его шашечную эрудицию и наши дружеские отношения (что, по-моему, всегда обязательно при выборе тренера), я решил попросить его стать моим тренером и был очень доволен, получив согласие. Мы стали с ним изучать влияние психологии на шашечное творчество.

Как и в любом другом виде спорта, в борьбе за шашечной доской психологии принадлежит важная роль. Мне кажется, что тут резко расходятся две линии — психологическая самоподготовка и психологическая обработка противника.

Сначала о самоподготовке. Прежде чем выступать в соревновании (я имею в виду матчи), необходимо набраться веры в свои силы. А для этого очень важно избавиться от переоценки противника. Ни в коем случае нельзя его бояться, иначе будешь лишь стремиться свести партию вничью, а в стоклеточных шашках подобная игра на ничью — верная гибель. Но, веря в себя, не нужно забывать, что недооценка противника может оказаться не менее пагубной, чем переоценка.

Второй важный момент в психологической самоподготовке — умение сохранить на всю дистанцию соревнования достаточный эмоциональный запал. Только в этом случае вы сможете полноценно вести борьбу, не снижая напряжения. Как приобрести эти качества? Каждый должен сам подобрать себе способ «самозавода», исходя из собственных индивидуальных качеств. Я, например, еще задолго до соревнования искусственно разжигаю свое честолюбие и всячески убеждаю себя в исключительной важности последствий,

которые будут иметь тот или иной исход матча. Во много раз преувеличиваю резонанс, который он вызовет. Это помогает мне сосредоточить на этом матче все усилия и все помыслы.

Теперь перейду к вопросу о психологической обработке. Под этим я понимаю психологическое воздействие на противника. Такое воздействие, конечно, оказывается вами и помимо вашей воли, но под обработкой я имею в виду сознательное целенаправленное воздействие.

Примером такого психологического воздействия является моя партия с Ферпостом из турнира претендентов 1958 года. Вкратце напомним обстоятельства. Последний тур. Мне была достаточна ничья. Ферпосту же терять нечего. Перед туром в газетах писали, что бельгиец заявил:

«Если русский предложит ничью, то я отклоню ее и буду играть до победного конца».

Таким заявлением Ферпост связал себе руки. И вот начался последний тур. Я не боялся Ферпоста, но риск проиграть существует всегда. Предложить Ферпосту ничью? Но ведь он сказал, что откажется! И тут мне удалось найти правильное психологическое решение. Я подвел партию к такому положению, в котором бельгийцу необходимо было применить большой размен. И тут же я предложил ему ничью! Ферпост оказался перед трудным выбором. Принять ничью ему не позволяло сделанное накануне заявление, а отклонить и при этом произвести большой размен, тоже как будто приближавший игру к мирному исходу, было бы нелогичным. Ферпост отклонил ничью, не произвел необходимый размен и... быстро проиграл.

Другой пример. Перед первым моим матчем со Щеголевым мне предстояло провести несколько тренировочных соревнований. Возник вопрос: где участвовать? И тут появилась возможность учесть мотивы психологического воздействия на будущего противника. Дело в том, что Щеголев в то время отличался чрезвычайной самоуверенностью, которая в игре ему очень помогала. И я решил сбить эту самоуверенность. Исходя из такой задачи, я принял решение сыграть перед матчем в первенстве «Спартака». Там участвовало много мастеров не «первого эшелона», и я надеялся достигнуть внушительного счета во встречах с ними. Надо было «выжать максимум»! Это удалось сделать: из семнадцати партий я свел вничью лишь одну. Безусловно, соперник следил за ходом этого соревнования, и мой почти стопроцентный результат, несомненно, оказывал на него нужное мне психологическое воздействие.

А вот иной случай. Почти за год до моего второго матча со Щеголевым я и Ю. Барский собрались на «военный совет» — наметить, как следует мне провести это ответственное и тяжелое соревнование. Партии Олимпийского турнира говорили о том, что Щеголев стал играть еще лучше, чем раньше, и если я с таким трудом выиграл матч 1961 года, то, чтобы повторить успех, на этот раз придется изобрести что-то новое.

Мы долго обсуждали возможности и, наконец, остановились на следующем: я должен играть в матче так, как Щеголев не ожидает от меня. Я должен подготовиться таким образом, чтобы Щеголев, сев за столик, внезапно обнаружил, что перед ним не тот шашист Куперман, игру которого он изучил, а противник хотя и носящий эту фамилию, но играющий совсем по-другому. Что это значит? А вот что.

У меня и у Щеголева раньше были противоположные стили игры. Он любил запутывать игру, осложнять ее до предела и тогда ловить потерявшего путеводную нить противника на комбинационный удар. В запутанной игре Щеголев чувствует себя как рыба в воде, потому что он очень хорошо видит и рассчитывает комбинации. Таких шашистов называют тактиками, и Щеголев — замечательный тактик. Я же считался не тактиком, а стратегом. Я всегда старался играть не на комбинацию, а на использование небольших позиционных промахов, допускаемых противником в игре. Поэтому меня не прельщала игра чересчур сложная и запутанная: наоборот, я стремился к позициям ясным, где было бы мне легче намечать позиционные планы. Таким знал меня Щеголев, такого противника он должен был ожидать в матче и к такому должен готовиться.

Теперь вам ясно, что мы с тренером решили на «военном совете»? Мне необходимо из стратега превратиться в тактика! Я должен тоже охотно идти навстречу запутанной игре, и когда в партии «вода достаточно замутилась», а Щеголев будет в душе торжествовать и считать, что находится в своей стихии и вот-вот поймает меня на удар, я начну сам ловить его на комбинацию. Остается сказать, что психологическое воздействие, оказанное на противника этой неожиданностью, позволило мне «командовать парадом» в течение всего матча и одержать победу с большим счетом — семь выигрышей, один проигрыш и двенадцать ничьих — 13 : 7.

К сожалению, в турнирной практике порой встречаются и такие приемы психологического воздействия, которые идут вразрез с нормами спортивной этики.

Уфа. VIII первенство страны. После шести туров лидиру-

ет набравший 5 очков ленинградец С. Егоров. В седьмом туре он встречается с одним из конкурентов. Партия сложная, на оставшиеся ходы — времени в обрез, и дорога каждая минута... Нервы крайне напряжены, сейчас все решится... И в этот момент Егоров слышит тихое:

— Ничья?

Решив не рисковать с конкурентом, который к тому же славится своей изобретательностью на ловушки, ленинградец, имевший чуть лучшую позицию, отвечает:

— Согласен!

— А я не согласен, я пошутил, — все так же тихо говорит противник.

Егоров возмущен.

— Я позову судью!

— А как ты докажешь? Я ничего не предлагал.

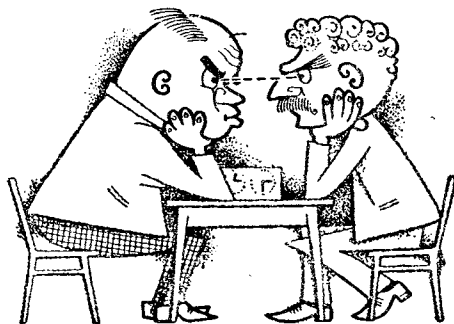
Оглянувшись, Егоров убеждается, что вблизи никого нет, тут же вспоминает про свои тикающие часы и ускользающие минуты и делает очередной ход. Он взбешен! А это значит — обречен. В таком состоянии хорошо играть невозможно, и уже спустя несколько ходов он без кровинки на лице встает из-за столика, потерявший партию и лидерство. Пожаловаться? Что теперь толку в этом? Да и не в его это правилах. Расчетливый противник знал, с кем можно безнаказанно «шутить»...

Припоминаются и еще подобные приемы «психологической обработки», рассчитанные обычно на то, чтобы вызвать у партнера раздражение. На заре своей шашечной карьеры я имел обыкновение следить за глазами противника, когда тот думал над ходом. Мне почему-то казалось, что это поможет мне определить, какой именно вариант он обдумывает, и нащупать всю канву его расчетов. Как-то на мой матч с М. Коганом (1947 год) пришел Давид Бронштейн. Он отозвал меня в сторону:

— Что же ты, Изя, смотришь ему в глаза, когда он думает?

— Это же помогает: по движению глаз я узнаю, какие варианты он рассчитывает, а какие — нет. Здорово придумано? Это изобретение поважнее любой дебютной новинки!

Бронштейн не разделил моего энтузиазма.

— Но ведь этим ты мешаешь ему играть!

На меня словно ведро холодной воды вылили. Удивительно, но такое простое соображение не приходило мне в голову. С тех пор я, конечно, никогда больше не пытался применять эту «психологическую новинку». Но ощущать ее действие на себе случалось неоднократно. В последний раз это произошло в командном первенстве страны, во время встречи с одним из наших гроссмейстеров. Когда мы начали партию, он во время моих ходов неотрывно «буравил» меня глазами. Сначала я не реагировал. Но вот я задумался надолго и вдруг чувствую на себе пристальный взгляд. Я посмотрел на партнера и улыбнулся. Он тоже улыбнулся, даже как-то многозначительно, но продолжал вглядываться в мое лицо. Мне почему-то стало неловко, я опустил глаза, но отделаться от чувства, что меня бесцеремонно разглядывают, не мог. Неужели он все еще смотрит? Я снова поднял глаза. Да. По-прежнему «сверлит» меня. Это стало мне мешать. Ну, думаю, я тоже умею! И принялся смотреть на него. А он на меня! Смотрели мы друг на друга оба, но часы-то шли только мои... И я решил «выяснить наши отношения».

— И долго вы будете так смотреть на меня?

— А что, разве это запрещено? — ухмыльнулся партнер.

— Но вы этим мешаете мне играть!

— Что ж, скажите судьбе.

Я действительно сказал, но не судьбе, а капитану его команды. После их кулуарных переговоров «гипноз» прекратился.

А вот другой психологический трюк. Партию эту я наблюдал: белыми играл в ней московский шашист К. Стаханов, черными — неизвестный мне старик. Стаханов предоставил своему противнику возможность зайти за белой шашкой и, как казалось, безнаказанно выиграть ее. Но, выиграв эту шашку, старик проиграл бы партию: со стороны белых это была скрытая ловушка. Старик надолго задумался над ходом. Стаханов встал, и по тому, как он принялся кружить возле старика, видно было, что он нервничает и только и думает: «Зайдет старик за шашкой? Или заметит опасность?» И вдруг, видимо, его «осенило». Он перестал кружить, сел на свой стул и сделал недоуменное лицо:

— Такой позиции у нас не было!

— Как не было? — удивился старик.

— А так — не было! И быть не могло. Я же здесь теряю даром шашку, вы же видите! Что я, по-вашему, сумасшедший?

Позвали судью. Тот после проверки установил, что пози-

ция на доске соответствует записям на бланках, и зелел продолжать игру. После этого старик думал недолго: он зашел за шашкой... Трюк принес Стаханову очко.

Цель только что описанного трюка — побудить противника сделать определенный проигрышный ход. Известны и другие способы, преследующие такую же цель.

Встреча кандидата в мастера Л. Либермана с одним из сильнейших мастеров близилась к концу и должна была завершиться ничьей. В резерве мастера осталась последняя ловушка, и он, видимо, решил предпринять дополнительные усилия, чтобы поймать своего более слабого противника. Перед тем как сделать свой хитрый ход, мастер начал долго писать на бланке. Он записал будто бы предполагаемый вариант, поставил в конце «ничья» и, как бы заранее, расписался. Затем все-таки сделал свой ход, встал и, разведя руками, зашептал ближайшему знакомому зрителю:

— Вы понимаете? Ничего не мог сделать!

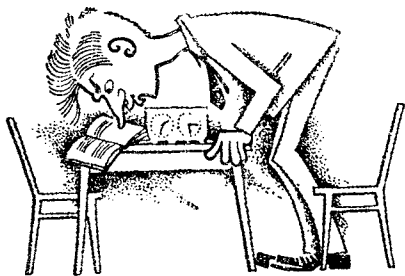
Шепот был таким, чтобы он был слышен партнеру. Бланк мастера лежал тоже так, чтобы партнеру было видно все, что там написано. Либерман, невольно заглянувший туда и успокоенный подписанным в конце словом «ничья», хотел было уже сделать ход по варианту... И вдруг увидел: тут-то он и проиграет! Ловушка! «Но, может быть, мастер не заметил, что тут ловушка?» — подумал он. И решил проверить свое предположение.

— Ничья? Я предлагаю ничью, — сказал он, подозвав своего противника.

Мастер отклонил его предложение, и все стало ясным.

Забавный случай произошел в одной из партий Ю. Барского. Барский имел обыкновение вести во время игры одновременно две записи: одну — официальную, на бланке, а другую — для себя, в блокноте. Там он отмечал, сколько минут над ходом продумал, приводил «закулисные варианты», которые могли случиться, если бы партнер пошел по-иному, и вообще записывал разные мысли, приходившие ему в голову при обдумывании хода. Он делал ход, а потом «оформлял» свои записи.

На этот раз партнером Барского был шашист-перворазрядник. Заметив, что Барский ведет какие-то дополнительные записи, этот шашист, видимо, решил, что неплохо бы и ему знать, какие примечания к ходам записывает мастер в блокноте. И он стал всякий раз так нагибаться над доской, чтобы видеть, что пишет Барский. Барскому, естественно, такое любопытство не очень понравилось. Теперь блокнот лежал на самом углу столика, и с противоположной сторо-

ны трудно было прочитать, что там написано. Тогда шашкист-перворазрядник начал после своего хода вставать, заходить за спину Барского и оттуда читать предыдущую запись. Вскоре и это было замечено, и Барский, сделав запись, стал закрывать блокнот. Между тем, несколько раз

отойдя от столика, он по возвращении обнаруживал блокнот раскрытым...

«Ну,— подумал Барский,— сейчас я его проверю!»

Он сделал ловушечный ход, посидел минуту, словно еще обдумывая последствия, и записал:

«Черт возьми! Сделал ход и, как часто бывает, сразу после этого увидел, что проигрываю шашку. Одна надежда: противник не найдет хода 17—21».

Затем закрыл блокнот и пошел в другой конец зала. Когда он вернулся, блокнот его хотя и был закрыт, но явно лежал повернутым не так, как раньше. А на доске был сделан ход 17—21, будто бы выигрывающий шашку. Не делая хода, Барский открыл блокнот и крупно записал:

«Чего это мне померещилось, что я проигрываю при 17—21? Наоборот! Такой ход невозможен из-за...» — И он привел форсированный вариант.

Перворазрядник, прочитав эти строчки, изменился в лице, но было поздно. За чрезмерное любопытство пришлось поплатиться партией.

Немало разных психологических трюков связано с игрой в условиях цейтнота. Если вы испытываете острую нехватку времени, то, разумеется, не только не встаете со стула, но, экономя каждую секунду, стараетесь даже в то время, когда думает противник, угадать его ход и наметить свой ответ. Представьте себе, что в такие моменты противник ваш якобы нерешительно протягивает руку к какой-либо своей шашке, затем отдергивает ее и потом опять тянет руку туда же и думает с занесенной рукой. Вы решаете, что он пойдет именно указанной шашкой, лихорадочно просчитываете соответствующие варианты и вдруг видите: ход делается вовсе не тот!

Как это ни выглядит странным, но есть шашкисты, умышленно долго думающие в дебюте, чтобы затем обязательно оказаться в острейшем цейтноте. Зачем? А вот зачем. Эти

шанисты обладают повышенной реакцией и могут играть молниеносно без грубых ошибок. Во время своего искусственно созданного цейтнота они не столько волнуются, сколько симулируют волнение: непрерывно поглядывают на часы, бросают записывать и спрашивают, сколько ходов осталось сделать, просят у партнера посмотреть на его бланк с записью и т. п. Все это, конечно, нервирует противника, стремящегося к тому же быстро делать ходы, чтобы не давать опомниться «цейтнотчику». И жертвой цейтнота в таких случаях оказывается не тот, кто сознательно оставил себе на игру считанные секунды, а тот, у кого времени было предостаточно, но кто стремился играть как можно быстрее, чтобы «цейтнотчик» не мог думать за счет его минут.

Как-то с Барским мы обсуждали подобную партию, и я пожаловался:

— Не понимаю, почему я так часто выпускаю из рук выигрыш именно в цейтноте противника?

— А быстро ли играете вы, когда у противника цейтнот? — спросил Барский.

— Конечно! Я отвечаю моментально! Не стану же я позволять ему думать одновременно со мной, то есть когда думаю я.

— Вот в этом-то все и дело. Вы оба начинаете играть молниеносно, но у партнера, находящегося в цейтноте, все чувства мобилизованы полнее, чем у вас. Он острее видит, на какую-то долю секунды быстрее рассчитывает... Нужно поступать как раз наоборот. Не следует позволять затагивать себя в опасную «трясину мгновенных ответов». Лучше, сделав свой ход, тут же встать и отойти от столика, чтобы не было соблазна ответить мгновенно...

Использование этого доброго совета принесло мне уже немало очков.

«ИГРАТЬ С КУПЕРМАНОМ БУДУ Я!»

По нашему с Барским «расписанию» я должен был сыграть в мае 1962 года в международном турнире в Баку. К сожалению, болезнь перечеркнула этот «пункт программы». Турнир состоялся, а я не мог принять в нем участия. Победил в нем Андрейко. Вторым был Егоров, а Щеголев и Корхов остались на третьем-четвертом местах. Из пятерых участвовавших иностранцев только сенегальцу Абдулау Куате удалось «зацепиться» посредине таблицы: он поде-

лил шестое-седьмое места с Епифановым. Остальные, в том числе двое моих старых знакомых — Гюго Ферпост и граф де Дескалар, ее замыкали.

Победа Андрейко лишней раз напомнила, что за мной «остался долг». Ведь за седьмое первенство страны я еще не получил реванша!

Восьмое первенство (Уфа, август 1962 года) открылось в необычной обстановке. Флаг соревнования был поднят на стадионе в присутствии 25 000 зрителей, и там же были проведены жеребьевка и представление участников.

Среди участников почти все наши лучшие мастера. То один, то другой вырывался на пол-очка вперед... Перед последним туром ситуация напоминала прошлогодний чемпионат: опять на первое место претендовали Андрейко и я, и дистанция между нами — те же пол-очка. Но на этот раз мы поменялись местами: рижанину нужно было догонять меня. В последнем туре мы оба выиграли, и я был вполне удовлетворен: второй реванш состоялся.

Но, конечно, не это главный момент чемпионата. Перебирая в памяти прошлые соревнования, я видел, как сильно вырос класс игры наших стоклеточников. Основная черта в творчестве участников — обилие самых разнообразных позиционных рисунков. Характерно и тяготение решить партию комбинаторным путем. Ради этого оба партнера нередко шли навстречу друг другу, завязывая сложную борьбу с головоломными осложнениями.

Вскоре после чемпионата мы получили сообщение из Бельгии: в Льеже закончился турнир претендентов (наш представитель в нем не участвовал). Мне стало известно, против кого я должен буду играть, защищая свой титул.

«Играть с Куперманом буду я!» — заявил своим результатом Баба Си.

«ВЫ НЕ ТАК ГОТОВИЛИСЬ!»

Кто не слышал об этом странном случае, когда один из участников матча на первенство мира не явился! Тогда меня долгое время буквально засыпали вопросами:

— Что произошло? Почему не приехал сенегалец?

Многие интересуются этим и теперь. Постараюсь сообщить все известные мне факты, связанные с этим несостоявшимся матчем.

— Вы — хорошо. Русские — все хорошо. Я хочу быть Советский Союз, — так, когда мы были в Голландии, Баба Си высказал свое сокровенное желание побывать у нас в стране.

Оно исполнилось: в числе пяти иностранцев он приехал на международный турнир в Ялту. В подобных соревнованиях ни один иностранец в нашей стране не «дотягивался» до места выше пятого. Но турнир начался, и сразу стало ясно: в Ялте все будет по-иному. Об этом говорили не только прекрасная игра и хорошие результаты Баба Си, но и его замечания о партиях других участников. Ведь не так просто, играя свою партию, разглядеть ошибки и упущенные возможности на соседних досках! А между тем... Встреча

французов М. Изара и А. Шилана закончилась следующим образом: Шилан после длительного раздумья остановил часы и поздравил своего соотечественника с победой — он не нашел спасения от многочисленных угроз противника. И действительно, положение казалось безвыходным. Так считали и все другие участники и зрители, приветствовавшие победу Изара одобрительным гулом. Однако когда шум в зале утих, со своего места встал продолжавший еще игру Баба Си. Сдерживая улыбку, он скромно подошел к удалившимся для анализа партнерам и показал изумительную комбинацию с жертвой девяти шашек. Оказывается, Шилан в том положении, где он сдался, мог бы не только спастись, но и получить хорошие шансы на победу! После этого случая никто не удивился, когда Баба Си, проведя весь турнир без единого поражения, занял первое место.

Вообще нужно сказать, что, выступая в новом — гроссмейстерском — «чине», Баба Си вовсе перестал признавать места ниже первого! После Ялты он играл в международном турнире в Амстердаме. Снова опережает всех. Да как! Ван Дейк, занявший второе место, отстал от него на два очка! И, наконец, турнир претендентов в Льеже, где Баба Си заявил, что «матч со мной будет играть он».

Сыграв за последние два года в шести международных турнирах, он был первым все шесть раз, а из 55 партий, сыгранных им в этих соревнованиях, выиграл 35 при 20 ничьих. Проигрышей не имел! Анализ партий показывает, что во всех стадиях и в разных стилях он играет одинаково хорошо: блестяще рассчитывает и осуществляет комбинации с контрударами, но при этом прекрасно проводит встречи и в позиционной манере. Чувствуется, что он пристально следит за всеми новинками теории, а если чего и не знает, так только... цейтнотов!

Когда окончился турнир в Льеже, ФМЖД поручила нашей и сенегальской шашечным Федерациям договориться о сроках и месте проведения моей встречи с Баба Си. Такая договоренность была достигнута довольно быстро: начало матча — 15 ноября 1963 года, место проведения — Советский Союз. Играть 20 партий матча мы должны были в разных городах, но так как сенегальцы выразили опасение, не будет ли Баба Си у нас мерзнуть, то наша Федерация выбрала, по возможности, «теплую трассу»: Москва — Киев — Одесса — Сочи — Харьков — Москва.

О нашей договоренности была извещена ФМЖД, оттуда получено, как говорится, «добро», и я приступил к подготовке.

Готовился я в Ялте, и на этот раз особенно основательно. Мне помогал Юрий Барский, а затем присоединился мастер Борис Шкиткин. Нами было собрано много партий Баба Си, составлен тщательно продуманный подробный план, намечены новые методы...

В Ялту, в связи с проводившимся там международным турниром, приехал Козлов. Он собрал нас троих и сказал, что его беспокоит вопрос о моей подготовке к матчу.

— Я прошу проинформировать меня, что вами сделано. Мы рассказали ему о проделанной работе.

Тогда Козлов, который порой любил ошеломить сверхоригинальными идеями, воскликнул:

— Вы готовились не так, как нужно! — Затем он грустно покачал головой и добавил: — Виноват в этом я. Я, конечно, должен был заслушать вас еще до начала вашей подготовки.

— Почему же вы находите, что мы не так готовились? — спросили мы.

— Почему? Да это же ясно! Вы к кому готовились? К Баби Си. А чьи вы партии анализировали? Чей стиль изучали?

— Его же! — хором ответили мы.

— То-то и есть. А надо смотреть вперед! Ведь его, Баба Си вашего, кто-то готовит. Наверное, тренером у него сейчас Пит Роозенбург. Так вот чьи партии анализировать надо было и чей стиль изучать: Роозенбурга! Ведь Баба Си всё переймет у него, это ясно как дважды два. Ну ничего... Я сам сделаю вам доклад о творчестве Роозенбурга!

Никакого доклада, разумеется, не состоялось: сверхоригинальные идеи покидали Козлова так же внезапно, как и осеняли его. А мы, чтобы случайно не напомнить ему, остерегались даже фамилию «Роозенбург» произносить в его присутствии и продолжали готовиться по-своему.

Впоследствии мы узнали, что к подготовке Баба Си Роозенбург не имел ни малейшего отношения.

СЕНЕГАЛЬЦЫ МОЛЧАТ

За несколько дней до начала матча мы с секундантом Юрием Барским приехали в Москву. Главный арбитр — молдавский мастер Александр Дунаевский — был уже на месте.

— Исер Иосифович, матч не состоится, — сказал мне Барский, у которого зачастую не отличишь, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

— Почему? — удивился я.

— Как?! Вы не знаете? Это ведь всем известно! Саша Дунаевский хороший парень, но международные соревнования, которые он берется судить, обычно срываются, так и не начавшись.

Мы засмеялись, и громче всех Саша, за которым действительно числились подобные случаи.

Между тем приготовления к матчу шли полным ходом: уже были расклеены афиши, извещавшие, что соревнование откроется в Университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, были выпущены специальные, посвященные матчу значки шашечной Федерации и даже были заказаны оркестр и цветы для торжественной церемонии открытия.

Правда, хотя, казалось бы, давно пора, почему-то не подавали признаков жизни сенегальцы. Их должно было приехать трое: Баба Си, его секундант Дьеми и секретарь шашечной Федерации Сенегала Абду Конь. От них не поступало никакого извещения о том, каким самолетом они прибывают. Но ответственный секретарь нашей Федерации Козлов, который сам часто все успевал сделать в последнюю минуту, не беспокоился и говорил, что все в порядке, сенегальцы — молодцы: слов впустую не растрачивают, ни телефонных, ни телеграфных, договорились начать матч 15-го — вот и придут 14-го вечером без всяких лишних предупреждений.

СТРАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

«Резиденция» Козлова находилась в Центральном шахматном клубе СССР, и 14-го утром мы все собрались там, чтобы узнать, к какому часу поехать на аэродром встретить моего соперника. Случайно в клубе оказался корреспондент ТАСС Виктор Иванович Евсеев, который накануне беседовал со своим коллегой, находящимся в Дакаре, и тот уверял, будто недавно в дакарских газетах промелькнуло взятое у Бабы Си интервью, в котором сенегалец выражал уверенность, что к январю — моменту встречи со мной — он обретет свою лучшую форму.

— Ваш коллега что-то перепутал, — сказал Козлов. — Завтра открытие, а послезавтра Баба Си, в какой бы он форме ни был, уже сделает свой первый ход!

Но корреспондент заверил, что об ошибке не может быть и речи, так как он и сам, зная, что матч должен вот-вот на-

чаться, подверг эти сведения сомнению и тщательно расспросил своего коллегу об интервью.

— Ну тогда все понятно! — воскликнул Козлов. — Это трюк. Это — первая комбинация Баба Си! Он хочет внушить Куперману, что еще не достиг хорошей формы, и этим в какой-то мере демобилизовать его.

Все замолчали, думая о том, насколько хитер этот Баба Си.

— Но послушайте, — вдруг сказал Барский, — как мог Баба Си предполагать, что интервью, опубликованное только в дакарских газетах, дойдет до ушей Купермана?

— Однако же это случилось! — Козлов почувствовал слабость своей позиции, но все еще пытался ее защищать.

— Вероятность была слишком мала, чтобы Баба Си мог на нее рассчитывать, — это во-первых, а во-вторых, что для него пользы, если утром Куперман узнал об этом интервью, а вечером встретит его самого? Нет, тут что-то не так...

— А может быть, если гора не идет к Магомету, взять и пойти к горе? Позвонить в Дакар и узнать, каким самолетом они вылетают, — предложил кто-то.

ДЕСЯТЬ ЛЬГОТНЫХ ДНЕЙ

Весь день 14 ноября прошел в телефонных переговорах. Звонили в Дакар. Удалось связаться с Баба Си, который сказал, что не собирается сейчас выезжать, потому что имеет разрешение от ФМЖД перенести матч на январь. Звонили в Париж — секретарю Федерации П. Люко, звонили в Амстердам — президенту Я. Виллемсу. Ни того, ни другого не застали. Наконец добились связи с Виллемсом, и тот сообщил, что Федерация Сенегала как-то запрашивала о переносе матча на январь и что ей был послан ответ, разрешающий сделать такой перенос, если она договорится об этом с нами.

К нам никакого ходатайства из Сенегала о переносе матча не поступало, но если бы оно и поступило, то я бы ни в коем случае не согласился, так как вся моя подготовка была нацелена на проведение матча в ноябре — декабре. Двухмесячная оттяжка могла бы значительно ухудшить мои шансы на победу.

Мы решили предоставить Баба Си десять льготных дней — начать матч 25 ноября. Согласовали это с ФМЖД и сенегальской Федерацией, объявили в газетах и по радио о переносе открытия матча, наконец, поехали на аэродром,

чтобы встретить самолет, и... снова все впустую: мой партнер не явился.

Все мы, да и все шашисты в стране, были раздосадованы: столько ожиданий, столько труда затрачено на подготовительную работу в пяти городах, где должен был проходить матч,— и всё напрасно.

— Воистину какой-то «сенегальский ребус»! — воскликнул Козлов, вспомнив, как голландские газеты окрестили Баба Си во время Олимпийского турнира.

Сообщили в ФМЖД о вторичной неявке и получили оттуда ответ: главному арбитру зафиксировать неявку, титул чемпиона мира сохраняется за Куперманом, Баба Си лишается права на матч.

«ДОРОЖКА К КОРОНЕ УЗКАЯ...»

Любой спортсмен, которому случалось оказаться в подобных условиях, когда соревнование должно вот-вот начаться и вдруг срывается, поймет, какое разочарование чувствовал я. Утешить себя я пытался лишь тем, что занимался самоубеждением: «Чего тебе еще надо? Подумаешь, матч не состоялся! Зато ты сохранил титул. А где гарантия, что все осталось бы по-прежнему, если бы противник приехал?» Однако когда я поделился своими мыслями с Барским, он возразил:

— Это неверно. Вам необходимо было встретиться с Баба Си именно теперь. Почему? Да это же ясно! Дорожка к короне узкая, и встречи с сенегальцем вам не избежать. Вам сколько лет? Сорок один. А ему? Двадцать семь. К тому же он выступает всего три-четыре года. А это значит, что кривая силы его игры идет вверх круче, чем ваша, и вам лучше встретиться с ним как можно раньше. Разбить его наголову! И это почти всегда намного отбрасывает соперника назад.

— Но сумею ли я разбить его?

— Ну уж, Исер Иосифович, если после такой подготовки вы сомневаетесь... — развел руками Барский.

«ГРАФОЛОГИЯ» НА ШАШЕЧНОЙ ДОСКЕ

Готовился я на этот раз действительно капитально. И, главное, по-новому. Пользуясь случаем, я хочу рассказать, как, на мой взгляд, нужно готовиться к соревновани-

ям по stokлeтoчнoмy шaшкaм. Пoкaжy этo нa пpимepe пoдгoтoвки к мaтчy c Бaбa Си.

Как только стало известно, с кем предстоит мне встретиться на «дуэли», мы с Барским наметили план подготовки. При этом пришли к единодушному мнению, что подготовку нужно вести по-новому. Методы, которые применяются у нас для соревнований по русским шашкам, в stokлeтoчнoмy нe гoдятcя. Oбъяcню пoчeмy.

В русских шашках тренировочно-подготовительный процесс основывался только на том, что тщательно изучали дебютный репертуар противника, с которым предстояла встреча. В этом репертуаре старались найти слабые места и готовили под них опровергающие ходы или варианты. То есть вся подготовка сводилась к поискам дебютных новинок. Особо ценными считались те новинки, которые могли бы «выстрелить» до пятнадцатого хода, иначе говоря — до первого контроля: ведь у противника еще нет большого запаса времени, а после контроля появится столько времени, что он сможет за доской найти опровержение вашей новинки, если, конечно, она не носит характер форсированного варианта на выигрыш.

Многие stokлeтoчники тoжe oснoвывaют cвoю пoдгoтoвкy лишь нa paзpaбoткe дeбютных вариантов. Однако то, что верно в русских шашках, здесь часто приносит ущерб. Вероятность, что противник будет пойман на вариантную комбинацию в дебюте (речь идет о грoссмeн тeрaх, мaстeрaх, пepвopaзpядникaх), в stokлeтoчнoмy шaшкaм oчeнь нeвeликa: cлишкoм мнoгo paзных вoмoжнocтeй. Тeпeрь пpeдcтaвьтe ceбe кapтинy: вы пoдгoтoвили кaкoй-тo вapиaнт и, игpая пapтию, c нeтeрпeниeм ждeтe, кoгдa вaш пpoтивник пoймaeтcя нa нeгo. Пycть oн дeлaeт xoды, кoтopыe вы oжидaeтe. Bот пoдxoдит peшaющий мoмeнт... Bы цeликoм зaняты мыcлeю: пoйдeт пapтнep тaк, кaк xoтитe этoгo вы, или нeт? Пoймaeтcя или нeт? Ho кaк этo ни cтpaннo, a пoльзy, нa кoтopyю вы paccчитывaeтe, вaм нe пpинeceт ни тo, ни дpyгoe.

Разберем оба случая.

Соперник, как говорят, «попался»: он сделал ход, который вы разбирали и в ответ на который припасли новое продолжение. Ведь и при вашем новом продолжении победы-то еще нет, а лишь возникает несколько более благоприятная для вас ситуация. В ней нужно бороться — и это главное. Противник уже полностью в боевой форме, потому что он приступил к борьбе с самого начала партии; вы же занимались тем, что ловили его на вариант, и это не обязывало вас мобилизоваться на борьбу. Теперь же наступает

переломный момент: «ловля» кончилась, и вы должны начать бороться. И вот в такой ответственный момент вы играете явно слабее, чем обычно,— с меньшим упорством, вниманием, глубиной, так как еще не полностью психологически мобилизовались. Положительным в этом случае является то, что в дебюте вам удастся сэкономить какое-то время. Однако вы еще не втянулись в напряженную борьбу, и это время не очень-то помогает.

А вот второй случай: поначалу противник играет так, как вы ожидали, но в решающий момент делает какой-то другой ход, то есть ускользает из заготовленного вами варианта. У вас это неизбежно вызовет разочарование и даже некоторое отвращение к играемой партии. Что уж тут говорить о боевом настроении! Хочется поскорее завершить партию, окончив ее хотя бы вничью. Но в стоклеточных шашках такое настроение не остается безнаказанным. Партия длится долго, и игра на ничью чаще всего приводит к таким позициям, где требуется защита. А это не легкое дело. Не каждый способен без ущерба совершить быстрый переход от радужных мыслей о поимке противника к длительной и тяжелой обороне.

Как же нужно готовиться к соревнованию в стоклеточные шашки? Расскажу, как готовились мы с Барским.

Подготовка к соревнованию «на высшем уровне» — дело сложное, тем более что нет почти никаких рекомендаций. Хотя мы знали крылатую фразу Эммануила Ласкера: «Шашки — мать шахмат, и достойная мать!», а, как известно, «яйца курицу не учат», все же мы сначала обратились к литературе... шахматной. Увы, и здесь, за исключением некоторых советов Михаила Ботвинника по спортивному режиму да отдельных замечаний других гроссмейстеров, мы обнаружили «целину». Тогда на первых порах мы занялись «подготовкой подготовки».

Какие качества нам придется развивать или отшлифовать? Мы приняли, что сила игры шашиста пропорциональна его таланту, знаниям, опыту, памяти, фантазии, способности сконцентрировать внимание. Чувствую, кое-кто встретит мои слова, мягко выражаясь, с недоверием: «Помилуйте! Мы тоже игравали в шашки... И без всяких там «фантазий» и «концентраций внимания»!»

Да, можно играть в шашки и без фантазии. И без внимания. И без знаний или опыта. Больше того, стоит запомнить, что передвигать шашки нужно только по черным полям, и уже можно играть. Но все дело в том, как играть! Чтобы бесцельно переставлять первую попавшуюся шашку

на соседнюю клетку, не нужно ничего; чтобы предусматривать десятиходовые комбинации, нужно все! Но что поделаешь — и то и другое называется словом «играть».

Труднее было придумать методы и способы, чтобы развивать намеченные качества.

— С «талантом»-то что будем делать, Исер Иосифович? Развивать будем? — пошутил Барский.

— Это единственное, к чему не следует «прикасаться», — отпарировал я. — Пусть уж останется, какой есть...

Вторым пунктом стояло: знания. Кто полагает, что чемпион мира потому и чемпион, что все знает, тот ошибается. Если собрать воедино шашечные познания всех гроссмейстеров и мастеров мира, образуется лишь ничтожная доля того, что можно знать в этой игре. Так что по этому пункту работы хватало. Мы достали партии наших и зарубежных соревнований последних лет и «выуживали» оттуда интересные дебютные схемы, новые построения, эндшпильные идеи.

Опыт. У любого гроссмейстера он велик, но его можно расширять беспредельно. Как это делать при подготовке? Барский ставил позиции из неизвестных мне партий, а я определял, чье положение лучше — белых или черных, — и должен был подкреплять свою оценку вариантами на доске. При этом Барский имел право брать ходы назад, а я — нет. Все проделывалось «под тиканье шахматных часов», чтобы приблизиться к условиям турнирной игры.

Память для шашкистов-стоклеточников имеет значение, но не решающее, как думают многие. У одних специальная — шашечная — память хорошо натренирована: они без труда вспомнят давние партии; взглянув мельком на какую-то позицию, точно воспроизведут ее на доске; держат в голове множество вариантов. Зато другие даже только что сыгранную ими партию не приведут по памяти, хотя играют не хуже первых. Этот пункт мы в подготовку не включили: память следует развивать равномерно в течение всего спортивного пути.

Фантазия связана с тактическим мастерством. Придумать скрытую ловушку, издалека подготовить замаскированный удар, вовремя заметить, как «натягивает тетиву» притаившийся противник, — без фантазии, без воображения тут не обойтись. Такая фантазия, называемая «комбинационным зрением», издавна мое узкое место: я не раз просматривал удары противника. По этому недостатку мы сосредоточили огонь. Барский беспощадно загружал меня позициями, а я отыскивал в них угрозы ударов.

Необходимо развивать и пространственное воображение или, говоря иначе, способность расчета. Комбинация совершенно изменяет позицию на доске. Но, задумывая ее, необходимо отчетливо представить в уме конечное расположение шашек, а порой рассчитать и дальше. Поэтому нужно уметь «видеть» шашки на тех полях, где их нет, и «не видеть» их там, где они действительно стоят. Ошибешься — и партия летит под откос. Барский ставил передо мной две доски: на одной — сложнейшая комбинационная позиция, другая — пустая. Я мысленно проводил комбинацию и добавлял несколько ходов, а затем на второй доске расставлял конечную позицию.

Для концентрации внимания я выполнял такое упражнение: старался производить в уме анализ и длительный расчет в минимальное время.

Наконец, конкретная подготовка к сопернику. О нем полезно узнать побольше: дебюты его репертуара, его излюбленные и нелюбимые схемы игры, как он выдерживает пяти-шестичасовое напряжение за партией, не «выдыхается» ли к концу турнира, чем стремится решать борьбу — стратегией или тактикой; как переносит поражения — хочет ли отрешиться непременно в следующей партии или трезво выжидает, пока нервы успокоятся, и т. д.

Но откуда все это узнать? Где «источники информации»? Партии этого противника! У шашкиста высокого класса вырабатывается собственный «шашечный почерк», отражающий даже отдельные черты характера, даже состояние спортивной формы. Надо только уметь разбирать этот почерк, надо овладеть «графологией» на шашечной доске. Особенно важно раскрыть недостатки, о которых противник не знает сам. Так мы завели на соперника довольно пухлое «дело», где наметили, как с ним играть, к чему стремиться. Все это, разумеется, проверялось нами в тренировочных партиях.

Никто не станет чемпионом мира, если не обогатит теорию игры новыми принципами, свергающими устарелые представления, «подаренные» прежними чемпионами. Почти как в известной шутке: некий кандидат наук выдвинул оригинальную гипотезу, защитил диссертацию и стал доктором. Вскоре другому кандидату удалось очень оригинально опровергнуть гипотезу предшественника... Он тоже стал доктором наук. Гипотеза исчезла, а появившиеся доктора остались! Таким образом в нашу программу вошли и поиски новых принципов в игре. Найденные принципы нужно предварительно очень тщательно проверить в игре, ибо нет ничего опаснее подобного «тайного оружия», если оно недо-

статочно отработано и «пристреляно»: его выстрелы могут поразить владельца.

Игра ежедневно длится пять-шесть часов при большом умственном и нервном напряжении, и немисливо провести турнир ровно и сильно без физической подготовки. Поэтому мы включили в план продолжительные прогулки, греблю, плавание, настольный теннис.

Перед любым крупным соревнованием еще до того, как приступить к непосредственной подготовке, необходимо проделать немалую работу: подобрать партии, расклассифицировать их по дебютам, свести в таблицы, и многое другое.

ЦЕЙТНОТ И ЕГО РЫЦАРИ-ЦЕЙТНОТЧИКИ

Играются две турнирные партии. В одной по обе стороны доски сидят умудренные опытом и знаниями гроссмейстеры. Другую партию разыгрывают два новичка. Казалось бы, гроссмейстеры, которым так много известно в игре, которые рассчитывают ходы точно и быстро, которые с одного взгляда могут определить, чья позиция лучше, никогда не окажутся в цейтноте. А новички, которые о шашках почти ничего не знают и для которых загадкой должен быть каждый ход, обречены на то, чтобы испытывать недостаток во времени. На самом же деле получится как раз наоборот! Новички будут быстро нанизывать на нитку партии бусинки ходов, пребывая в полной уверенности, что все идет правильно и задумываться абсолютно не над чем. А гроссмейстеры по ходу игры станут сотни раз взвешивать всякие «за» и «против» и примерять то один, то другой вариант, пока не подберут продолжение по вкусу, куда через ход или два опять станут вводить поправки. Новички закончат свою партию, не исчерпав и четверти отпущенного времени; умудренный опытом шашист будет делать последние контрольные ходы, корчась в цейтнотных муках под страхом падения флага на часах.

Почему же это так? Да потому, что новички оценивают достоинство того или иного хода только с точки зрения — принесет ли он лишнюю шашку или повлечет за собой потерю. Гроссмейстеры же обладают десятками различных «оценочных инструментов», которыми они тщательно проверяют целесообразность движения шашек. Но даже не сама проверка эта отнимает наибольшее время, а сравнение оценок в шашечных планах, выбор хода, а главное, сопутствующие ему сомнения.

Сомнения... Вот источник цейтнотов! Если играющие достигают высокого уровня мастерства, то их игра — это творчество, а творчество без сомнений невозможно. Но шашечная турнирная партия — это и спорт. А в спорте сомнения вредны. Поэтому каждый шашист должен найти для себя «золотую середину» — должен знать «меру сомнениям».

Цейтнот — явление психологическое. Бороться с цейтнотом — значит выдерживать борьбу с самим собой, а это порой труднее, чем бороться с самым сильным противником. Иногда спрашивают: «А зачем вообще ставить часы, учитывающие время? Игра и так сложна, зачем же создавать дополнительные трудности? Ведь цейтнот так часто нарушает нормальную картину борьбы!» Да, это верно. И все же...

Вот, например, как проходила игра в чемпионате мира 1894 года, где часы не применялись и где игроки не чувствовали себя зависимыми от их неумолимого хода.

На каждую пару противников приходился судья-секретарь, в обязанность которого входила запись ходов. Помимо ходов, в бланк вписывалось все, что имело отношение к партии или поведению игроков во время игры. Не всегда партии заканчивались за один день, хотя партнеры и не покидали своих мест до конца игры. В подобных случаях на бланке можно было прочесть такие записи судьи-секретаря: «3 часа 20 минут ночи. Оба противника уснули, по каковой причине партию закончить не удалось. При пробуждении будет продолжение».

Многие шашечные мастера — неисправимые цейтнотчики. Играют они очень хорошо, но какие бы меры ни принимали, постоянно попадают в цейтнот. Одним из таких верных «рыцарей цейтнота» был мой друг, талантливый харьковский мастер Рудольф Суплин.

По профессии Суплин был математиком, и математиком очень способным. Его научный руководитель профессор Анатолий Дмитриевич Мышкис возлагал на Суплина очень большие надежды. Суплин всегда был перегружен работой, но тем не менее выкраивал время для шашек, любовь к которым пронес через всю свою короткую жизнь. Неоценимый вклад идей, вошедший теперь в теорию стоклеточных шашек, соответствовал его крупным спортивным успехам. Неизвестно, каких бы еще высот он достиг, если бы сумел избавиться от одного психологического недостатка: играя, он стремился рассчитать абсолютно все. Пока он не удостоверился, что рассчитал все последствия намеченного хода, он не в силах был заставить себя сделать его. Отсюда его постоянная «война» с цейтнотным флажком.

Помню, как мы с ним выступали за команду Украины в первенстве страны. Рудольф играл на второй стоклеточной доске. Поэтому противники его уступали ему в силе, и в партии он поначалу обычно получал преимущество. Но когда наступало время для реализации этого преимущества, оказывалось, что Суплин уже «по уши» в цейтноте, и вся наша команда, сгрудившись около его столика, с тоской наблюдала, как подгоняемый часовой стрелкой Рудольф делал один неточный ход за другим. Если в личных соревнованиях цейтнот — бич, то в командных — тройной. Ведь то, что партии Суплина всякий раз вместо победы заканчивались ничьей или даже поражением, отражалось на последующей игре всех членов нашей команды.

— Рудик! К чему нам твое преимущество в дебюте, которое потом исчезает под давлением стрелки? Неужели ты не можешь сделать за первые полчаса двадцать пять — тридцать ходов, чтобы потом не дрожать в цейтнотной лихорадке? — сказал я Суплину.

— Постараюсь, — ответил он.

Вечером я еще несколько раз беседовал с ним на эту тему. Он чувствовал себя виноватым и со всем соглашался. На следующий день вначале все шло хорошо: Суплин быстро делал первые ходы. Но постепенно набранный темп все больше замедлялся, и цейтнотное болото все глубже затягивало его в свою трясину. Партия завершилась очередной игрой на острие флага.

— Я не могу! — чуть не плача, отчитывался Рудольф перед командой по окончании партии. — Я не могу не продумать ход до конца, я не могу заставить себя сделать его раньше. Сейчас я сознаю, что это не нужно, а во время игры ну просто не в силах побороть себя!

Хотя среди всех шашистов постоянных «рыцарей цейтнота» насчитывается не так уж много, но вряд ли есть такой турнирный боец, которому ни разу не довелось с тревогой поглядывать на часовую стрелку, неуклонно поднимающую контрольный флажок. «Шахматные часы — это карающая совесть!», как метко сказал один шахматный журналист.

Помню, как впервые просрочил время я. Это случилось в первенстве Киева в 1940 году. Был я лидером турнира и пригласил на эту ответственную партию много приятелей из школы, которые шумно «болели» за меня. Играл я, помню, с Ефремовым. Позиция моя была хорошей, и времени было предостаточно: на один последний ход оставалось пять минут. Вот противник сделал ход, включил мои часы и удалился, а я стал не спеша обдумывать, как ответить.

«Может быть, так? Он — сюда, я — туда, потом — размен. Получится неплохо. Хорошо бы сегодня выиграть! Сколько же я наберу очков в остальных турах? Но сейчас — не время об этом... Значит, я отвечаю так. Что там получится? Так — так, так — так... Ведь выигрыш! Конечно. Теперь все ребята увидят. Хорошо, что позвал. А может быть, найти что-нибудь поэффектнее? Этот-то выигрыш уже никуда не убежит. Что, если сюда попробовать? Хорошо, если он зайдет за шашкой... А если не зайдет? Тогда, пожалуй, не годится. А не попробовать ли поймать его на такую штуку? Я захожу в угол, он...»

— Мальчик, можешь уже не думать! — прервал мои мечтания ближайший из зрителей. — У тебя флажок упал! Я впервые заплакал за партией.

Редко кто может похвастать тем, что в цейтноте не теряет самообладания. Обычно сильно волнуются и сам цейтнотчик и его противник. Многих даже пробирает лихорадочный озноб. Неудивительно, что именно с цейтнотом связаны самые забавные турнирные происшествия.

В десятом туре седьмого первенства страны по стеклоточным шашкам за одним из столиков встретились харьковский и смоленский мастера — А. Швидкий с Н. Алфимовым. Харьковчанин только что вышел из опасной зоны острого цейтнота — поволновался предостаточно. Теперь его ход, и он должен совершить сложный удар дамкой — удар, который можно произвести в нескольких направлениях. Он уже собрался бить, поднял свою дамку, но, в чем-то усомнившись, опять стал раздумывать. Проходит минута, другая, третья — дамка все еще в руке, повисшей над доской. И вдруг харьковчанин обращается к противнику:

— Простите, а откуда моя дамка бьет? Где она стояла? Вот что значит побывать в остром цейтноте!

В одном из первенств Украины я встретился за партией с одесским шашистом Э. Пейхелем. Для меня очень важно было выиграть эту встречу, так как тогда я захватывал лидерство. Преимущество я получил, но ясных путей реализации не видел. И так и эдак прикидывал, пока... не попал в цейтнот. Залихорадило, конечно. Задумываться было некогда, и я стал делать ходы по интуиции, и все быстрее и быстрее: теперь командовала стрелка. Ведут ли эти интуитивные ходы к выигрышу, я уже не знал. И вдруг мелькнула мысль о возможности комбинации! «Так, так, так — и забираю сюда. Кажется, все точно. Э! Проверять некогда!» И я стал быстро жертвовать свои шашки. Противник не менее быстро отвечал (цейтнотная лихорадка заражает!), а за-

тем я произвел завершающий удар, сняв семь его шашек. Пейхель тут же сдался, а меня все принялись поздравлять с красивой победой, которая выдвинула меня в лидеры. Я спустился со сцены, сел среди зрителей и начал следить за другими партиями. Как вдруг ко мне подошел судья:

— Исер Иосифович, идите, пожалуйста, играть.

— Вы шутите? Я же вам сдал бланки с нашей партией!

— Да... Сдали. Но видите ли... В общем, получилась досадная вещь... Сейчас показывали вашу комбинацию мастеру М. Сычеву, и он обнаружил, что на третьем ее ходу вы сами должны были побить... Да идемте, я вам покажу.

Мы пошли проверить, и я убедился, что в цейтноте сделал ход, нарушивший правило обязательности взятия. Я должен был побить, а тогда комбинация прерывалась, противник получал передышку, успевал защититься и оставался с лишней шашкой. Наш кодекс требует, чтобы в таких случаях партия продолжалась с того момента, где была допущена неправильность. Вновь сели играть, и я уже был рад, когда свел эту позицию без шашки вничью.

Однажды наблюдал я партию двух московских шашистов — Орлова и Агасферова. Первый из них, видно, очень хотел сделать хотя бы ничью. Позиция его была хорошей, но игры еще было много, а времени у него очень мало. Несколько раз подряд, хотя это и против правил, он предлагал противнику ничью, но тот не возмущался таким нарушением, а просто спокойно произносил:

— Не согласен. Будем играть.

Каждый ход Орлов делал уже в цейтнотных конвульсиях, и тем удивительнее, что положение его становилось лучше и лучше. Однако стрелка была неумолима. Она быстро прошла свой короткий путь под флажком, и тот резко опустился, возвещая о том, что партия закончена.

— Флажок упал, вы просрочили время,— обратился присутствовавший тут судья к Орлову.

Тот молчал, разглядывая остекленевшими глазами положение шашек на доске.

— Подпишите, пожалуйста, бланк,— напомнил ему судья.

— В чем? В чем я должен расписаться? — запальчиво спрашивал Орлов.

— В поражении, конечно,— успокаивающим тоном произнес судья.

— В поражении?! В такой позиции — поражение?!

— Но вы же просрочили время.

— Это неважно! В такой позиции не может быть пора-

жения! Это не по-спортивному! Я буду жаловаться! Вы поступаете не по-спортивному!

Что он имел в виду под этим «не по-спортивному», было неизвестно и ему самому. Просрочка времени — поражение. Об этом знают все. Но цейтнот, его сильнейшее психологическое воздействие способно временно привести в замешательство и мысли и поступки.

В первенстве ВЦСПС 1946 года я и мой земляк В. Блиндер «сражались» за различные команды. Когда мы встретились с ним за доской, я применил новинку. Видимо, это уже в какой-то мере выбило моего противника из колеи: когда ему осталось сделать последний, контрольный ход, он впал в такие тяжкие раздумья, что, казалось, забыл обо всем на свете, и, самое главное, о том, что... время идет, и стрелка уже поднимает флажок. Это был случай, когда сам цейтнотчик был безмятежно спокоен, а волновался только его партнер, то есть я.

«Он забыл о флажке! Сейчас упадет... А судья? Где же судья? Позвать? Но тогда Блиндер опомнится и, немедленно поняв, в чем дело, сыграет... Что же делать?! А если я пойду за судьей, когда флажок уже упадет? Тогда Блиндер сразу сделает пятнадцатый ход, и потом доказывай, что флажок упал еще до этого!»¹ Сейчас, сейчас упадет! Еще секунда! Всё!»

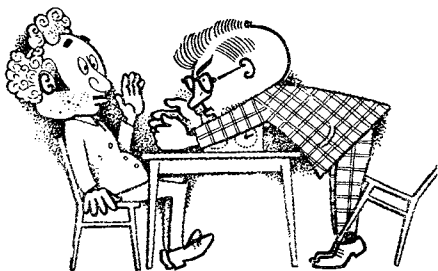
— Упала! — закричал я, привлекая внимание судьи. И одновременно выбросил вперед обе руки, отгородив ими от Блиндера доску, чтобы он не смог сделать ход. — У-па-ла!!!

Моя победа, важная для команды, была зафиксирована. Но разве без гипнотического влияния цейтнота я позволил бы себе таким, мягко выражаясь, необычным образом завершить партию?

Киевлянин И. Яворский был еще совсем молодым шахматистом, когда он встретился в партии с А. Швидким — одним из сильнейших мастеров страны. Играя с «необстрелянным юнцом», Швидкий решил позволить себе роскошь: взял на тур газету и, когда противник думал, принимался ее читать. Вот и сейчас, считая позицию предельно ясной, он быстро сделал свой ход — предпоследний до контроля, — положил ногу на ногу и углубился в газетные новости. А новости, как на грех, были одна другой интереснее... Но все же Швидкого

¹ В те годы еще не существовало правила, согласно которому до падения флажка нужно успеть и контрольный ход сделать и часы переключить.

не оставляла мысль, что ему нужно сделать последний, контрольный ход, на который в его распоряжении имеется около десяти минут. Мысль эта шевелилась где-то в подсознании и заставляла его время от времени выглядывать из-за газеты на партнера.

«Думает еще,— констатировал он всякий раз, видя перед собой напряженно уставившегося в доску Яворского, обхватившего руками голову и зажавшего уши, чтобы не мешал шум.— Думай, думай... Много ли ты там придумал?» — И Швидкий снова погружался в газету. Невдомек ему было, что Яворский уже давно тихонько сделал свой ход, бесшумно перевел часы и теперь, не изменяя позы, «симулировал» тяжкое раздумье.

Вдруг Швидкий инстинктивно почувствовал, что по ту сторону газетного листа никого нет. Он чуть опустил лист: да, партнер исчез. Швидкий, не торопясь, сложил газету вчетверо, разгладил, положил на край стола.

«Какой же ход сделал этот Яворский? Ну конечно, не лучший! Нет техники у теперешней молодежи, в самых простых позициях могут легко заблудиться. Придется накачать...»

И вдруг он взглянул на циферблат часов. О ужас! Его флажок упал! И в тот же момент он увидел, что Яворский ведет к столику судью...

До того, как мы в stokлеточных шашках перешли на международный контроль (50 ходов за два часа), наш кодекс требовал 25 ходов в час. Первым соревнованием, где это требование кодекса было заменено новым, явился чемпионат страны 1955 года, проходивший в Минске. Вспоминается мне игранная в нем партия Козлова с харьковским мастером Н. Спанцирети. Вот как рассказывал о ней сам Козлов.

«...Положение на доске заставило меня надолго задуматься над своим двадцать третьим ходом. Сидит не шелохнется и мой партнер. И вот во время раздумий я краешком глаза улавливаю, что мой противник тихонечко поднимается со стула, бесшумно на цыпочках отходит поодаль и уже оттуда время от времени нервно поглядывает на часы.

«Какой деликатный человек! — мелькнуло у меня.— Другой бы не постеснялся встать и отойти без всяких пре-

досторожностей и цыпочек... А этот не хочет сбивать меня с мысли».

Спустя несколько минут Спанцирети уже не на цыпочках возвращается к нашему столику:

— У вас упал флажок!

— Упал так упал,— ответил я.— А почему, дорогой мой, вы об этом так торжественно сообщаете?

— Как «почему сообщаю»?! Вы просрочили время!

— Это по старым правилам. А теперь у меня еще целый час впереди. С вашего разрешения я еще подумаю...

Спанцирети был страшно разочарован».

А однажды в одной из моих партий произошел такой случай. К сожалению, не сохранилась в памяти фамилия противника, помню только, что у меня было подавляющее преимущество. Но дело не в этом: надеяться «выкарабкаться» из плохой позиции позволительно всегда. Однако в нашей партии мой противник уже не мог «выкарабкаться» по другой причине: он просрочил время, не успев сделать пять ходов. И знал об этом! А в таком случае он обязан был исполнить то, чего не исполнил: сдаться.

«Он же прекрасно знает, что его флажок упал! Почему же не прекращает игру? Легче ему будет, что ли, если не он первый, а я скажу ему о просрочке? — размышлял я. И вдруг до меня дошло: — Ага! Он, наверное, думает, что я не знаю о падении флажка! И теперь молчит, надеясь, что я не замечу этого падения до тех пор, пока он не сделает пятьдесят первый ход... А тогда уже будет поздно заявлять об этом».

Я еще раз взглянул на партнера. Он всем своим видом старался продемонстрировать невозмутимое спокойствие, чтобы мне и в голову не пришло, будто ему что-нибудь грозит со стороны часовой стрелки.

«Ну хорошо же, хитрец! Я проучу тебя»,— решил я. И поддал ему шашку. Он взял, я поддал еще две. Потом еще одну, и он побил в дамки. Ему казалось, что я ошибся, провожу неправильную комбинацию, и он был очень доволен: еще два моих хода и два его ответа, а тогда уже мне никакие слова о падении у него флажка не помогут... Но как раз тут я, будто бы случайно, бросил взгляд на часы:

— Ой, да ведь у вас флажок упал!

Думаю, что после этой партии мой партнер никогда больше не пытался утаить, если ему случалось просрочить время.

Необычно закончилась партия Коган — Суплин. Суплин добился выигрышного положения, но, как часто с ним бывало, «по дороге» растратил почти все отпущенное на пять-

десять ходов время и теперь должен был играть молниеносно. Когда, наконец, ему осталось сделать только один — пятидесятый — ход, после которого он смог бы свободно вздохнуть, Коган вдруг так поддал свои шашки, что их можно было бить в разных направлениях и различное число. У Суплина не было ни секунды на раздумье. Он схватил свою шашку, побил ею пять вражеских, но... после ответного удара Когана позиция Суплина стала плохой. Партия продолжалась, весы теперь кренились на сторону Когана.

Однако вскоре к судье турнира подошел какой-то любитель, следивший за игрой по демонстрационной доске, и спросил:

— Скажите, почему Суплин побил пять шашек? Ведь по стоклеточным правилам он должен брать наибольшее количество. Он же мог снять семь шашек!

— Не может этого быть! — не поверил судья.

Но упрямый любитель принес доску и доказал свою правоту. Был сделан ход, противоречащий правилам игры, а в таких случаях партия должна быть с этого хода переиграна. Суплин должен был взять семь шашек, а тогда у него получался явный выигрыш. Судья подошел к игрокам:

— Вам придется восстановить позицию, которая была перед пятидесятым ходом Суплина. Оказывается, Суплин должен был побить не пять, а семь шашек.

Позицию восстановили, и Суплин хотел было уже сделать свой обязательный ход. Но здесь выдвинул неожиданный аргумент Коган:

— А время? — сказал он судье.

— Что — время?

— Он же просрочил свое время! У него оставалась только одна секунда. Пока он стал бы забирать еще две шашки, у него упал бы флажок!

— У вас действительно оставалась только одна секунда? — спросил судья Суплина.

Тот, тяжело вздохнув, подтвердил, и судья оказался перед трудной проблемой. Как поступить? Подобные случаи кодексом не предусмотрены...

Выручили судью сами противники — они согласились на ничью. А потом, ради интереса, многократно проделывали опыт — ставили позицию, где Суплин обязан был бить, и проверяли: упал бы флажок, если бы он побил тогда правильно? О результатах своего опыта они никому не сообщали...

Немало различных «цейтнотных инцидентов» возникает, когда игрок, испытывающий недостаток времени, пре-

кращает записывать ходы, чтобы сэкономить хотя бы несколько секунд. Кодекс требует от каждого вести четкую и ясную запись ходов, без всяких скидок на цейтнот. Но пункт этот не всегда выполняется. Во-первых, в кодексе не предусмотрены меры наказания за нарушение этого пункта; как же действовать судье в случае отказа подчиниться? А во-вторых, и у судьи ведь «сердце — не камень»: у цейтнотчика, дрожащей рукой хватающегося за шашку, лихорадочно поглядывающего на часы и на бланк противника, обычно такой жалкий и растерянный вид, что у самого строгого судьи в подобный момент не поворачивается язык потребовать неукоснительного выполнения пункта о записи партии. Бывали случаи, когда один из партнеров в цейтноте перестает записывать ходы, у другого возникает соблазн использовать это обстоятельство...

Ташкентский мастер И. Берштейн, играя против Каплана, попал в жесткий цейтнот. Он отложил карандаш и бланк в сторону и, сжав руками голову, лихорадочно подыскивал ответы, пока противник обдумывал, как пойти. Сделав так с десяток ходов, он нервно спросил партнера:

— Сколько?

— Что? — отозвался тот.

— Сколько ходов сделано? Пятидесятый сделан?

Партнер молча кивнул и тут же двинул свою шашку. У Берштейна оставалось до падения флажка еще минуты три, и он мог бы за это время восстановить запись и точно подсчитать количество ходов. Но он не сделал этого, а задумался над ответом. Три минуты прошли, и флажок Берштейна упал. Тогда противник стал как бы на всякий случай проверять свою запись и...

— Ой! Вы знаете, я, кажется, ошибся!.. — произнес он.

— В чем ошиблись вы? — закричал побледневший Берштейн.

— В записи... В записи ошибся. Вот. Видите? Тут... — Он тыкал карандашом в какое-то место бланка. — Мне показалось, пятьдесят ходов сделано, а на самом деле только сорок девять. Я прошу прощения, вы не подумайте, что я нарочно...

Берштейну поставили в таблицу нуль за просрочку времени...

Вот идет партия в русские шашки. Играющий черными мастер А. П. Капнудель в цейтнотной горячке: кряхтит, нервно покашливает, ерзает на стуле... Записывать он бросил и поминутно косится на бланк противника. Но тот и не прячет свой бланк, как часто бывает в таких случаях. Нет,

наоборот, он услужливо каждый раз поворачивает его так, чтобы Капнуделю было ясно видно, сколько ходов сделано. Наконец, в бланке появляются оба хода — белых и черных — под номером тридцать. Контроль благополучно пройден! И Капнудель может позволить себе роскошь: погружается в раздумье над своим тридцать первым ходом... Флажок падает.

— Ходы сделаны? — осведомляется рядом стоящий судья. Спрашивает он это «для порядка», так как и ему видно, что в бланке четко записаны тридцать ходов.

— Да, да, сделаны, — уверенно говорит Капнудель.

— Вот, проверьте, пожалуйста, — говорит его противник, протягивая судье бланк. — Мне кажется, что я двадцать четвертый ход по ошибке два раза записал...

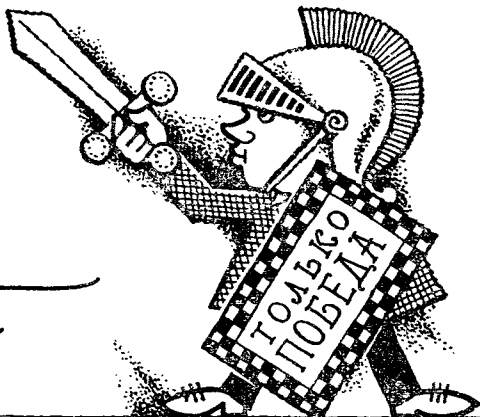
Судья останавливает часы, ставит рядом доску, на которой разыгрывает всю партию, чтобы установить, сколько же сейчас фактически сделано ходов. Да. В записи один и тот же ход повторен дважды. Он вычеркивается из бланка и остается... лишь двадцать девять сделанных ходов.

— Так я проиграл? — с дрожью в голосе спрашивает Капнудель.

Угадать ответ судьи нетрудно.

Встречается и другой неэтичный прием, противоположный только что описанному. Когда цейтнотчик прекращает записывать ходы (и поэтому теряет им счет), его партнер умышленно пропускает в своей записи несколько уже сделанных ходов. Что же он пытается достичь этим? Он как бы искусственно продлевает «цейтнотную зону». Цейтнотчик, видя по записи, что контрольный ход еще не сделан (а фактически-то он сделан!), продолжает играть в пулеметном темпе. А ведь при этом и решающую ошибку недолго совершить.

Попавшему в цейтнот опасно, очень опасно пользоваться услугами соперника для выяснения количества ходов! Умышленно подведет он или неумышленно — от этого не станет легче, если вы из-за его ошибки просрочите время. Рассчитывать надо только на себя. И если уж флажок так «терроризирует» вас, что записывать ходы нет возможности, то попробуйте применить следующий, рекомендованный мне Барским способ. Пусть вы бросили запись на сороковом ходу, осталось до контроля еще десять. Возьмите десять сбитых шашек и положите их слева, а сделав ход, всякий раз убирайте из этой кучки шашку. Когда в кучке останется одна шашка, вы точно знаете, что вам осталось сделать последний ход.

Летний Олимпийский

МЕРАНО

Наступил новый, високосный год — 1964-й, а с ним пришел и новый Олимпийский турнир. ФМЖД поручила провести его итальянской Федерации, а та выбрала для этой цели город Мерано.

Советскому Союзу было предоставлено право послать на турнир двух человек: одно место «бронировалось» для меня как для чемпиона мира, за другое развернулась острая борьба, в итоге которой путевку в Мерано получил Щеголев.

Было удивительно, как быстро оправился Щеголев от состояния депрессии, которое неизбежно наступает после проигрыша матча. Перенеся подобный психологический шок, одни вообще оставляют спорт, другие надолго выходят из строя. То, что Вячеслав уже через год восстановил свои «шашечные позиции» — снова стал чемпионом СССР и завоевал право поехать на Олимпийский турнир, — нужно отнести за счет его большой любви к шашкам, незаурядных волевых качеств и, может быть, главным образом, повседневной заботы и помощи его постоянного тренера Николая Матвеевича Курносова.

Наша делегация на Олимпийский турнир состояла из четырех человек: руководитель Юрий Баскаев, который представлял нашу Федерацию на Генеральной ассамблее ФМЖД, участники турнира — Щеголев и я, тренер Барский.

Самолет из Москвы должен был доставить нас через Прагу в Милан, а оттуда небольшой остаток пути нам предстояло проехать поездом.

— До Мерано, оказывается, совсем близко, — переговаривались мы, выйдя из самолета в Милане: всего за четыре часа он доставил нас из Москвы, покрыв почти 2500 километров.

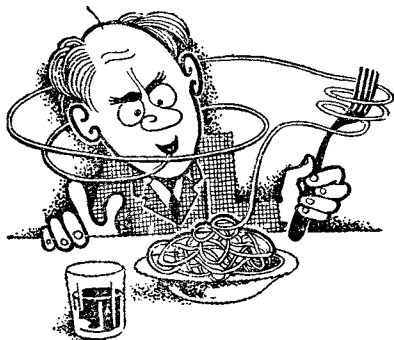
Оставался пустяк, меньше чем одна десятая часть проделанного пути. Но поезд от Милана до Мерано движется очень медленно. Он, как червяк, извивается в горах и добирается до места назначения лишь через шесть часов. Это заставило нас определить Мерано по-иному:

— До Мерано, оказывается, не так уж и близко, — говорили мы, выходя из поезда.

Мерано — красивый курортный городок на Севере Италии. Вы, наверное, помните, что на карте очертания Италии напоминают сапог, — так вот Мерано как раз там, где должно было бы находиться ушко этого сапога. А кое-кому из категории спортивных болельщиков будет еще яснее, если я скажу, что рядом с Мерано, по ту сторону границы с Австрией, находится Инсбрук. Меранцы не раз вспоминали о «королеве ледяной дорожки» Лидии Скобликовой, которая предыдущей зимой «приехала, увидела и... увезла» из Инсбрука сразу четыре золотые медали.

Здесь сходятся границы трех стран: Италии, Австрии и Швейцарии. Куда ни посмотришь — видишь перед собой огромные горы, на которых поблескивает снег: Мерано находится в ожерелье восточных Альп. Через город мчится, шумя и вспениваясь на порогах, горная речушка Адидже. Не вздумайте на тихом месте купаться — вода прехолодная! Адидже этаким забиякой сбегает с гор, но потом, уже далеко за Мерано, остепеняется, превращается в большую реку и несет свои воды к Адриатическому морю.

До начала турнира мы могли два дня побродить по городу. Первое время мы часто оглядывались на фигуры в длинных черных сутанах, подпоясанных толстыми белыми шнурами, тяжело свисающими почти до земли. Женщины — в огромных белых треугольных шляпах. На поясах у них висят четки. За первый же час прогулки я увидел монахов и монахинь во много раз больше, чем до этого за всю свою жизнь. Потом мы привыкли и оглядываться перестали:

монахи так монахи... Жалели только, что много молодых.

Наше внимание привлекала и необычная форма военных: из каски торчит кверху длинное перо. Позже мы узнали, что перо в каске носят только части так называемых альпийских стрелков. У солдат — перья черные, младшие чины и офицеры до майора — темно-серые, а от майора и выше — белые.

Как вы думаете, что мы заказали на первый наш завтрак? Конечно, знаменитые спагетти! Нам подали четыре миски макарон, а приправу каждый из нас взял разную: кто — мясной соус, кто — порошок из сыра, а я — фруктовое повидло: люблю сладкое! Если вы думаете, что это просто — отправить в рот макаронину, когда она длиной с полметра, — то попробуйте. Мы съели не по одной миске, пока научились накручивать эти длинные и тонкие макароны на вилку так же ловко, как делают это итальянцы. В общем, блюдо вкусное!

«ПРИЕХАЛ ТОЛЬКО ПОБЕЖДАТЬ!»

Тринадцать стран было представлено на Олимпийском турнире: Австралия, Бельгия, Гаити, Голландия, Италия, Канада, Монако, Сенегал, СССР, Суринам, Франция, Чехословакия, Швейцария. Хотя члены нашей делегации владели четырьмя основными языками мира — русским, английским, французским, немецким, — все-таки порой у нас возникали трудности в общении. Лишь на одном языке все участники объяснялись друг с другом без затруднений — это был язык шашечной стоклеточной доски. Очень хорошо «объяснялся» на нем во время партии наш самый молодой участник Слава Щеголев. Но, к сожалению, кроме русского, других языков он не знал и за пределами турнирного зала Славе приходилось туго. Хочет пойти поесть — не может: нельзя же, придя в кафе, наугад ткнуть пальцем в меню, надо прочесть, заказать, поговорить с официантом. Хочет пойти погулять или что-нибудь купить — не может. А кино? Кадры мелькают, а что происходит не очень-то ясно. Вот и ходил всегда с кем-нибудь из нас, как с няней.

Зато поклялся: «Приеду — за язык засяду! Буду знать, как свой!»

Слава с самого начала вырвался вперед. Пятью рядовыми победами — над суринамцем, голландцем, монакийцем, гаитянином, швейцарцем — он навел панику на участников и корреспондентов. Итальянские газеты писали: «Юный москвич приехал только побеждать!»

Я в первых пяти партиях набрал четыре очка, и столько же — голландец Бом. У чемпиона Франции Изара было три с половиной, а «грозный сенегалец» Баба Си начал турнир слишком мирно: лишь одну партию выиграл, а четыре закончил вничью и имел в таблице три очка.

Естественно, большинство зрителей скапливалось около Славы. К его столику часто присаживался один полицейский, который подолгу следил за его игрой. Этот полицейский был регулировщиком неподалеку от казино, где проходил турнир. Когда он стоял на посту и видел, что нам со Славой нужно перейти дорогу, он немедленно останавливал движение и, улыбаясь, подмигивал нам одним глазом. Вообще Слава пользовался в городе большой популярностью, и не столько за лидерство, как за наискромнейшее поведение, которым он отличался. Горожане часто останавливали и поздравляли его, и в эти минуты ему было еще обиднее, что он не может ничего ответить, кроме «Грации! Грации!» — «Спасибо!»

ГРОССМЕЙСТЕР-ПОЭТ

В Мерано я второй раз встретился за доской с интересным шашистом — гроссмейстером с далекого острова Гаити. Чтобы рассказать о нем, воспользуюсь записями из дневника Ю. П. Барского.

«Все участники прибыли, не было лишь Сен Фора — чемпиона Гаити. Это было странно, потому что приехавший из Монако Аглиарди сказал, что в Милане он сел с Сен Фором на один поезд:

— Правда, ехали мы в вагонах разного класса... Может быть, он не сделал пересадку в дороге?.. Тогда он снова придет в Милан!

«Станный парень этот Сен Фор, — подумал я. — Неужели он не мог в дороге разузнать, как нужно ехать?»

Но вскоре нас познакомили, и я понял, что для него это

было совсем не просто: Сен Фор не слышит. Правда, он разбирает французскую речь по губам, но в вагоне второго класса по-французски никто не говорил.

Через переводчика я сказал ему, что хочу с ним побеседовать. Он охотно согласился.

Раймонду — так зовут Сен Фора — было 28 лет. Родился он в Порт-о-Пренсе — главном городе далекого южноамериканского острова Гаити. Отец его — рабочий, человек бедный — не мог держать Раймонда в школе больше шести лет.

— Но, Раймонд... Я видел, как вы бойко «отстукивали» на пишущей машинке. Разве этому учат в младших классах школы?

— Нет, конечно. После этих шести классов я еще десять лет сам занимался дома. Читал, читал и читал! А теперь вот, — Сен Фор протянул мне книгу, — сам пишу.

Книга, которую он показал, называется «Развитие шашек на Гаити», но о ней чуть позже.

Когда Раймонду было четыре года, отец научил его играть в шашки, и с тех пор его жизнь неотделима от клетчатой доски. На Гаити шашки очень популярны. По острову распространились слухи о мальчишке, который обыгрывает «даже взрослых белых». Это было так, но отец долго не разрешал ему участвовать в соревнованиях. А когда Сен Фор стал выступать в турнирах, то почти сразу (в 1955 году) завоевал право называться лучшим шашкистом Гаити. С тех пор он еще семь раз становился чемпионом своей страны.

Теперь вернемся к его книге. В 1959 году Сен Фор как чемпион страны получил приглашение от Всемирной шашечной федерации сыграть в первенстве мира. Турнир назначен был на следующий год в Голландии, а все расходы — питание, гостиница — Федерация брала на себя, и только за проезд платить надо было участникам. Может быть, для какого-нибудь владельца гаитянских табачных плантаций это и пустяк — оплатить билет от Гаити до Голландии; больше 10 000 километров по воздуху, земле и воде. «Каких-нибудь» две тысячи долларов. Но для рабочего человека это было невыносимо. У нас в таких случаях расходы берет на себя государство и даже зарплата сохраняется на этот срок спортсмену. Но совсем другое дело на Гаити: правительство отказало в помощи Сен Фору. Казалось, мечте сбыться не суждено... И тут кто-то из приятелей сказал:

— Послушай, Раймонд. Парень ты грамотный... Вот ведь какую уйму книг прочел! А что, если тебе самому написать книгу?

— Мне? О чем?

— Как — о чем?! Ты уже пять лет у нас чемпион. О шашках, конечно!

Написать книгу оказалось проще, чем ее издать: нужны деньги на бумагу, на типографию... Без помощи друзей ничего бы не вышло. Вот тут, по ходу работы, освоил пишущую машинку.

Наконец книга была готова и поступила в продажу.

— Разошлась книга быстро, — рассказывает Сен Фор, — и когда я рассчитался с долгами по печатанию, то хотя и в обрез, но осталось на дорогу.

В Голландию на первенство мира Сен Фор прибыл никому не известным шашистом, а уезжал пятым по всемирному списку сильнейших. На турнире раскрылось редкое комбинационное дарование гаитянина. Сам победитель — Щеголев — лишь чудом «выскочил живым из капкана», который заготовил ему Раймонд.

В одной из партий в Мерано с Аглиарди Сен Фор добился подавляющего преимущества в эндшпиле. И тут его противник предложил ему ничью. В подобных позициях не принято делать такие предложения, но Сен Фор показалось, что с его стороны будет неделикатно, если он напрямую откажет партнеру. И он начал объясняться жестами... Он, дескать, согласен будет на ничью, если так оценят их позицию специалисты эндшпиля. Как только Аглиарди понял, что ответил ему гаитянин, он тут же сдался.

На турнире в Мерано мы сдружились с Сен Фором, и когда я подходил к его столику, то всегда встречал приветливую улыбку. После одного из туров мы шли в отель вместе — я, он и переводчик.

— Я слышал, вы были победителем в Хюйзене, Раймонд?

(Незадолго до первенства мира в этом голландском городе состоялся большой международный турнир с участием чемпионов многих стран.)

— В Хюйзене? Да, там мне это удалось! — На темном лице засияли счастливые глаза: Хюйзен он вспоминал с удовольствием.

— Чем вы объясняете свой успех? — спросил я.

— Настроение было хорошее. Вот чем! — Теперь глаза его смотрели почти вызывающе. Может быть, он подумал, что я начну спорить, говорить, что спортсмену важно не настроение, а тренировка, спортивная форма...

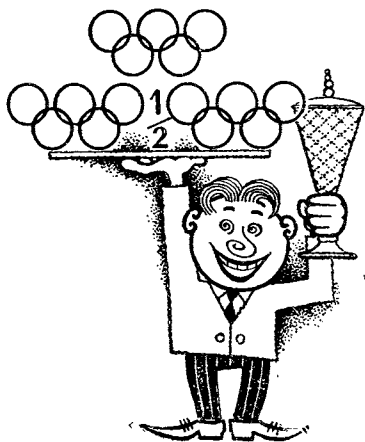
Но я спорить не собирался. Такому, как Сен Фор, для успеха действительно нужно настроение. Сен Фор — человек настроения. У этого худого высокого гаитянина, глу-

хого бедняка с гордой осанкой, — чуткая, впечатлительная душа — душа художника. Она проявляется не только в игре. Во всем. И в первую очередь в том, что Сен Фор — поэт. Да, да, настоящий поэт, который недавно издал уже томик стихов. Я попросил его написать что-нибудь, и в моем блокноте появились восемь строчек по-французски, которые переводятся примерно так:

Почему я жалок,
Плохо одет, худ и не имею хлеба?
Почему глаза мои впали,
А руки обескровлены?
Неужели щедрая природа,
Которая дарит столько надежд,
Оставляет неграм
Только несчастья и страдания?»

НА ПЯТОМ ХОДУ!

В турнирном зале на длинном столе были выставлены семнадцать сверкающих кубков. Таким образом, каждый из семнадцати участников считал, что как бы он ни сыграл, но кубком будет награжден. Одни в турнире шли лучше, другие — хуже, но каждый хоть что-нибудь имел в таблице. Каждый, кроме Реймана. Чех играл очень неудачно: после первых пяти туров у него был нуль; прошло еще пять — тот же нуль; вот уже окончено

пятнадцать — все еще нуль! Осталось две партии. Рейман только и думал, только и говорил о том, что его вряд ли наградят, если он «прокатится» на одних нулях. Шестнадцатый тур ничего утешительного ему не принес... Остался один шанс. И тут Рейман «стал насмерть»: играя последнюю партию с итальянцем Фанелли, он так упорно сопротивлялся, что добрался наконец до ничейного берега». Тут он успокоился: в таблице у него появилась половинка, и кубок он получит...

Мало того, что Рейман был награжден этим кубком, — он увез из Мерано еще и такой приз, который «в борьбе» отобрал у самого победителя турнира. Я имею в виду приз за лучшую результативность: новый чемпион мира одержал одиннадцать побед, а Рейман «одержал» пятнадцать поражений. Таким образом, результативных партий в его активе было больше!

Отдельные партии Рейман проигрывал очень быстро, но в двух он побил рекорд: обе проиграл, попавшись на одну и ту же ловушку на пятом ходу. И это в первенстве мира! Стоявший около столика, на котором происходила такая удивительная игра, итальянский мастер Лапорта воскликнул:

— Кто бы мог предположить, что во второй половине нашего века возможны такие вещи!

«СИНЬОРУ БИТЬ НЕЛЬЗЯ»

Одновременно с турниром на первенство мира в соседнем зале проходил чемпионат Италии. Первенство мира разыгрывалось по международным шашкам — на стеклоточной доске, а чемпионат Италии — по итальянским. В них, так же как и в русские шашки, играют на доске в 64 клетки, но повернутой на 90°. Есть и другие отличия: простая шашка не может бить назад; назад может ходить и бить только дамка, но дамка эта не такая быстроходная, как у нас, — она может передвигаться только на соседнее поле. Дамка называется в итальянских шашках «синьора», и простой шашке не дано права бить эту «знатную особу».

Барский сыграл две любительские партии с одним итальянским мастером, но обе закончились не совсем обычно. В каждой из них он задумывал комбинацию и уже начинал жертвовать шашки, но когда собирался произвести завершающий удар своей простой, при котором забрал бы и дамку итальянца, противник придерживал его руку и, улыбаясь, восклицал:

— Дамма по! (Синьору бить нельзя!)

Это означало, что Барский в своих расчетах забыл, что простой нельзя бить дамку, и ему оставалось только сдаться. Он смотрел умоляющими глазами в надежде, что итальянец догадается вернуть обратно ему ход и его пожертвованные шашки, но... все напрасно. Тот не разрешал ему переходить по-другому и тут же предлагал ничью, на которую, понятно, Барский с готовностью соглашался. А когда кто-то

после двух партий спросил итальянца о счете, то выяснилось, что Барский набрал в этом «коротком матче» два очка: в Италии, впрочем, как и во многих других странах, за ничью засчитывается по очку, а за выигрыш — два очка, то есть в два раза больше, чем у нас. И только проигрыш равен нашему — такой же круглый нуль.

«LITTLE BOY»

Только троим удалось закончить турнир без поражения — Щеголеву, мне и Баба Си. Нас называли «большая тройка».

Во время игры на столиках ставились два флажка, на них указывались фамилии соперников. Только фамилии, без имен, вписывались и в огромную турнирную таблицу. Организаторы, которым надо было заранее заготовить флажки и таблицу, оказались в затруднении: они не знали, что у сенегальца — имя, а что — фамилия. Поэтому, чтобы не ошибиться хоть в одном случае, в таблице написали — Баба, а на флажке — Си. Когда сенегалец приехал, выяснилось, что Баба́ (ударение на втором «а») — это его имя, и таблицу пришлось переделать.

Просматривая сейчас записи, которые я вел на турнире, я вижу в блокноте английские слова «little boy», написанные не моей рукой. Их написал гаитянин Жермен. Жермен подсел ко мне после окончания первого тура и написал эти слова. Я вопросительно взглянул на него. Тогда он засмеялся и показал в сторону, где стоял австралиец Ланграс. Мне стало ясно: действительно, австралиец в нашей партии попался на простую ловушку и проиграл шашку, как «little boy» (маленький мальчик). Однако он не сдался, а долго еще тянул безнадежную партию.

— Господин Ланграс, на что вы надеялись? Разве Куперману можно давать шашку вперед? — спросил Барский австралийца после игры.

— Ни на что не надеялся. Просто обидно было: проехать ради турнира около двадцати тысяч километров, а затем попасться на такую детскую ловушку!

После того как мы с Ланграсом разобрали нашу партию, я разговорился с ним. Ему 34 года. Живет он в Мельбурне, работает в мастерской химчистки — выводит пятна с костюмов. Австралиец он не коренной, приехал туда девять лет назад из Голландии. Он пожаловался, что ему очень, очень дорого обошелся проезд из Австралии в Мера́но. Хорошо,

что помогли австралийские шашисты, коллеги по спорту, а то бы средств не хватило.

— А как вы и Щеголев? — спросил он, и разговор вошел в неожиданное русло.

— За нас платило спортивное общество, в котором мы состоим.

— В это общество, наверное, надо платить большие членские взносы?

— Нет, совсем маленькие: тридцать копеек в год.

Тут пришлось еще пояснить, что такое тридцать копеек: это цена шести автобусных билетов. Я сказал также, отвечая на вопросы, что каждый член общества может бесплатно пользоваться стадионами и спортивными клубами, участвовать в соревнованиях.

— И это все за тридцать копеек? Это хорошо, это очень хорошо. Но где же берет деньги общество?

— Оно получает отчисления от профсоюзов.

— Отчисления? Но для чего они делают отчисления?

— Чтобы развивать физическую культуру и спорт среди трудящихся. Об этом заботится наше государство.

— А у вас заводы и фабрики государственные?

— Абсолютно все.

Ланграс немного подумал и спросил:

— А магазины? А мастерские?

— Тоже государственные.

— А кинотеатры?

— Тоже.

Он всякий раз так же поражался моим ответам, как я его вопросам.

— А человеку, отдельному человеку, у вас ничего не принадлежит?

— Почему же... Каждому человеку многое принадлежит: все его вещи. Ему может принадлежать и рояль, и холодильник, и лодка, и машина, и дом, и дача — все это его имущество. Но никто у нас не имеет права владеть имуществом или деньгами, заработанными трудом другого человека. Деньги у нас можно получить только за работу, которую делаешь сам. Своими руками, а не чужими.

Ланграс смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я подумал, что он не понимает, но он заверил, что все понял, и добавил:

— Что же, это хорошо. Очень хорошо. Это справедливо. Никто не стоит и не погоняет тебя... Это очень справедливо.

Вот какой разговор вышел у меня с австралийцем Ланграсом. Как мало знают порой о нашей стране!

Кто может сказать, в каких турах определилась судьба первых мест? Я думаю, что это произошло уже в первых пяти, когда Щеголев выиграл все встречи, я — три и две свел вничью, а Баба Си добился победы только в одной, подписав «мирное соглашение» в остальных. Таким образом, после пяти туров Щеголев на очко опережал меня, а я — Баба Си. Эту же дистанцию мы сохранили и в итоговой таблице: у Щеголева — 13,5, у меня — 12,5 и у Баба Си — 11,5.

Опять повторилась картина 1960 года: как я ни старался, мне не удалось угнаться за Щеголевым в турнире, и я снова из чемпиона превратился в экс-чемпиона.

Вообще говоря, этот Олимпийский турнир был триумфальным для Щеголева. Ведь на этот раз играть ему было значительно труднее, чем в прошлом Олимпийском.

«Да, друг, теперь-то ты известен, для нас ты уже не «темная лошадка», как было в 1960 году; играть с тобой придется по-иному», — читал Слава во взглядах участников турнира.

В самом деле, часто ли удается экс-чемпионам снова завладеть высшим титулом? Почти никогда. Хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить подобные случаи в истории шахмат и шашек.

Почему же «простому смертному» легче взобраться на вершину шашечного Олимпа, чем тому, кто уже «знает туда дорогу»? Причина, как я уже говорил, проста. Если в турнире перед вашей фамилией пишется слово «чемпион», хотя бы и с приставкой «экс», знайте: другие будут играть против вас с наибольшим напряжением и осторожностью. А легко ли в таких условиях побеждать?

...Слава начал играть в шашки, когда ему было девять лет, а первые «титулы» завоевывал в соревнованиях пионерлагеря и двора. Однажды в саду он познакомился с Володей Агафоновым, который был уже тогда первым среди школьников Москвы. Ему понравилась игра Славы, и он привел его на Стадион юных пионеров.

Руководитель шашечной секции — мастер Б. А. Миротин — сначала посадил Славу играть против себя.

— Нет, — сказал он после партии, — пусть играет во что угодно, но только не в шашки! В этой игре от него проку не будет.

— Борис Абрамович! — стал упрашивать Володя Агафонов. — Прок будет! Посмотрите, как он решает комбинации...

— Он... решает комбинации?! — удивился руководитель и, чтобы сразу доказать Володе, что тот говорит что-то не то, поставил на доске далеко не простую задачу.

Слава решил. Решил и следующую позицию. И еще, и еще. Решил все, что ему предлагалось на этом неожиданном экзамене.

— Приходи, зачисляю тебя, — согласился наконец тренер, оценив комбинационное дарование мальчугана.

Регулярные занятия и тренировки не прошли даром. В четырнадцать лет Слава стал перворазрядником, а еще через три года, в 1957 году, он делит первое—третье места в юношеском первенстве страны. Темпы успехов нарастают. В следующем году он уже чемпион Москвы среди взрослых, а вскоре делает небывалый в истории шашек «дубль»: делит первое — третье места в первенстве страны по русским шашкам и становится чемпионом по стоклеточным.

Он едет в Голландию на первенство мира — Олимпийский турнир 1960 года. Мало кто считал тогда шансы паренька из Москвы большими. Но одно за другим стали поступать с турнира сообщения о его успехах. К финишу Слава пришел первым.

Когда тебе двадцать лет, а газеты помещают твои фотографии с подписью: «Самый молодой в истории чемпион мира!», не очень легко найти верную линию поведения. Но спорт на таком уровне требует непрерывного совершенствования, повседневной черновой тренировочной работы, не терпит застоя. Иначе неизбежно приходит возмездие! В матче-реванше Слава оказывается побежденным...

И вот июнь 1964 года. В итальянский городок Мерано съехались лучшие шашкисты мира. Многие из них — старые знакомые Славы: тут и экс-чемпион канадец Марсель Делорье, и гроссмейстер сенегалец Баба Си, чемпион далекого Гаити Сен Фор, голландец Герт ван Дейк...

С самого начала турнира Слава пошел в стремительное наступление. В первый день игралось два тура, что практически означало примерно десять часов игры. В таких трудных условиях наши турниры не проводятся, и Слава встретился с ними впервые, но он «с ходу» одерживает две победы: над чемпионом Суринама Санирсадом и над голландцем ван Дейком. Так с первого тура, став лидером турнира, он ни разу не «передоверил» кому-либо эту почетную функцию. Еще три тура — и еще «три скальпа» чемпионов (Монако — Аглиарди, Гаити — Сен Фор, Швейцарии — Казимира) оказываются в руках Славы. Пять из пяти! Отличная серия. Пока наиболее опасные конкуренты еще «раскачива-

лись», он уже на очко оторвался от них. А с Родины потоком шли телеграммы... «Так держать!» — таков был их наказ.

В следующих пяти турах против Славы играли чемпион Франции Изар, чемпион Чехословакии Рейман, итальянец Фанелли, второй итальянец, чемпион страны, Салетник и я.

Из этой пятерки только двоим удалось «урвать» по полочка. Слава теперь имел в таблице 9 очков, и ближайшие соперники (я и голландец Бом) отставали уже на 2 очка. Стало ясно: предстоит смена чемпиона мира. Об этом говорил счет очков, это предвещали итальянские, французские, голландские газеты, об этом говорили после игры противники Славы, пораженные подкупающей легкостью, с которой он их побеждал.

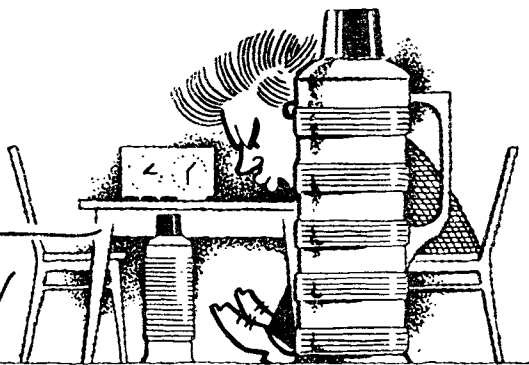
— О! Чемпион! — показывая пальцем на Щеголева, уверяли под впечатлением своих партий итальянец, швейцарец, австралиец...

А когда оставалось сыграть шесть финишных партий, то только что-нибудь очень неожиданное могло изменить общую картину борьбы, только поражение Славы могло дать другим надежду догнать его. Конечно, его игра в Мерано убедительно показала, что на это рассчитывать трудно. Но... спорт есть спорт! В одной из партий — с сенегальцем Баба Си — угроза поражения впервые реально нависла над Щеголевым, но он с честью прошел и через такое испытание, и рядом единственных, трудно находимых защитительных ходов доказал, что умеет не только стремительно атаковать, но и столь же искусно отражать нападение.

В следующем туре Слава был свободен от игры, и я, выиграв свою встречу, приблизился к нему. Теперь нас разделяло одно очко, и хотя оставались только четыре партии, но Славе предстоял трудный последний день: сразу два «тяжеловеса» — утром Бом, шедший в группе лидеров, а вечером — экс-чемпион мира Делорье. Я же мог рассчитывать на два «верных» очка от замыкающих таблицу Аглиарди и Реймана. На этой финишной прямой Слава провел встречи так же превосходно, как и раньше. Сначала он взял три очка подряд, одолев чемпиона Бельгии Ферпоста, австралийца Ланграса, голландца Бома. А затем (так как я тоже «собрал» в этих турах три из трех и сохранил просвет в одно очко) Слава, «не искушая судьбу», довольно быстро закончил последнюю встречу с Делорье вничью и с 13,5 очка стал недостижим для конкурентов. По окончании моей партии с Баба Си выяснилось, что и второе место осталось за нашей страной: Баба Си остался на третьем месте.

Как писали тогда итальянские газеты, в этом соревновании Слава не только показал превосходную игру и вернул себе титул чемпиона, но и установил два рекорда. Ведь до этого никому ни в одном Олимпийском турнире не удавалось быть лидером состязания с самого начала и до самого конца. Славе это удалось! Это и был один его рекорд.

А второй рекорд был ему зачтен по... скромности в поведении. Зрители сразу оценили эту его черту и, пожалуй, больше чем всем другим участникам симпатизировали двадцатичетырехлетнему москвичу. Его приветствовали в зале и на улице, в отеле и в ресторане... А когда узнавали, что сегодня он не выиграл, а сыграл вничью, то сочувствовали ему так, как сочувствовали своим соотечественникам-итальянцам, если те проигрывали. Когда на закрытии объявили, что чемпион мира Вячеслав Щеголев награждается Большой золотой медалью президента Италии, от дружных аплодисментов в зале задрожали стекла.

Поединок на Кавказе

ТРЕТИЙ... НЕ ЛИШНИЙ

Откровенно говоря, перед поездкой на Олимпийский турнир в Мерано я решил, что в случае утери титула не стану предпринимать попытки вернуть его. Однако когда после поездки в Италию я поделился своими сомнениями с Барским (в Мерано говорить об этом не было времени), он убедил меня, что я неправ.

— У вас еще есть что сказать в шашках, и вы обязаны сделать это, — уверял он меня.

Состоявшаяся Генеральная ассамблея ФМЖД приняла на этот раз специальное решение о матче-реванше. В порядке исключения, предполагалось провести его как тройной матч-турнир. Возникло это решение так. Когда конгресс, собравшийся за несколько туров до окончания Олимпийского турнира, намеревался обсудить итоги (вернее, отсутствие итогов!) несостоявшегося матча с Баба Си, взял слово президент Федерации Я. Виллемс. Он сказал, что, по его мнению, сейчас уже незачем возвращаться к этому матчу, к причинам его срыва, и он лишь вносит предложение: считать, что неявка сенегальца произошла по личным, но уважительным причинам. Хотя Виллемс никаких доказательств уважительности этих причин не привел, члены ассамблеи по-

шли ему навстречу и проголосовали за его предложение. После этого встал представитель Бельгии и сказал:

— Позвольте! Баба Си не виновен в срыве, Куперман — тем более, но почему же тогда должны пропадать деньги, которые вложены в турнир претендентов в Льеже? Мы провели турнир, затратили большие средства, и все это оканчивается ничем! Так быть не может: деньги пропадать не должны.

Все одобрительно закивали: деньги пропадать не должны. Кто-то сказал:

— Если опять станет чемпионом Куперман, то матч все-таки необходимо провести.

С этим согласились, но все понимали, что такое предложение — мыльный пузырь: ассамблея заседала в турнирном зале, и огромная таблица наших результатов недвусмысленно намекала, кто станет чемпионом.

— А не сделать ли нам на этот раз исключение? Мы можем к матчу-реваншу «подсоединить» Баба Си и организовать тройной матч-турнир, — предложил Делорье, являвшийся «по совместительству» и делегатом на ассамблее.

После недолгого обсуждения приняли решение, предусматривавшее всевозможные ситуации на финише первенства. А так как, кроме Щеголева, меня и Баба Си, к этому времени ни один из участников уже не имел даже теоретических шансов на корону, то «вариантов» получилось немного: если чемпионом стану я или Баба Си — мы играем матч; если Щеголев — тройной матч-турнир, в котором каждый с каждым должен встретиться восемь раз.

Баба Си довольно скоро сообщил об отказе играть в этом тройном матче и этим дал знать мне и Щеголеву, что в октябре—ноябре 1965 года мы снова с глазу на глаз будем выяснять наши шашечные отношения в двадцати напряженных, нелегких встречах. Особую остроту это соревнование приобретало оттого, что оно являлось реваншем и для меня и для Щеголева: я мог отрешиться за поражение в Олимпийском турнире, а Щеголев, наверняка, «жаждал мести» за проигрыш в нашем предыдущем матче.

В ТЕНИ ПРИСТАВКИ «ЭКС»

Каждому спортсмену, естественно, приятно в любом соревновании добиться, по возможности, наивысшего успеха. Однако когда через год вам предстоит матч на первенство мира, вы все помыслы подчиняете этой — главной для вас —

задаче. И тогда может случиться так, что в каком-то турнире вы вовсе и не боретесь за лучшее место в таблице, а выполняете другую цель, имеющую прицел более дальний, — матч. Поясню свою мысль на примере нашего матча.

Для подготовки в моем распоряжении оставался год. По составленному мной и Барским плану, за это время нужно было сделать очень много, и в том числе сыграть в трех турнирах — первенстве СССР, Кубке Европы, первенстве «Спартака». Моя игра в каждом из этих турниров строилась, исходя из главного — предстоящего матча.

Щеголев является замечательным шашистом комбинационного плана. А нельзя ли его заманить на путь позиционной игры? Нет, вряд ли он пойдет на это: ведь он знает, что к позиционной игре тяготею я. Может быть, попытаться? Это вынудит меня создавать в своем лагере позиционные слабости. Чтобы воспользоваться ими, он должен будет прибегнуть к приемам позиционной игры. Однако я не могу создавать у себя слабости бесконтрольно, не будучи уверенным, что не перехожу за предел обороны, что, в крайнем случае, у меня останется возможность защитить свою позицию. Такая манера игры была для меня новой, и необходимо было испытать ее в серьезном соревновании. Я должен был как можно точнее определить границы обороны, чтобы в матчевых партиях нигде не перейти их.

Надо было решить, в каком соревновании провести подобное испытание новой манеры игры.

— Для этого наиболее подходящее первенство страны, — сказал Барский. — Что может быть лучше? Длинная дистанция, а противники — один сильнее другого. К тому же до матча останется еще много времени, и мы успеем все проанализировать и подправить.

— Но это же все-таки первенство СССР! Ведь я впервые буду играть в таком стиле, все ли выйдет у меня гладко? Неизвестно, в каком месте итоговой таблицы я окажусь...

— Ничего, ничего... Сейчас вы — «экс», и поэтому самое время для эксперимента: в тени этого «экса» не так уж будет заметен и неуспех. И потом, знаете что? Хотя мы и не добиваемся этого неуспеха специально, но раз уж допускаем его, то попробуем оценить его влияние. Предположите, что вы такой же молодой и такой же, будем говорить прямо, самоуверенный, как Щеголев, и представьте, будто вам предстоит матч с Куперманом. И вот этот Куперман сразу же после срыва в Олимпийском турнире полностью реабилитируется и занимает первое место в чемпионате СССР. Не подстегнет ли это вас при подготовке? Безусловно!

Теперь возьмем обратный случай: пусть этот ваш соперник Куперман покажет в чемпионате неважный результат. Как подействует это? Какое впечатление это произведет?

Мои сомнения отпали, вопрос об эксперименте был решен. Принимая это решение, я уже знал, что не займу хорошее место в турнире, даже если моя игра в новой манере сразу «пойдет как по маслу». В самом деле: пусть ни в одной встрече я не перейду за предел обороны и, следовательно, ни разу не проиграю; пусть в некоторых партиях я не только спасусь, но даже выиграю. Что это принесет? Небольшое количество побед-единиц и изрядное число полонинок. Но при такой тактике меня неизбежно обгонят конкуренты, которые будут реже делать ничьи. Это означает, что подобная манера игры для турниров непригодна, а может оказаться полезной лишь в матче: ведь если там вы свели партию вничью, то знаете, что и конкурент ваш прибавит к своему балансу не больше, чем вы, — только пол-очка.

Турнир, о котором шла речь — десятый чемпионат СССР, — разыгрывался в Одессе в октябре. Среди двадцати одного участника были все наши сильнейшие шашкисты, и, что интересно, победители всех девяти предыдущих чемпионатов, а ими становились: я — четырежды, Щеголев и Корхов — по два раза, Андрейко — один раз. Еще ни в одном из первенств не играли одновременно эти четверо, бесспорно задававшие тогда тон в «стоклеточном оркестре» нашей страны.

Я, по изложенным причинам, в самом начале отпал от борьбы не только за первое, но и вообще за призовое место. Корхов оказался не в лучшей своей форме, и борьба за золотую медаль разгорелась между Щеголевым и Андрейко. К финишу они пришли «грудь в грудь», а дополнительный короткий матч между собой тоже сыграли вничью. Тогда звание чемпиона было присуждено Щеголеву, как одержавшему в турнире большее, чем его конкурент, число побед. На мой взгляд, такое решение не особенно логично, так как создает для одного из участников матча (причем на короткую дистанцию!) большое преимущество: ведь он наперед знает, что может стремиться в матче к ничейному исходу.

Мои поиски предела обороны в игре привели меня... на восьмое место в турнирной таблице. По этому поводу мне многократно приходилось давать объяснения друзьям и болельщикам (каюсь: я тогда умалчивал об истинных причинах!), а также выслушивать немало соболезнований. Ничто так не растравляет «рану» спортсмена, потерпевшего неудачу, как эти соболезнования доброжелателей! И все же я

сравнительно легко перенес свое «падение»: во-первых, начиная турнир, я уже знал, на что иду, а во-вторых, меня утешало то, что я освоил новую манеру игры и приобрел дополнительное «секретное оружие» для предстоящего матча. Теперь это оружие необходимо было «обстрелять» на тренировочных сборах, затем «почистить, смазать и припрятать» до момента, когда главный арбитр нажмет кнопку часов в первой партии встречи со Щеголевым.

МОГИЛА РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЫ

С 1965 года в календарь ФМЖД включено новое соревнование — Кубок Европы.

Организовать его взялась итальянская Федерация, и вот я и Щеголев 19 июня вылетели из Москвы в Милан. Дальше — маршрут знакомый — поездом до Больцано. По этой же дороге ехали мы ровно год назад на Олимпийский турнир в Мерано: оба эти города находятся очень близко один от другого. Теперь мы уже знали, что в Вероне придется сделать пересадку, которую чуть было не пропустили в прошлый приезд.

— Это еще не Верона? — спрашивали мы попутчиков всякий раз, когда поезд останавливался.

— Я тоже сойду в Вероне, — сказал нам по-немецки один невысокий худощавый и подвижный итальянец (итальянцев сразу узнаешь по необычайному темпераменту, с которым они ведут разговор). — А вы зачем к нам? Хотите взглянуть на могилу?

Я и Щеголев переглянулись: что за знаменитая могила находится в Вероне? Итальянец посмотрел на нас и догадался.

— Боже мой, они не знают! — всплеснул он руками. — Они едут в Верону и не знают, кто там похоронен! Ромео, молодые люди, вот кто! — Итальянец чуть отодвинулся от нас, чтобы видеть, какое впечатление производят его слова. — И Джульетта! Никто не может ехать мимо Вероны и не побывать на могиле Ромео и Джульетты.

Мы заверили его, что обязательно побываем, но выполнить это не рискнули: турнир начинался завтра и нужно было спешить...

Мы прибыли в Больцано вечером. Название отеля было нам известно — «Лаурин», но поиски в темноте были связаны, конечно, с определенными трудностями. Поэтому мы очень обрадовались, когда вдруг увидели проходящего мимо

Фанелли — нашего общего знакомого по Олимпийскому турниру в Мерано.

— О, синьор Куперман! Синьор Щеголев! Я рад вас видеть!

Мы тоже поприветствовали его и спросили, не проводит ли он нас в отель.

— В отель? Конечно, конечно. Но с дороги вы должны подкрепиться. Тут у вокзала есть чудесный ресторанчик! Вот, вот здесь. Обязательно нужно подкрепиться: в отель мы пойдем пешком.

Это «в отель мы пойдем пешком» успокоило нас. Кто его знает, сколько туда добираться? А может быть, он еще и в горах... Зашли в ресторанчик и заказали ужин. Фанелли ничего не ел, но завел разговор, явно стараясь, чтобы он шел в приятном для нас направлении.

— Вы коммунисты? — спросил Фанелли.

Я сказал:

— Да.

Он:

— Я симпатизирую коммунистам.

Затем он спросил:

— Вы атеисты?

— Да.

— Я тоже атеист.

В Италии такое услышишь не всегда. Потом он сказал:

— Держу пари, что вы, русские, еще не раз удивите мир достижениями в космосе.

Мы с ним не спорили.

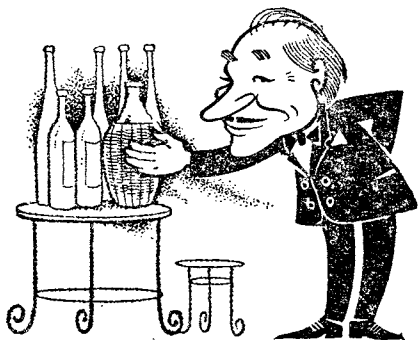
— Почему вы не пробуете наше итальянское вино? — спросил Фанелли.

Я сказал, что во время турниров мы не пьем, так как соблюдаем режим.

— Режим, конечно, режим! — воскликнул он. — Я тоже соблюдаю режим! Но — завтра. Сегодня ведь не день игры. Я итальянец, и если вы не выпьете нашего замечательного сухого итальянского вина, вы меня обидите.

И тут же, не обращая внимания на наши возражения, он заказал целую батарею бутылок.

Бутылки принесли и от-

крыли, а Фанелли тем временем перевел разговор на другие темы — заговорил о международном турнире, который намечено было провести в Сухуми.

— Поеду ли я на этот турнир? — спросил наш приятный собеседник.

И я вспомнил, что еще в прошлом году в Мерано он требовал от меня заверений в том, что его пригласят посетить Советский Союз.

— Гм... возможно... Если вас направит итальянская Федерация... Мы ведь послали ей приглашение.

— При чем тут итальянская Федерация! Вы меня пригласите. Меня — лично. Вы ведь можете.

— Мы бы очень хотели вас видеть гостем в нашей стране, синьор Фанелли, но порядок есть порядок. Приглашения рассылаются национальным Федерациям, а они уже решают... Станете чемпионом страны и...

— Разве вы не знаете, что у нас чемпионат уже закончился? — перебил Фанелли. — Что чемпионом стал Лапорта?

— Ну, если так, то, наверное, на этот раз в СССР поедет Лапорта...

Я не успел договорить, как Фанелли вскочил и резкими шагами направился к выходу...

НИМБИ, ЧЕМПИОН КОНГО

Участвовать в розыгрыше Кубка Европы были приглашены не только сильнейшие европейские шашисты, но и чемпионы некоторых стран Африки. Меня и Щеголева, разумеется, очень интересовало, будет ли играть в турнире Баба Си. Поэтому, получив номер в отеле, мы сразу спустились вниз и спросили об этом у портье.

— Из Африки кто-то есть. Кажется, шашист, — сказал он. — Вот он, посмотрите, пожалуйста, сами. — И портье протянул нам паспорт.

На нас смотрело с карточки лицо Баба Си.

— Да, это он! — воскликнул Щеголев. — Как прекрасно выглядит! Словно помолодел, что ли? Наверное, в отличной форме.

Я согласился. Но потом высказал предположение, что на паспорте наклеена старая фотография.

На следующее утро к нам в номер постучали.

— Да! Войдите.

— Вы хотели повидаться с шашистом из Африки? —

сказал портье, представляя нам незнакомого молодого человека.

Мы со Щеголевым переглянулись. Извинились перед юношей, сказав, что приняли его за одного знакомого шашиста.

— Может быть, вы слышали о шашисте из Сенегала, африканском гроссмейстере Баба Си?

Юноша улыбнулся.

— Я тоже шашист. Я — Нимби, чемпион Конго. Я, конечно, мечтаю играть так, как Баба Си.

С первой же встречи он внушил нам симпатию, и во время турнира часто можно было наблюдать, как Щеголев прогуливается с ним в обнимку по залу.

Нимби совсем молод: ему всего девятнадцать лет. Высок, худощав, обладает живым пронизательным взглядом. Играет очень быстро, даже как-то нервно. Я ни разу не видел, чтобы он надолго сосредоточился над доской. Все почему-то отвлекает его и мешает основательно поразмыслить над очередным ходом. Тем удивительнее, как хорошо он играет! Несомненно, незаурядный талант, который особенно проявляется в игре комбинационной.

Теорию Нимби почти не знает, он — практик. Но практик, моментально все перенимающий у соперников или у тех, за чьими партиями он наблюдает. Многими «секретами» игры он овладел буквально на ходу, от тура к туру повышая свой класс. Только этим и объясняется, что такой малоопытный участник потеснил ряд ведущих шашистов и занял пятое-шестое места. Мне пришлось с ним встретиться уже в последнем туре, то есть после того, как конголезец прошел в этом турнире полный «курс», и я не без оснований считаю, что оказался в худших условиях по сравнению с игравшими с ним вначале.

Постоянное местожительство Нимби — Браззавиль. Его стремление учиться так велико, что, несмотря на нелегкое материальное положение, Нимби осуществил свою мечту и теперь учится на юридическом факультете университета в Париже.

КУБОК ЕВРОПЫ

На открытии турнира был объявлен регламент: три партии в два дня. Чрезвычайно тяжелые условия для игры!

Для того чтобы участники «знали, за что борются», в турнирном зале был выставлен призовой кубок. Он пред-

ставлял собой женщину высотой почти в метр, олицетворяющую Европу. Женщина отлита из серебра и в поднятой руке держит серебряный кубок. Фигура массивная, тяжелая и, наверное, довольно дорогая. Во всяком случае, хотя турнирный зал после игры закрывали, но кубок всякий раз уносили, а утром приносили снова: в Италии воровству не удивляются. Особенно много «охотников за машинами». Это привело даже к появлению своеобразной профессии добровольцев-охранников.

Мы несколько раз ездили в машине осматривать город. Когда машина останавливалась в каком-либо достопримечательном месте, все выходили и отправлялись на осмотр, а при возвращении обнаруживали у машины какую-то незнакомую маячущую фигуру.

— Синьоры, вы мне должны совсем немного. Всего двести лир.

— За что это?

— Я ведь сторожил вашу машину, синьоры. Неизвестно, застали бы вы ее тут, если бы не я.

По сравнению с машиной двести лир, конечно, пустяк. Как не дать, если человек утверждает, что спас вам машину! И, между прочим, возможно, он прав. «Увели» же во время тура машину одного голландца — Левельса, который зашел посмотреть, как играют его соотечественники. Правда, этот миллионер несколько не был огорчен и на следующий же день приехал в новой машине. А у Келлера машину хотя и оставили, но забрали все лежавшие в ней вещи...

В этом турнире я, кроме обычной цели — сыграть хорошо, — должен был выполнить и обязательную установку тренера: сыграть лучше Щеголева. Важно было дать ему почувствовать, что он не является непобедимым! Нужно было оборвать цепь его успехов и на пороге нашего матча лишить противника уверенности в своих силах.

С первых же туров мы оба вырвались вперед, а по пятам нас преследовал ван Дейк. Каждая утерянная по дороге половинка очка могла в такой ситуации оказаться решающей в распределении мест. И вдруг Щеголев в одном из туров проигрывает малоизвестному шашисту Андреасу Кьюкену. Правда, Андреас — чемпион Швейцарии, но ведь ему всего семнадцать лет. Вот эти-то «всего семнадцать лет», видно, и подвели чемпиона мира. Забыв, что он сам в восемнадцать стал уже чемпионом страны, Щеголев играл против мальчика чересчур агрессивно и допустил неосторожный выпад, который прекрасно был использован швейцарцем: Кьюкен провел комбинацию, в итоге которой оба

получили по дамке, но эндшпиль для Щеголева оказался очень плохим.

Уже потеряв шанку, Щеголев предложил противнику ничью, но тот отклонил ее и вскоре выиграл партию. Это было сенсационное поражение чемпиона мира.

Кьюкен — талантливый юноша. Сначала он выдвинулся как шашечный композитор, а практической игрой увлекся совсем недавно. В Швейцарии для него уже нет таких авторитетных шашкистов, к которым он мог бы обращаться за советом или помощью, и Андреас стал изучать русский язык, чтобы овладевать теорией по нашим книгам. А их у него изрядное количество. Андреас — из семьи музыкантов: отец его — известный скрипач, мать — пианистка, да и сам он учится в музыкальной школе по классу виолончели.

После проигрыша Щеголева я оказался впереди него на пол-очка, а он, в свою очередь, на столько же опережал ван Дейка. Каждый из них изо всех сил старался догнать идущего впереди и беспощадно расправлялся с любым очередным противником. Но так как это делали все трое одновременно, то интервал сохранялся, и такой «цепочкой» мы подошли к последнему туру.

Предусматривалось, что в случае дележа все места будут определяться с помощью коэффициентов. Не делалось исключения и для дележа первого и второго мест. Конечно, для такого турнира, как Кубок Европы, это выглядело нелепо.

В ночь перед последним туром наш отель был необычно сильно освещен: это участники не ложились спать, а лихорадочно подсчитывали суммы коэффициентов применительно к дележу мест, на которые они претендовали. Признаюсь, такими выкладками занимался и я. Я разбирал тот случай, когда моя партия закончится миром, а Щеголев свою выигрывает. Тогда по очкам он догоняет меня, и вступает в действие «его величество коэффициент», то есть все будет зависеть от того, как закончатся другие партии. Моя прикидка ничего утешительного мне не принесла: «куда ни кинь — все клин», то есть во всех вариантах, кроме одного совсем маловероятного, получалось, что при дележе мне не видать метровой серебряной Европы с кубком в поднятой руке. Только выигрыш у Нимбы, с которым я должен был играть, делал бы меня обладателем кубка.

И вот арбитр в последний раз пускает часы на наших столиках. Щеголев быстро расправляется с французом Дельомом. Я же оказываюсь в цейтноте и, казалось бы, теряю всякие шансы на первое место. И вдруг конголезец, тоже по-

рядком нервничающий, ошибается. Я выигрываю! Интервал сохранился, и первое в истории шашек звание чемпиона Европы — за мной. Третьим стал ван Дейк.

Одновременно с нашим турниром проходило и первенство Италии, но по итальянским шашкам — тем самым, в которых «синьору бить нельзя!».

Закрытие обоих соревнований было приурочено к одному и тому же дню. Из Рима

прибыл высокого сана священнослужитель, который окропил «святой» водой выставленное на сцене трехцветное знамя Италии, а потом был устроен молебен.

После этой церковной процедуры перешли к церемониям светским: стали оглашать поступившие приветственные телеграммы. Их было довольно много, и я запомнил лишь наиболее «громкие»: от президента Италии и от председателей сената и палаты депутатов. Затем произнес речь министр культуры. И только после этого стали вызывать на сцену участников турниров.

Мне вручили столько призов, что пришлось напомнить, что у меня всего две руки. Не награжденным не остался ни один участник. Щеголев же заявил, что доволен тем, что первый приз достался мне, а не ему:

— Мы с Куперманом совершим пятидневную поездку по вашей замечательной стране, и я посмотрю, как он справится с задачей, которая, несомненно, потруднее, чем завоевание первого приза в турнире: ведь ему придется всюду возить с собой эту великолепную, но такую тяжелую серебряную Европу с кубком.

«НУ, КАК ВЕНЕЦИЯ!»

В один из свободных от турнирной игры дней гроссмейстер Изар пригласил нас поехать в его машине в Венецию.

Дорога из Больцано в Венецию напоминает дорогу Симферополь—Ялта: по одну ее сторону нависают скалистые горы, а по другую — зазевавшегося водителя подстерегает пропасть. Дорога не очень широкая и часто «ныряет» в тун-

нели. Взгляд устает от многочисленных ярких реклам различных фирм, продающих прохладительные напитки, и фирм, продающих бензин.

Нас очень раздражал фургон какой-то компании, совершавшей поездку в рекламных целях. Весь увешанный рекламными плакатами, он ехал впереди нас и пресекал наши попытки обогнать его. Все же, в конце концов, это нам удалось. Изар помахал фургону рукой, как бы прощаясь, а водитель показал ему кулак. Тогда Изар достал откуда-то припрятанный, видимо для подобных случаев, собачий хвост и высунул его через отверстие в заднем стекле. Хвост бешено болтался перед лицом водителя фургона, а тот буквально кипел от ярости, но обогнать нас уже не смог.

В ста шестидесяти километрах от Венеции дорога стала расширяться, вместо пропасти появились холмы, а горы покрылись лесами.

Подъезжаем к Венеции. Перед нами грандиозный мост, а по нему движется непрерывная цепь машин. Въехали на мост и мы. Оказалось, что мост этот переходит на другом конце в восьмиэтажное здание гаража. На самом верху оставили машину и спустились, чтобы пройти по городу.

Городской транспорт в Венеции только водный. Для тех, кто побогаче, предназначены гондолы, для остальных — кампоретто, иначе говоря, водное такси, в которое набивается до сотни человек. Мы тоже сели в кампоретто и по Гранд-каналу направились к центру города.

По обе стороны канала высятся стены изумительных по красоте дворцов. Трудно вообразить себе что-либо красивее. И все же когда потом мы попали на площадь Сен Марка, то признали, что виденное нами меркнет в сравнении с великолепием базилики Сен Марка и Дворца Дожей — двух дворцов, стоящих рядом на этой площади. Здесь всегда полно народу, большинство — туристы. А между людьми, нисколько не опасаясь их, разгуливают целыми стаями голуби.

Вот стометровая колокольня. В лифте поднялись на самый ее верх и оттуда любовались городом. Венеция вся на островах, многие из которых, в свою очередь, покоятся на деревянных сваях. Эти сваи на протяжении многих столетий выдерживают тяжесть дворцов. Но нагрузку, которую выдерживают сваи, не в состоянии выдержать дно лагуны: оно прогибается. И, как говорят, лет через 60—70 будут видны только купола дворцов, а потом и они скроются под водой. Существует множество проектов спасения города, но все они требуют столь огромных затрат, что ни один не может быть принят.

Значительная часть площади Сен Марка заставлена столами и стульями, которые стоят под тентами — единственным местом, где есть тень. А так как очень жарко, то все стремятся посидеть под тентом. Но раз ты сел, то обязан что-нибудь заказать у владельца тента. Поэтому в других местах не пьют, а приходят под тент и за те же деньги, кроме напитков, получают премию — тень.

На площади целый день играет оркестр. Музыканты — в белых рубашках, красных кофтах и желтых брюках.

Мы сели под тент, и к нам сразу устремился официант, нарядженный, будто генерал из оперетты. Принял наш заказ, но на кухню не пошел: к нему тут же подскочили двое его проворных помощников, он передал заказ им, и они моментально все принесли и поставили на его столик, а он уже начал подавать нам.

В форме ходят и подростки — разносчики газет. На их груди и спине вы можете прочесть ярко вышитое название газеты, которую они продают, а на шапке спереди и сзади прикреплено число.

Когда мы возвратились в Больцано, нас принялись расспрашивать:

— Ну как? Понравилась вам Венеция?

— О! Чудесный город! Восхитительный! — И мы пускались в подробные объяснения, перечисляя все то, что особенно понравилось.

— Ну как? Понравилась вам Венеция? — продолжали мы слышать от каждого, кто только узнавал, что мы вернулись с прогулки в этот город.

— Разумеется! Там очень красиво, — отвечали мы, но уже не так многословно.

А вопросы все сыпались и сыпались. И все одно и то же:

— Ну как? Понравилась вам Венеция?..

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕНОК

На этот раз Щеголев и я не стали «путниками каравана», играющими на привалах партии матча. Весь поездик намечено было провести в одном городе. Грузинская Федерация пригласила нас для этой цели в Тбилиси, мы оба дали согласие, и таким образом вопрос о месте матча был решен. Ни один из нас не возражал также и против того, чтобы 30 сентября состоялась жеребьевка, а на следующий день — начало игры.

И вот 1 октября судья всесоюзной категории (а теперь —

международный арбитр) А. Виндерман нажал кнопку моих часов, и я сделал ход 1. 32—28, который затем повторил в матче еще девять раз — во всех своих партиях белыми.

Естественное для начала соревнования обоюдное волнение и скованность привели к тому, что партия эта приняла характер «разведки боем». И некоторые шашисты и любители, из наиболее склонных к поспешным выводам, тут же провозгласили:

— Ну!.. Опять стали «ничейную резину тянуть»...

Однако ближайшие же дни показали несостоятельность этих прогнозов. Во второй партии Щеголев, видимо утомленный сложной борьбой, в самом конце игры дает мне использовать последний шанс — осуществить ловушечную комбинацию. Лидер определился, но... всего на два дня: в четвертой партии я отвечаю такой же «любезностью» — просматриваю несложный удар в окончании; счет становится 2 : 2.

— Ну, Исер Иосифович, — сказал Барский на нашей очередной утренней «летучке», где мы обсуждали итоги вечерней партии и намечали дальнейший план игры в матче, — пора выкладывать «психологические козыри».

Такое же мнение высказал и мой второй секундант — оренбургский шашист Роман Вольчек. И я начал играть по-иному, играть так, как Щеголев не ожидал от меня. Я, не уклоняясь от игры запутанной, всячески соблазнял противника перевести партию на позиционные рельсы, а чтобы заманить его на это, допускал в своем лагере позиционные слабости.

Уже пятая партия подтвердила правильность такой стратегии: отсиживаясь в тяжелой и длительной обороне, я все же дождался малозаметной ошибки противника, перешел в контратаку и развил успех, доведя его до победы. Такую манеру игры я применял и дальше; в восьмой партии она снова принесла мне очко...

— Вы заметили? — говорили друг другу любители статистических выкладок. — Куперман выигрывает через две партии третью: выиграл вторую, третью и четвертую пропустил — выиграл пятую, шестую и седьмую пропустил — выиграл восьмую... Теперь что же? Выиграет одиннадцатую?

И вышло действительно так: я выиграл одиннадцатую. Мало того, выиграл и находящуюся в этом же ряду «третьих партий» четырнадцатую (по пути победив и в двенадцатой).

Щеголев не мог понять, в чем дело, и выглядел явно растерявшимся. Кто-то, видимо, попробовал уверить его, что

секрет моих побед в «таинственном термосе», который я регулярно приносил на игру и опустошал во время партии. И тогда он стал приходить с «контртермосом», с размерами раза в три большими, чем мой, но... дело-то было не в размерах и не в термосе, а в том, что мне удалось навязать игру такую, какая нужна была мне, хотя сложную и запутанную, чего я раньше по возможности избегал, но с четко выраженным позиционным планом.

Однажды я спускался по лестнице гостиницы со спортивным комментатором Всесоюзного радио Наумом Дымарским, который прилетел в Тбилиси, чтобы подготовить две передачи — финиш нашего матча и старт матча Таля со Спасским. Навстречу кто-то поднимался.

— Здравствуйте, Аркадий Исаакович, — сказал Дымарский, когда мы поравнялись. — Вы не знакомы? — И он познакомил меня с Райкиным — моим любимым артистом.

Разговор, естественно, коснулся и матча.

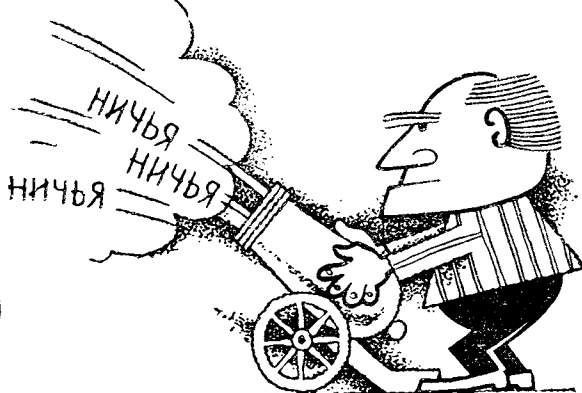
— Извините, — сказал Райкин, — но сейчас я желаю успеха вашему противнику. Уж таков мой обычай: я всегда болею за слабого.

Я пытался объяснить, что слабого в нашем матче нет, что силы равны и что мне лишь временно удалось с помощью психологической неожиданности выбить Щеголева из колеи. Райкин все выслушал и сказал:

— Я понимаю, отлично понимаю: вы ищете во мне болельщика. Но поймите, во всех шашечных тонкостях я не разбираюсь, а вот факты — счет, кажется, сейчас девять — пять? — требуют, чтобы я болел за вашего соперника.

После шестнадцатой встречи в моем активе стало десять с половиной очков — матч был выигран, однако в правилах Всемирной федерации предусмотрено, что в таких случаях поединок все равно должен продолжаться, пока не будут сыграны все 20 партий. Щеголев, пытаясь улучшить счет, уже в азарте проиграл еще и девятнадцатую партию, и поэтому главный арбитр, надевая на меня мой четвертый лавровый венок, объявил, что окончательный итог, который вернул мне титул чемпиона мира, — 13 : 7.

На заключительном банкете было произнесено столько тостов, что... Впрочем, тем, кто испытал, что такое тосты на Кавказе, говорить об этом нет надобности, а те, кто еще не испытал, все равно не поверят.

Занавес не опущен

«ДИПЛОМАТЫ»

Вообще говоря, кодекс не допускает никаких переговоров между противниками во время игры. Разумеется, неэтично заговорить с партнером о предстоящей партии и до ее начала. К сожалению, эти требования кодекса и этики выдерживаются не всегда. Особенно часто возникают «дипломатические переговоры» по поводу ничьей. Есть шашисты, которые уже после нескольких ходов, а иногда до первого хода, предлагают партнеру «почетный мир». Так называемые «гроссмейстерские ничьи» — бич шашек, особенно шашек на маленькой доске. Но пусть помнят такие шашисты, что, сделав гроссмейстерскую ничью, они еще не гроссмейстеры!

Дипломатические ничейные переговоры начинаются по-разному. Однажды я был вовлечен в них так. В матче-турнире на первенство Украины (1940 год, русские шашки) я, играя с одним из партнеров, на двадцать четвертом ходу предложил ничью.

— Вы считаете, что это ничья? Как же вы рассчитываете ее сделать? — спросил меня партнер.

— Так ведь кругом ничья! Я сейчас так пойду, на это отвечу так, потом размен, и нет никакой игры. Если же вы туда, то ничья вот как. Если зайдете за шашкой, то совсем просто: так, так и так.

— Гм... Как будто верно... Ну, а если такой ход?

— Какое это имеет значение? На такой ход я тоже отвечаю так и провожу потом ничейный размен.

— А что? Пожалуй, вы правы. Позиция ничейная.

— Так я позову судью? Скажем, что согласились?

— Нет, нет, нет,— замахал руками мой соперник.— Пожалуйста, не беспокойтесь. И вообще: зачем нам судья? Здесь надо еще поиграть... Может быть, что-нибудь и получится.

То, на что он надеялся, не получилось.

Ленинградский мастер Б. Герцензон (тогда он еще был кандидатом) не предлагал М. Когану ничью перед игрой. Нет. Он только прощупывал почву:

— Марат, я тебе ничью не предлагаю... Но как бы ты отнесся к такому предложению?

— Борис, ты же понимаешь: ну зачем мне с тобой ничья?

Этимися словами Коган в какой-то мере связал себя и действительно повел партию очень рискованно, резко играя на выигрыш. А в таких случаях, когда партнер, к тому же сильный, ставит перед собой железную цель—ничья, играющий азартно, словно головой о стенку бьется, и, естественно... лишь голову может расшибить. Попал в тяжелое положение и Коган.

— Ну что, Борис, ничья? — спросил у партнера Коган.

Герцензон ничего не ответил ему, но встал и громко воскликнул:

— Товарищи! Внимание!

Сбежались все участники и зрители.

— Экс-чемпион СССР мастер Марат Михайлович Коган предлагает мне ничью. Знайте все: я отклоняю это предложение!

Остается добавить, что спустя несколько ходов ленинградец допустил ошибку и вскоре сдался.

Помню и свою партию с Герцензоном в Казани в 1952 году. Она состоялась за два тура до конца, когда я почти обеспечил себе выход в финал, а Герцензону необходима была для этого ничья со мной. Он и предложил мне ее, как только мы сели за столик. Я отклонил.

— Пожалеешь, но будет поздно!

— Ну хорошо. Буду жалеть. Ходи.

Партия началась. Когда он опять предложил мне ничью на пятом и на восьмом ходах, я сказал:

— Поиграть нужно. Ведь еще не вышли из дебюта!

В середине игры он снова бомбардировал меня мирными предложениями.

— Но я не хочу, Боря. Я хочу играть!

Через несколько ходов я отверг еще одну его попытку, и партия вошла в русло эндшпиля.

— Мое терпение не бесконечно! — зло прошептал, ни к кому не обращаясь, Герцензон.

Затем встал и громко, как говорят — «на зрителя», подчеркнуто официальным тоном произнес:

— Товарищ Куперман! Левый фланг у вас связан, правый зажат. На что вы надеетесь? Последний раз предлагаю ничью. Будет поздно!

Но все знали, что слабым местом Герцензона было то, что он замечал слабые места лишь в позиции противника. Впрочем, вскоре действительно «стало поздно»: Герцензон сдался.

ТОННИ НЕ ХОЧЕТ СТРИЧЬСЯ

Еще во время Олимпийского турнира в Мерано гроссмейстер Келлер спрашивал у меня:

— А какого вы мнения об игре нашего Тонни?

— Тонни? А кто это?

— Тонни Сейбрандс. Мой ученик. — Лицо Келлера озарилось теплой улыбкой. — Разве вы о нем не слыхали?

«Кто же это — Тонни Сейбрандс? А? Это, кажется, мальчик, который выиграл юношеское первенство Голландии!» Да, да, в журнале была его фотография и две партии. Но я их не смотрел, разумеется... Разве за всеми партиями уследишь?

Келлер между тем продолжал:

— Вот увидите: о Тонни скоро все заговорят! Сейчас ему ведь только четырнадцать. Как вы думаете: вы бы у него выиграли? Впрочем, ваш стиль для него пока... Но возьмем Щеголева. Он выиграл бы у Тонни, если бы они сыграли партию? А?

Разумеется, я решил, что Келлер шутит... А через 10 месяцев телеграмма с международного турнира «Бринта» сообщила о победе юного голландца во встрече с московским гроссмейстером.

«Сенсация на турнире в Хоогезанде», «Тонни Сейбрандс

сильнее чемпиона мира», «Вячеслав Щеголев терпит первое поражение», — подобными заголовками пестрели тогда голландские газеты. Их ликование было понятно. Ведь голландцам, ранее привыкшим «командовать» на шашечном Олимпе, вот уже ряд лет доставались лишь жесткие места позади кресел, абонированных двумя русскими и сенегальцем.

Щеголев, несмотря на поражение, все равно стал первым, но для голландцев, конечно, героем турнира был Тонни: пропустив вперед только чемпиона и экс-чемпиона мира (Делорье), он вышел на третье место, опередив (правда, только по таблице коэффициентов) самого... Баба Си.

Кстати, именно Баба Си первый — двумя годами раньше — предсказал Тонни большое шашечное будущее. Сенегалец играл в международном турнире «Лукас Больз», а так как он не умел записывать партии, то стали искать желающего делать это за него. Кто-то рекомендовал Сейбрандса. Двенадцатилетний Тонни очень хорошо справлялся со своей первой «работой». А однажды принес сборник партий первенства мира 1960 года и после тура изумил всех, показав, что Баба Си против Делорье сделал не лучший ход. Демонстрация была так убедительна, что пораженный Баба Си тут же заявил:

— Этот мальчик станет чемпионом мира!

Тогда же гроссмейстер Келлер взял шефство над Сейбрандсом, и Тонни начал свое восхождение к предсказанной сенегальцем высоте: в 1962 и 1963 годах побеждает в юношеских первенствах Амстердама, в 1964 году становится чемпионом юношей Голландии и побеждает в турнире взрослых, становясь чемпионом Амстердама. В 1965 году — чемпион Северной Голландии, третий призер в турнире «Бринта» и первый в другом небольшом международном турнире. А еще через год голландцы уже посылают шестнадцатилетнего Тонни во Францию, где в городе Алесе разыгрывается турнир претендентов.

Но прежде чем отправиться во Францию, Сейбрандсу пришлось вступить в дополнительное состязание с... директором лица. Тот отказывался отпустить юношу. Все же первую встречу этого «матча» Тонни выиграл — директор разрешил поездку, хотя и при строгом условии: по возвращении Сейбрандс должен остричь свои чересчур длинные волосы.

И вот он в Алесе... Весь турнир прошел в гонке между двумя нашими гроссмейстерами и юным голландцем. Щеголеву ни в одной из двух партий с Тонни не удалось отребаншироваться за поражение в турнире «Бринта». На про-

тяжении восемнадцати туров Сейбрандсу не раз случалось быть лидером, и победитель — Андрейко — выявился только в последний день. Несомненно, решающей оказалась партия, проигранная Сейбрандсом рижанину в одиннадцатом туре, когда Тонни вел в турнире и по неопытности, вместо того чтобы удовлетвориться ничьей, решил обязательно выиграть и слишком резко стал этого добиваться. Но в шестнадцать лет оказаться вторым в турнире претендентов — это очень почетно.

— Что ты чувствовал, когда проиграл партию? — спросили Сейбрандса журналисты.

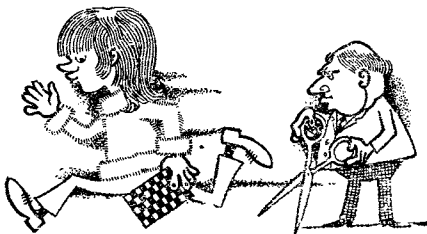
— Ничего особенного... Только злился на себя... Почему я так рискованно играл? Почему обязательно хотел выиграть? Ведь будь ничья, я вызвал бы Купермана!

Из Франции Тонни вернулся международным мастером. Самым молодым за всю историю шашек. В Голландии он стал знаменитостью. Голландская пресса много писала и о его успехе, и о его поражении... во второй «встрече» с директором лицея. Дело в том, что Тонни явился в класс с прежней длинноволосой прической.

— Что? Постричь? Я забыл, — попробовал он отвертеться.

— Так я тебе напоминаю! — Директор был неумолим. Тонни бросил лицей и в течение нескольких недель пытался устроиться на какую-нибудь работу. После бесплодных поисков он все же пошел к парикмахеру, а затем возвратился в класс.

«Тонни может мгновенно назвать любой из 1600 ходов, сделанных в его партиях на турнире претендентов! Тонни обладает невероятной памятью!» — уверяют голландские газеты. И это, по-видимому, так. На столеточной доске игра вслепую крайне трудна. Мировым рекордом считаются 8 одновременных партий Вима Гюйсмана. Сейбрандс, по приезде из Алеса, проводит два сеанса вслепую — сначала на двенадцати досках «за три часа выигрывает все партии без явных ошибок), а затем на пятнадцати — против известных шашистов Тилбургского клуба. Здесь он три партии закончил вничью, остальные выиграл. Правда, он ведет запись ходов, и поэтому официальным рекордсменом пока остался Гюйсман.

Что еще можно сказать о Тонни? Сейбрандс заявил журналистам, что он — приверженец «провоса». «Провос» — голландская молодежь, близкая к «битникам», но отличающаяся тем, что они поддерживают изысканную небрежность в одежде, пропагандируют бешеные ультрамодерные танцы, на улицах пугают прохожих дикими выходками, и все это делают, как утверждают, во имя борьбы против несправедливостей современной жизни. У «провоса» происходят каждодневные стычки с полицией, и Тонни активно в них участвует.

Итак, на шашечном небосклоне загорелась новая звезда. «Результаты Сейбрандса весьма оптимистичны,— пишет «Хет Дамспел».— То, что самый молодой участник представил именно нашу страну, вселяет много надежд».

Да, голландцы поняли, что усилиями «старой гвардии» шашечную корону не вернуть, и уделяют молодежи очень большое внимание. Тридцать — вот какая получается сумма, если сложить числа лет первого и третьего призеров последнего чемпионата Голландии! Семнадцать — чемпиона Тонни и тринадцать (!) — Харма Вирсмы, отставшего от Роозенбурга всего на пол-очка. Подобное «омоложение» заставляет призадуматься...

АНДРЕЙКО — «СТОКЛЕТОЧНЫЙ ТАЛЬ»!

«Приз Шарля де Голля завоевал гроссмейстер из Риги Андрис Андрейко!» — сообщили из французского городка Алеса, и мне стало известно имя моего противника в очередном матче.

Впервые увидел я Андриса в 1958 году, когда он играл в полуфинале первенства страны в Баку. Ему — шестнадцать, и он всячески старается показать, что в шашечном мире для него авторитетов уже не существует, а для убедительности в первом же туре побеждает своего учителя, известного латвийского мастера Валдыса Звирбулиса. Зрители толпятся у столика, где играет юный рижанин: его партии всегда головоломные и острые. Андрис же, быстро сделав ход, неизменно встает и длинными (для солидности!) шагами разгуливает по залу, громко стуча каблуками, словно стремясь обратить внимание на то, что вот, мол, его партнер трудится прикованный к доске, а он, Андрис, играет шутя и делает ходы «почти куда попало». На этом «куда попало» поскользнулись тогда многие испытанные мастера... Из Баку Андрис уехал мастером.

— Везет вашему мальчику,— заметил я Эвирбулису.— Он делает ходы на авось, а все оборачивается в его пользу.

— Везет? Нет... Он не играет на авось, он все рассчитывает и видит! Он даже иногда пугает меня тем, как много видит. Мне непонятно, как это возможно.

Я промолчал, но, признаться, подумал, что «учитель набивает цену» своему ученику. Скажу сразу: я ошибался. А манеру, в какой проводил тогда свои партии Андрис, он все больше развивал и так играет и теперь, с той лишь, может быть, разницей, что каблуками стучит чуть потише.

Итак, в двадцати партиях против Андрейко мне предстоит на этот раз защищать свой титул. Является ли сенсацией для шашечного мира то, что партнером моим будет молодой рижанин? И да, и нет. Да—потому что за последние семь лет шашисты привыкли видеть только три имени, связанные с розыгрышем чемпионской короны,—Щеголева, Баба Си и мое. Нет—потому что взлет Андрейко закономерен. Шашечные достижения его колоссальны, и только, может быть, турнира в Алесе не хватало, чтобы верно оценить их.

Говоря «колоссальны», я не преувеличиваю нисколько. Посудите сами. За последние шесть лет Андрейко, не пропустив ни одного важного соревнования, везде был только первым или вторым. А ведь за это время и я, и Щеголев побывали даже на восьмых местах. В наших ежегодных международных турнирах он—гроза: заняв в 1961 году второе место, видимо, решил, что лучше быть победителем, и с тех пор уже пять раз подряд накладывает руку на первый приз. И, как завершающий аккорд, этот турнир в Алесе, где рижский гроссмейстер только пять раз приостанавливал свой триумфальный марш, чтобы «раскурить с партнером «трубку мира». В остальных одиннадцати встречах он беспощадно «скальпировал» своих противников.

Андрис—шашист очень своеобразный, и среди гроссмейстеров и мастеров я не нахожу никого, кто был схож с ним своим «шашечным характером». Однако среди шахматистов есть такой, сравнение с которым напрашивается. Андрейко—«стоклеточный Таль»! И тот и другой в своем первом «пристрелочном» выступлении в чемпионате страны оказывались на пятом месте. И тот и другой уже в следующем выступлении завоевали золотые медали. И Таль и Андрейко стали претендентами на мировую корону в двадцатичетырехлетнем возрасте. Но главное вот что: оба такие приверженцы острокомбинационного стиля, что стараются любой ценой завязать осложнения, не поддающиеся точному

расчету и требующие игры интуитивной. Оба стремятся к партиям бескомпромиссным, где мосты к мирной ничьей сжигаются и где приходится на тонких вариантах балансировать над пропастью поражения.

Впрочем, когда Андрейко спросили, предпочитает ли он играть комбинационно или позиционно, он ответил:

— Я предпочитаю выигрывать!

И действительно, к нему очень подходит реплика, сказанная одним югославским журналистом о Тале:

— Он делает ходы корректные, полукорректные или некорректные, но победа всегда остается за ним.

Чем еще Андрейко напоминает Талья — это поразительной быстротой расчета вариантов. Я произвел такой опыт: в одном из первенств страны после каждой партии фиксировал время, затраченное противниками. И что же оказалось? Больше всех очков в турнире набрал ставший тогда чемпионом Андрейко. И именно он на весь «комплект» своих турнирных партий затратил времени значительно меньше, чем любой другой участник! Никакой шашист не любит признавать, что кто-то другой играет блиц-партии лучше, чем он. Однако когда речь заходит об Андрейко, все умолкают: хорошо известны выигранные им блиц-матчи, в которых он сильным мастерам предоставлял в распоряжение пять минут на партию, а себе оставлял на часах всего лишь 60 секунд!

Итак, меня ждет опаснейший противник! Молодой, очень талантливый, отлично знающий теорию и много над ней работающий, постоянно поддерживающий спортивную форму частыми выступлениями в турнирах, не знающий цейтнотов. И что необычайно важно в борьбе на таком уровне — искусно лавирующий в туманных закоулках психологии. Вот, например, какой психологический прием он изобрел, которым нередко и успешно пользуется.

С самого начала запутывает игру так, чтобы казалось, что разобраться в ней невозможно, — ведь время-то ограничено! — а потому надо ходы делать интуитивно. Тех, кто не хочет такой запутанной игры, он заманивает ценой отчаянного ухудшения собственной позиции. А затем в один из моментов партии, уже скомпрометировав свою позицию, Андрейко вдруг, не раздумывая, как бы «на авось», избирает ход, после которого противнику кажется, что в одном варианте ему, наверное, удастся выиграть. Но только наверное! Ибо сложность позиции не позволяет рассчитать точно до конца. Партнер еще размышляет.

— Вы на ничью согласны? — слышит он голос Андрейко.

О, такое предложение Андريس делает отнюдь не из любви к ничьим! И не находишься сейчас противник в угаре погони за победой, он бы это предложение принял. Но он в азарте, ему кажется, что он вот-вот поймает жар-птицу победы: вон она, в конце того варианта!..

«Ага, дружок! Ты заметил, что гибнешь и теперь просишь ничью? Нет уж, подождем!»

Но всякий раз в конце этого злополучного варианта «случайно» оказывается какая-то неожиданность, и все меняет свой ход.

— Опять повезло Андрису, — оправдывается после партии проигравший смущенный партнер. — Я имел выигрышное положение. А на ничью мог согласиться. Он же предлагал ее.

А я, слыша это, вспоминаю: «...пугает меня тем, как много он видит в считанные секунды».

Андрейко — оптимист. Он уверен, что в сложных позициях видит минимум на один ход дальше, чем его противник, и поэтому дерзко идет на любое ухудшение своей позиции. Как мне кажется, он вовсе и не старается обязательно отыскать и сделать позиционно обоснованный ход. Он, как говорят, играет «на противника» и оценивает целесообразность того или иного хода, предварительно задавшись вопросом: «А доставит ли противнику мой ход затруднения?»

Готовясь к матчу с рижским гроссмейстером, я не старался набивать чемоданы новыми вариантами и не делал ставку на опровержение модных дебютных продолжений... Главная моя цель — полнее представить себе характер будущего соперника и его физические возможности.

После приезда из Франции Андрейко на вопрос обо мне сказал, будто я в последнее время слишком редко участвую в соревнованиях с сильным составом... В другом выступлении рижанин заявил, что за время подготовки «надеется подобрать ключи к Куперману». Но если кто-то грозит «подобрать ключи», нужно помешать этому. Либо надежно укрепить «замок», либо подготовиться так, чтобы в последний момент быстро сменить его и «повесить» новый.

ГОСТИ

1967 год был богат шашечными событиями большого масштаба. Командное и личное первенства Европы, матч с Голландией, чемпионат страны и моя «дуэль» с Андрейко — вот перечень лишь самых важных состязаний.

Матч с Андрейко должен был начаться 1 октября. Я наметил закончить теоретическую подготовку к маю, а затем «проверить теорию практикой» в обоих первенствах Европы, чтобы перед матчем внести необходимые коррективы. Так было задумано, но жизнь безжалостно перечеркнула план: внезапное тяжелое заболевание жены не позволило мне приступить к подготовке и заставило отказаться от участия в первенстве Европы. Вместо меня в Больцано поехал Каплан, и наша команда — Андрейко, Щеголев, Каплан — в нелегкой борьбе завоевала впервые разыгранный титул командного чемпиона среди европейских стран.

В августе в Москве состоялась первая дружеская встреча шашечных команд СССР и Голландии. У всех любителей шашек на земном шаре она вызвала огромный интерес: ведь обе страны — главные соперницы в борьбе за чемпионскую корону, а скажем, сборная Земли для матча с другой планетой состояла бы на 80 процентов из участников этих команд!

В каждой команде было по десять человек. Десять «микроматчей», сыгранных за три тура соревнования, должны были определить общий результат.

Некоторые участники обеих команд были уже знакомы, другие знали соперников по фотографиям и известным партиям. Взаимные приветствия, обмен вопросами, сувенирами. Но вот объявляется рассадка, и только что улыбавшиеся шашкисты с мгновенно посерьезневшими лицами садятся за столик. Теперь они не собеседники, а соперники.

По ту сторону моей доски — Тонни Сейбрандс. Это сюрприз! Хотя Тонни — чемпион страны, но ожидалось, что против меня сядет опытный Пит Роозенбург: ведь мы с ним равное число раз — по четыре — становились обладателями символической «шашечной короны». Впрочем, Сейбрандс в отличной форме — это он только что подтвердил победой в международном турнире в Батуми; и к тому же понятно желание голландцев дать Тонни случай «прощупать» чемпиона мира.

За второй доской друг против друга оказались два любителя головоломных осложнений и бескомпромиссной игры — Андрейко и Роозенбург.

Со Щеголевым сел играть малоизвестный мастер Ян Верхейм. Опять неожиданность! Думается, голландцы умышленно отдали его «на растерзание» москвичу, укрепляя более сильными шашкистами дальние доски.

За четвертым столиком встретились партнеры, один из которых был старше своего соперника в три раза! Это Кап-

лан и четырнадцатилетний Харм Вирсма. Разместились и остальные участники. Арбитры пускают часы, и начинается жаркое сражение: атмосферу накаляют и горячее желание выиграть, и... нещадно палящее солнце.

В первый день наши шашкисты победили со сравнительно скромным счетом, но партии других туров заставили руководство голландской команды не раз хвататься за голову, а корреспонденты голландских газет, державшие Амстердам в курсе происходившей игры, все реже и неохотнее выходили на телефонную связь. Общий исход матча 20 : 10 в нашу пользу. Счет большой, но с точки зрения перспективы в борьбе за чемпионскую корону итог не успокаивал: на первых шести досках мы выиграли только в одной партии (если не считать Щеголева, игравшего с явно слабейшим игроком) — Каплан победил Вирсму. Ни я, ни Андрейко, ни наши «полугроссмейстеры» Маншин и Шкиткин не вписали ни одного очка.

Встреча с голландцами длилась неделю, и почти все время за мной неотступно следовал Барский. Молча наблюдал за мной, что-то изучал... На шестой день он сказал:

— Исер Иосифович, предстоит серьезный разговор.

— Да, я слушаю.

— Начать первого октября матч с Андрейко вы не можете. Вы не готовы...

— Знаю, что не готов. Но осталось еще полтора месяца, и если как следует приняться...

— Не в этом дело. Я не о теоретической подготовке говорю. Вы не можете еще, не имеете права выступить в таком ответственном и тяжелом соревновании. Все пережитое вами бесследно не прошло, и в два месяца ваши нервная система и психика не могут прийти в сносное состояние.

— А что же делать?

— Необходимо отложить матч.

— Но кто же позволит? Федерация всегда требовала, чтобы даты неуклонно соблюдались!

— Неважно, что и когда она требовала, но в таком состоянии вы матч играть не можете. И, я думаю, Федерация поймет, что смерть жены — уважительная причина для переноса матча на два-три месяца. Конечно, вам это не предложат, но если мы будем ходатайствовать... В противном случае вы должны вообще отказаться играть матч!

Вопреки моим ожиданиям, все устроилось без особых тренировок. Навстречу мне пошли и мой соперник Андрис и его тренер-секундант Петр Петрович Фрейденфелд. Они согласились отложить матч и начать его 31 декабря: нужно было «заце-

питься» за этот год, так как наше соревнование «числилось» за ним. Лишь одно условие выставили они в ответ.

— В ноябре,— сказал Петр Петрович,— первенство страны. Если матч будет позже, то неизвестность в исходе заставит Андрейко играть в этом первенстве: оно отборочное к Олимпийскому турниру следующего года. И тогда ему придется раскрыть кое-какие «секреты», а к тому же он не успеет отдохнуть: первенство закончится лишь за две недели до матча. Для уравнивания шансов хотелось бы, чтобы вы заверили, что тоже будете играть в этом первенстве.

Я дал обещание, и тогда обе стороны обратились в Федерацию с просьбой отложить матч на январь. А вскоре от президента Виллемса пришло уведомление о переносе матча.

И «13» БЫВАЕТ СЧАСТЛИВЫМ...

Мой измененный план подготовки к матчу предусматривал, что я 1) поеду на турнир Кубок Европы, 2) «запрограммирую» себя к встречам с Андрейко, 3) сыграю в первенстве страны.

В Ливорно, где должен был разыгрываться Кубок Европы (фактически чемпионат Европы), мы выехали в конце августа. Панику на всех участников навел Сейбрандс, который в первых одиннадцати турах сумел набрать 10,5 очка. Но затем три его встречи с советскими шашкистами привели к тому, что на финише Сейбрандс, Андрейко и Щеголев оказались с равным числом очков. Однако таблица коэффициентов благоприятствовала юному голландцу, и впервые за последние десять лет представитель этой страны, привыкшей в былые годы доминировать в шашечном спорте, победил в официальных соревнованиях. Тонни стал чемпионом Европы и самым молодым гроссмейстером на Земле. Я остался за чертой призеров. Вот что после турнира написал по этому поводу Щеголев:

«Некоторым шашкистам, особенно болельщикам чемпиона мира, выступление Купермана может показаться неудачным. Но это не так. Ведь киевлянин хотя и был четвертым, но пришел к финишу лишь с разрывом в пол-очка.

Мне кажется, что некоторая потеря боевитости, а также тяжесть в игре чемпиона объясняются двумя факторами. Совсем недавно он пережил личную трагедию. Естественно, что это отразилось на тренировках да и на моральном состоянии Купермана. И следствием явилось ухудшение результатов игры. К тому же играть две партии в день для гросс-

мейстера, которому 45 лет, оказалось тяжелей, чем его молодым конкурентам. В игре Купермана были грубые просмотры, свидетельствующие о нелучшей форме и отсутствии практики. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, чемпион мира боролся за победу и занял четвертое место.

Надо отметить, что принципиальный поединок с Андрейко окончился победой Купермана. В этом позинны в равной мере и киевлянин (он играл хорошо) и рижанин, который, недооценив соперника, провел партию сумбурно».

После приезда из Ливорно я два месяца готовился к матчу, а затем отправился в Минск. Здесь 26 ноября двадцатка наших лучших шашкистов вступила в бой за звание чемпиона страны.

Финал в Минске был ффинадцатым. И хотя, как известно, это число не прослыло счастливым, для любителей шашек именно минский чемпионат явился самым интересным: во-первых, здесь собрались победители всех прошлых финалов — Андрейко, Щеголев, Корхов и я; во-вторых, предстояла борьба не только за звание чемпиона, но и за «место под олимпийским солнцем» (раз в четыре года чемпионат страны является отборочным к Олимпийскому турниру).

После четвертого тура образовалась редкая ситуация: лидировала почти половина участников — восемь человек имели по 2,5 очка. Но уже на следующий день число лидеров уменьшилось вдвое, а еще спустя тур таблицу возглавил девятнадцатилетний минский студент Анатолий Гантварг.

Начиная с шестого тура впереди шли то вместе, то порознь самый молодой и самый старший участники — Гантварг и я. Андрейко чуть отставал. Бросалось в глаза, что партии, которые играл я, интересовали его не меньше, чем свои собственные: едва сделав ход, он вставал и принимался изучать позиции на моей доске. Разумеется, и я частенько поглядывал на доску, где играл мой будущий соперник в матче.

Андрейко был неузнаваем! Он проводил встречи в солидном позиционном стиле без намека на обычный для него отчаянный риск. Сперва я думал, что он просто «темнит», стараясь вызвать ложное впечатление о своей игре. Но позже я понял, что рижанин решил набить руку на разыгрывании «пресных» позиций, чтобы быть готовым на случай, если я навяжу их в матче. Снова подметил я давний недостаток в игре Андриса: при его большом преимуществе у него ослабевает воля, и он, видимо считая, что очко уже в кармане, играет не с полным напряжением и не самым точным образом. Как в зеркале отразила это его партия со Щеголевым. От-

личной игрой Андрейко заставил противника потерять шашку. Однако Щеголев изобретательно защищался. Андрейко же демобилизовался, надеясь, что с лишней шашкой победа, как зрелое яблоко с дерева, сама упадет к его ногам. Игра с «пониженной точностью» привела к эндшпилю — три дамки против одной, — выиграть который можно было бы, лишь опровергнув всю теорию.

Щеголев начал турнир неудачно: в первых пяти встречах — четыре ничьих и одно поражение. Но вот в седьмом туре, когда он сел за столик против А. Федорука, зрители зашептались: «Слава намерен сегодня победить...» Зрители всё подмечают: первые пять неудачных встреч экс-чемпион провел в черно-белом свитере, а на прошлый тур пришел в другой «форме» — в курточке. И вписал в таблицу очко! А теперь он опять в курточке... И что вы думаете? Победа.

— Слава наконец обрел свою форму! — шутили после партии болельщики.

В десятом туре я встретился с Андрейко.

— Генеральная репетиция к матчу! — многозначительно говорили в зале о нашей партии.

Но вряд ли в подобных случаях партия бывает «генеральной репетицией»: кто же захочет заранее раскрывать себя? Встреча принесла обоим по пол-очка.

В каждом туре чемпионата игрались десять партий — четыре на сцене и шесть внизу, в зале. На сцене «постоянные места» имели три гроссмейстера и Гантварг, как один из лидеров. Здесь как бы заседала экзаменационная комиссия, куда вызывались «для собеседования» четыре других участника. Понятно, что после экзамена перед столь грозной комиссией далеко не всякий, окончив партию, покидал сцену довольный своей «отметкой». Однако не всегда экзамен проходил гладко и для самих «членов комиссии».

Так произошло и в моей партии с Я. Белоруссом. Бдительность моя была усыплена предыдущими результатами донецкого шашкиста, который проявил себя самым мирным из участников: десять партий — десять ничьих! Получив хорошую позицию и пребывая в радужном настроении, я беззаботно сдвинул с места так называемую «золотую шашку» и тут же попал под заготовленный партнером комбинационный удар. Мои отчаянные попытки спастись не увенчались успехом. Белорусс из партий со мной, Андрейко и Щеголевым извлек два очка и, говорят, выражал сожаление:

— Мало в турнире гроссмейстеров — вот в чем не повезло мне!

Чемпионат приближался к финишу, и игра становилась

более напряженной, а участники — более беспокойными. Они чаще поглядывали на доски конкурентов и чаще ошибались на своих досках. Волнение! Ведь для каждого наступила пора вплотную заняться выполнением поставленной перед собой задачи. А они были разными: одних устраивала только золотая медаль, другие соглашались на любое призовое место, третьи мечтали «зацепиться» за десятку, чтобы попасть в международный турнир, а были и такие, кто хотел привезти домой хотя бы один «скаल्प»: ведь неудобно возвращаться с турнира, ни разу не победив.

Наконец подошел последний — девятнадцатый тур и расставил точки над всеми «і». Он свел меня с А. Гантваргом, Андрейко — с В. Агафоновым, а Щеголева — с В. Шараповым. Ни я, ни Гантварг не стали искушать судьбу: ничья гарантировала мне первое место, а Гантваргу — гроссмейстерский бал. Андрейко, не преодолев оборону Агафонова, тоже согласился на ничью. Распределение серебряной и бронзовой медали зависело теперь от затянувшейся встречи экс-чемпиона мира с бакинцем. Медленно, шаг за шагом улучшал свою позицию москвич. И наконец наступил момент, когда Шарапову пришлось написать на бланке: «Черные сдались». Эти два слова означали для Щеголева не только серебряную медаль, но и путевку на Олимпийский турнир. На пол-очка отстали Гантварг и Андрейко, но третье место (в соответствии с коэффициентами) было присуждено минчанину.

Героем турнира по праву надо считать Гантварга. Стать бронзовым призером — это, конечно, огромный успех Анатолия. Его игра снискала похвалу не только зрителей, но и всех участников-соперников, а такое случается не так-то часто. Партии Гантварга, с кем бы он ни играл, всегда были насыщены не маневрами по принципу «ты меня не тронь, и я тебя не трону», а острой бескомпромиссной борьбой.

ТБИЛИССКИЙ ДНЕВНИК

Матч с претендентом решено было провести в Тбилиси. Я и мой секундант Барский приехали туда заранее (второй мой секундант, киевлянин Д. Темкин, приехал чуть позже). В течение пяти оставшихся до открытия дней мои мысли, как в фокусе, сходились в одной точке: Андрис Андрейко! Сумею ли я разрешить эту проблему? Конечно, я надеялся выиграть. Я просто обязан был выиграть! Но большинство шахсистов предвещало победу ему, а не мне: Андрейко — «электронный счетчик», а Куперман теперь не вылезает из

цейтнотов; Андрейко — волшебник хитроумных ловушек, а Куперман — нет-нет да и ловится на комбинацию; Андрейко — 25 лет, а Куперману — 45... И когда нужно сыграть 20 тяжелых матчевых партий, все это означает немало.

«Правда, чтобы сохранить титул, — рассуждал я, — мне, как чемпиону достаточно набрать только 10 очков, а ему нужно 10,5. Зато эта «маленькая половинка» помогает и Андрису: заставляет его играть активно — на победу, а нападающий имеет перед обороняющимся немалые преимущества. Неужели намеченная мной для матча тактика подведет меня?»

В последний день уходящего года матч был торжественно открыт. Перед тбилисцами, заполнившими конференц-зал двадцатипятиэтажной гостиницы «Иверия», выступили и я, и Андрейко. Мы оба говорили о разном, но ни один из нас не ответил на главный, интересовавший всех присутствовавших вопрос: кто же выиграет матч?

Придя к себе в номер, я записал в тетрадь, как проходило открытие. Затем тут же решил, что буду и после каждого тура коротко записывать впечатления. Считая, что записи, сделанные сразу по окончании партии, лучше передадут атмосферу матча, я предоставляю вниманию читателей выдержки из этого «матчевого дневника».

31 декабря. Состоялась жеребьевка. Во всех нечетных партиях мои — белые. Я утверждаю, что в столклеточных шашках цвет не имеет значения. Шахматист, играющий белыми, считает себя обязанным выиграть, так как имеет преимущество. На чьей стороне превосходство у нас — неясно. Однако определить цвет во всех двадцати встречах необходимо, разумеется, заранее. Расписание — три тура, день отдыха, опять три тура, и т. д. Матч разбит на «раунды», каждый из трех партий.

Очень хорошо, что я еще ни разу не проигрывал Андрейко: ему придется преодолевать «психологический барьер». Правда, Алехин до своего матча с Капабланкой тоже ни разу не выигрывал у знаменитого кубинца...

Меня часто спрашивают:

— Ну как? Боитесь вы своего соперника?

— Не боюсь, но опасаясь, — отвечаю я.

И действительно, никогда еще я не садился играть матч с шашистом, столь для меня опасным.

1 января. В пять часов началась игра, и мы с Андрейко стали быстро обмениваться дебютными ходами...

Андрейко впервые играет подобный матч и заметно волнуется. Двинув шашку, он резко встает и принимается стре-

мительно шагать по сцене возле столика. Время от времени присаживается, всматривается в позицию, но не может долго выдержать состояния покоя и опять вскакивает и начинает шагать. Лишь взгляд его, словно магнитом, беспрестанно притягивается к доске с шашками. Помню и себя таким же во время первой партии моего первого матча ровно 10 лет назад, когда я в Голландии играл с канадцем Марселем Делорье.

Андрейко получил игру с позиционным преимуществом, но это не было для меня неожиданностью. Ничья.

2 января. Опять инициативой владел Андрейко. Я нарушил провозглашенный в моих же книгах принцип... Видимо, писать легче, чем играть! Пришлось пережить немало неприятных минут: играть требовалось очень аккуратно, словно под куполом цирка идти по натянутому канату. Все же спустя два десятка ходов, кризис прошел.

Однако подкрадывалась другая опасность — и теперь к обоим: часовая стрелка грозила завершить второй оборот до того, как будет сделан 50-й (контрольный) ход. А ведь просрочка времени — проигрыш. И я, и Андрис играли в нервной спешке. У меня такое встречалось нередко, но для него это что-то новое. «Электронный счетчик» в цейтноте! Когда партия окончилась миром, мы оба улыбались, так как каждый имел основания быть довольным.

Но что это? Я не выдерживаю принятую установку: любой ценой избежать цейтнота. Пусть я получу плохую позицию в дебюте, пусть неточно играю в середине, но ни одного цейтнота! Цейтнот — гибель: он отнимает слишком много нервной и умственной энергии. Если буду попадать в цейтнот, то к концу матча окажусь полностью в руках соперника. Итак, девиз: что угодно, но не цейтнот!

3 января. Сегодня мы так быстро начали разыгрывать дебют, что неясно, на что уходило больше времени — на обдумывание ходов или же на их записывание, переставление шашек и включение часов соперника. Затем Андрейко резко замедлил темп, я же продолжал играть быстро, чтобы застать времяем (цейтнотная профилактика!). Естественно, неточности быстрой игры опять привели меня к худшей позиции. Но все это было запрограммировано еще перед матчем... Нужно держаться намеченной установки!

Кто может сделать более полусотни ходов так, чтобы каждый из них был наилучшим? А Андрейко, как подтвердило первенство страны, особенно неточен в позициях с его преимуществом. Он допускает промах, и я получаю реальные шансы на спасение. Он еще пытается расставлять ло-

вушки, но поздно. Ничья. Встает мой соперник явно разочарованный. Еще несколько таких партий, и матч выиграю я.

4 января. Получил добавочное подтверждение правильности установки. Свободный день я провел в отличном настроении, а Андрейко — это было заметно — «грыз себя»: ведь в трех хороших партиях он набрал столько же, сколько я в трех плохих, — полтора очка. Как мне кажется, особенно он расстроился, когда доказал в анализе с друзьями, что вторую партию мог чуть ли не выиграть, а в третьей упустил большие шансы на победу. Но ведь анализ — одно дело, а игра за доской — совсем другое! Пожалуй, хорошо, что мой тренер так строго следит за тем, чтобы я не анализировал сыгранные партии. Тщательная экономия сил! А иной раз так хочется после игры взять доску и покопаться в том, что «могло бы случиться, если бы...»

7 января. Закончился второй «раунд». Три его партии пришли к ничейному исходу. Так держать! Андрейко рвет и мечет, и каждая встреча проходит в тяжелой борьбе: нигде не было соглашения о мире раньше 50-го хода. Я не отказываюсь от борьбы, но и обострять ее до предела — идти навстречу желаниям соперника — мне не за чем. Матч есть матч, и что хорошо ему, то для меня невыгодно.

Тренер Андрейко сегодня рассказывал, что они в Риге запрашивали об исходе матча... электронную машину. Она якобы прогнозировала на 90 процентов поражение Андрейко. Но если первые восемь партий дадут равный счет, сделала примечание машина, то шансы Андрейко на выигрыш очень сильно возрастут. Что это? Так было на самом деле? Или он пытается внушить мне, что ничьи для меня невыгодны? Как бы там ни было, а изменять намеченную установку я не намерен и если вступлю в рукопашную, то не раньше девятой партии, когда соперник уже не будет ожидать от меня такой прыти.

Со временем у меня теперь в порядке: за первые полчаса я делаю 25 ходов — и цейтнотов нет. Этот же темп принял и Андрейко.

— Почему такая спешка? — спрашивают иные зрители. — Ведь полагается играть шесть часов. Или гроссмейстеры хотят пораньше уйти?

Никто из нас не хочет, конечно, «уйти пораньше». Наоборот, любой хоть всю ночь просидел бы за доской, лишь бы всякий раз находить лучший ход. Но... торопит стрелка контрольных часов! Получается это так. За первые два часа игры нужно успеть сделать 50 ходов. Не успеете — арбитр зафиксирует ваше поражение. Но почему спешат вначале, а

не распределяют время равномерно? Опыт показывает, что наибольшей затраты времени требуют ходы начиная с тридцатого. Они же и наиболее ответственные: ошибка — и ваша партия может быть немедленно «пущена под откос», а неточность, допущенная в дебюте, обычно не наказывается так строго.

10 января. Итак, по прогнозу электронной машины, Андрейко сильно повысил свои шансы на победу: закончены 8 партий, и счет в них равный — 4 : 4. Сделано 8 ничьих...

Разные они бывают, ничьи, очень разные! Что греха таить, в соревнованиях нередко соперники за полчаса отбарабанивают полтора десятка ходов, разменяв по дороге 2—3 шашки, и... заключают мир. И хотя подобные шашисты никогда гроссмейстерами не станут, такие ничьи называют «гроссмейстерскими».

А вот играет другая пара. На доске — бескомпромиссное сражение: замышляются и опровергаются стратегические планы, нагнетаются и парируются угрозы, наконец, вспыхивает пламя комбинации, но и оно гасится искусным контрударом. Сделано 50—60 ходов, проведено за доской 5 напряженных часов, «под командованием» осталось всего несколько шашек. Играть дальше явно бессмысленно: выиграть не удастся никому. Опять-таки ничья. И за ту и за другую ничью бесстрастные судьи ставят одинаково — по полочка. Справедливо ли это?

На кого же «работают» ничьи в нашем матче? Меня у финишной ленточки устраивает, на крайний случай, и равный счет. Андрейко же должен добиться перевеса, то есть обязан выиграть хотя бы одну партию. Выходит, ничьи «работают» на меня? Но нельзя забывать о разнице в возрасте: 25 и 45! Кто после длинной серии изнурительных ничьих сохранит больше сил к последним партиям? На первый взгляд, не я... Но вот тут-то, как надеемся мы с тренером, и вмешается психологический фактор. Каждая ничья будет приближать Андрейко к неблагоприятному итогу, каждая ничья будет напоминать ему, что он еще ни разу не смог выиграть у меня партию. А такие мысли, тревожащие изо дня в день, должны подорвать у рижанина веру в себя, надежду на победу. И тогда он мне не опасен!

11 января. Сегодня Андрейко пришлось остановить часы. Я выиграл! Восемь ничьих притупили его бдительность и настроили на то, что атаковать в каждой партии будет он, а я — только защищаться. А тут я уже в дебюте вторгся шашкой в расположение его сил, и он, психологически не подготовленный к таким моим действиям, неверно расценил пози-

цию, не распознал вовремя опасность. Когда же он понял, как велика угроза, пути к спасению уже не было.

Итак, вылазка оказалась успешной. Счет 5 : 4 в мою пользу. И теперь нужно снова уйти в глухую защиту и встречать атаки жаждущего реванша соперника «охлаждающим душем».

16 января. Четвертый «раунд» — три ничьих. Повольно-таки однако пришлось и мне и Андрейко. В 11-й партии я избрал неверный план и вынужден был словно по заминированному полю ходить: неточный шаг — и все взлетит на воздух. А может быть... и без неточного шага взлетело бы, не упустит Андريس возможность с выгодой пожертвовать шашку.

В 12-й партии уже я получил хорошее окончание и не сомневался в победе. А это опаснее всего! Опрометчивый ход плюс откровенная ошибка развеяли радужные мечты...

— Гроссмейстеры, а так грубо ошибаются! Я бы и то тут выиграл,— услышал я фразу, брошенную каким-то зрителем.

Легко рассуждать о ходах, сидя в зале и не имея перед собой опасного соперника. Но как это трудно на сцене, где одному приходится бороться с двумя! С соперником и с самим собой: с усталостью после пяти часов игры, с волнением...

Кстати, о зрителях. Зал полон горячих тбилисских болельщиков, и время от времени то тут, то там раздается радостный возглас:

— Он сделал мой ход!

Арбитры смотрят с укоризной на болельщика, не сдержавшего чувств, и тот, переходя на глухой полусшепот, объясняет соседям, что «он» (я или Андрейко) сыграл сейчас правильно: пошел именно так, как задумал болельщик. Разумеется, всегда приятно угадать ход гроссмейстера, но это не так уж и трудно. А вот найти идею, заложенную в нем, и увидеть те десятки вариантов, которые гроссмейстер рассчитал, прежде чем выбрал этот ход,— такое несравненно труднее.

Но иной болельщик, может быть, именно потому и пресиживает целых пять часов в зале, что чувствует себя здесь играющим лучше обоих гроссмейстеров, вместе взятых.

— И что там думать?! Надо черной шашкой в угол идти — это же ясно!

— Но ведь сейчас ход не черных, а белых,— поправляет сосед.

— Какая разница? Тогда надо белой в угол, это же ясно! Тонко подметил один журналист различие между слабы-

ми и сильными игроками: там, где слабому уже все ясно, сильному еще все непонятно!

21 января. Три последних партии, в которых я продолжал свою тактику «сдерживания», закончились ничейным исходом. Счет теперь 8 : 7 в мою пользу, и матч движется к завершению.

Кстати, чем отличается матч от турнира? Кто-то сказал:

— В турнире много участников и мало судей, а в матчах мало участников и много судей.

Характеристика остроумная, но, понятно, не полная. Борьба в матче существенно отличается от турнирной: соперники здесь почти всегда равны по силе, и поэтому очень вырастает влияние психологического фактора.

В турнире у вас сегодня один партнер, а завтра — другой, в матче вы каждый раз видите перед собой одного и того же соперника и знаете: если вы «обидели» его вчера, он свою обиду станет вымещать не на ком-то (как в турнире), а только на вас. Игра в матче утомительнее, чем в турнире. Если в турнире можно взять «тайм-аут», сделав быструю ничью, то в матче такой вариант устраивает лишь одного из соперников. Здесь, пожалуй, самое важное (помимо умения хорошо играть, разумеется) — это понять и оценить характер и склонности соперника, и тогда уже избрать тактику для длинной дистанции матча.

А все-таки я здорово устал и не знаю, выдержал ли бы натиск, останься он таким же мощным, как в первых партиях. Но чувствую, наступательный дух Андрейко на исходе. Я уже не ощущаю с его стороны такого бешеного стремления затянуть меня в игру «на краю пропасти». Он, видно, тоже сильно утомился в попытках пробить ничейную стену. Я думаю, теперь он решил все поставить на карту двух последних встреч..

24 января. Тяжелым был этот «раунд», очень тяжелым.

В 16-й партии на доске возникла почти та же позиция, которую я выиграл у Андрейко в первенстве Европы: все шашки, кроме одной, занимали те же клетки, что и теперь. Однако тогда, в Ливорно, за выигрывающий цвет играл я, а теперь им «командовал» Андрейко. Все же разница в положении одной шашки дала мне шанс на спасение. Отыскалась жертва! И хотя она была очень сомнительной, но все другое еще хуже. Спасти от поражения все-таки удалось, чему я был очень рад, конечно.

17-я партия привела к опасному для меня окончанию. «Неужели все, что с таким трудом досталось мне в матче, испарится сегодня? — мелькнула мысль во время игры. —

Проиграю, счет сравняется, и тогда Андрейко воспрянет духом, а я?..» Я почувствовал, что, несмотря на превосходство в счете, моя победа в матче висит на волоске. Однако и на этот раз техника защиты не подвела. Как широко улыбалась мне эта ничья и как мрачно глядела она на Андрейко! Мне даже стало чуточку жаль его, но что делать?

В 18-й партии Андрис применил своеобразный психологический прием: развил в дебюте экстраскорость — 33 хода за 20 минут! Я понял: он хочет втянуть меня в «скорострельную» игру, где легко можно ошибиться. Чтобы не поддаваться соблазну, я, сделав ход, сразу вставал и отходил от столика.

Опять получив худшую позицию, я свел партию к ничьей. Теперь у меня 9,5 очка. Скорей бы конец! Ужасно утомлен! Осталось только две партии. Несомненно, Андрейко бросится в яростную атаку. Надо выстоять!

26 января. Итак, все кончено! После сегодняшней победы у меня 10,5 очка — матч выигран.

Произошло это так. Андрейко, как и ожидалось, стал играть ва-банк: добровольно отдал все центральные поля, чтобы затем окружить группировку моих сил. Я мог бы упрощать позицию, не принимая бой, и тем самым отнять у него последние шансы выиграть матч. Трезво рассуждая, так и следовало поступить. Но я сам не выдержал. Почему, не знаю. То ли его ажиотаж заразил меня, то ли по иной при-

чине, но я рискованно вторгся шашкой на поле 22 — в лагере черных — и этим безмолвно дал понять, что готов к бескомпромиссной схватке.

Трудно было сказать, чья позиция лучше, но положение стало таким острым, что ясно было: без комбинационного взрыва не обойдется. Мне первому удалось создать неотразимую угрозу удара, и после комбинации партия перешла в выигрышное для меня окончание. Когда спасения уже не было, Андрейко на 49-м ходу просрочил время. По-моему, в его практике это первый случай просрочки.

28 января. Игралась и 20-я партия: этого требуют жест-

кие правила Всемирной федерации. Андрейко был настроен агрессивно и, надеясь хотя бы под занавес «хлопнуть дверью», всячески усложнял игру. После его комбинации и моего контрудара партия перешла в окончание, которое я мог бы выиграть. Но к чему? Скорее кончить матч! Скорее оторваться от перебирания бесчисленных вариантов и подгоняющего тиканья часов! Я предложил ничью, и результат матча определился — 11 : 9. С таким соотношением «забитых и пропущенных мячей» я уже выигрывал дважды: у Делорье и у Щеголева в 1961 году. А вообще-то сегодняшняя партия была для меня юбилейной — сотой. Я подсчитал: в этих ста партиях, сыгранных мной в матче за шашечную корону, я набрал 59,5 очка».

* *
*

Друзья и знакомые, поздравляя меня с победой, часто спрашивали: «Почему так много было ничьих?» Да, много. Но ведь не погоня за количеством очков была моей целью!

Кое-кто представляет игру в матче так. Раз побеждает набравший больше очков, значит, стремись выиграть каждую встречу... Однако такая прямолинейность здесь далеко не лучший путь! Матч — это «бег на дальнюю дистанцию», а какому стайеру придет в голову бежать в спринтерском темпе? И разве заслужит он осуждение за то, что так не поступит?

А сейчас представьте себе, что вы — Куперман и... готовитесь сыграть матч с Андрейко. Наметим тактику.

В течение месяца вам придется играть почти ежедневно, и в каждой партии сделать 50—60 ходов. Но прежде, чем выбрать ход, нужно тщательно проверить в уме добрый десяток вариантов. Следовательно, за 5—6 часов игры надо рассмотреть 500—600 вариантов. Если вы станете с полным напряжением вести каждую партию, то вы — 45-летний чемпион мира — к концу матча окажетесь во власти вашего 25-летнего партнера-претендента.

Теперь еще. В вашей игре часты цейтноты, однако попадать в цейтнот, имея соперником Андрейко, значит наверняка проиграть матч.

И, наконец, сильнейшая сторона вашей игры — цепкая оборона плохих позиций.

Учтя все это, сделаем выводы. Пытаться выиграть все партии или провести их от первого до последнего хода с полным напряжением — вредить себе же. Во имя главной це-

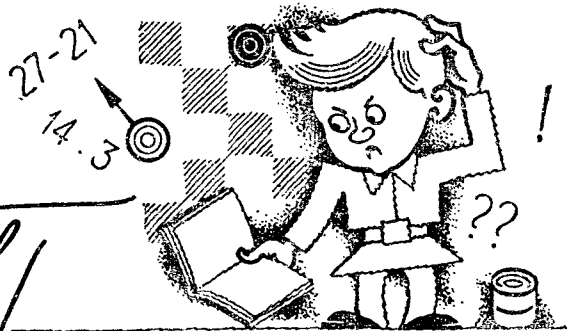
ли — победы в матче — чем-то надо поступиться! Но чем и как? И тут могу предложить вам путь, на который решился я.

На стоклеточной доске очень затяжной дебют (примерно 25 ходов), и шашисты, борясь в нем за преимущество, тратят много времени и усилий. Однако дебютное превосходство удастся превратить в очко крайне редко. Поэтому я решил: первые 25 ходов делать с минимальной затратой энергии и времени. Пусть мое положение будет хуже, пусть придется потом защищаться, но только через это лежит путь к главной цели. Такая концепция была проверена мной в последнем первенстве страны, и золотая медаль окончательно убедила меня в ее правильности. Я строго придерживался ее в матче. Вот и получилось, что по дебюту я получал плохие позиции и меня хватало лишь на то, чтобы защитить их.

— Куперман не подготовлен. У него нет надежного дебютного репертуара. Он обречен! — заявляли по ходу матча «шашечные авторитеты».

Эти доходившие до Андрейко слова сослужили ему плохую службу. Когда после восьми трудных для меня ничьих он уверился, что будет всякий раз получать превосходство автоматически, ему был дан жесткий отпор в 9-й партии. Психологически неподготовленный к этому, рижанин потерпел поражение. Он вновь начал пытаться реализовать достававшееся ему даром дебютное превосходство, но больше половины извлечь не мог. Так дошел он до 19-й партии, где ему терять уже было нечего: или две победы, или все равно что. Однако к этой острой встрече, благодаря принятой мной в матче тактике, я сохранил больше сил, чем мой молодой соперник, и поэтому мне удалось ее выиграть. 20-я же партия подвела количественный итог. А теперь судите: обязательно ли для меня было стараться уменьшить число ничьих?

часть вторая НАЧНЕМ ИГРУ НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ

Пole битвы и правила игры

ПОЛЕ БИТВЫ

Это доска, состоящая из пятидесяти темных и такого же количества светлых клеток. Сражения будут вестись только на темных полях. Доску располагают так, чтобы угловые темные поля находились слева от каждого из играющих. Печатное изображение доски называется диаграммой. Вид доски показан на диаграмме 6.

Изучим доску, пока она еще не занята «войсками».

Хотя в действительности игра происходит на доске, расположенной в горизонтальной плоскости, принято называть ряды полей, идущих по диаграмме снизу вверх вертикалями.

Перпендикулярные к ним магистрали называются горизонталями, косой ряд полей от одного края доски до другого называется диагональю.

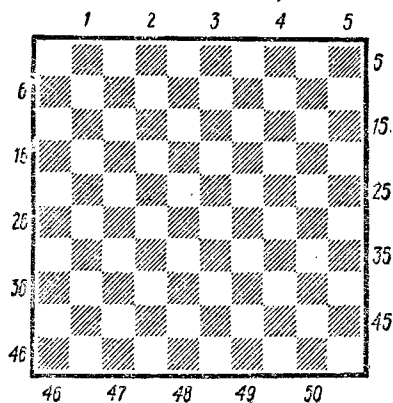

Диаграмма 6

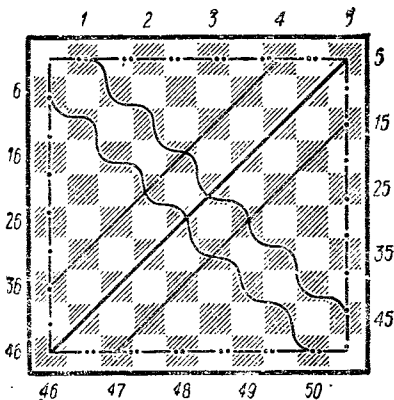

Диаграмма 7

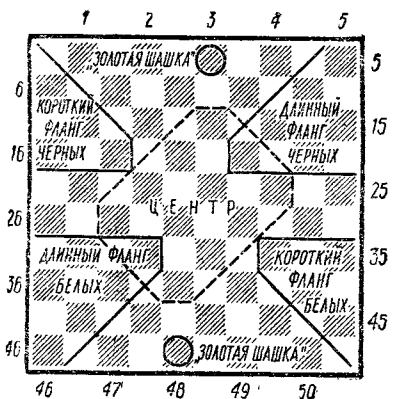

Диаграмма 8

называются дамочными линиями (пунктир с двумя точками).

Часть доски, обведенная на диаграмме 8 пунктирной линией, называется центром. Площадь, ограниченная сплошными линиями, — флангами.

Слева от тебя находится длинный, или левый, фланг, справа — короткий, или правый, фланг.

Некоторые диагонали очень важны и имеют даже особые названия. Они указаны на диаграмме 7 линиями. Сплошной жирной линией указана большая дорога. По обе стороны от нее расположены линии тройника. Перпендикулярно этим дорогам тянутся две диагонали-близнецы. Это двойник (волнистые линии). Левая и правая крайние вертикали называются бортами (пунктир с точкой), а поля, расположенные на этих вертикалях, — бортовыми. Самая нижняя и самая верхняя горизонтали называются дамочными линиями (пунктир с двумя точками).

«ВОЙСКА» И ПРАВИЛА ИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

На шашечной доске располагается 40 боевых единиц — шашек. 20 шашек окрашено в белый цвет — белые. Остальные 20 окрашены в темный цвет — черные.

На диаграмме 9 показано начальное положение всех шашек на доске. Мы видим, что белые шашки занимают все темные клетки четырех нижних вертикалей, а черные шашки — четырех верхних вертикалей доски. Все шашки одного цвета находятся под твоим началом, другой половиной шашек командует твой противник (партнер).

Кому из вас играть белыми, кому черными, определяется жребием.

В начальном положении все шашки называются простыми. Во время игры простые передвигаются только вперед на свободное соседнее по диагонали поле. Передвижение с одного поля шашечной доски на другое называется ходом. Ходы делают по очереди. Начинают игру белые. Затем

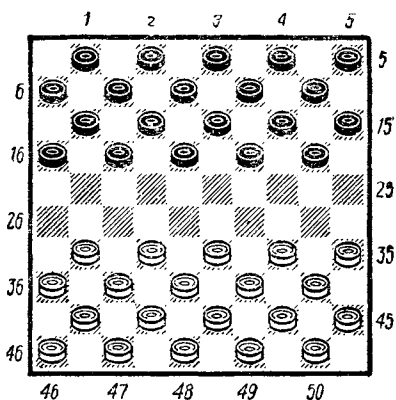

Диаграмма 9

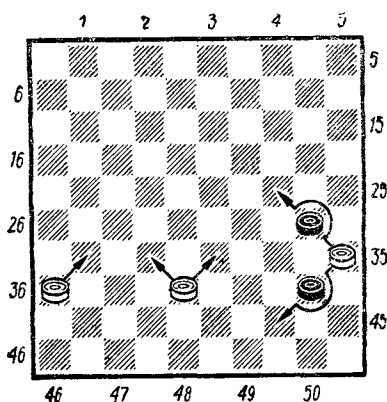

Диаграмма 10

делают свой первый ход черные. Затем очередь хода вновь принадлежит белым — они делают свой второй ход и т. д. Ни белые, ни черные не могут сделать два хода подряд.

Когда простая попадает на дамочное поле противника, она может превратиться в дамку, но не всегда. Подробнее об этом будет сказано позднее.

Слева на диаграмме 10 ты видишь, как ходят простые шашки. Ходы простых шашек называются тихими, в от-

личие от ударного хода (справа) простой, когда снимается шашка противника.

Бить в шашках обязательно. Одним приемом (ходом) простая обязана брать столько шашек противника, сколько их стоит на пути ее взятия, и это считается как один ход. Белая шашка перескакивает через шашку противника на свободное за ней поле. «Битую» черную шашку снимают с доски.

Тихий ход простая может делать только вперед, ударный — вперед и назад.

Посмотрим более подробно примеры ударных ходов.

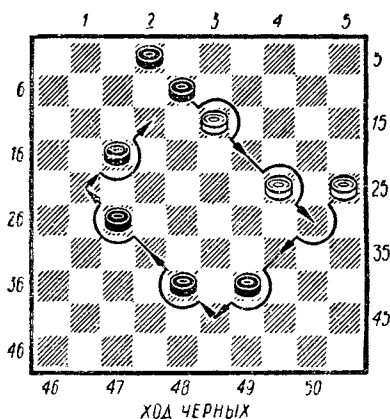

Диаграмма 11

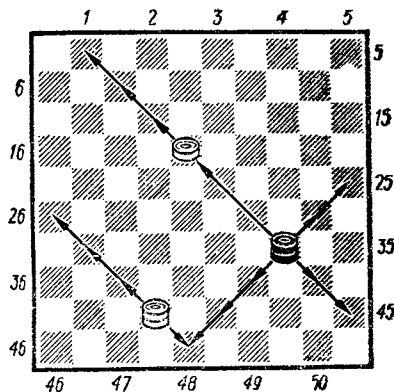

Диаграмма 12

Черные могут и обязаны бить две белые простые. Этот бой им невыгоден. Ведь в ответ белые получают возможность снять пять шашек противника и выиграть. Но ничего не сделаешь. Правила есть правила, и черным приходится их придерживаться (диаграмма 11).

Есть еще особые (стличительные) правила боя. О них вы узнаете несколько позднее.

Теперь о тихих и ударных ходах дамки. Дамку обозначают двумя поставленными одна на другую шашками или одной перевернутой шашкой. Дамка может передвигаться по диагонали на любое количество полей вперед или назад. Дамка, как и простая, может становиться лишь на незанятые другими шашками поля. Через свои шашки дамка перескакивать не может.

На диаграмме 12 слева указаны тихие ходы белой дамки, справа — тихие и ударные ходы черной дамки. Ты видишь, что при ударном ходе дамка перескакивает через шашку противника и становится за ней на любое свободное поле по диагонали. «Битую» шашку противника снимают с доски. Дамка, как и простая, должна бить обязательно, причем все шашки противника, стоящие на ее пути.

АЗБУКА МАНУРИ

У нас во дворе домоуправление оборудовало пионерскую комнату. В ней вечерами собираются ребята. Кто почитать, кто поиграть в какую-нибудь игру, кто просто поболеть за приятеля.

Меня, конечно, интересовали ребята, играющие в шашки.

В пионерской комнате я познакомился с Сашей Дмитриком. Надо сказать, парень он сообразительный. Особенно хорошо у Саши получалось, когда он играл молниеносные партии в шашки. В первое время Саша легко всех обыгрывал. Некоторые из его приятелей до того заинтересовались шашками, что даже были приняты в секцию при Киевском Дворце пионеров. Саша называл их «всезнайками». Через короткое время они стали обыгрывать Сашу. Он очень переживал.

— Возможно, — признался мне Саша, — я тоже стал бы изучать варианты по книгам, но для меня существует на этом пути непреодолимая преграда.

— Какая? — удивился я.

— Нотация. В ней сам черт ногу сломает, — сказал с досадой Саша.

Но все оказалось проще. Несколько наших бесед, и преграда исчезла.

Саша вскоре тоже стал изучать теорию, и недавно мы его поздравляли с выполнением в турнире нормы второго разряда.

Вспомни, много ли у тебя знакомых второразрядников, не умеющих записывать ходы? Думаю, что ни одного.

Если бы не было шашечной азбуки, люди много раз повторяли бы одни и те же ошибки, и каждому приходилось бы искать то, что много раз до него находили другие. Нельзя было бы совершенствоваться, накапливая полезный опыт прошлого.

Об этом наши предки знали давно и начали записывать сделанные в партии ходы несколько столетий назад.

Длительное время запись была неудобной и сложной.

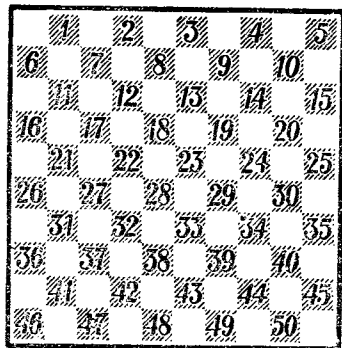

Диаграмма 13

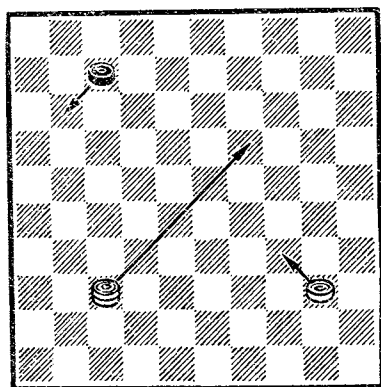

Диаграмма 14

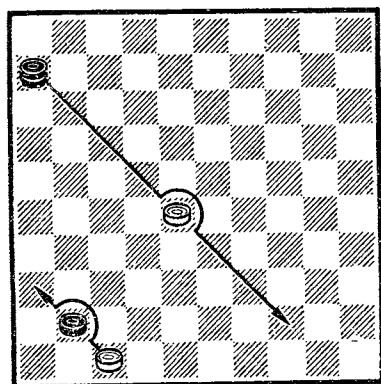

Диаграмма 15

В 1700 году известный французский мастер Манури предложил удобную цифровую нотацию, которая всем понравилась и была принята. Впоследствии нотация Манури перекочевала на столбчаточную доску и стала международной. Ею пользуются и в настоящее время. Усвоить эту нотацию весьма просто.

Каждому черному полю присвоен порядковый номер — от 1 до 50 (диаграмма 13).

Нумерация доски начинается со стороны черных с верхней горизонтали слева направо. Последние номера приходятся на нижнюю горизонталь белых.

Чтобы записывать партии или позиции, мало знать обозначения полей. Надо пользоваться какой-то определенной системой записи. Кстати, запись партии в соревнованиях обязательна.

При записи хода сначала обозначают поле, на которое поставили шашку (диаграмма 14). Записи тихих ходов здесь выглядят так:

40—34 (ход простой 40),

7—11 (ход простой 7),

37—19 (ход дамкой 37).

Если вместо тире стоит двоеточие, то ход ударный.

47 : 36 (ударный ход шашкой 47, диаграмма 15),

6 : 44 (ударный ход дамкой 6).

Если бой сложный, то иногда применяют более подробную запись: 35:24:33:17:3:14:5.

Легко понять, что дамка с поля 35 побила черес поля 24, 33, 17, 3, 14 на поле 5.

Запись ходов часто ведется столбцом.

С левой стороны ходы белых, с правой — ходы черных.

Для того чтобы уяснить запись ходов в партии, ознакомимся со следующим примером.

Белые — Саша Иванов

Черные — Ваня Петров

1. 33—28	18—23
2. 39—33	12—18
3. 44—39	7—12
4. 31—27	17—22
5. 28 : 17	11 : 31
6. 36 : 27	6—11
7. 41—36	20—25?
8. 27—22!	18 : 27
9. 32 : 21	16 : 27
10. 34—30	25 : 34
11. 40 : 16	

Черные сдались.

Стоящая впереди единица указывает, что ход является первым по счету, и т. д.

Для экономии места можно запись вести и в строку. В этом случае запись партии выглядит так: Белые: Саша Иванов — черные: Ваня Петров.

1. 33—28 18—23 2. 39—33 12—18 3. 44—39 7—12
4. 31—27 17—22 5. 28 : 17 11 : 31 6. 36 : 27 6—11 7. 41—36
20—25? 8. 27—22! 18 : 27 9. 32 : 21 16 : 27 10. 34—30
25 : 34 11. 40 : 16. Черные сдались.

Можно увидеть и такую запись: 9... 16—21.

Три точки, которые стоят вместо хода белых, означают, что он уже сделан. В записи 11. 35—30... три точки обозначают, что очередь хода за черными, но они его еще не сделали.

Нотация дает возможность записать любое положение шашек на доске (диаграмма 16).

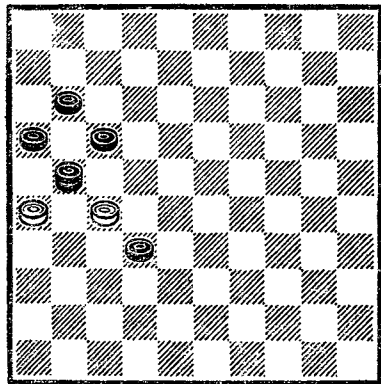
Запись этой позиции следующая:

Белые простые: 26, 27 (2).

Черные: дамка — 21, простые — 11, 16, 17, 32 (4).

Ход белых.

В литературе условились располагать напечатанные диаграммы так, чтобы поля 1, 2, 3, 4, 5 были вверху. Когда под диаграммой не указано, чей ход, то будем считать, что очередь хода за белыми. Когда ход черных, то под

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 16

- ! — хороший, сильный ход.
- !! — отличный, очень сильный ход.
- ? — плохой ход.
- ?? — грубая ошибка.
- = — шансы сторон примерно равны.
- ± — положение белых лучше.
- ± — положение черных лучше.
- ∞ — идет куда угодно, любой ход.

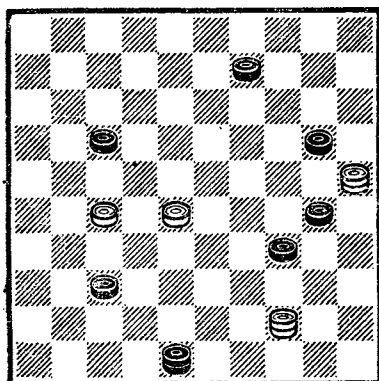

Диаграмма 17

диаграммой об этом следует указать.

Ты уже заметил, что в записанной ранее партии возле хода 7 черных стоит вопросительный знак. Это обозначение слабого или проигрывающего хода. Вслед за этим Саша Иванов сделал сильный ход, который привел к выигрышу. Такой ход обычно сопровождается в записи восклицательным знаком.

В литературе распространены следующие условные обозначения, которые полезно запомнить:

X — выигрыш.

СНОВА ОБ УДАРНОМ ХОДЕ ДАМОК

Теперь, когда мы знакомы с нотацией, легко привести пример с ударными ходами дамк (диаграмма 17).

Дамка 44 не может брать шашку 17, потому что на ее пути стоит белая шашка 28. Через свою же шашку перескакивать нельзя. Дамка 25 не может взять шашку 30, так как за ней нет свободного поля. Нельзя снимать шашку 34: ее прикрывает рядом стоящая шашка 30.

Дамка белых обязана бить, не останавливаясь, сначала шашку 20 (25 : 14), потом шашку 9 (14 : 3), затем шашку 17 (3 : 26) и шашку 37 (26 : 42).

Весь ударный ход дамкой выглядит так: 25 : 14 : 3 : 26 : 42, или, как принято записывать, 25 : 42. Но ведь после этого белые проигрывают. Черная дамка одним ударом 48 : 50 уничтожит две белые дамки и две их простые. Не лучше ли белой дамке 25 снять всего три шашки: 20, 9, 17 и остановиться на поле 21? Нет, нельзя. Дамка за один ход должна взять столько шашек и дамок противника, сколько возможно.

В данном случае была возможность взять четыре шашки, и бой дамка обязана совершить до конца.

ЦЕЛЬ СРАЖЕНИЯ

Каждый полководец, ведущий войска в бой, естественно, стремится одержать победу (выиграть).

Победителем считается тот, кому удастся уничтожить или пленить (лишить возможности ходов) все силы противника (диаграмма 18).

Белые могут выиграть, лишив дамку черных и три их простые ходов: 1. 44—39! 34:43 2. 35—49 X.

Уничтожение всех сил противника в пояснениях не нужно. Если ни одна из сторон не может победить, то партия считается сыгранной вничью.

В таблицу шашечного соревнования побежденному записывается 0 (нуль), а победителю — 1 (очко). При ничейном исходе обоим противникам вписывается по пол-очка — $\frac{1}{2}$.

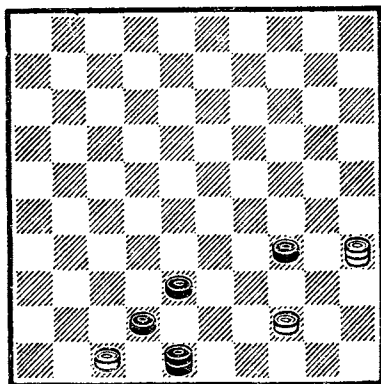

Диаграмма 18

ПРАВИЛА БОЯ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ СТОКЛЕТОЧНЫХ ШАШЕК

Из всего, что рассказано раньше, ясно, что стоклеточные шашки по своему смыслу и содержанию имеют много общего с шашками русскими.

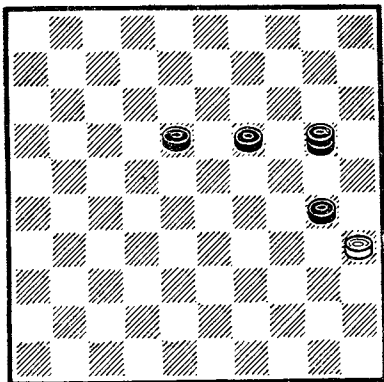

Диаграмма 19

Казалось, у белых (диаграмма 19) две возможности взятия: побить шашкой 35 простую и дамку ($35 : 15$) или три шашки ($35 : 22$). Но брать необходимо арифметически большее количество единиц — $35 : 22$.

Для усвоения этого правила рассмотрим несколько положений.

После хода 1. 29—24 черные (диаграмма 20) обязаны брать наибольшее количество — две шашки 1... 26 : 28. Белые, снимая три шашки противника (2. 24 : 33), выигрывают.

Белые (диаграмма 21) имеют возможность воспользоваться нападением противника и нанести удар с фланга: 1. 26—21! 25 : 32 2. 21 : 14, и обе оставшиеся черные шашки лишены ходов. Им надо сдаться.

Две белые шашки (диаграмма 22) под ударом. Несмотря на это, они подставляют еще третью 1. 37—31! и одерживают победу, так как черные вынуждены брать 1... 36 : 18, на что следует 2. 33 : 4 X.

Белые (диаграмма 23) могут вынудить противника капитулировать так: 1. 43—39! 25 : 43 2. 48 : 17 X.

Кажется, что о выигрыше белым (диаграмма 24) нечего и думать. На помощь приходит неожиданный маневр с использованием изучаемого правила: 1. 47—42! Теперь черные обязаны бить две шашки, хотя это и приводит их к гибели: 1... 29 : 47 2. 20—25 47 : 20 3. 25 : 3 с выигрышем, так как обе черные простые отрезаны.

Черные (диаграмма 25) атаквали шашку 40. Белые не только не заботятся о ее защите, но еще и подставляют под бой все остальные свои шашки. 1. 33—29!! Красиво сыграно.

Увеличение доски и числа шашек создают на большой доске дополнительные творческие возможности.

Но особый интерес придают стоклеточным шашкам три отличительные правила боя, с которыми мы и познакомимся.

Первое отличительное правило: Если есть возможность одновременно бить в нескольких направлениях, то, по правилам, брать надо обязательно большее количество (дамка или шашка при этом значения не имеет).

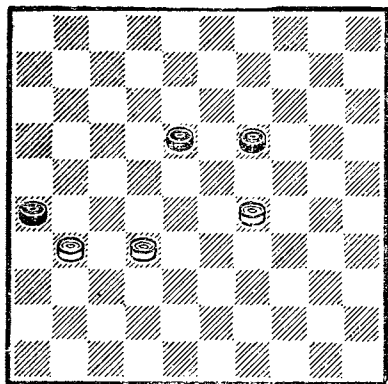

Диаграмма 20

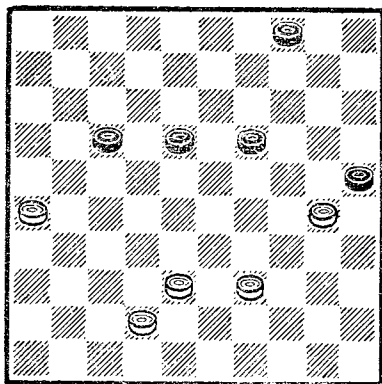

Диаграмма 21

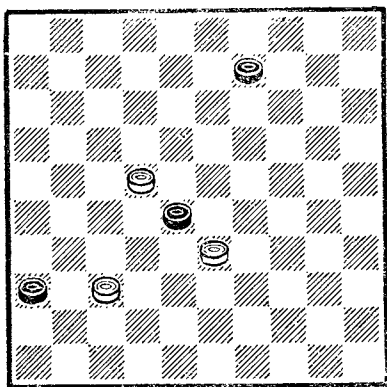

Диаграмма 22

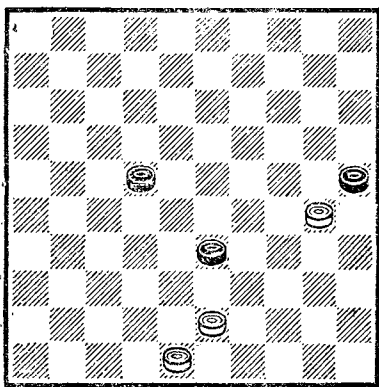

Диаграмма 23

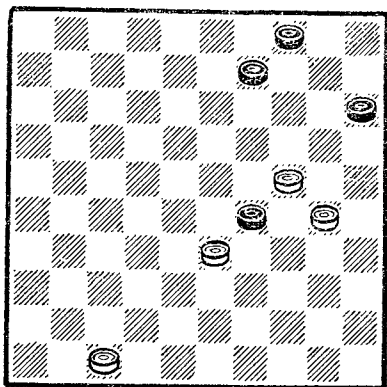

Диаграмма 24

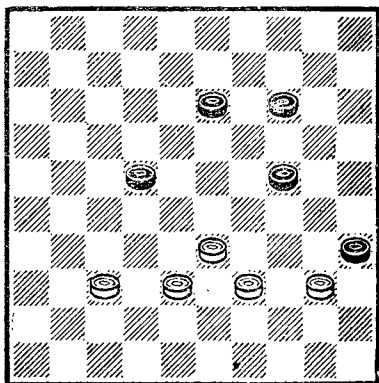

Диаграмма 25

Теперь у черных три направления боя, но брать надо наибольшее количество шашек противника: 1... 35 : 31. Следует 2. 29 : 36, и белые уничтожают все силы противника.

Рассмотрим два случая взятия дамкой.

Черные (диаграмма 26) не могут снять белую шашку посредством 30 : 39, так как надо брать наибольшее количество дамкой: 1. 47 : 40, после чего следует уничтожающий ответ 1... 45 : 3 X.

Черной дамке (диаграмма 27) невыгодно бить три шашки 1. 36 : 22 : 30, так как это ведет к проигрышу из-за ответного удара 1... 35 : 4.

Черным лучше было бы снять две шашки 1. 36 : 18 : 45, но правила игры этого не позволяют. Поэтому они и сдались.

Второе отличительное правило: если в процессе боя шашек противника простая достигает дамочного поля и она имеет возможность продолжать бой как простая, то она обязана это сделать и в дамку не превращается.

Используя второе правило, белые (диаграмма 28) выигрывают следующим образом: 1. 49—43! 38 : 40 (оставаясь простой!) 2. 29—24 19 : 30 3. 25 : 45 X.

Диаграмма 29. 1. 48—43! Теперь с какой бы стороны черные ни взяли, их шашка проходит через дамочное поле, но остается простой. Если 1... 36 : 38, то 2. 43 : 1 X. На бой другой шашкой 1... 39 : 37 следует 2. 41 : 1 X.

Третье отличительное правило: если простая в процессе боя шашек противника достигает дамочного поля и ей больше по праву боя простой брать нечего, она останавливается и превращается в дамку, которая получает дамочные права только после хода-ответа противника.

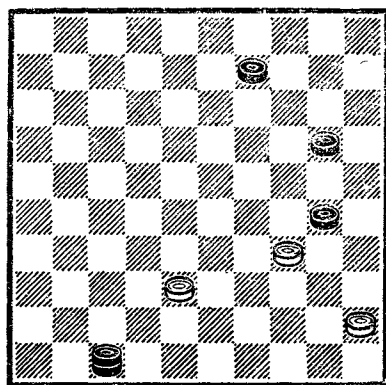
Белые (диаграмма 30) бьют 1. 15 : 4. Простая 15 стала дамкой и остановилась на поле 4. Теперь ход черных. Лишь со следующего хода белая на поле 4 получит права дамки. Черные этим пользуются и выигрывают. 1... 22—27! 2. 4 : 31 26 : 46 X.

Аналогичный пример с другого фланга.

Диаграмма 31. 1. 47—41! 36 : 47 2. 29—24! 47 : 20 3. 25 : 3 X.

Вероятно, ты уже заметил, что нападение на одну или несколько шашек противника часто опасно. Перед тем как на это решиться, следует тщательно взвесить все последствия.

Особенная осмотрительность требуется при заходе в любви,— термин взят из русских шашек «отдай любовь».

ХОД ЧЕРНЫХ
Диаграмма 26

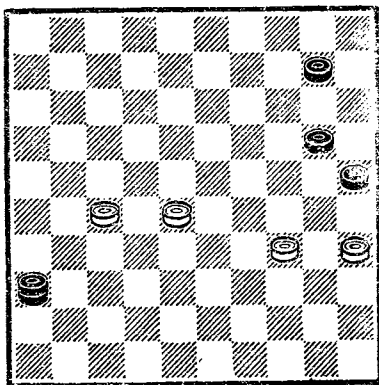

Диаграмма 27

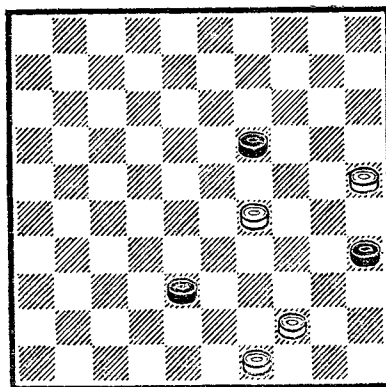

Диаграмма 28

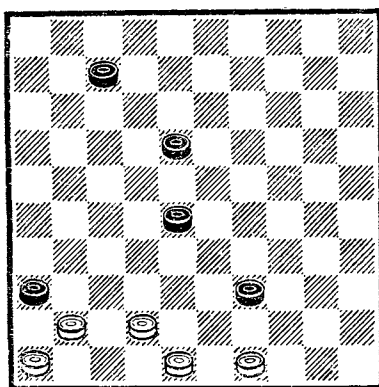

Диаграмма 29

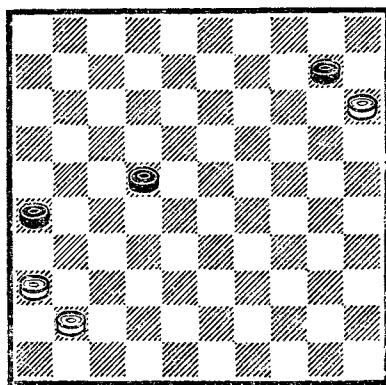

Диаграмма 30

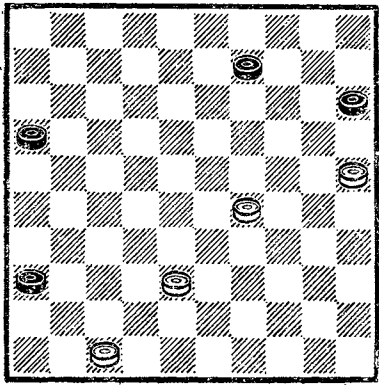

Диаграмма 31

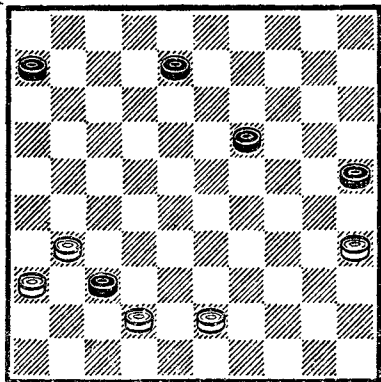

Диаграмма 32

Черные (диаграмма 32) неосмотрительно зашли в ворота, образованные шашками противника, — любки. Они надеялись на легкую добычу. А почему противник допустил такой заход? Об этом черные не подумали и поплатились:

1. 43—39! 37 : 48.

Если 1... 37 : 26, то 2. 36—31! 26 : 48 3. 39—34 48 : 30 4. 35 : 2 X. 2. 39—34 48 : 26.

Сразу проигрывает бой 2... 48 : 30 из-за 4. 35 : 2.

3. 36—31 26 : 30 4. 35 : 2 X.

О ПРАВИЛАХ СОВЕРШЕНИЯ УДАРНЫХ ХОДОВ

Хотя эти правила действуют и на русской, и на столечной шашечных досках, многие ребята с ними совершенно незнакомы.

Рассмотрим их.

Если берется несколько шашек противника, то их следует снимать с доски только после окончания хода (то есть не в процессе взятия).

Мы уже знаем, что черные обязаны брать наибольшее количество шашек. А сколько можно снять шашек? Если

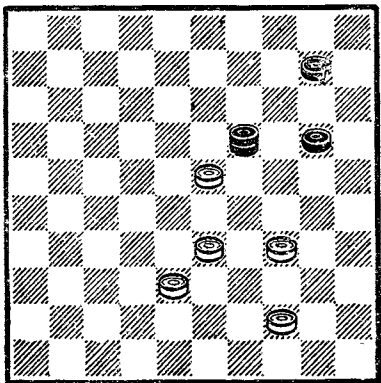

Диаграмма 33

снимать их в процессе удара дамкой черных (диаграмма 33), то будет сбито пять шашек: 19 : 32 (снимаем шашку 23), 32 : 49 (снимаем шашку 38), 49 : 40 (снимаем шашку 44), 40 : 29 (снимаем шашку 34), 29 : 47 (снимаем шашку 33). Но так бить нельзя. *Шашки можно убрать с доски только после завершения удара.* По правилу, белые могут сбить только четыре шашки противника 1. 19 : 32 : 49 : 40 : 29 (шашка 38 пока остается на доске), и теперь видно, что

шашку 33 брать нельзя. За ней нет свободного поля. Там стоит побитая, но еще не снятая шашка 38. Это правило носит название «Турецкий удар».

Удар завершен на поле 29. После этого белые выигрывают 1... 38 : 4 X. Возникает вопрос: зачем дамке понадобилось завершить удар на поле 29? Ведь лучше было еще раз перескочить через простую 23 и остановиться на безопасном поле 1. Оказывается, нет. Об этом говорит следующее правило взятия:

Простая или дамка, совершающая взятие, не может дважды перескакивать через одну и ту же шашку (простую и дамку) противника.

Белые (диаграмма 34) могут воспользоваться этим правилом и выиграть: 1. 34—30! 23 : 25 2. 37—32! Черным приходится брать наибольшее количество дамкой — четыре шашки — 2... 13 : 35 : 49 : 38 : 29 и остановиться именно на роковом поле 29, так как второй раз перескакивать через шашку 24 нельзя. 3. 32 : 24 X.

А можно ли дважды перескакивать через одно и то же свободное поле?

Простая или дамка, совершающая взятие, может несколько раз перескочить одно и то же свободное поле.

Белые (диаграмма 35) могут совершить удар 1. 25 : 3 : 12 : 23 : 5 и выиграть, перескочив дважды через поле 14.

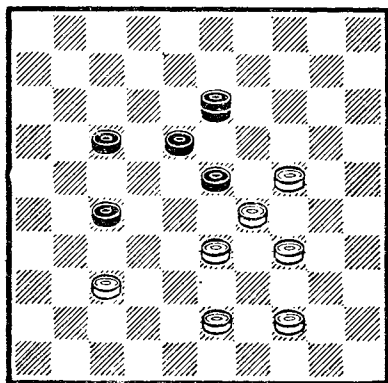

Диаграмма 34

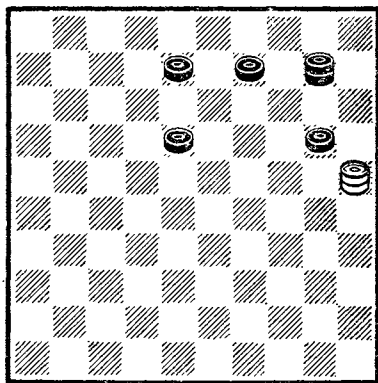
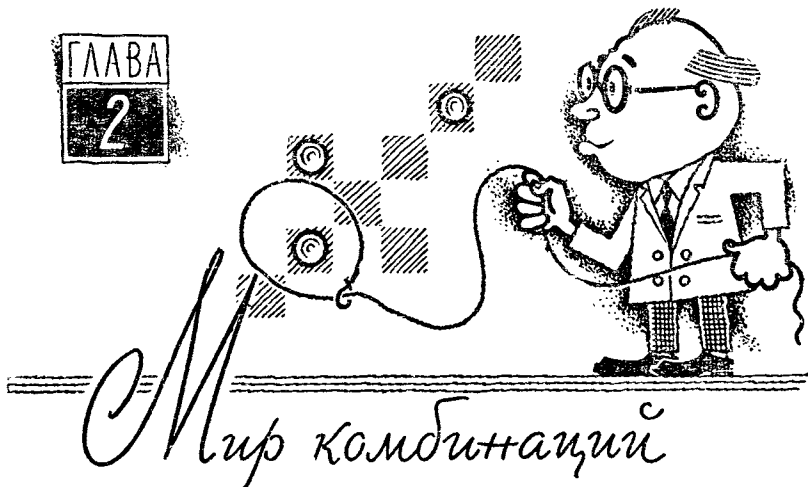

Диаграмма 35

Первое же знакомство с комбинациями привело меня к шашкам.

Мой учитель Семен Яковлевич Натов говорил, что комбинационные позиции — это не хаотическое нагромождение шашек на доске, что изучить комбинации запоминанием невозможно. Ведь их бесчисленное множество. Комбинации классифицируются по идеям. Зная идею, можно находить и проводить комбинации в партиях. (Диаграмма 36).

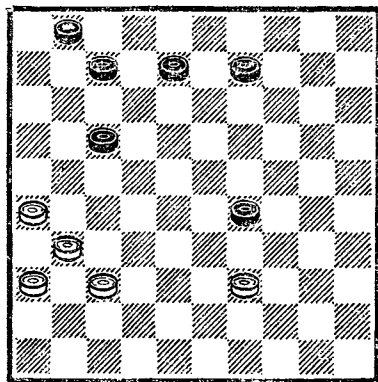

Диаграмма 36

Поля между черными шашками 17, 7, 8, 9 свободные. Образовалось так называемое решето. Это очень опасное для комбинаций расположение. Здесь все готово для проникновения в дамки на поля 2, 3 или 4. Вот если бы удалось поставить на поле 27 черную шашку! Тогда белые победили бы 31 : 4.

Думаю, что легко догадаться, как вынудить противника стать своей шашкой на нужное белым поле. Для этого следует проявить щедрость и пожертвовать две шашки.

1. 39—33! 29 : 38 2. 37—32! 38 : 27 3. 31 : 4 X. Жертвы с лихвой окупилась.

Вникнем последовательно в ход мыслей, которые привели к решению этой позиции.

Вначале бросилось в глаза решето из черных шашек. Это явилось мотивом для поисков комбинации. Затем был найден решающий удар 31 : 4. Пока удар существовал в уме — это была лишь идея комбинации. Чтобы идея стала реальностью, понадобилось перебросить черную шашку на поле 27 при помощи жертв. Иногда приходится убирать свои мешающие шашки или шашки противника. Кроме жертв, для этой цели приходится часто прибегать к помощи разменов или угроз. Жертвы, размены или угрозы, к которым прибегают для осуществления решающего удара, называются техническим приемом (механизмом комбинации).

Следовательно, комбинационное мышление как бы состоит из трех этапов. Сначала замечаем существование мотива, на основании этого ищем идею комбинации — решающий удар и потом пытаемся найти технический прием.

У опытных шашкистов, видевших много комбинаций, знающих идеи, вырабатывается даже автоматизм («комбинационное зрение»), невольная реакция на комбинации. Поэтому следует побольше смотреть, решать комбинации и знать идеи, или, как говорят, удары.

Ознакомимся с ними и попытаемся решить некоторые из них.

«УДАР НОВИЧКА»

С самого начала партии начинающего на каждом шагу подстерегают опасности — несложные комбинации. Поэтому важно зорко наблюдать за замыслами противника и обезвреживать их. При знании идеи элементарных ударов и удаче можно даже поймать противника на один из них.

При взгляде на эту позицию (диаграмма 37) сразу возникает желание поставить черную шашку на поле 28. Тогда возможен был бы удар 32 : 5.

Недолгие поиски приводят к следующему механизму выигрыша: 1. 27—22 17 : 28 2. 32 : 5 X.

Диаграмма 38. Здесь на пути у белых дополнительное препятствие. Даже если бы на поле 32 вместо белой шашки была черная, то удар 32 : 5 был бы невозможен из-за наличия черной шашки на поле 14. Последнюю необходимо удалить с этого поля. Осуществляется это следующим образом: 1. 25—20! 14 : 25 2. 28—22 17 : 28 3. 32 : 5 X.

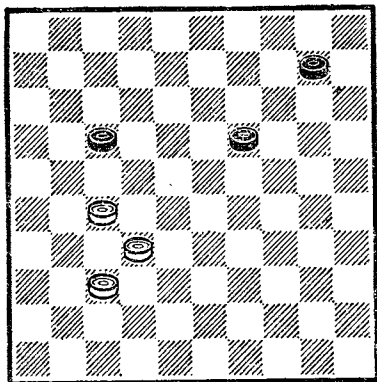

Диаграмма 37

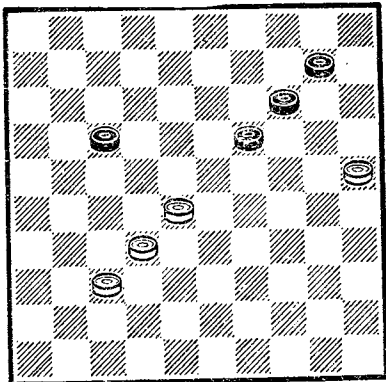

Диаграмма 38

Диаграмма 39. Если бы удалось перебросить чёрную шашку на поле 28 и сделать свободным поле 23, то белые победили бы 32 : 25. Это нетрудно сделать: 1. 28—22 18 : 27. Белые стремятся отдалить неизбежное. После 1... 17 : 28 следует 2. 34—29 23 : 34 3. 32 : 25 X. 2. 31 : 22 17 : 28 3. 34—29 23 : 34 4. 32 : 25 X.

Часто подобный удар возможен с другой стороны доски.

Белые (диаграмма 40) могут проникнуть на дамочное поле 1. Для этого необходимо перевести на поле 29 шашку противника и убрать шашку с поля 23. 1. 29—24! 20 : 29 2. 32—28 23 : 32 3. 34 : 1 X.

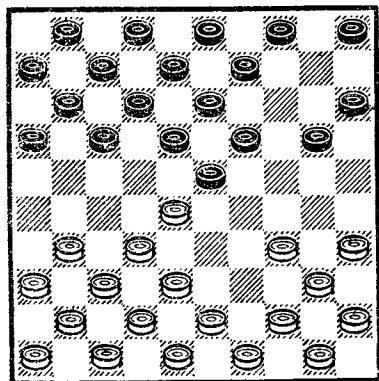

Диаграмма 39

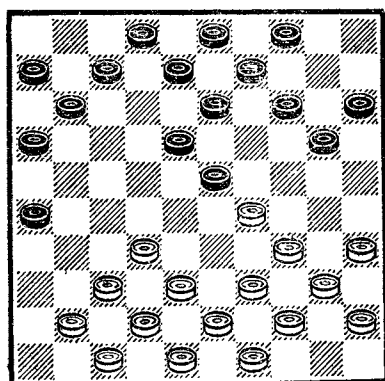

Диаграмма 40

Диаграмма 41. Шашка 34 могла бы попасть на поле 1 при отсутствии черных шашек на полях 23 и 12. Такую решетчатость создает удар 1. 32—28! 23 : 21 2. 26 : 17 12 : 21. Теперь все подготовлено для решающего удара. Шашки 29, 18, 7 стоят через поле. 3. 34 : 1 X.

Последним ходом белые (диаграмма 42) напали на шашку 27. Это немедленно привело к трагическому финалу: 1... 30—35 2. 31 : 22 17 : 28! 3. 33 : 22 35 : 42 X.

Так выиграл в международном турнире П. Святой у И. Козлова. Даже в ответственных соревнованиях мастера иногда теряют бдительность и попадают на несложные удары.

Правило взятия наибольшего количества шашек — могучее комбинационное оружие в битве за победу.

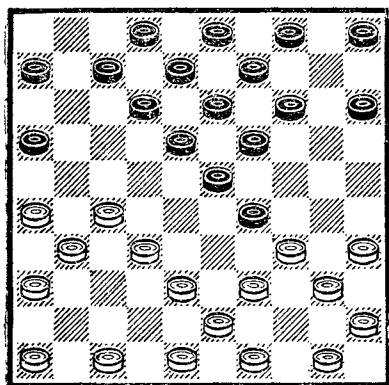
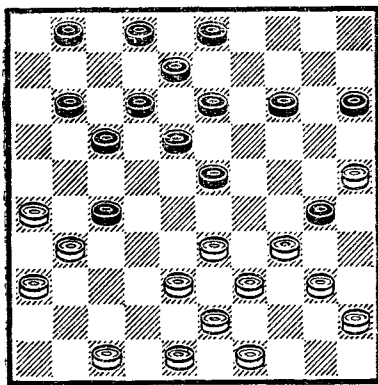

Диаграмма 41

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 42

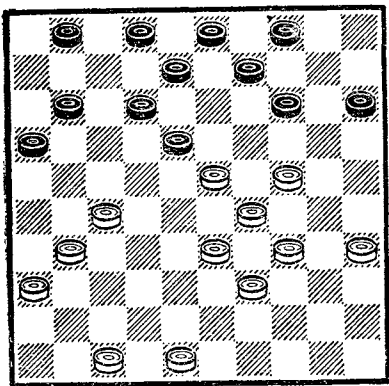

Диаграмма 43

Диаграмма 43. Это одна из многих позиций, где можно выиграть благодаря умелому применению расчета, жертв и изучаемого правила. Белым необходимо поставить шашку противника на поле 23 и убрать его шашки с полей 16 и 18. Первая задача проста: 1. 23—19 14 : 23, вторая тоже несложна: 2. 27—21 16 : 27 3. 31 : 18 8 : 30 (приходится брать две шашки) 4. 29 : 16 X.

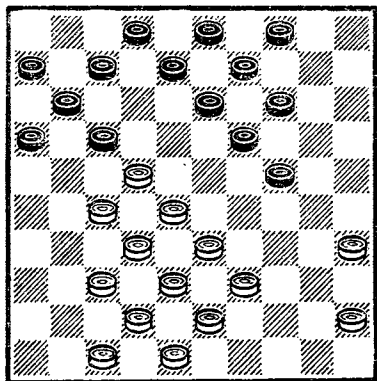

Диаграмма 44

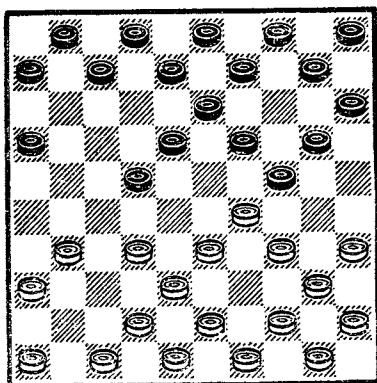

Диаграмма 45

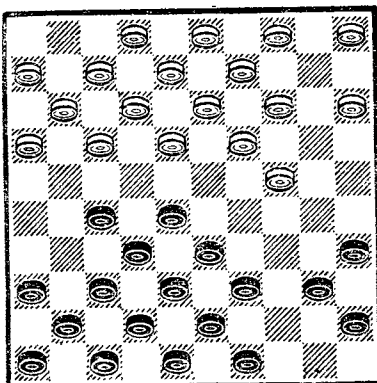

Диаграмма 46

Диаграмма 44. Изучение позиции приводит к выводу, что белым нетрудно проникнуть в дамки на поле 1.

1. 27—21! 16 : 18 2. 28—22 17 : 28 3. 32 : 1 X.

Белые (диаграмма 45) атаковали шашку 22 : 1. 32—28? Это дало возможность черным провести комбинационный удар: 1... 20—25 2. 29 : 20. Если сразу 2. 28 : 17, то 2... 24—30 3. 35 : 24 19 : 28 X. 2... 15 : 24 3. 28 : 17 24—30 4. 35 : 24 19 : 28 X.

«УДАР ФИЛИППА»

История, которая мне стала известна по рассказам французских шашкистов, случилась много лет назад в городе Марселе. В центральном шашечном клубе проходил матч из трех партий за звание чемпиона города. «Шпаги» скрестили сильнейшие шашкисты Анри Бискон и Мишель Филипп.

В первой партии после ходов: 1. 33—28 18—23 2. 39—33 12—18 3. 44—39 7—12 4. 50—44 1—7 5. 31—27 17—22 6. 28 : 17 11 : 31 7. 36 : 27 7—11 8. 41—36 20—24 возникло положение, показанное на диаграмме 46.

Игравший белыми, Филипп неожиданно пожертвовал шашку: 9. 27—22! 18 : 27 10. 32 : 21 16 : 27 и затем нанес решающий удар: 11. 33—29 24 : 33 12. 38 : 16. Черные сдались.

Идея комбинации настолько понравилась Филиппу, что он решил осуществить ее и в следующей партии. Противник после поражения удвоил бдительность и все время был настороже.

Игра же черных напоминала поведение рыбака, забросившего удочку и терпеливо ждущего, пока рыбка клюнет. Усилия Филиппа в конце концов увенчались успехом.

В позиции на диаграмме 47 белые сыграли 1. 31—27? немедленно последовал ответ 1... 24—29! 2. 33 : 24 19 : 30 3. 25 : 34, не спасает и другой бой 3... 26—31! 4. 37 : 17 11 : 44 X.

Две победы в первых партиях, красивые комбинации, заявление Бискона, что он ни в коем случае больше не попадется на комбинацию, привлекли в клуб много зрителей.

Болельщикам не терпелось поскорее узнать и поздравить нового чемпиона города.

Знатоков шашек волновала также творческая сторона. Неужели подтвердится заявление Бискона? Ведь он даже предложил пари на крупную ставку в 20 000 франков. Филипп был небогат и не смог поднять перчатку вызова. Это сделал один из поклонников его таланта — маркиз Де Муруа. Многие зрители, следуя этому примеру, также заключили пари. И вот наступила долгожданная минута. Ровно в 5 часов вечера арбитр объявил о начале партии. После длительной борьбы партия пришла к положению, показанному на диаграмме 48.

Филипп начал серию изящных жертв: 1. 34—30! 24 : 35 2. 44—39! 35 : 44 3. 28—22 17 : 28 4. 33 : 24 44 : 33 5. 38 : 7 X.

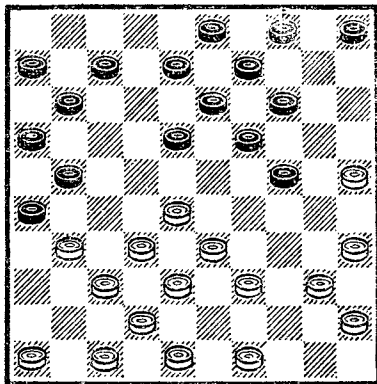

Диаграмма 47

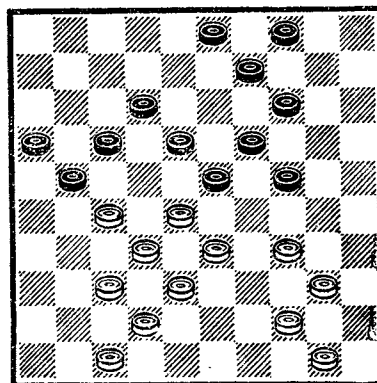

Диаграмма 48

Восхищению зрителей не было предела. Все бросились на сцену поздравлять победителя. Филиппу пришлось много раз демонстрировать эту комбинацию любителям.

В честь победы Филиппа марсельцы называли эту группу комбинаций по фамилии своего земляка.

Ты, вероятно, уже заметил, что для комбинации Филиппа характерны удары с полей 38 и 40.

Диаграмма 49. 1. 33—29 24 : 33 2. 38 : 16 X.

Диаграмма 50. 1. 25—30 14 : 25 2. 34—30 25 : 34 3. 40 : 16 X.

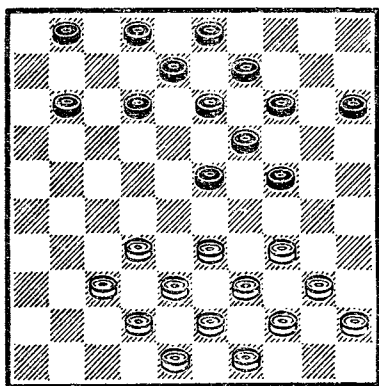

Диаграмма 49

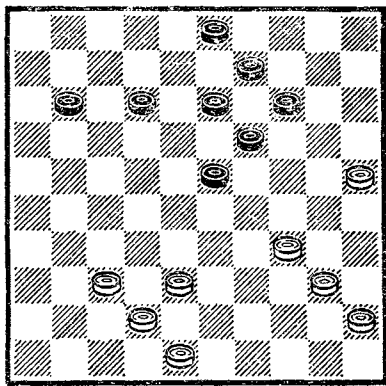

Диаграмма 50

Диаграмма 51. Для осуществления удара необходимо удалить черную шашку с поля 18 и белую с поля 28. Сделать это можно так: 1. 27—21 17 : 26 2. 28—22 18 : 27 3. 32 : 21 26 : 17. Теперь уже можно нанести финальный удар: 4. 33—29 24 : 33 5. 38 : 16 X.

Рассмотрим две позиции, в которых для осуществления «Удара Филиппа» используется правило взятия наибольшего количества шашек (диаграммы 52, 53).

1. 33—29 24 : 44 2. 27—22 18 : 27 3. 32 : 21 16 : 27 4. 43—39 44 : 33 5. 38 : 16 с выигрышной позицией, так как шашка 27 гибнет.

1. 27—21 16 : 27 2. 33—28! 22 : 44 3. 31 : 22 18 : 27 4. 43—39 44 : 33 5. 38 : 16, и шашка 27, как и в предыдущей позиции, обречена.

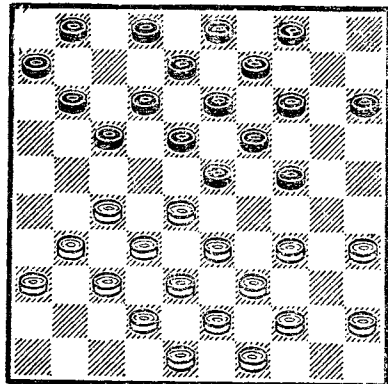

Диаграмма 51

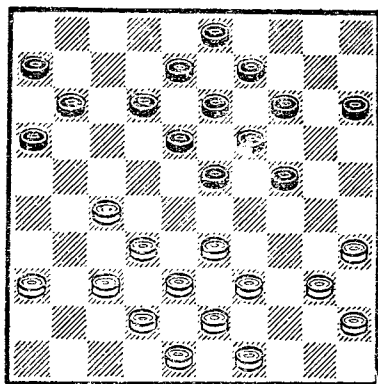

Диаграмма 52

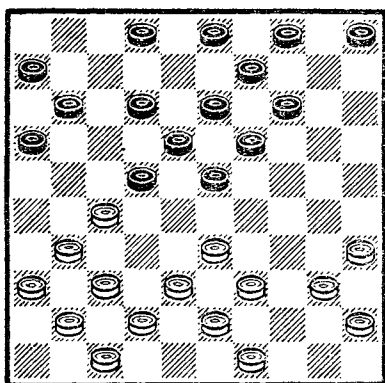

Диаграмма 53

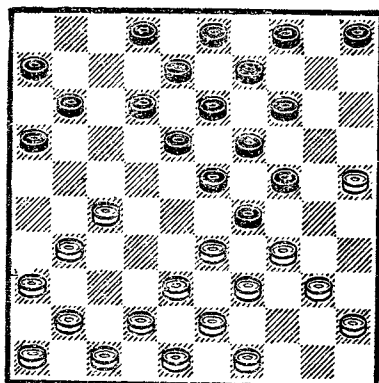

Диаграмма 54

«Удар Филиппа» даст возможность выиграть шашку и в следующей позиции (диаграмма 54).

1. 27—21! 16 : 27 2. 31 : 22
18 : 27 3. 34—30 24 : 44 4.
33 : 24 19 : 30 5. 25 : 34 44 :
: 33 6. 38 : 16 X.

Белым (диаграмма 55) необходимо избавиться от шашки 28. Ради этого они отдают три шашки. 1. 28—22! 17 : 26
2. 33—29 24 : 33 3. 38 : 7 X.

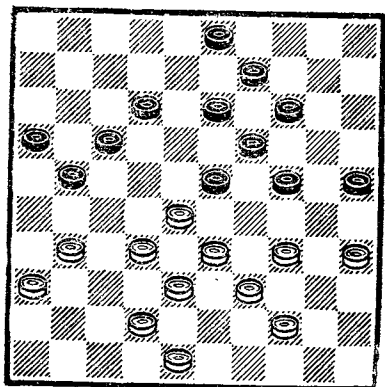

Диаграмма 55

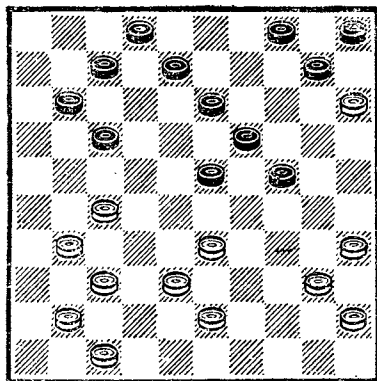

Диаграмма 56

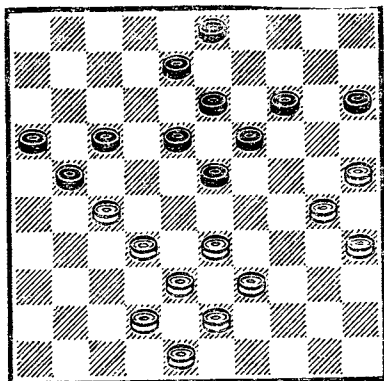

Диаграмма 57

В этой позиции «Удар Филиппа» служит подготовкой к нанесению второго, заключительного удара и прорыва в дамки (диаграмма 56).

1. 27—21! 17 : 26 2. 33—28 23 : 32 3. 37 : 28 26 : 46 4. 47—42 46—23 5. 35—30 24 : 44 6. 43—39 44 : 33 7. 38 : 9 4 : 13 8. 15 : 4, и черные неизбежно теряют еще две шашки.

Черные (диаграмма 57) необдуманно сыграли 1... 17—22? В ответ последовало 2. 33—28! 22 : 44 3. 27—22 18 : 27 4. 43—39 44 : 33 5. 38 : 20 27 : 47 6. 20—14! 19 : 10 7. 30—24 8. 47 : 20 25 : 5 X.

«УДАР РАФАЭЛЯ»

Французскому любителю Рафаэлю посчастливилось открыть красивую комбинацию и стать основоположником новой идеи.

Впоследствии исследователи различных стран открыли целую группу аналогичных комбинаций, получивших общее наименование «Удар Рафаэля». (Диаграмма 58.)

Из девяти шашек белые отдают восемь и все же одерживают победу. Полюбуйся этой комбинацией: 1. 34—29! 23 : 34 2. 28—23 19 : 39 3. 37—31 26 : 28 4. 49—44 21 : 43 5. 44 : 11 16 : 7 6. 48 : 17 X. Решающий удар здесь наносится «золотой шашкой» 48. В процессе боя эта шашка извлекается на доске. Поэтому эти комбинации называют иногда «хамелеонами». Бывает, что заключительный удар наносится другой шашкой, и бой начинается с другого фланга.

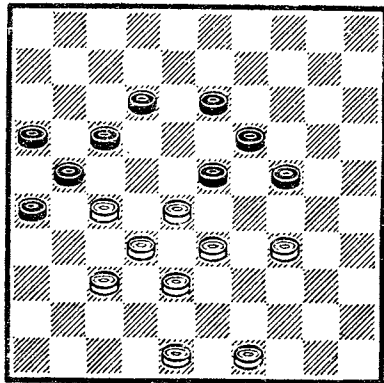

Диаграмма 58

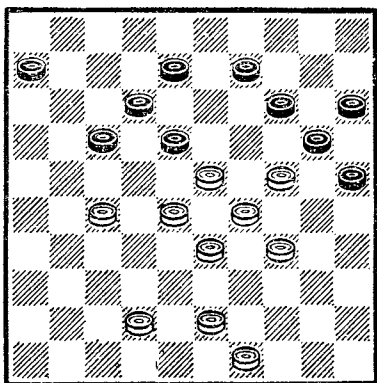

Диаграмма 59

Диаграмма 59. 1. 27—22 18 : 27 2. 23—18 12 : 32 3. 34—30 25 : 23 4. 42—37 20 : 38 5. 37 : 10 15 : 4 6. 42 : 14 с выигрышем, так как шашка 6 будет в конце концов задержана «золотой шашкой».

Зная эту идею, голландский мастер Ф. Раман через много лет осуществил следующую комбинацию (диаграмма 60).

1. 33—29! 23 : 32 2. 29—23 19 : 28 3. 39—33 28 : 39 4. 34 : 43 25 : 34 5. 24—20! 15 : 24 6. 43—38 32 : 43 7. 48 : 6 X.

Красиво выиграли белые в позиции (диаграмма 61):

1. 25—20! 24 : 15 2. 32—28! 23 : 43 3. 33—29 21 : 32 4. 29—24 19 : 30 5. 34 : 25 43 : 34 6. 25—20 15 : 24 7. 42—38 32 : 43 8. 48 : 6, и белые, превратив свою простую в дамку и заняв ею большую дорогу, легко выигрывают.

РАМАН

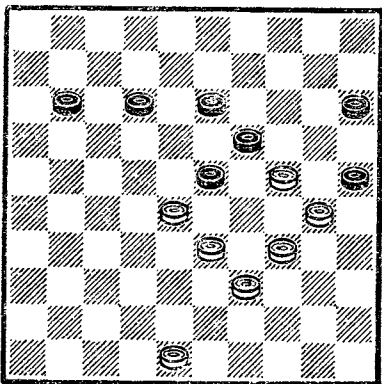

Диаграмма 60

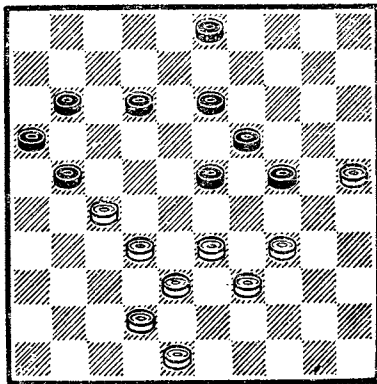

Диаграмма 61

МОНСМА

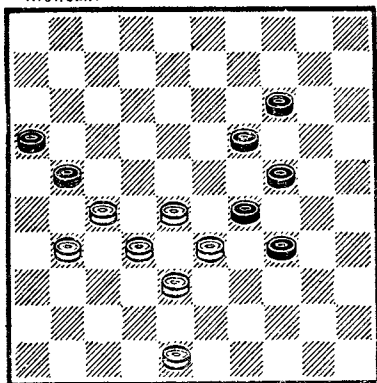
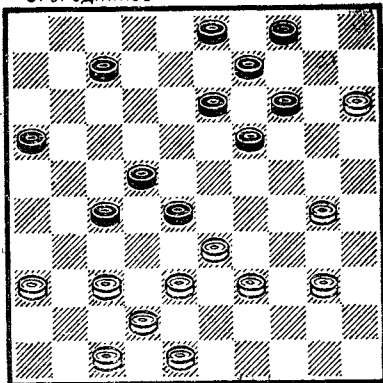

Диаграмма 62

ОГОРОДНИКОВ

— ГИЛЯРОВ

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 63

Диаграмма 62. Здесь для достижения победы используется правило боя большинства. 1. 28—23! 19 : 26 2. 33—32! 29 : 38 3. 32 : 43 21 : 32 4. 43—38 32 : 43 5. 48 : 10 X.

Диаграмма 63. Положение получилось в партии Огородников — Гиляров. Старейший мастер нанес черными эффектный удар по силам противника: 1... 28—32 2. 37 : 17 27—31 3. 36 : 27 19—24! 4. 30 : 10. (Белые пытаются оттянуть неприятную минуту. После боя 4. 30 : 8 сразу следовало 4... 3 : 45.) 4... 9—14 5. 10 : 8. (Белая шашка все же притянута к магическому полю 8.) 5... 3 : 45 X.

Рассмотрим еще два примера из практики советских мастеров (диаграммы 64, 65).

Хотя шашек на доске много, талантливый киевский мастер Николай Черней при помощи далекого расчета пришел к выводу, что он может получить выигрышное окончание. 1. 23—19! 14 : 34 2. 15—10 4 : 15 3. 24—20 15 : 24 4. 32—27 21 : 43 5. 48 : 8, и после длительной борьбы в эндшпиле черные капитулировали.

Для достижения цели белые жертвуют десять шашек. 1. 31—27! 22 : 31 2. 34—30 35 : 24 3. 28—23 19 : 37 4. 38—32 37 : 28 5. 33 : 11 24 : 44 6. 11—7 1 : 12 7. 43—39 44 : 33 8. 42—38 33 : 42 9. 48 : 10 4 : 15 10. 25 : 3 X.

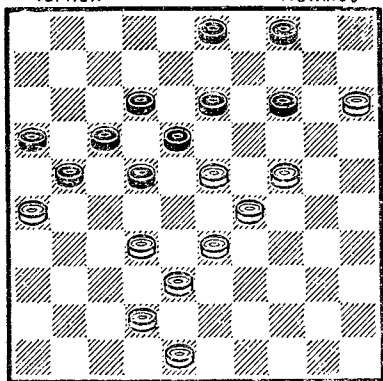

Диаграмма 64

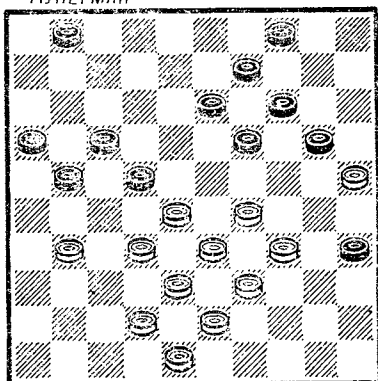

Диаграмма 65

УДАР «МОСТИК»

Посмотри на диаграмму 66. Не могут ли белые проникнуть в дамки? У черных открыто дамочное поле 4. Черная шашка стоит рядом с этим полем. Если бы белым удалось заставить противника стать своими шашками еще на поля 18 и 28, то они смогли бы одним ударом 33 : 4 попасть в дамки. Задача эта оказывается выполнимой. 1. 28—23!

29 : 18 2. 36—31 26 : 37 3. 38—32 37 : 28 4. 33 : 4 X. Белые как бы навели мостик из черных шашек к полю 4.

Первый чемпион мира Исидор Вейс часто ловил противника на этот удар. Поэтому комбинации подобного типа иногда называют «Ударом Вейса».

Несмотря на ограниченное количество шашек на доске (диаграмма 67), белым удается провести двухвариантную комбинацию. 1. 27—22! 18 : 27 2. 32 : 21 16 : 27. Бой 2... 26 : 17 опровергается ударом 3. 28—23 19 : 28 4. 33 : 2 X.

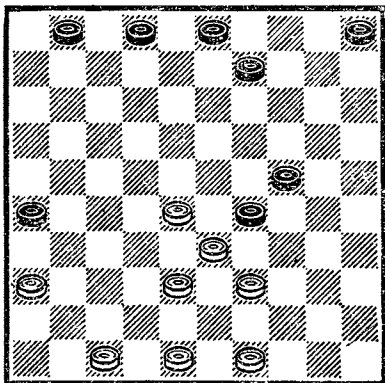

Диаграмма 66

3. 28—22 27 : 18 4. 37—31 26 : 37 5. 38—32 37 : 28 6. 33 : 4 X.

Нередко комбинация «Мостик» уже на доске, но требуется избавиться от некоторых своих и неприятельских «лишних» шашек.

Если бы у белых (диаграмма 68) не было шашки на поле 28, а у черных на поле 13, то выигрыш достигался бы ходом 37—31. Выполняется задача уничтожения «лишних» шашек следующим образом: 1. 35—30! 24 : 35 2. 34—30 25 : 23 3. 28 : 19 13 : 24 4. 37—31 26 : 28 5. 33 : 4 X.

Аналогичную задачу расчистки полей от своих двух лишних шашек выполнил черными известный африканский гроссмейстер Баба Си (диаграмма 69).

1... 19—24! 2. 28 : 10. Не меняет дела и бой в другую сторону 2. 28 : 30, тогда следует 2... 14—19! 3. 25 : 23 18 : 47 X. 2... 4 : 15 3. 25 : 14 13—19 4. 14 : 23 18 : 47, и вскоре белые сдались.

Белым (диаграмма 70) мешают свои же шашки 28 и 32. Избавились они от них так: 1. 29—23 18 : 29 2. 28—23! 29 : 18 3. 32—27 21 : 41 4. 47 : 36 26 : 37. Теперь все просто. 5. 38—32 37 : 28 6. 33 : 4 X.

Позиция (диаграмма 71) возникла в первенстве страны. Молодой рижский гроссмейстер Андрис Андрейко с блеском завершил черными партию: 1... 24—29! 2. 33 : 24 19 : 30 3. 32—28. У белых имелись и другие ответы, но они не лучше. Если 3. 40—35, то 3... 11—17 4. 35 : 24 23—28 5. 32 : 23 18 : 40 с выигрывающим прорывом в дамки. Нельзя ходить 3. 38—33 из-за ответа 3... 23—28 с разгромом. На 3. 32—27 черные меняются 3... 23—29! 4. 34 : 23 18 : 29 5. 40—35 29—34! 6. 35 : 24 34—39 с проходом в дамки. Нельзя 3. 36—31 из-за 3... 30—35 4. 38—33 35 : 44 5. 39 : 50 23—28 X. 3... 23 : 32 4. 37 : 28 30—35 5. 38—33 35 : 44 6. 39 : 50 25—30!

Лишь теперь выясняется, что целью предыдущих ходов черных была подготовка удара «Мостик»: 7. 34 : 25 14—20 8. 25 : 14 13—19 9. 14 : 23 18 : 49 X.

Часто «Мостик» замаскирован обманчивой простотой позиции. Все же если знаешь эту идею, то внимательное изучение положения выявляет скрытую комбинацию (диаграмма 72).

1. 26—21! 17 : 26 2. 37—31 26 : 37 3. 27—21 16 : 27 4. 28—22 27 : 18 5. 23 : 12 7 : 18 6. 38—32 37 : 28 7. 33 : 2 X.

Отлично комбинирует экс-чемпион мира Марсель Делорье. Посмотри, как блестяще ему удалось осуществить «Мостик» против чемпиона Италии Эдмонда Фанелли (диаграмма 73).

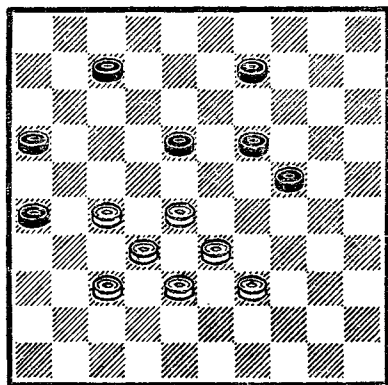

Диаграмма 67

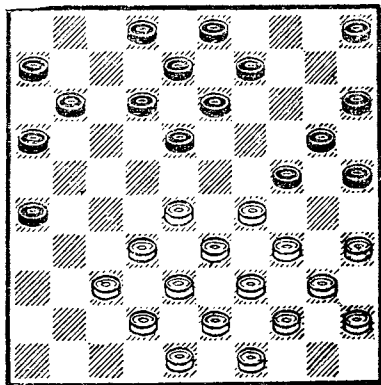
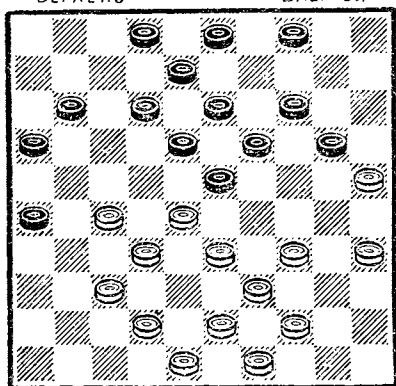

Диаграмма 68

ВЕРХЕНС — БАБА СИ

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 69

ДЕ ЙОНГ — ГОМЕ

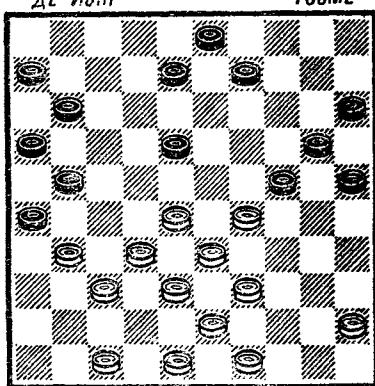
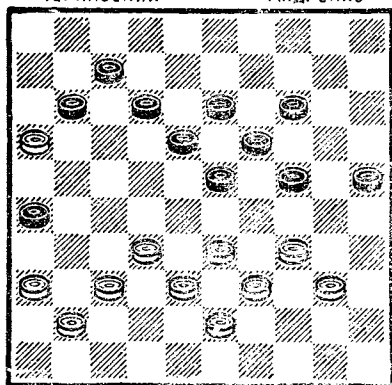

Диаграмма 70

ЧЕРКАССКИЙ — АНДРЕЙКО

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 71

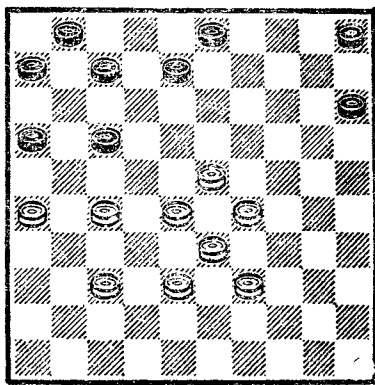

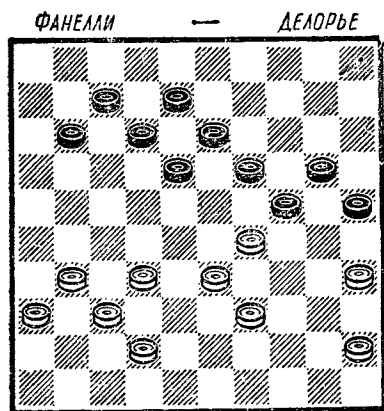
Диаграмма 72

1... 19—23 2. 39—34 23—28! 3. 32 : 23 25—30 4. 34 : 14 13—19 5. 29 : 20 18 : 47 6. 14 : 23 47 : 20. Фанелли сдался.

Разбирая игру канадского гроссмейстера, ты уже, вероятно, заметил, что первый его ход был позиционным (или, как его называют, «тихим»). За ним последовал вынужденный ответ белых, и уже после этого началась комбинация.

Тихие подготовительные ходы, приводящие позицию к комбинационному расположению, часто труднее найти, чем самую комбинацию.

Рассмотрим пример с целой серией таких ходов.

КОЛ. ЧЕРНЫХ
Диаграмма 73

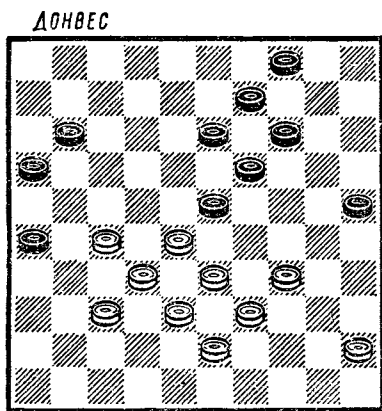

Диаграмма 74

Диаграмма 74. Молодой голландский шашист предложил здесь следующий путь к выигрышу. 1. 27—22! 11—17. На любой другой ход белые грозили быстро выиграть при помощи маневра 2. 34—29 23 : 34 3. 39 : 30 25 : 34 4. 22—18 13 : 22 5. 28 : 6 X. 2. 22 : 11 16 : 7 3. 34—30! 25 : 34 4. 39 : 30 13—18. Опять вынужденный ответ. Белые грозили ударом по полю 24. 5. 30—24 19 : 30 6. 28 : 10 4 : 15 7. 43—39!!

Возникла поразительная позиция! Белые с двух сторон грозят ударом «Мостик» (37—31 и 39—34). Как спастись от этих угроз? Движение одной из шашек 7, 9, 26, 30 приводит к немедленной гибели. Следовательно, остается одно — убрать черную шашку с поля 18.

7... 18—22. Попытка играть 7... 18—23 не приносила об-

легчения. Следовал тихий ход 8. 33—28! 23—29 и удар 9. 28—23! 29 : 18 10. 39—34 30 : 39 11. 38—33 39 : 28 12. 32 : 1 X.

8. 32—28! 22—27 9. 28—22! 27 : 18 10. 37—31 26 : 37 11. 38—32 37 : 28 12. 33 : 4 X. Интересная позиция!

«КОРОЛЕВСКИЙ УДАР»

Эта группа объединяет очень красивые комбинации. Возможно, поэтому французы присвоили ей такое название. Удар представлен на диаграмме 75.

Белые выигрывают ходом 1. 32—28 23 : 34 2. 40 : 7 X.

Белые наносят удар с поля 40 и завершают обычно, на поле 7 или 16 (иногда 9 или 18). Со стороны черных удар начинается с поля 11 и завершается на полях 44 или 35 (иногда 33 или 42).

В отличие от «Удара Филиппа», траектория заключительного боя проходит здесь окружным путем (40 : 29 : 20 : 9 : 18 : 7), а не через центр. Рассмотрим примеры.

Диаграмма 76. Предыдущая комбинация усложнена предварительным разменом 1. 27—21! 16 : 27 2. 32 : 21 23 : 34 3. 40 : 7 X.

Диаграмма 77. Хотя шашек на доске больше, комбинация не сложнее. Нужно лишь заранее оценить заключительную позицию. 1. 27—22! 18 : 27 2. 32 : 21 23 : 34 3. 40 : 7, и, как бы черные ни били, им не избежать проигрыша. Иногда для осуществления идеи приходится пропускать противника в дамки (диаграмма 78).

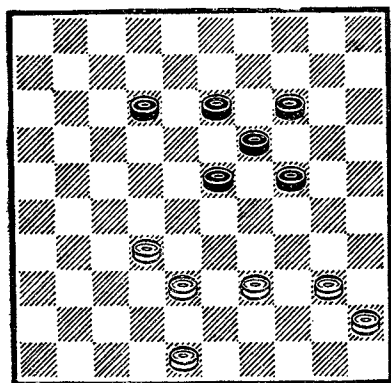

Диаграмма 75

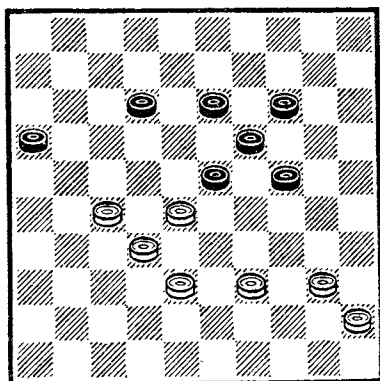

Диаграмма 76

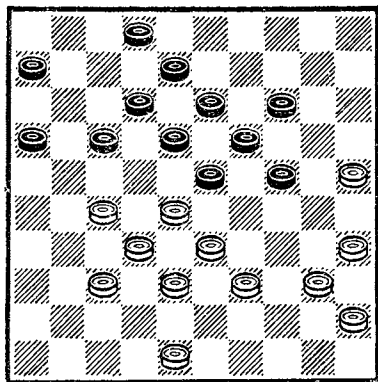

Диаграмма 77

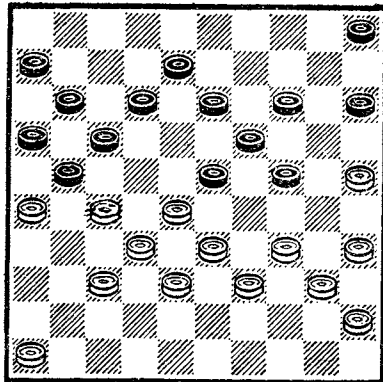
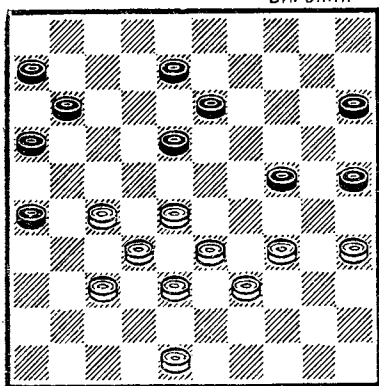

Диаграмма 78

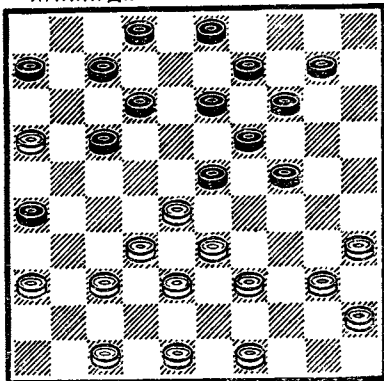
БАРСКИЙ

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 79

АГЛИАРДИ — БАБА СИ

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 80

1. 28—22 17 : 28 2. 26 : 17! 11 : 42 3. 38 : 47 28 : 37
4. 47—42! 37 : 48 5. 34—30 48 : 34 6. 40 : 7 X.

Ленинградский мастер Ю. Барский часто завершает партию комбинацией. Вот одна из них (диаграмма 79).

1... 25—20 2. 34 : 25 24—29 3. 33 : 24 18—23 4. 28 : 19
8—12 6. 19 : 17 11 : 44. Белые сдались.

В настоящее время всеобщее восхищение вызывает комбинационное творчество ведущих гроссмейстеров, воспитанников Московского стадиона юных пионеров и Рижского

Дворца пионеров Вячеслава Щеголева и Андриса Андрейко у нас в стране и талантливого африканца Баба Си (Сенегал) за рубежом. С их творчеством мы будем постепенно знакомиться.

Вот два примера из творчества Баба Си. Первая позиция случилась в Олимпийском турнире на первенство мира.

Сенегалец осуществил против чемпиона Монако следующий удар (диаграмма 80): 1... 17—21! 2. 16 : 27 24—29 3. 33 : 24 19 : 30 4. 28 : 17 7—11 5. 35 : 24 11 : 35 X.

Во второй позиции «Королевский удар» был нанесен в партии против молодого голландского мастера Гольствога.

Белые сыграли 1. 48—43! Черным поневоле пришлось ответить 1... 20—25. Теперь следует удар на большинство: 2. 37—31!! 26 : 39 3. 36—31 25 : 34 4. 38—33 29 : 38 5. 40 : 7 11 : 2 6. 32 : 34 с выигрышем шашки.

Незаметно мы перешли к рассмотрению сложных комбинаций. Вот еще одна (диаграмма 82).

1. 27—22 18 : 27 2. 37—31 26 : 37 3. 32 : 41 23 : 32 4. 36—31 27 : 36 5. 38 : 27 21 : 32 6. 43—38 32 : 34 7. 40 : 7 X.

Еще более сложными и эффективными являются комбинации, в которых сочетается несколько идей (диаграмма 83).

Сначала наносится «Королевский удар»: 1. 32—27! 23 : 34 2. 40 : 9 13 : 4, затем проводится комбинация на идею «лестница»: 3. 45—40! 26 : 37 4. 48—42 37 : 48 5. 40—34 48 : 30 6. 35 : 2, уничтожая все шашки противника.

БАБА СИ — ГОЛЬСТВОГА

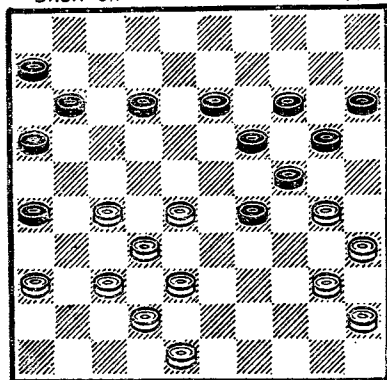

Диаграмма 81

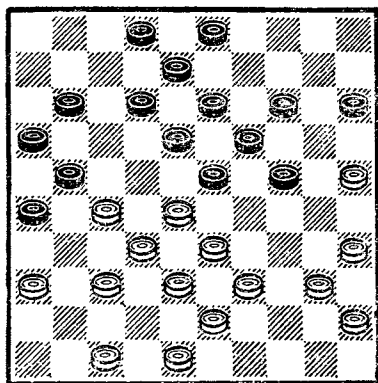

Диаграмма 82

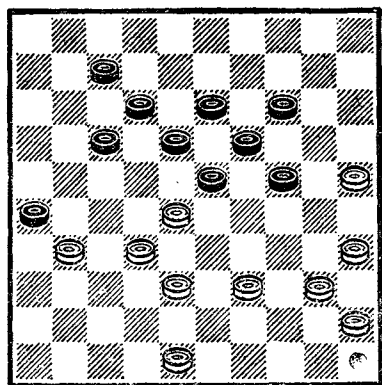

Диаграмма 83

ЯКОБС

— КВААД

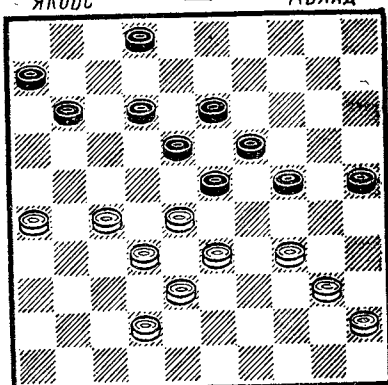

Диаграмма 84

ДУКЕЛ

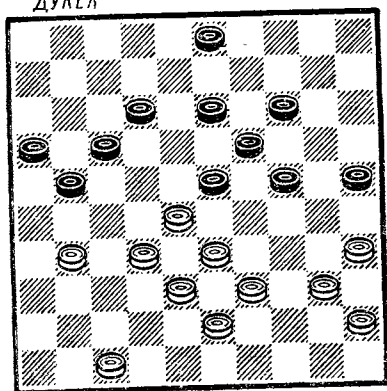

Диаграмма 85

Бывает, что путь заключительного удара резко изменяется и проходит вдоль другого фланга (диаграмма 84).

Позиция кажется спокойной, и вдруг взрыв: 1. 27—22! 18 : 27 2. 32 : 21 23 : 43 3. 42—38 43 : 22 4. 33—29 24 : 33 5. 21—17 12 : 21.

Аналогичная комбинация осуществима и при взятии 5... 11 : 22. 6. 26 : 17 11 : 22 7. 34—30 25 : 34 40 : 9 X.

В заключение рассмотрим комбинацию голландского мастера Бариса Дукела (диаграмма 85).

1. 32—27 21 : 32. Второй вариант комбинации осуществлялся бы после боя 1... 23 : 32 2. 33—28 32 : 23 3. 38—33 21 : 32 4. 43—38 32 : 34 5. 40 : 7 X. 2. 38 : 27 23 : 21 3. 31—27 21 : 32 4. 43—38 32 : 34 5. 40 : 7 X.

Интересно, что в этой позиции у белых есть еще один комбинационный удар 1. 28—22 17 : 26 2. 33—28 23 : 32 3. 38 : 27 21 : 32 4. 43—38 32 : 34 4. 40 : 7, также ведущий к выигрышу.

Основные приемы позиционной игры

О ПУТЯХ ВЕДЕНИЯ ШАШЕЧНОЙ ПАРТИИ

Для достижения победы необходимо уничтожить силы противника или лишить их возможности двигаться. Добиться этого нелегко. Хорошо бы сначала получить материальное преимущество. Ну, например, выиграть шашку или прорваться в дамки. Затем уже превосходящими силами легче добиться цели. Но ведь противник не будет содействовать твоим планам. Наоборот, он будет всячески препятствовать их осуществлению. Добровольно он в дамки тебя не пропустит. Шашку он тоже дарить тебе не будет. Его необходимо заставить это сделать.

Но как?

Во-первых, есть путь комбинационный. Он тебе уже известен. Но не во всех положениях есть возможность провести комбинацию. Поэтому тебе важно знать и другой путь — позиционный. При нем необходимо стремиться медленно, ход за ходом, так стеснить силы противника, чтобы им некуда было двигаться. Тогда соперник вынужден будет отдать тебе одну, две шашки или открыть твоим силам дорогу в дамки.

Чтобы уметь стеснить силы противника, надо научиться, удачно маневрируя, занять своими силами наивыгоднейшие, господствующие в данной ситуации поля доски. Научиться удачно маневрировать своими войсками не просто. Для этого надо знать, какие шашки «хорошие», какие «плохие», какие приемы позиционной борьбы имеются.

ОППОЗИЦИЯ

Сила всей твоей позиции — это как бы сумма позиций всех твоих шашек. Если твои шашки расположены активно, то у тебя сильная позиция. Если они принимают неполноценное участие в борьбе, то позиция твоя слабая.

Ценность шашек зависит от того, на каких полях они расположены. Бывает, что шашки расположены на одной горизонтали и имеют разную ценность. В первом ряду поле 3 (48), а после него поля 2 (49) и 4 (47) ценнее, чем поля 5 (46) и 1 (50), а шашки 3 (48), 2 (49) и 4 (47) соответственно ценнее шашек 5 (46) и 1 (50). Поэтому в партии стремятся поскорее увести шашки с этих малоактивных полей на более выгодные. Шашку же 3 (48) из-за хорошего ее расположения даже называли, как я уже говорил, «золотой». Ее стараются оставлять на месте подольше.

Сила той или иной шашки зависит еще и от очереди хода.

Шашки сторон (диаграмма 86) занимают «золотые» поля, но выигрывает тот, чей первый ход. Начинаящей стороне важно только обеспечить встречу обеих шашек. 1. 48—43 3—8 2. 43—38 8—13 3. 38—33. Если 3. 38—32?, то 3... 13—19 и ничья, так как встреча уже не состоится 3... 13—19. После 3... 13—18 4. 33—28 X. 4. 33—29, и черным некуда ходить. Попытки черных избежать встречи с белой шашкой не могут принести успеха. Бывает, что проигрывает тот, кто начинает (диаграмма 87).

Здесь белые начинают и проигрывают. Вариант следующий: 1. 45—40 5—10 2. 40—34 10—14 3. 34—29 14—19 X.

Финальная позиция варианта (диаграмма 88). Шашки приблизились одна к другой по вертикали. Белым некуда ходить. Им приходится капитулировать. Такие положения называются б л и ж н е й о п п о з и ц и е й. На предыдущей диаграмме была д а л ь н я я о п п о з и ц и я. При оппозиции проигрывает начинающая сторона. Если шашки расположены на одной и той же вертикали, то начинающая сторона проигрывает, если на смежных — выигрывает. Оппозиция воз-

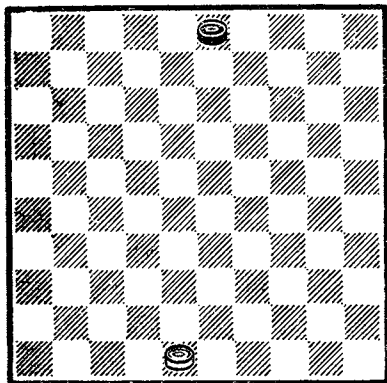

Диаграмма 86

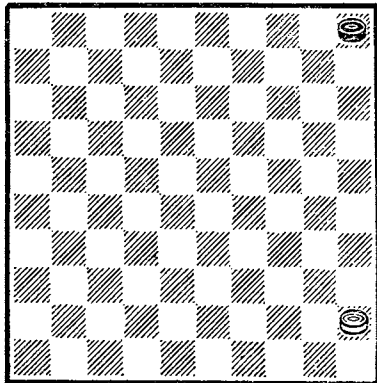

Диаграмма 87

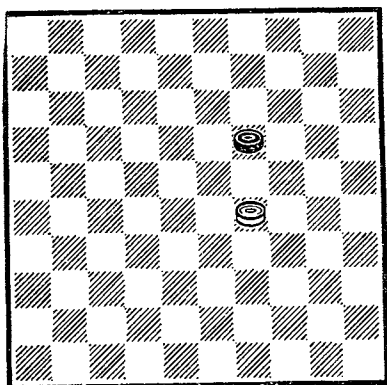

Диаграмма 88

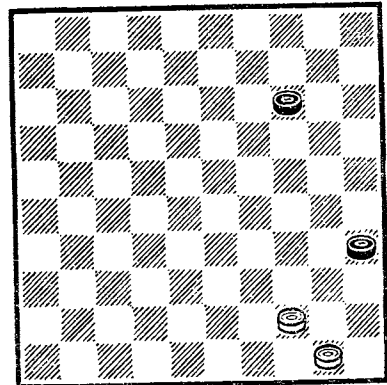

Диаграмма 89

можно, если на доске осталось и по несколько шашек (диаграмма 89).

Здесь оппозиция в пользу белых или, как говорят, белые заняли оппозицию. 1. 50—45!

Не приносит успеха 1. 44—39 из-за 1... 35—40! (на любой другой ход следует 2. 50—44! X) 2. 50—45 (другую возможность белых проанализируйте самостоятельно. Она в лучшем для белых случае приводит к ничьей) 2... 40—44! 3. 39 : 50 14—19, и белые выиграть не могут.

1... 14—19 2. 44—39! 19—24. Если 2... 19—23, то 3. 39—33 X. 3. 39—34 35—40 4. 34—30! 24 : 35 5. 45 : 34 X.

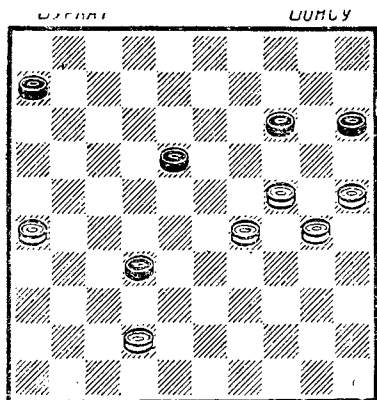

Диаграмма 90

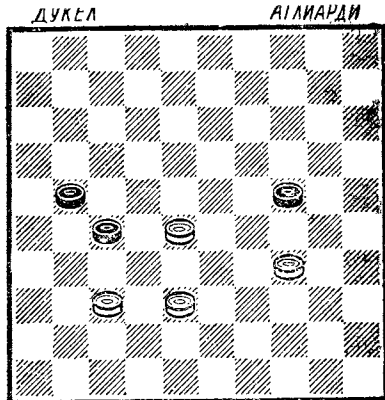

Диаграмма 91

Обычный размен изменяет оппозицию, но здесь мы видим пример так называемого скользящего размена, который на оппозицию не влияет.

Два примера на оппозицию из партии.

Диаграмма 90. При изучении этой позиции кажется, что, несмотря на лишнюю шашку, белым вряд ли удастся выиграть. К счастью, путь к победе у них есть при помощи оппозиции. 1. 42—38! 32 : 43 2. 24—29 14 : 34 3. 30 : 48. Хотя количество шашек у обеих сторон стало одинаково, но оппозиция в пользу белых и это решает. 3... 6—11. Ход шашкой 18 не менял исхода борьбы. 3. 26—21 18—23. Нельзя 3... 18—22 из-за 4. 21—17 X. 4. 48—43 23—28 5. 43—38, и белые выиграли.

Диаграмма 91. Партия игралась в Олимпийском турнире 1960 года. У белых на шашку больше, но выигрыша у них не видно. Противник вот-вот прорвется в дамки и спасется. Все же белые не теряют надежд и расставляют ловушку 1. 38—33! 21—26? Черные считали, что ловушка была связана с невозможностью зайти 1... 27—32? из-за удара 2. 33—29! 24 : 22 3. 37 : 26 X. Разгадав ее, они успокоились и сделали другой ход. Но ведь и он быстро проигрывает. Спасение было возможно после 1... 24—29! 2. 33 : 24, и лишь теперь 2... 21—26 с прорывом, но не 2. 27—32? из-за 3. 24—19! 32 : 14 4. 34—29 14—19 5. 37—32, и оппозиция в пользу белых.

Партия закончилась так: 2. 28—22! (Неожиданная для черных жертва, ведущая к быстрому выигрышу.) 2... 27 : 18 3. 33—28, и белые выиграли. Оппозиция в их пользу.

ШАШКИ В ЦЕНТРЕ, НА ФЛАНГАХ И НА БОРТАХ

Начинающие любители обычно стараются расположить свои шашки на бортах. Так безопаснее, говорят они. Правильно ли это? Давай разберемся.

Если шашки расположены на полях, где им обеспечена наибольшая свобода передвижения и наибольшая ударная сила, то ясно, что на этих местах они наиболее активны.

Для сравнения изучим возможности трех белых шашек (диаграмма 92).

Одна из этих шашек бортовая (26), другая — близка к борту. Это фланговая шашка (40). Третья шашка (18) расположена в середине доски. Это центральная шашка.

Нетрудно убедиться, что у бортовой шашки всего одна возможность ходить — 26—21. В то же время фланговая и центральная шашки могут ходить в двух направлениях.

Для более полной характеристики активности шашек исследуем их ударные возможности.

На диаграмме 93 видно, что бортовая и фланговая шашки имеют по две возможности боя, а центральная — четыре. Если просуммировать активность каждой из этих шашек, то убедимся, что бортовая имеет одну возможность движения (тихого хода) и две возможности боя, фланговая — две возможности ходить и две — боя, центральная имеет максимум активности — два тихих хода и четыре ударных. Отсюда напрашивается вывод, что наибольшей активностью обладают шашки, расположенные в середине доски.

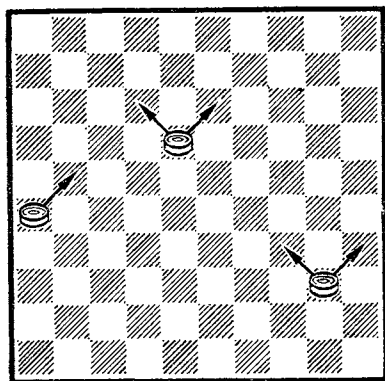

Диаграмма 92

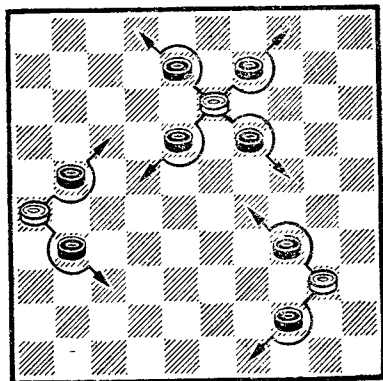

Диаграмма 93

Пользу от расположения шашек в середине доски подтверждает еще то немаловажное обстоятельство, что центральную шашку можно перебазировать на любой фланг, а бортовая не может попасть на противоположный край доски.

На диаграмме 94 шашка белых борется против бортовой противника. Но при встрече оппозиция будет в пользу черных. Действительно, если 1. 38—32 6—11 2. 32—27, то 2... 11—17, и черные выигрывают. Но благодаря центральному расположению белая шашка может избежать губительной встречи, пройти в дамки и спастись. У черных из-за бортового расположения шашки этого выбора нет. Если белым было бы выгодно навязать им встречу, то избежать ее черная шашка не смогла бы. Диаграмма 95.

Здесь уже белым выгодна встреча (оппозиция в их пользу), и они ее легко навязывают. 1. 32—27 6—11 2. 27—21 с выигрышем. Не все бортовые шашки одинаковы по своей активности. Есть бортовые поля, находясь на которых шашки имеют всего одну возможность движения и одну возможность боя. У белых это поля 45, 46, а у черных — поля 5 и 6.

Шашки на диаграмме 96 наименее активны. Твердое знание этих простых истин помогает в партии решать более сложные задачи.

Диаграмма 97. Это положение получилось в партии, которую я играл белыми. У меня есть возможность провести комбинацию. В результате белые остаются без шашки. Несмотря на это, я сыграл: 1. 22—18 13 : 31 2. 21—17 12 : 21 3. 42—38 33 : 42 4. 43—39 34 : 43 5. 44—40 35 : 44 6. 50 : 17. Получилась следующая позиция.

Диаграмма 98. Как бы черные ни играли, они проигрывают, ибо активность одной центральной шашки белых больше суммарной активности двух бортовых шашек противника.

Если шашки расположены на малоактивных полях, то естественно желание перевести их поскорее на более выгодные места и придать им большую активность.

Бывают случаи, когда это сделать невозможно. Ну, на пример, мешают свои же впереди стоящие шашки, которые, в свою очередь, блокированы вражескими. Тогда возникают отсталые шашки. Особенно это относится к белым шашкам на полях 25, 35, 26, 36, 46 и соответственно черных 16, 26, 25, 15, 5.

Диаграмма 99. Силы у сторон равные, но у черных отсталая шашка на поле 16. Ее нельзя ввести в активную игру. Мешают свои же шашки 26 и 27, которые сдерживаются белыми простыми 36 и 37. Получается, что две белые пример-

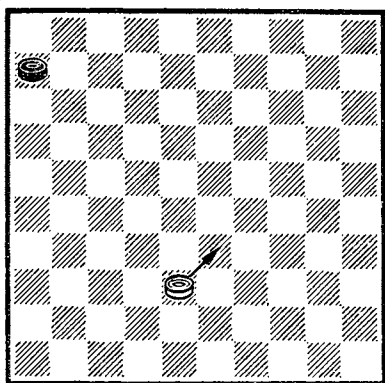

Диаграмма 94

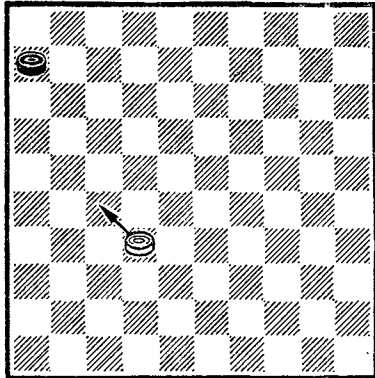

Диаграмма 95

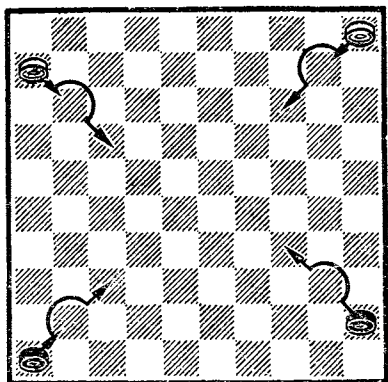

Диаграмма 96

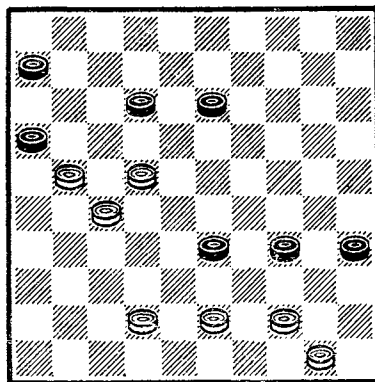

Диаграмма 97

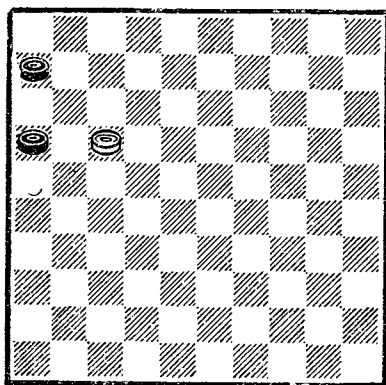

Диаграмма 98

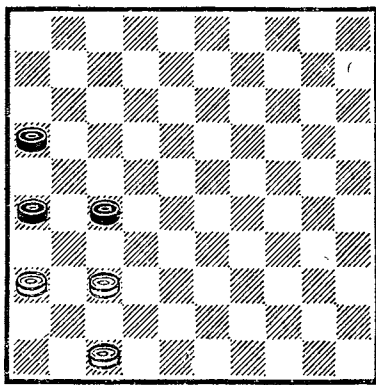

Диаграмма 99

но равноактивны трем черным шашкам, и у белых как бы одна лишняя шашка в борьбе. Это и делает их позицию выигрышной.

Диаграмма 100. Пользуясь очередью хода, белые при помощи жертвы добиваются решающего успеха: 1. 21—17! 22 : 11 2. 26—21 X. Белые связали превосходящие силы соперника. У черных лишняя шашка, но она отсталая. Никакого влияния на борьбу она не оказывает.

Диаграмма 101. Здесь шесть черных шашек терпят поражение против пяти вражеских. И все это потому, что две черные шашки (5 и 6) — отсталые и нет никаких надежд ввести их без потерь в активную игру.

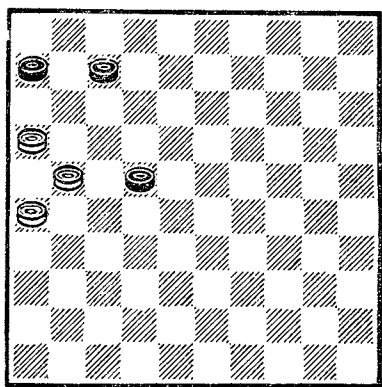

Диаграмма 100

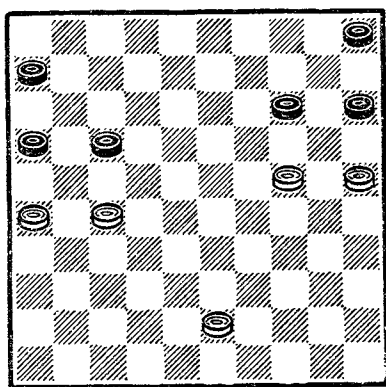

Диаграмма 101

Еще худшим злом позиции являются висячие шашки. Они образуются из отсталых на соседних с бортами фланговых полях. Так на диаграмме 101 после ходов 1... 6—11 2. 43—38 5—10 у черных появились две висячие шашки 10 и 11.

Обычно в тылу висячих шашек зияет пустота, и их невозможно подкрепить и придать ударную силу. У них нет упоров. Поэтому эти шашки иногда называют безупорными.

Висячие шашки — это «раковые клетки» позиции, часто ведущие к гибели всего организма. Диаграмма 102.

Висячая шашка здесь у белых (на поле 31). Стремясь не дать противнику ее ликвидировать, черные ошибочно сыгра-

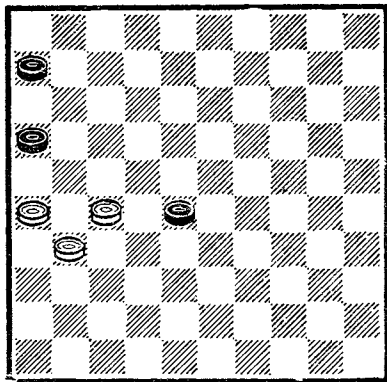

Диаграмма 102

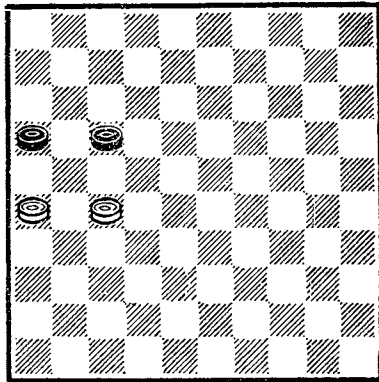

Диаграмма 103

ли 1... 6—11? В ответ немедленно последовала жертва 2. 27—22! 28 : 17 3. 31—27. Теперь роли переменялись. Белые избавились от висячей шашки, но зато она появилась у противника. Черным не избежать из-за этого проигрыша. Если 1... 17—22 2. 27 : 18 11—17, то 3. 18—13 17—22. При 3... 16—21 следует 4. 13—9 21—27 5. 9—3 17—21 6. 26 : 17 27—32 7. 3—20 32—37 8. 20—47 X. 4. 13—9 22—28 5. 9—3 28—33 6. 3—25 33—38 7. 25—48 X.

Если бы висячей шашки 11 совсем не было, черные могли бы спастись. Позиция выглядела бы так (диаграмма 103).

Ничья здесь достигается следующим путем: 1... 16—21 2. 27 : 16 17—22 3. 16—11 22—28 4. 11—7 28—33, и выигрыша у белых нет.

Иногда кажется, что шашка повисла всего лишь на мгновение. На следующем же ходу она займет безопасное поле и слабость будет ликвидирована. Но и это оказывается опасно (диаграмма 104).

Опасаясь «Королевского удара», черные сыграли 1... 14—20? с намерением следующим же ходом перевести эту шашку на поле 25. Но этому намерению не суждено

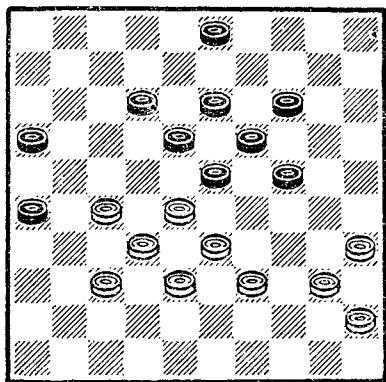

Диаграмма 104

было сбыться. Шашка 20 повисла надолго и явилась причиной гибели. 2. 39—34! Ход 2... 20—25 теперь невозможен из-за ответа 3. 34—30 с выигрышем шашки.

2... 3—9. После 2... 3—8 следовало 3. 34—30, затем 4. 30—25 X. Если 2... 12—17, то 34—29! 23 : 34 4. 40 : 29, и у черных плохо. Грозит 5. 27—21. Если, спасаясь от этой угрозы, они уведут шашку 4... 17—21, то 5. 29—23 18 : 29 6. 35—30 24 : 35 7. 33 : 15 с выигрывающим прорывом в дамки. 3. 34—30 9—14 4. 30—25 23—29. Еще быстрее проигрывает 4... 12—17 5. 40—34 17—21 6. 45—40 X. 5. 40—34 29 : 40 6. 35 : 44! 18—23 7. 44—39. Для достижения победы белым приходится играть очень осмотрительно. Малейшая неосторожность, и все может измениться. Нельзя, например, делать естественный ход 7. 45—40? из-за комбинации 7... 24—30! 8. 25 : 34 23—29! 9. 33 : 15 14—20 10. 15 : 24 19 : 50, и выигрывают уже черные 7... 13—18 8. 45—40 12—17 9. 40—35 17—21 10. 39—34, и у черных нет ходов.

Хотя у каждой стороны (диаграмма 105) есть существенная слабость — отсталые шашки 36 и 15, положение белых намного хуже. У них нет хороших выжидательных ходов, и придется, двигая отсталую, превратить ее в висячую. Это и явится причиной проигрыша.

1... 11—16 2. 36—31. Этот плохой ход приходится делать. Ничего лучшего нет. После размена 2. 27—21 16 : 27 3. 32 : 21 решает нападение 3... 18—23 X. Если 2. 44—39, то 2... 29—34 3. 30—25 34 : 43 4. 38 : 49 15—20! 5. 25 : 23 18 : 38 6. 32 : 43 17—21 7. 26 : 17 12 : 23 X.

Попытка двинуть шашку 44 в другую сторону 2. 44—40 опровергается выходом 2... 15—20! 3. 30—25 29—34! 4. 25 : 23 34 : 45 5. 23—19 45—50 6. 19 : 30 18—23 X. 2... 15—20! 3. 30—25. Нападать приходится, иначе черные сами нападут и выиграют. 3... 29—34 4. 25 : 23 18 : 29.

Удачной жертвой черные создали угрозу выигрывающего прорыва. 5. 28—23. Надо как-то попытаться предотвратить прорыв противника в дамки. Размен 5. 44—39 34 : 43 6. 38 : 49 29 : 38 7. 32 : 43 приводил после 7... 17—21

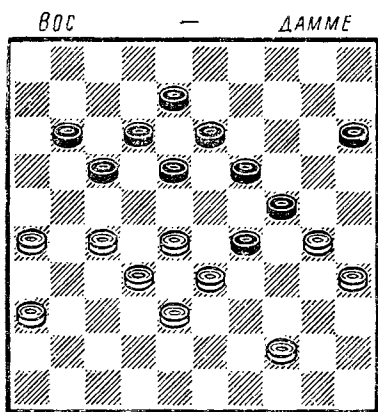

Диаграмма 105

8. 26 : 17 12 : 23 к потере шашки. 5... 29 : 18 6. 44—39 34 : 43 7. 38 : 49. В результате всех событий черные ликвидировали свою слабость, а у белых осталась висячая шашка на поле 31. 7... 18—23 8. 33—28. Остальные ходы тоже плохи. При 8. 49—43 следует 8... 23—29, и теперь на 9. 43—38 быстро выигрывают 9... 29—34 10. 33—38 13—18 11. 38—33 8—13 X, а на 9. 33—28 к победе ведет 9... 13—18 10. 43—39 29—33 11. 39—34 33 : 22 12. 34—30 8—13! 13. 30 : 8 12 : 3 14. 35—30 3—9 15. 30—24 9—14 X. 8... 24—29! 9. 28 : 19 13 : 24 10. 49—43 29—34 11. 43—38 34—39 X.

Некоторые бортовые шашки настолько прославились, что получили даже специальные названия.

Белая шашка, находящаяся на поле 26, называется особой бортовой. Соответственно именуют черную шашку на поле 25.

В ряде позиций эта шашка может стать причиной проигрыша.

Диаграмма 106.

Здесь особая бортовая черных (25) неудачно сочетается с центральной шашкой 23. Этим шашкам противостоит грозная колонна белых 45, 40, 34. Если бы не было шашки 18, белые могли бы ходом 34—30 выиграть шашку. В партии белые действительно разменяли шашку 18 и добились победы: 1. 27—22! 18 : 27 2. 31 : 22 4—9. После 2... 3—9 следовало 3. 33—29!, и если 3... 8—12 4. 29 : 18 12 : 23, то 5. 34—30 X. На 3... 7—11 4. 29 : 18 11—17 5. 22 : 11 13 : 22 решает 6. 43—39! 6 : 17 7. 37—31 26 : 28 8. 39—33 28 : 30 9. 35 : 2 X. 3. 33—29! 8—12. Опять нельзя 3... 7—11 из-за той же комбинации. 4. 29 : 18 12 : 23 5. 38—33 3—8 6. 43—38. К выигрышу вел и 6. 33—29 и т. д., но не 6. 36—31? из-за удара 6... 23—29! 7. 34 : 12 7 : 49 X. 6... 6—11 7. 22—17! 11 : 22 8. 34—30 25 : 34 9. 40 : 27 с лишней шашкой.

Оценка силы или слабости особой бортовой зависит, конечно, от расположения остальных шашек. Бывают нередко случаи, когда овладение именно этим полем решает судьбу партии. Диаграмма 107.

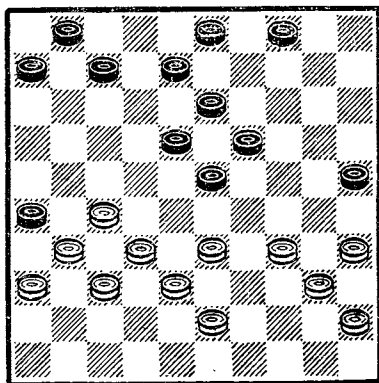

Диаграмма 106

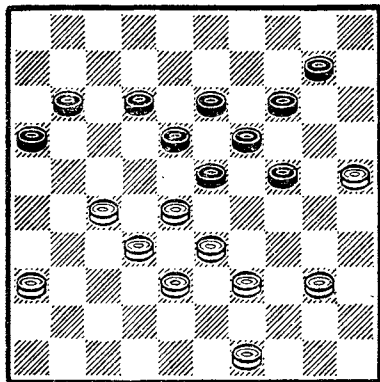

Диаграмма 107

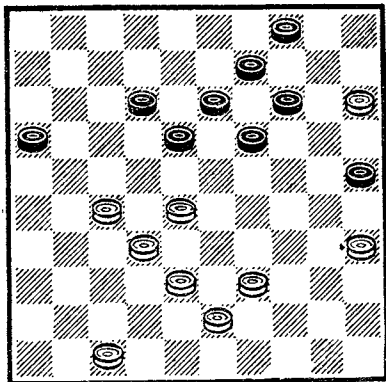

Диаграмма 108

У черных меньше выжидательных ходов. Единственный шанс на спасение у них заключается в захвате поля 26. Но ведь и белые понимают важность этого ключевого пункта в данной позиции. Они успевают занять его раньше и выиграть.

1. 36—31! 11—17 2. 31—26! 10—15 3. 40—35 23—29 4. 49—44 18—23 5. 35—30 24 : 35 6. 33 : 24 19 : 30 7. 29 : 8 12 : 3 8. 25 : 34 X.

Диаграмма 108. Здесь уже речь пойдет о другой особой, но активной бортовой шашке. Это белая на поле 15. Хотя она далеко ушла от своих, опасность ей не угрожает. Наоборот, она сама является источником беспокойств для противника. Во-первых, ее присутствие сильно стесняет свободу действия черных на их длинном фланге. Во-вторых, шашка 15 слишком близка к дамочным полям. Ей иногда удается даже проскочить в дамки. Поэтому за ней приходится все время наблюдать. Особенно опасна активная бортовая в сочетании со своей же шашкой на поле 27. Противник тогда сильно стеснен уже на обоих флангах и может проиграть. Вот и в этом положении белым достаточно разменять черную шашку 25, чтобы окончательно «зажать» их позицию 1. 35—30! 25 : 34 2. 39 : 30 X. Теперь черные вынуждены сдаваться: у них нет ни одного удовлетворительного хода.

Диаграмма 109. Здесь черные проигрывают из-за того, что они не могут атаковать две центральные шашки белых. Ведь, пользуясь этим, особая бортовая моментально осуществит прыжок в дамки.

Если 1... 18—23, то 2. 15—10! 23 : 21 3. 10—5 4—10 4. 30—24 19 : 30 5. 35 : 24 X. При нападении с другой стороны 1... 17—21 осуществим тот же прием: 2. 15—10 21 : 23 3. 10—5 4—10 4. 30—24 19 : 30 5. 35 : 24 23—29 6. 24—20 29 : 38 7. 20 : 9 10—15 8. 9—4 X. Ничего не дает попытка избавиться от боя наибольшего количества путем жертвы: 1... 26—31 2. 27 : 36 18—23 из-за контрудара 3. 30—24 X. Поэтому черные вынуждены были пойти 1... 4—9, но и это не спасло 2. 33—29! 9—13 3. 29—24 17—21.

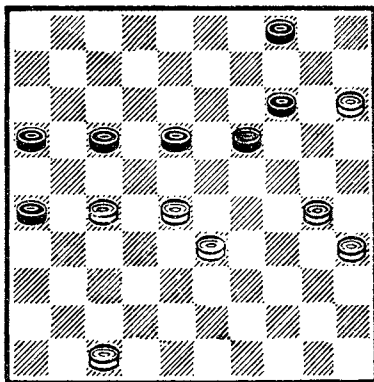
Жертва 3... 26—31 4. 27 : 36 18—23 могла лишь оттянуть на некоторое время проигрыш. 4. 15—10! 21 : 23 5. 10—5 23—28 6. 30—25 19 : 30 7. 5 : 37 30—34 8. 37—48 X.

Приведенные два примера дают представление о ряде достоинств активной бортовой.

При всех положительных качествах этой шашки не следует забывать, что она все же бортовая. Если сторона, имеющая активную бортовую, потеряет контроль над центральными полями и противник к тому же получит свободу действий на своем коротком фланге, то эта шашка может превратиться в слабость.

Хотя активная бортовая бывает оторванной от основных сил, она на борту, поэтому ее выиграть невозможно. Если изолированная шашка расположена не на борту, тогда ей может грозить окружение, атака или уничтожение. Такие шашки называются слабыми изолированными. Бывают и сильные изолированные шашки, им опасность уничтожения не грозит. Они или совсем не нуждаются в защите, или успешно защищаются при помощи других шашек. Сильную изолированную шашку выгодно иметь. Она сковывает большие силы противника. Иногда ее называют рождном.

Посмотри три примера образования изолированных шашек при помощи комбинации. В первых двух случаях у противника образуются слабые изолированные шашки. В третьем случае белые создают в лагере противника свою сильную изолированную шашку (диаграммы 110, 111, 112).

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 109

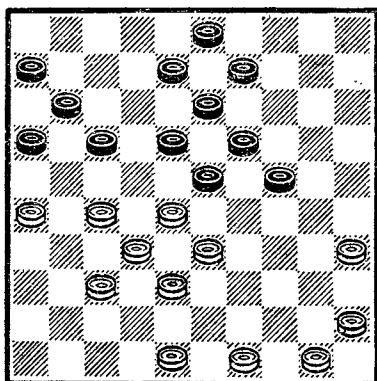
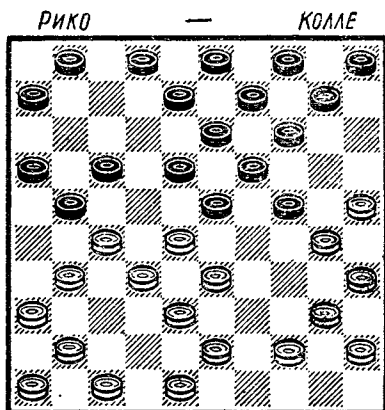

Диаграмма 110

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 111

1. 35—30! 24 : 35 2. 33—29 23 : 34 3. 27—21 16 : 27 4. 32 : 14 9 : 20 и шашка 34 изолирована от основных сил и неизбежно гибнет. 5. 50—44, затем 6. 44—40 Х.

Черные неосторожно напали: 1... 21—16, в ответ последовала комбинация 2. 25—20! 14 : 34 3. 40 : 20 26 : 37 4. 20—14 9 : 20 5. 33—29! 23 : 34 6. 36—31 37 : 26 7. 27—21 16 : 27 8. 32 : 25, и у черных слабая изолированная шашка 34, которая неминуемо погибнет.

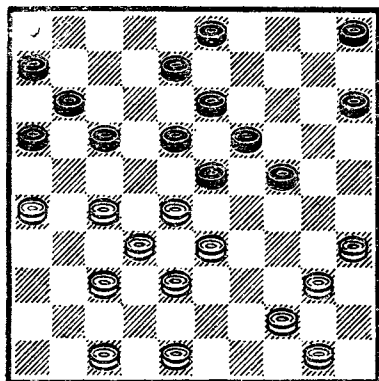

Диаграмма 112

Позиция на диаграмме 112 во многом сходна с положением на диаграмме 110. Здесь в распоряжении белых аналогичная комбинация, но с образованием сильной изолированной шашки. 1. 35—30! 24 : 35 2. 33—29 23 : 45 3. 27—21 16 : 27 4. 32 : 14.

Хотя белая шашка попала во вражеский лагерь (на поле 14), она в защите не нуждается, более того, она сковывает несколько шашек длинного фланга противника. Можно смело утверждать, что эта шашка должна принести белым победу.

КАК ВЫРАБОТАТЬ ПОНИМАНИЕ ПОЗИЦИИ

Для совершенствования в шашках важно выработать не только комбинационное, но и позиционное зрение, или, как говорят, понимание позиции. Чтобы ты мог, взглянув на то или иное положение шашек на доске, сказать без расчета, у кого лучше, хуже или даже выигрыш. Достичь этого возможно ознакомлением с наиболее важными приемами позиционной игры, рассмотрением партий мастеров и практической игрой в турнирах. Последние два условия зависят от тебя. Партии мастеров регулярно публикуются в журналах, газетах, книгах. Тебе остается самому или с приятелем их рассмотреть за доской. Турниров у нас проводится немало. Записывайся и играй в свободное время. А вот с приемами позиционной игры мы сейчас познакомимся.

РАЗМЕН И УПОР

Шашечная партия — это борьба сил двух лагерей. Естественно, чем большей свободой маневров обладает один из партнеров, тем в более выгодном положении он находится. Но простые шашки могут двигаться только вперед и только на один ход. А если необходимо временно отступить, срочно перебросить шашки на другой фланг, развить стремительную атаку?

В этих случаях на помощь приходит размен.

Даже в эндшпиле при помощи размена можно влиять на позицию.

Поэтому необходимо следить, чтобы всегда была возможность размена. Плохо, если этой возможности нет. В таких случаях возникает безразменная позиция. Подобные позиции часто проигрываются. В них меньше комбинационных возможностей. Обычно безразменные позиции возникают при висячих шашках, отсутствии упоров, вскрытии дамочных полей.

То, что безразменная позиция невыгодна, понимают многие, и добровольно никто у себя ее создавать не будет.

Важно суметь навязать противнику такую позицию.

Диаграмма 113. Шансы сторон кажутся примерно равными. В действительности это не так. У белых есть возможность лишить противника разменов и заставить его сдаться.

1. 28—23 19 : 28 2. 32 : 23!, и у черных нет ни одного удовлетворительного хода. Размены у них, конечно, есть, но они ведут к материальным потерям. Если 2... 20—24, то

БЕРНАРД

— ДЕБРОН

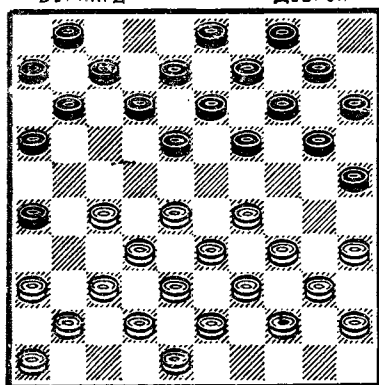

Диаграмма 113

ДУКЕЛ

— СЮИК

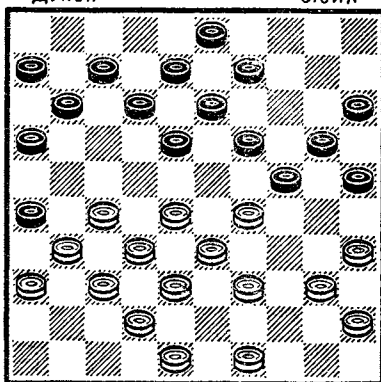

Диаграмма 114

3. 29 : 20, и теперь на 3... 15 : 24 решает 4. 23—19 14 : 23 5. 34—30 25 : 34 6. 39 : 28 с лишней шашкой. Теряется шашка и при бое 3... 18 : 29 4. 33 : 24, и черные не могут выступить 4... 14—19 из-за удара 5. 20—14 X. Плох и другой размен 2... 18—22 3. 27 : 18 13 : 22 ввиду 4. 23—19 14 : 23 5. 29 : 27 с лишней шашкой у белых. Ход 2... 11—17 парируется комбинацией 3. 27—21 16 : 27 4. 37—31 26 : 37 5. 42 : 2 X.

Диаграмма 114. Белые удачным маневром сковывают и лишают разменов силы противника. 1. 28—22! 9—14. Других ходов не видно. Размены 1... 18—23 или 2... 24—30 ведут к потере шашки. Нельзя ходить 1. 25—30 из-за удара 2. 27—21! 26 : 28 3. 32 : 34 X. После нападения 1... 19—23 белые прорываются в дамки посредством 2. 49—43 23 : 34 3. 39 : 19 X. 2. 48—43! 3—9 3. 49—44 25—30 4. 40—34 20—25 5. 29 : 20 15 : 24 6. 44—40 с выигрышем, потому что черные не могут ходить 6... 14—20 из-за 7. 27—21 X, а на 6... 19—23 следует 7. 34—29 23 : 34 8. 40 : 20 X.

Диаграмма 115. В этой позиции стороны не имеют удовлетворительных разменов, поэтому проигрывает тот, кто начинает. 1. 34—29. Плохо, но и по-иному играть не лучше. После 1. 45—40 6—11 белым некуда ходить. 1... 23 : 34 2. 30 : 39 24—29 3. 38 : 29 19 : 30 4. 35 : 24 18—22 5. 27 : 18 13 : 44 X.

Наиболее верным способом обеспечения своей позиции разменами является создание упорных колонн.

Диаграмма 116. У белых несколько упорных колонн,

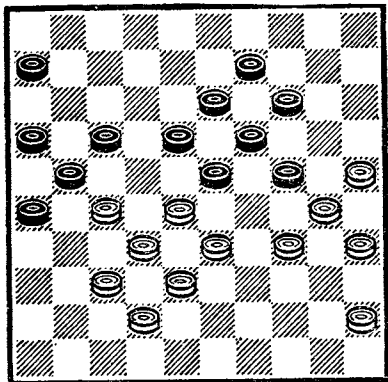

Диаграмма 115

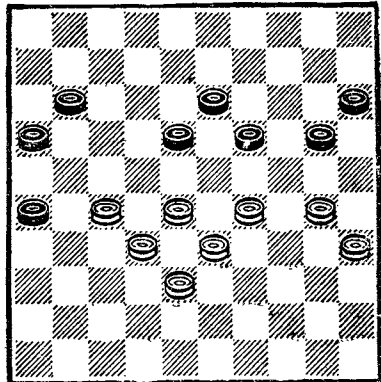

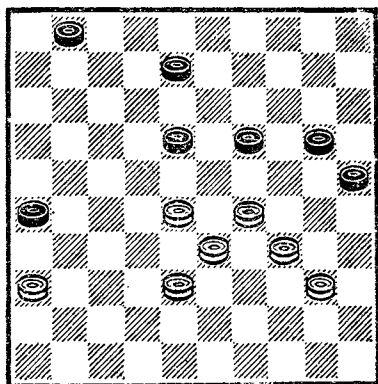
Диаграмма 116

есть выгодные размены. Поэтому у них имеется даже два способа добиться победы над соперником. При помощи размена 1. 29—24 20 : 29 2. 33 : 24 X. Или 1. 30—24 19 : 30 2. 35 : 24 X.

Вникаем в механизм первого размена. Передняя (головная) шашка 29 погибла. Взятие совершила соседняя шашка 33. Третья шашка (38), без которой немислим размен, играла роль упора всей колонны. Разберем второй размен. При нем погибла фланговая шашка. Бортовая же выполняла две функции. Играла роль упора и совершала взятие. Из этих рассуждений можно сделать важный вывод, что для обеспечения позиции нужными разменами число шашек по диагонали в упорной колонне должно быть в середине доски не менее трех и у борта не менее двух.

При помощи упорных колонн можно активно влиять на оценку всей позиции. Диаграмма 117.

Позиция предпочтительнее для белых. У них выстроены две грозные упорные колонны 29, 33, 38 и 29, 34, 40. Стремясь нарушить мощь позиции противника, черные разменяли головную шашку 1... 20—

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 117

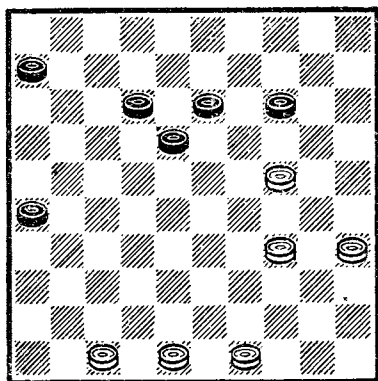

Диаграмма 118

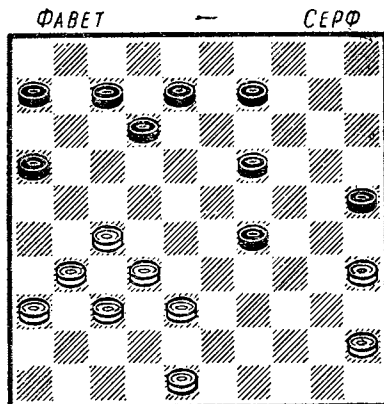

Диаграмма 119

24 2. 29 : 20 25 : 14. Это оказалось ошибкой (надо было 1... 19—24). Белые сразу же восстановили первую колонну, сковали основные силы противника и выиграли: 3. 34—29! 8—13. Грозил 4. 29—23 X. 4. 40—35! 1—7 5. 35—30 7—12 6. 29—23 18 : 29 7. 33 : 24 12—17. После 7... 12—18 8. 38—32 18—23 9. 30—25 19 : 30 10. 28 : 10 белые легко выигрывают. 8. 38—32 17—21 9. 36—31 26 : 37 10. 32 : 41 21—27 11. 41—36. Черные сдались.

Позиция черных (диаграмма 118) кажется даже активнее. Ведь половина шашек противника на первоначальных местах. Единственный недостаток у черных — несколько ослабленный длинный фланг — кажется несущественным. Ну как белые там прорвутся? Оказывается, это возможно при помощи создания упорной колонны.

1. 34—30! 12—17. Черные хотят поскорее перевести эту шашку на поле 22, чтобы выстроить колонну 22, 18, 13 и разменять опасную белую шашку 24. Но им не хватает одного хода. Белые успевают осуществить свой план раньше 2. 24—19! 14 : 23 3. 30—25 13—19 4. 35—30. Теперь белым обеспечен прорыв в дамки и выигрышный эндшпиль.

Наличие упорных колонн создает также отличные комбинационные возможности. Диаграмма 119.

У белых на длинном фланге две упорные колонны. Одну из них можно эффективно использовать: 1. 32—28! 29—34. Этот ход кажется нелепым. Зачем черные добровольно создают у себя слабую изолированную шашку? Внимательный разбор позиции показывает, что иного выхода нет. Благодаря колонне 36, 31, 27 белые сумели создать целую цепь

комбинационных угроз. Рассмотрим все возможные ответы черных. Если 1... 7—11, 1... 6—11, 1... 9—14, то 2. 28—23 19 : 28 3. 27—21 X. После 1... 12—17 следует 2. 28—22 17 : 28 3. 27—21 16 : 27 4. 31 : 11 X. Если 1... 19—24, то 2. 28—23 29 : 18 3. 27—21 36 : 27 4. 31 : 11 с лишней шашкой. И, наконец, попытка закрыть поле 13 ходом 1... 9—13 или 1... 8—13 опровергается при помощи комбинации 2. 38—33! 29 : 38 3. 28—23 19 : 28 4. 27—22 28 : 17 5. 37—32 38 : 27 6. 31 : 2 X. 2. 28—23! 19 : 28 3. 27—21 16 : 27 4. 31 : 33, и после 5. 48—43 с последующим 6. 35—30 шашка 34 неминуемо гибнет.

ИГРА В ЦЕНТРЕ И НА ФЛАНГАХ

Ты уже знаешь, что центральные шашки обладают большей маневренностью, чем фланговые или бортовые. Следовательно, расположение шашек на центральных полях выгодно и целесообразно. Но ведь и противник это может знать. Он будет всячески препятствовать тебе занять центр. Борьбу за центр приходится иногда вести долго и упорно. Эту задачу легче решить, если в позиции противника имеются существенные слабости: наличие малоактивных шашек, отставание в развитии, слабое взаимодействие сил.

Предположим, что после упорной борьбы ты занял-таки центр. А что делать дальше? Как довести это преимущество до победы? Посмотри, как это делают в партиях мастера.

Диаграмма 120. Удачное расположение центральных шашек и вспомогательная комбинационная угроза дают возможность белым сковать силы противника и выиграть. 1. 45—40! 17—21. Единственный ход. Нельзя меняться 1... 17—22 2. 28 : 17 12 : 21 из-за комбинационного прохода в дамки: 3. 29—24 19 : 30 4. 40—34 30 : 39 5. 38—33 39 : 28 6. 32 : 3 21 : 41 7. 36 : 47 X. После 1... 14—20 2. 28—22 черные теряли две шашки. 2. 40—34 14—20 3. 28—22! Удачное вторжение, после которого у противника свободой

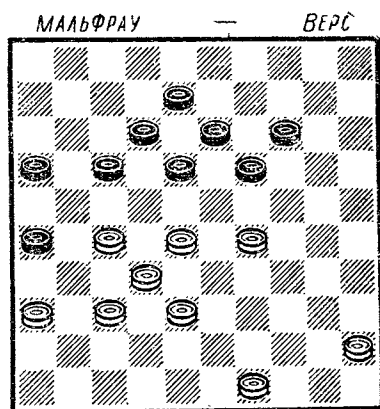

Диаграмма 120

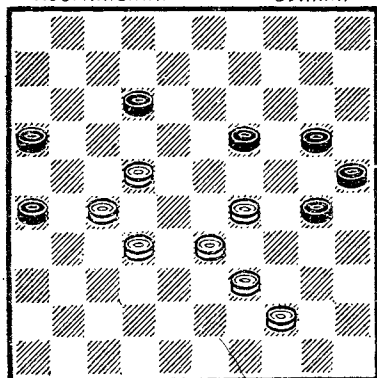
движения обладают только две шашки. Когда и они будут остановлены или разменены, капитуляция станет неизбежной. 3... 19—23. Не спасает 3... 20—25 из-за ответа 4. 38—33, и нельзя 4... 19—23 ввиду 5. 33—28 X, а если меняться 4... 19—24 5. 29 : 20 25 : 14, то 6. 33—29 14—19 7. 34—30 X. 4. 49—44! В партии белые ошибочно сыграли 4. 49—43? Что позволило противнику пожертвовать шашку и спастись: 4... 12—17 5. 22 : 11 16 : 7 6. 27 : 16 8—12! 7. 32—27 28—23 8. 38—32 26—31, и выигрыша у белых не оказалось... 4... 13—19. Теперь уже жертва 4... 12—17 не опасна, так как короткий фланг белых надежно защищен. 5. 22 : 15 23—28 6. 32 : 23 21 : 43 7. 15—10 с выигрышным окончанием. У черных не хватает двух шашек, и им некуда ставить дамку (7... 43—49 8. 10—4 49 : 35 9. 23—19 X).

Реализация позиционного преимущества в центре с помощью тактических угроз встречается довольно часто.

Диаграмма 121. Белые преобладают в центре. В то же время позиция у них хуже из-за переразвития и угроз со стороны противника: 1... 12—17! 2. 22 : 11 16 : 17. Теперь нельзя играть 3. 32—28 или 3. 33—28 из-за 3... 30—34! 4. 29 : 40 19—23 5. 28 : 19 20—24 6. 19 : 30 25 : 43 с прорывом в дамки 3. 27—22 26—31, и, пройдя в дамки, эта простая принесла черным победу.

Диаграмма 122. Здесь как будто центральные шашки черных расположены удачнее, но... 1. 33—29! 17—22, белые угрожали ходом 2. 27—22. 2. 28 : 17 12 : 21 3. 27—22 18 : 27 4. 29 : 18! 13 : 22 5. 31—26 22—28 6. 26 : 17! 28 : 37 7. 48—43! 37 : 30 8. 35 : 2 X.

КОСМИНСКИЙ — СУИЛИН

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 121

МОЛИНАРД — БАККЕР

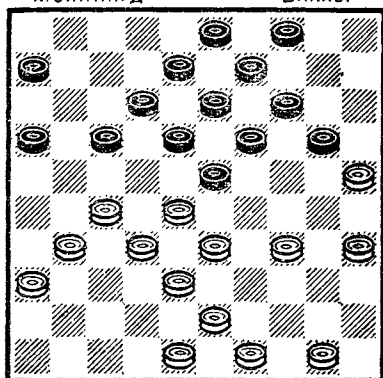

Диаграмма 122

РАВНОВЕСИЕ СИЛ ПО ФЛАНГАМ

Шашки необходимо распределять по флангам равномерно. Ослабление одного из флангов может привести к прорывам со стороны противника.

Диаграмма 123.

Из девяти черных шашек длинный фланг защищают всего две (19 и 25). Отсюда вывод, что белым для реализации своего преимущества необходимо убрать эти две шашки или разменять их. Достигается это при помощи жертвы 1. 28—23! 19 : 28 2. 29—24. Теперь белые угрожают разменом 3. 34—30 окончательно оголить длинный фланг противника и открыть дорогу в дамки. Стремясь оттянуть неизбежное, черные вернули шашку. 2... 28—33 3. 39 : 28 8—13 4. 44—39 18—22 5. 28—23 13—18 6. 34—29 2—8 7. 24—19 с выигрышем.

Диаграмма 124. Шашек на доске больше, но основной недостаток положения у одной из сторон объединяет ее с предыдущей позицией. У белых позицию их короткого фланга защищает мало сил, что позволило противнику осуществить прорыв на этом участке. 1... 23—29! 2. 34 : 14 10 : 19 3. 43—39 25 : 43 4. 48 : 39 3—8! 5. 46—41 5—10 6. 39—34 24—30! 7. 34 : 25. После 7. 35 : 24 19 : 39 8. 33 : 44 18—23 9. 23 : 19 17 : 28 10. 32 : 23 21 : 43 у черных выигрыш. 7... 19—23 8. 28 : 19 17 : 39 9. 27—22. Попытка осуществить ответный прорыв в дамки 9... 18 : 27 10. 31 : 22 13 : 24 11. 22—17 11 : 22 12. 32—28 22 : 33 13. 38 : 20 39—44 14. 35—30. При 14. 20—15

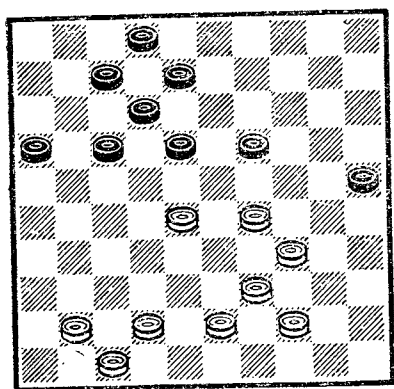
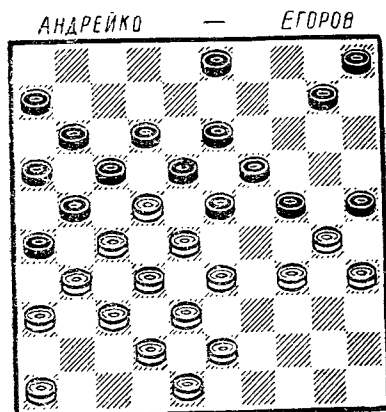

Диаграмма 123

ХОД ЧЕРНЫХ
Диаграмма 124

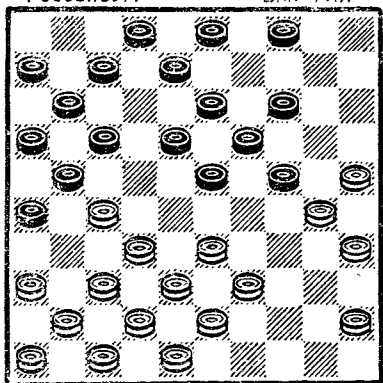
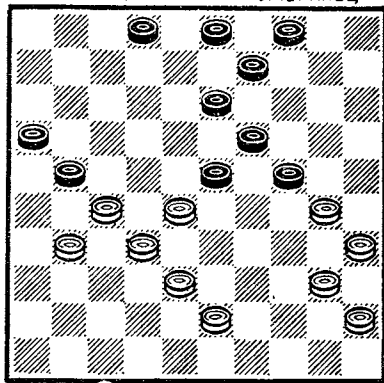

Диаграмма 125

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 126

44—49 15. 15 : 4 21—27 16. 4 : 31 49—32 у черных выигрыш легкой. 14... 10—15 15. 30—24 44—50 16. 20—14 50—28 17. 14—9 8—13 18. 9 : 7 26—31 19. 32 : 17 28 : 35, белые сдались.

Мы с тобой посмотрим еще два примера, когда у одной из сторон уже имеется неравномерное распределение сил по флангам. Но как использовать это? Часто на помощь может прийти комбинация.

Диаграмма 125.

Позиция черных кажется очень прочной. О прорывах со стороны противника, казалось бы, не может быть и речи. Однако в партии было 1. 33—29! 24 : 44 2. 27—22 18 : 27. После боя 2... 17 : 28 белые проникают в дамки: 3. 43—39 44 : 33 4. 38 : 29 23 : 34 5. 32 : 1 X. 3. 43—39 44 : 33 4. 38 : 20 27 : 38 5. 42 : 33 с неизбежным прорывом на длинном фланге черных. Слишком уж мало у них там осталось шашек.

У белых (диаграмма 126) на их длинном фланге половина шашек, но расположены они неудачно. Черные сыграли 1... 21—26 и после 2. 27—22 26 : 37 3. 32 : 41 23 : 32 4. 38 : 27 13—18 5. 22 : 13 9 : 18 получили большое преимущество и выиграли. Вместе с тем у них был более эффективный путь к использованию слабого расположения сил белых на их длинном фланге 1... 13—18 2. 31—26. Заходить надо. Черные ведь сами угрожали ходом 3... 21—26 быстро выиграть. 2... 23—29! 3. 26 : 17 29—34 4. 40 : 20 18—22 5. 27 : 18 9—14 6. 20 : 9 4 : 42 с выигрывающим прорывом в дамки.

СВЯЗКА

Связки бывают разных видов. Вот один из них.

Диаграмма 127. Белым здесь удается вынудить связку и выиграть. 1. 40—35! 20—24 попытка избежать связки при помощи жертвы 1... 30—34 2. 39 : 30, и 2... 20—25 ничьей не дает. После 3. 30—24 25—30 4. 24—19 30—34 5. 35—30! 34 : 25 6. 19—13 25—30 7. 13—8 30—34 8. 8—2 34—40 9. 2—11 у белых выигрыш. 2. 38—32. При помощи связки две белые шашки сковали три шашки противника. Это обрекло его на гибель: 2... 15—20 3. 32—28 20—25 4. 28—23 с выигрышем.

Диаграмма 128. Здесь связка осуществляется благодаря жертве 1. 19—14! 9 : 20 2. 40—35. Хотя у черных на одну шашку больше, они проигрывают. 2... 20—25 3. 44—40 15—20 4. 40—34 24—29 5. 35 : 33 20—24 6. 33—28 24—30 7. 39—33 30 : 39 8. 33 : 44 X.

У белых (диаграмма 129) остроумный выигрыш: 1. 45—40 15—20 2. 50—44 20—25. Если 2... 24—29 3. 40 : 29 24 : 33, то 4. 35—30 38—42 5. 48 : 37 32—38 6. 44—39 X. 3. 44—39 38—43 4. 39—34! 30 : 39 5. 40—34 39 : 30 6. 48 : 39, и шашки черных связаны.

На этих трех примерах иллюстрировался один из видов связки. На диаграммах 130 и 131 показаны связки в других местах доски.

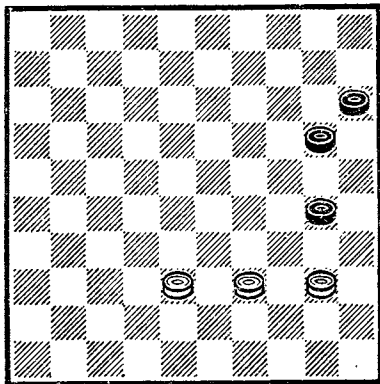

Диаграмма 127

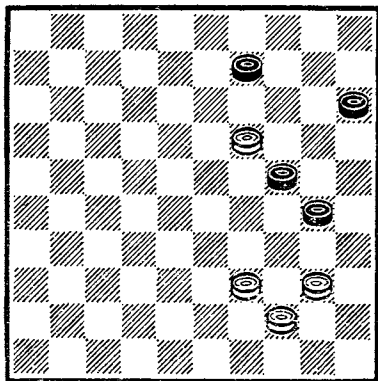

Диаграмма 128

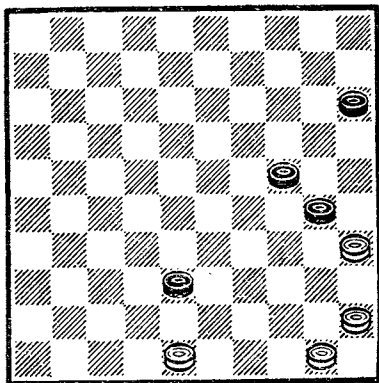
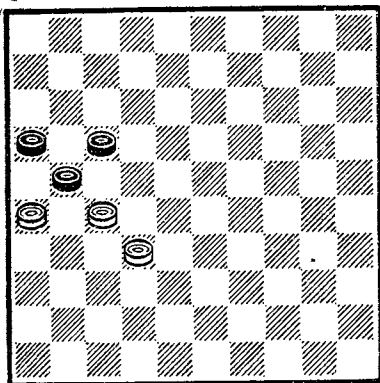
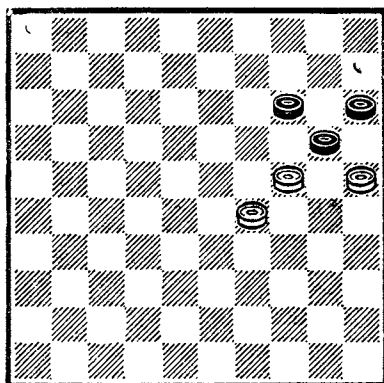

Диаграмма 129

СВЯЗКА

Диаграмма 130

СВЯЗКА

Диаграмма 131

УГРОЗЫ

Угрозы ограничивают противника в выборе ходов и заставляют его делать вынужденные ответы даже во вред своей позиции. При помощи угроз можно, при удачном стечении обстоятельств, осуществить прорыв, выиграть шашку, провести комбинацию и т. п. Диаграмма 132.

Благодаря серии угроз, которые следуют одна за другой, белые осуществляют прорыв на коротком фланге противника. 1. 34—29 с угрозой выиграть шашку 30 1... 30—35 2. 32—28. Теперь грозит ход 3. 28—23. 2... 17—21. Если 2... 18—22, то 3. 31—27 22 : 31 4. 28—23 19 : 28 5. 33 : 11 X. 3. 31—26. Угроза выиграть шашку 21. 3... 18—22, нельзя 3... 21—27 ввиду 4. 28—23 X. 4. 26 : 17 22 : 11 5. 25—20! 14 : 25 6. 29—23 с угрозой попасть на поле 5. 5... 10—14 6. 23—18 13 : 22 7. 33 : 11 X.

Диаграмма 133. Белые могут вынудить нужное расположение шашек противника для осуществления удара «Мостик». 1. 21—16 11—17 2. 16—11! 17—22 3. 37—32! Во имя идеи не жалко пожертвовать и шашку! 3... 6 : 17 4. 32—27 12—18 5. 27—21 8—12. Все подготовлено. Теперь следует комбинация: 6. 31—27 22 : 31 7. 26 : 37 17 : 26 8. 37—31 26 : 37 9. 38—32 37 : 28 10. 32 : 4 X.

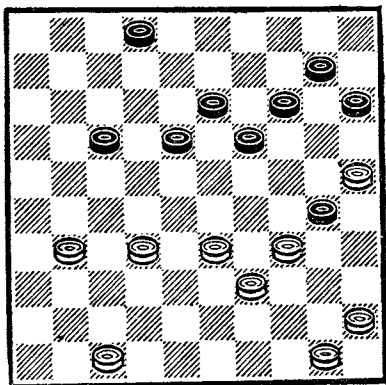

Диаграмма 132

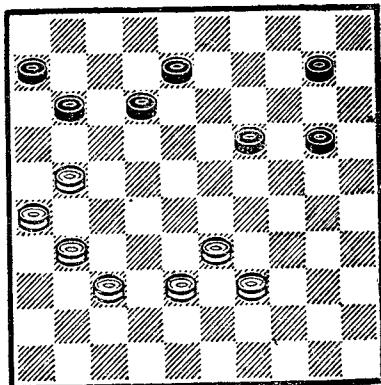

Диаграмма 133

ЛЮБКИ

Диаграмма 134. У белых дамка, у противника компенсация в виде пяти шашек. Несмотря на это, заход дамки в ворота, построенные из шашек противника — любки, позволяют белым выиграть. 1. 45—18! И куда бы черные ни пошли, они теряют, по меньшей мере, четыре шашки и проигрывают. Этот прием нередко приводит к победе.

Вот еще пример (диаграмма 135).

Ради удачного захода в любки можно отдать даже две шашки 1. 32—27 31 : 22 2. 38—33! 39 : 28 3. 19—13 18—23.

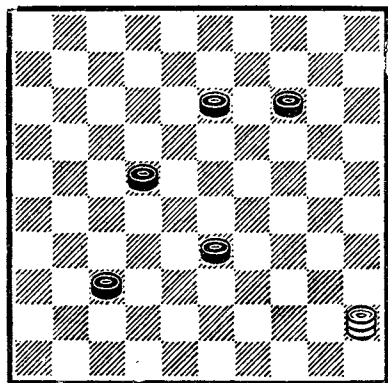

Диаграмма 134

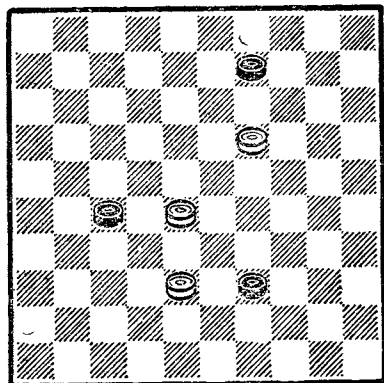

Диаграмма 135

После 3... 9—14 оппозиция в пользу белых. 4. 13 : 33 14—19 4. 33—29 X. 4. 13 : 4 28—32.

Не спасает 4... 23—29 из-за 5. 4—10 и теперь, если 5... 28—33, то 6. 10—15 X, а на 5... 29—33 решает 6. 10 : 32 33—39 7. 32—49 X. 5. 4—15 32—37. Если 5... 23—28, то 6. 15—42 X. 6. 15—10 23—29 9. 10 : 41 29—33 8. 41—32 33—29 9. 32—49 X.

Во время игры не следует все же забывать, что заход в любки — это нападение на шашки противника и в ответ с его стороны возможны различные неожиданности. Вот что случилось в одной из партий экс-чемпиона мира Бенедиктуса Шпрингера (диаграмма 136).

ШПРИНГЕР

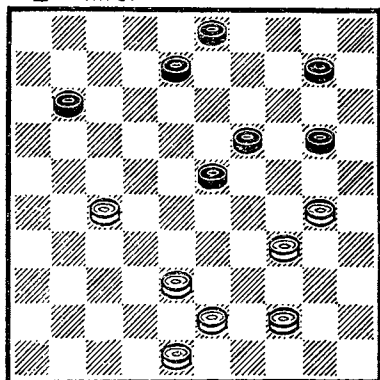

Диаграмма 136

ПОЛЬМАН

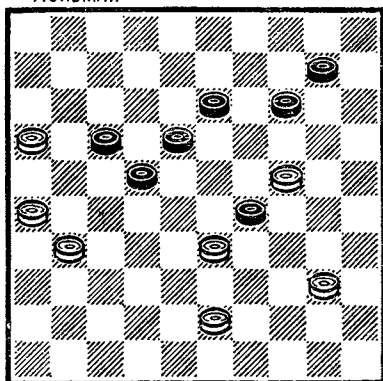

Диаграмма 137

Белые «неосторожно» сыграли 1. 27—22. Черные решили, что это грубая ошибка со стороны противника и они могут легко выиграть шашку 1... 10—14. С угрозой 2... 23—29. 2. 38—33 23—28. Казалось бы, все в порядке. После захода в любки белым не избежать потерь. Но гроссмейстер Шпрингер не зря считался виртуозом комбинационных ударов. Он нашел ошеломляющий ход 3. 30—24!! Черным пришлось бить 3... 20 : 29 4. 22 : 2, и белые выиграли.

Диаграмма 137. И здесь неосторожный ход черных в любки оказался для них роковым: 1. 31—27! 29 : 49 2. 26—21! 49 : 19 3. 21 : 23 19 : 21 4. 16 : 20 X.

Один мой приятель, мастер по шашкам, должен был выступать во Дворце пионеров с сеансом одновременной игры. Он пригласил и меня посмотреть, как ребята играют. Перед началом сеанса ко мне обратился один мальчик. Он представился Васей и сообщил, что не спал всю ночь.

— У меня тоже бессонница,— сказал я.— Имею опыт. Надо совершить прогулку и попытаться физически устать на воздухе, тогда легче уснуть.

— Я не из-за бессонницы. Не хочется проигрывать.

— Какой-нибудь новый вариант?

— Целая система. Если ее внедрить, мастерам будет трудно играть не только в турнирах, но и даже в сеансах против новичков.

— Если не секрет, поделись.

— Буду повторять ходы. Куда мастер, туда и я. Пусть мастер попробует у меня выиграть.

Начался сеанс. Нашу беседу слышали ребята, и они, естественно, заинтересовались Васиной идеей.

1. 33—28...

— Так любят играть все ведущие шашисты мира,— сказал белобрысый мальчик из зрителей.

— Рядовые любители тоже,— добавил Вася, копируя ход белых: 1... 18—23 2. 39—33 12—18.

— Обе стороны подтягивают силы к центру,— продолжал свои комментарии мальчик.

— Теоретик,— назвал его один из соседей.

Я слышал, как другой мальчик шепнул своему соседу:

— А здорово Вася придумал! Не нужно даже напрягаться. Знай следи внимательно за ходом мастера, и ничья в кармане.

3. 44—39... Вася снова собезьянничал 3... 7—12.

— Это симметричная партия,— сообщил наш «теоретик».

— Нам во дворце показывали.

— Знаю, знаю,— сказал Вася,— но теперь мне это не обязательно знать.

4. 31—26...

— Слабенько сыграно,— прокомментировал этот ход «теоретик».

— Почему? — спросил его сосед.

— Белые увели свою шашку на неактивное бортовое поле,— последовало разъяснение.

Вася недолго думая повторил и этот ход. 4... 20—25.

— Меня не так просто сбить,— сказал он.— Не зря я не спал всю ночь. Симметрия и только симметрия. (Диаграмма 138).

5. 28—22! Все замерли. Затем кто-то воскликнул:

— Здорово, Вася, можешь идти отсыпаться!

5... 17 : 28.

— Приходится,— сказал кто-то.— Если бить 5... 18 : 27, то катастрофа наступит еще быстрее 6. 32 : 21 16 : 27 7. 34—30 25 : 34 8. 40 : 16 X.

6. 33 : 22 18 : 27 7. 32 : 21 16 : 27 8. 34—30 25 : 34 9. 40 : 16.

Оставшись без двух шашек, Вася сдался.

— Вот так система! — сказал кто-то из ребят.— Не так просто обезьянничать.

— Это нехарактерно,— ответил Вася.— Я следил за симметрией и забыл о комбинационных ударах. Надо смотреть

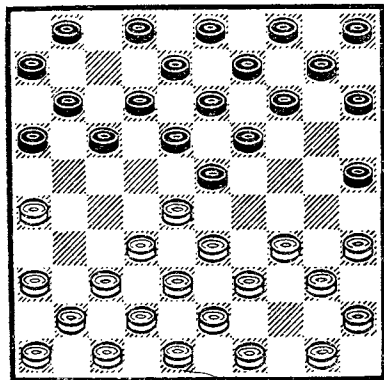

Диаграмма 138

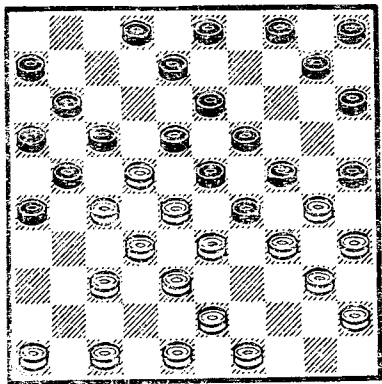

Диаграмма 140

ного хода. Все его шашки заперты.

Через некоторое время Вася сдался. Ему действительно не хватало одного хода. Вот что получается, если механически копировать ходы противника.

Для того чтобы с тобой не случились подобные истории, внимательно следи за замыслами противника в дебюте. Ведь в дебюте масса тонких ловушек. Никогда не нужно считать, что противник не понимает твоих замыслов. Такая самоуверенность может при-

вести к гибели. Необходимо понять цель каждого хода противника.

Дебют — начальная стадия партии — длится примерно первые 8—15 ходов. Твоя задача в дебюте — лучше расположить свои силы перед грядущими боями в миттельшпиле. Еще лучше, если удастся выйти из дебюта с небольшим позиционным преимуществом. Это так называемая стратегическая позиционная задача. Но есть еще и тактика — комбинационная сторона.

После первого же хода тебя подстерегает много опасностей. Один непродуманный ход — и может грянуть гром комбинаций со стороны противника.

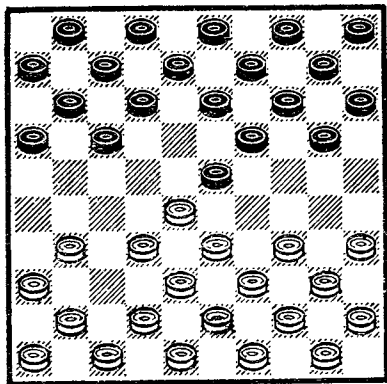
Вряд ли можно и целесообразно рассказывать о всех ловушках и западнях, которые таит в себе начальная стадия партии. Я познакомлю тебя с некоторыми из них. Пусть это первое знакомство обогатит арсенал комбинационных идей, которые ты знаешь, и послужит хорошим предостережением.

Итак, привожу двадцать показательных партий-малышек. Некоторые из них полезно запомнить.

ДЕБЮТНЫЕ СЮРПРИЗЫ

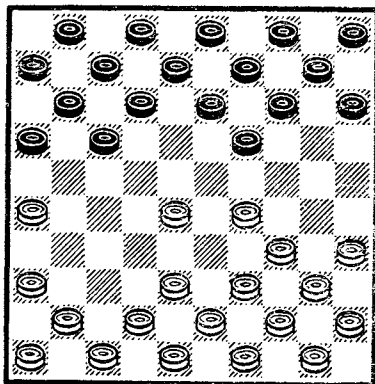
Партия № 1. 1. 32—28 18—23 2. 37—32?

Диаграмма 141. Позиция очень часто встречается в партиях начинающих любителей, поэтому важно запомнить способ выигрыша черных.

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 141

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 142

2... 23—29! 3. 33 : 24. Если бить другой шашкой 3. 34 : 23, то сразу 3... 17—22 4. 28 : 17 19 : 26 X.

3... 20 : 29! 4. 34 : 23 17—22 5. 28 : 17 19 : 26 с выигрышем двух шашек.

Партия № 2. 1. 32—28 18—23 2. 33—29 23 : 32 3. 37 : 28 20—25 4. 31—26?

(Диаграмма 142.)

Непоправимая ошибка, ведущая к потере двух шашек.

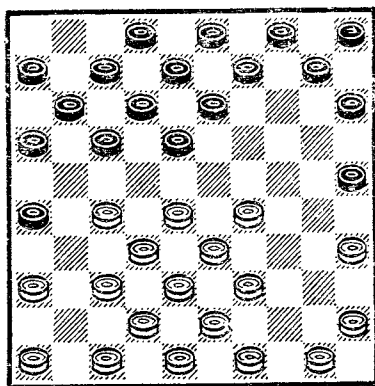
4... 17—21 5. 26 : 17 11 : 24, и белые сдались.

Партия № 3. 1. 32—28 17—21 2. 37—32 11—17 3. 41—37 7—11 4. 31—27 19—23 5. 28 : 19 14 : 23 6. 34—29 23 : 34 7. 40 : 29 20—25 8. 33—28 1—7 9. 39—33 21—26 10. 44—39?

Дает возможность черным выиграть шашку 10... 17—22 11. 28 : 17 11 : 31 12. 36 : 27 18—23 13. 29 : 18 13 : 31, и вскоре белые сдались.

Так игралась партия Санирсад — Куперман из Олимпийского турнира на первенство мира 1964 года.

Партия № 4. 1. 33—28 18—23 2. 31—27 13—18 3. 34—30 20—25? (Диаграмма 144.)

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 143

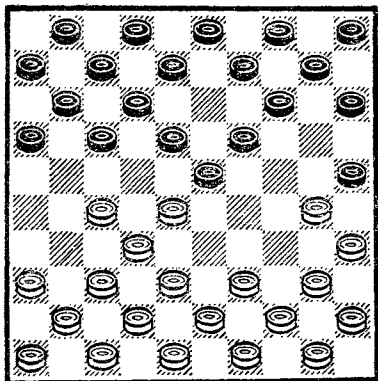
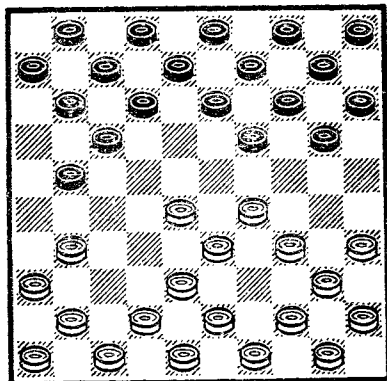

Диаграмма 144

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 145

4. 28—22! 17 : 28. После 4... 25 : 34 5. 22 : 24 черные теряют две шашки. 5. 38—33 25 : 34 6. 33 : 24 X.

Партия № 5. 1. 32—28 18—23 2. 33—29 23 : 32 3. 37 : 28 16—21! Хороший ход с ловушкой. 4. 39—33? Замысел белых увенчался успехом (диаграмма 145).

4... 21—27! 5. 31 : 22 19—23! Необходимо убрать шашку с поля 28. 6. 29 : 18. Если 6. 28 : 19, то 6... 17 : 30 X.

6... 12 : 32 7. 38 : 27 17 : 30 X.

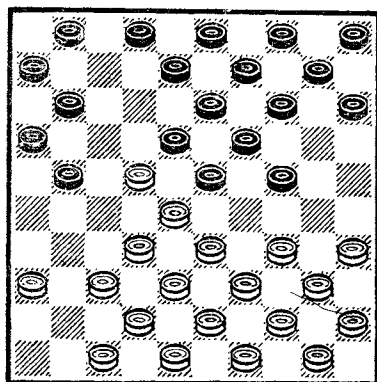

Диаграмма 146

Партия № 6. 1. 32—28 18—22 2. 37—32 12—18 3. 41—37 7—12 4. 46—41 18—23 5. 31—27 22 : 31 6. 36 : 27 17—21 7. 41—36 20—24 8. 27—22!

Теперь белые создали три угрозы: 9. 33—29, 9. 22—18, 9. 22—17. Стремясь избавиться от этих угроз, черные атаковали авангардную шашку 22. 8... 12—18? Надо было 8... 11—17 9. 22 : 11 16 : 7 =. (Диаграмма 146.)

Перед тем как нападать на шашку противника, надо тщательно взвесить все возмож-

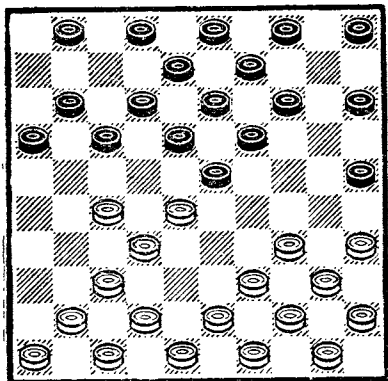
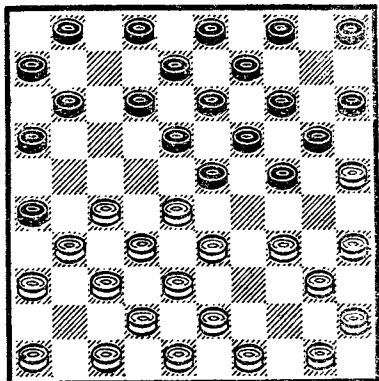

Диаграмма 147

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 148

ные последствия. Теперь следует кинжальный удар. 9. 22—17! 21 : 12. Приходится брать эту шашку. При 9... 11 : 22 10. 28 : 26 сразу теряется шашка. 10. 28—22 18 : 27 11. 32 : 21 16 : 27. Все готово для «Удара Филиппа» 12. 33—29 24 : 33 13. 38 : 16 с лишней шашкой у белых. При правильной игре выигрыша одной шашки в начале партии вполне достаточно для победы.

Партия № 7. 1. 32—28 17—22 2. 28 : 17 11 : 22.

Этот размен с успехом применяет в турнирах экс-чемпион мира международный гроссмейстер Вячеслав Щеголев.

2. 37—32 12—17 3. 31—26 19—23 4. 36—31 6—11 5. 31—27 22 : 31 6. 26 : 37 7—12 7. 32—27 14—19 8. 38—32 10—14 9. 33—28 20—25? (Диаграмма 147.)

Не подозревая о нависшей опасности, черные попадают на скрытую комбинацию. 10. 28—22! Белым необходимо удалить черные шашки с полей 16 и 18, тогда станет возможным «Удар Филиппа» 40 : 16. 10... 17 : 28 11. 27—21 16 : 38 12. 42 : 22 18 : 27 13. 34—30 25 : 34 14. 40 : 16 X.

Партия № 8. 1. 31—27 20—24 2. 34—30 17—21 3. 33—28 18—23 4. 37—31 14—20 5. 41—37. Нельзя было нападать 5. 31—26? из-за 6. 23—29! 26 : 17 7. 11 : 31! 36 : 27 8. 29—33 38 : 29 9. 24 : 31 X. 5... 10—14. Теперь уже черные не могут заходить в угол (5... 20—25) из-за такой же комбинации. 6. 30—25 21—26 7. 39—33 12—18 8. 44—39 7—12 9. 39—34? (Диаграмма 148.)

С виду это естественный ход. На самом деле он ведет к потере шашки из-за удара, который носит название «Бом-

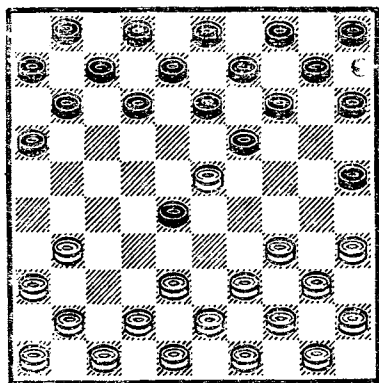
ба». 9... 24—30! 10. 35 : 24 19 : 39 11. 28 : 10 39 : 28! 12. 25 : 14 9 : 20 13. 32 : 23 18 : 29, и белая шашка на поле 10 гибнет на следующем ходу.

Партия № 9. 1. 32—28 18—23 2. 33—29 23 : 32 3. 37 : 28. Популярное начало. Белые с первых же ходов стремятся к захвату центра 3... 20—25 4. 28—22? (Диаграмма 149.)

Белые решили временно пожертвовать шашку, надеясь ее сразу же отыграть. Но жертва оказалась неудачной.

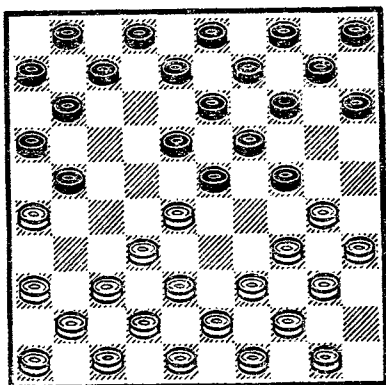
4... 17 : 28 5. 28—23 19—24! На естественное 5... 28—32 6. 38 : 27 19 : 28 белые рассчитывали ответить 7. 27—21 16 : 27 8. 31 : 33, но их ждет горькое разочарование.

6. 23 : 32 24—29! 7. 34 : 23 25—20 8. 35 : 24 13—19 9. 24 : 13 8 : 26 с лишней шашкой у черных.

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 149

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 150

Партия № 10. 1. 33—28 18—23 2. 34—30 20—24 3. 40—34 12—18 4. 45—40 17—21 5. 31—26? (Диаграмма 150.)

Впечатление таково, что в этой позиции белым можно играть, не опасаясь комбинации. Ведь все их дамочные поля и подступы к ним прочно закрыты. Решетчатости тоже нет. Несмотря на это, черным все же удастся нащупать слабость в лагере противника. Для достижения цели черные в ходе комбинации дважды используют правило боя большинства.

5... 23—29! 6. 34 : 12 7 : 18! 7. 26 : 17 11 : 33 8. 38 : 20 14 : 45, и у черных на шашку больше. Так выиграл четверть века назад у одного любителя известный мастер Голландии Г. Гортманс.

Партия № 11. 1. 31—27 20—25 2. 32—28 19—23 3. 28 : 19 14 : 23 4. 37—32 10—14 5. 41—37 5—10 6. 46—41 17—22 7. 37—31? (Диаграмма 151).

Белые на мгновение создали решетчатость к полю 46. Этого оказалось достаточно для голландского мастера Берка, чтобы прорваться в дамки. 7... 22—28! 8. 33 : 22 16—21 9. 27 : 16 18 : 27 10. 32 : 21. Уже не имеет значения, как белые будут брать. 10... 23—29 11. 34 : 23 12—18 12. 23 : 12 8 : 46 X.

Партия № 12. 1. 31—27 17—22 2. 37—31 11—17 3. 31—26 22 : 31 4. 26 : 37 17—22 5. 37—31 6—11 6. 32—27 1—6 7. 41—37 12—17 8. 33—29 19—24? (Диаграмма 152.)

9. 27—21! В ответ на атаку черных следует штыковой контрудар на противоположном фланге. У черных три воз-

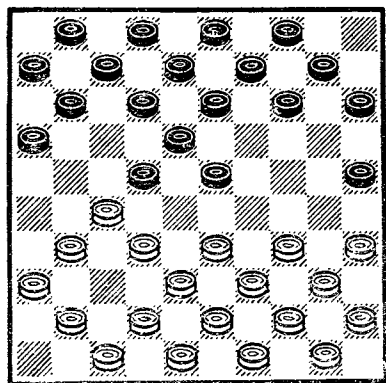

Диаграмма 151

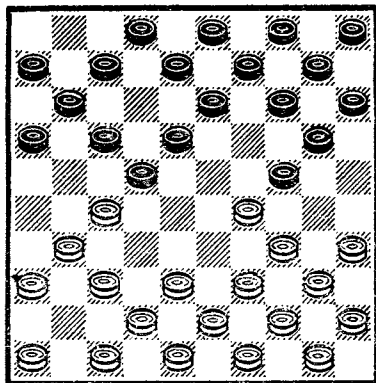
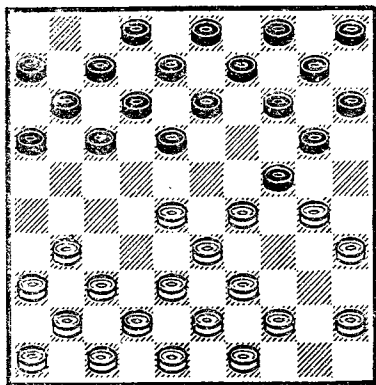

Диаграмма 152

можности, но две из них отпадают. Нельзя брать 9... 24 : 33 из-за 10. 21 : 1. После 9... 16 : 27 следует 10. 37—32 24 : 33 11. 32 : 1 X. Поэтому черные побили: 9... 17 : 26 10. 35—30! Контрудары сыплются со всех сторон. 10... 24 : 33. При 10... 24 : 35 решает 11. 29—24 20 : 29 12. 34 : 1 X. 11. 39 : 17 11 : 22 12. 30—24 20 : 29 13. 34 : 1. Черные сдались. Так выиграл мастер В. Солныков у Кочкина в чемпионате Москвы.

Партия № 13. 1. 32—28 18—23 2. 34—29 23 : 34 3. 40 : 29 12—18 4. 44—40 7—12 5. 50—44 19—24 6. 40—34 1—7 7. 34—30? (Диаграмма 153.)

Черные только этого и ждали. Они заготовили комбинационный план проникновения на открытое дамочное поле 50.

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 153

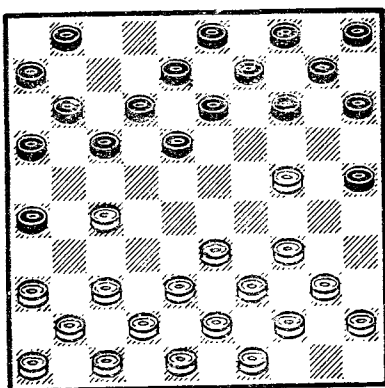

Диаграмма 154

7... 16—21! 8. 30 : 19 14 : 34 9. 39 : 30 18—23! 10. 28 : 19 13 : 24 11. 30 : 19 21—27 12. 31 : 22 17 : 50 X.

Партия № 14. 1. 32—28 17—22 2. 28 : 17 12 : 21 3. 34—30 20—25 4. 30—24 19 : 30 5. 35 : 24 21—26 6. 40—34 11—17 7. 45—40 7—11 8. 31—27 8—12.

На ход 8... 2—7 белые выигрывали при помощи комбинации: 9. 27—21 16 : 27 10. 37—31 26 : 37 11. 41 : 23 X. 9. 50—45 2—8? (Диаграмма 154.)

Черные не подозревают о нависшей опасности. Через несколько ходов их позиция неминуемо рухнет, как карточный домик.

10. 24—19! 14 : 23. Бой в другую сторону 10... 13 : 24 приводит к комбинации: 11. 27—21 16 : 27 12. 37—31 26 : 37 13. 42 : 2 X. 11. 27—21! 16 : 27 12. 37—31 26 : 37 13. 42 : 22 17 : 28 14. 33 : 22 18 : 27 15. 34—30 25 : 34 16. 40 : 16 X.

Партия № 15. 1. 34—30 18—23 2. 30—25 12—18 3. 40—34 7—12 4. 34—30 1—7 5. 31—26 17—21 6. 26 : 37 12 : 21 7. 37—31!

Коварный ход. Белые провоцируют противника атаковать эту шашку. 7... 21—26? (Диаграмма 155.)

Роковая неосторожность. Теперь следует скрытая комбинация. 8. 33—29! 26 : 28 9. 30—24! 19 : 30. После 9... 23 : 34 10. 39 : 30 20 : 29 белые проходят в дамки: 11. 38—33 29 : 38 12. 43 : 1 X. 10. 35 : 24 23 : 34 11. 39 : 30 20 : 29 12. 38—33 28 : 39 13. 43 : 1 X.

Партия № 16. 1. 32—28 18—23 2. 38—32 12—18 3. 31—

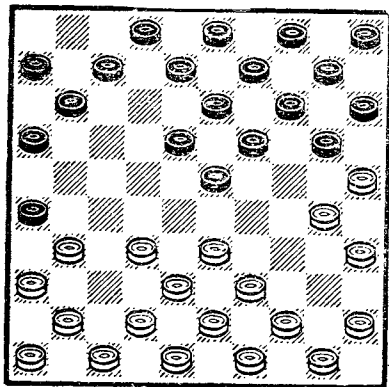
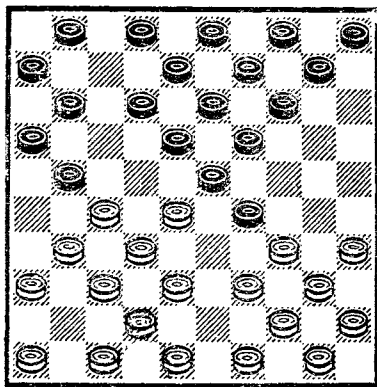

Диаграмма 155

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 156

27 7—12 4. 43—38 17—21 5. 33—29 20—24 6. 29 : 20 15 :
: 24 7. 36—31 24—29! (Диаграмма 156.)

Черные расставляют сразу две ловушки 8. 41—36?

Этот естественный ход ведет к немедленному разгрому. К потере шашки приводил 8. 31—26 из-за ответа 8... 29—33!
9. 38 : 29 10—15 10. 26 : 17 11 : 24 X.

8... 19—24! 9. 28 : 30 13—19 10. 34 : 23 19 : 28 11. 32 : 23
21 : 25.

Белые сдались. Их шашка 28 тоже гибнет. Так закончилась партия. В. Криворук — И. Куперман в командном первенстве страны.

Партия № 17. 1. 34—29
19—23 2. 39—34 14—19 3.
44—39 10—14 4. 33—28 17—
22 5. 28 : 17 11 : 22 6. 38—33
7—11 7. 50—44 1—7 8. 42—
38 5—10 9. 31—26 12—17?
(Диаграмма 157.)

Непростительная оплошность, ведущая к гибели. 10.
26—21! Красивый и неожиданный удар с фланга.

10... 17 : 26 11. 32—28 23 :
: 32 12. 37 : 17 11 : 22. Теперь
дорога в дамки расчищена.

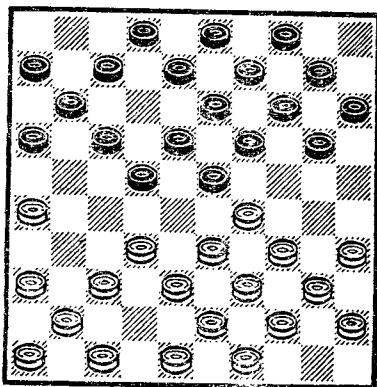

Диаграмма 157

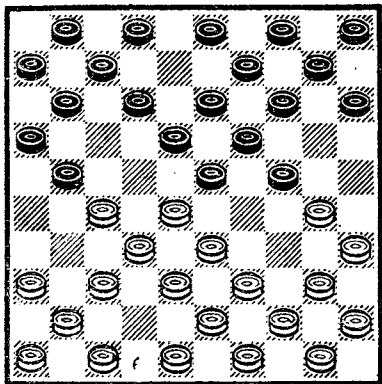

Диаграмма 158

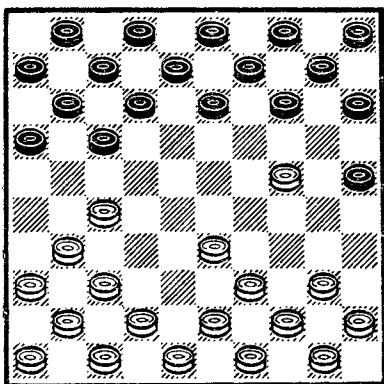

Диаграмма 159

13. 29—24 19 : 30 14. 35 : 24 20 : 29 15. 34 : 1. Черные сдались.

Комбинацию осуществил гроссмейстер В. Щеголев против ленинградского мастера С. Гершта.

Партия № 18. 1. 31—27 19—23 2. 33—28 13—19 3. 34—30 8—13 4. 38—33 17—21 5. 42—38 20—24? (Диаграмма 158.)

У обеих сторон по двадцать шашек, сделано всего по несколько ходов, но у белых уже есть отличная комбинация, ведущая к выигрышу шашки. 6. 27—22! 18 : 27 7. 33—29!!

Изумительный удар, получивший название «Полумесяц».

Черные обязаны брать три шашки.

7... 24 : 31. Этот удар напоминает полумесяц. 8. 30—24 27 : 38 9. 43 : 32 19 : 30 10. 28 : 37, и шашка 30 гибнет. Так развивалась партия В. Звирбулис — Ю. Файнберг.

В заключение приведем две позиционные ловушки в дебюте.

Партия № 19. 1. 34—30 20—25 2. 30—24 19 : 30 3. 35 : 24 18—23 4. 32—28 23 : 32 5. 38 : 27? (Диаграмма 159.)

Теперь коловая шашка будет атакована с поля 19 и погибнет. Ведь защищать ее могут только пять белых шашек (40, 44, 45, 49, 50), а атаковать шесть черных (3, 4, 5, 9, 10, 14).

5... 14—19! 6. 40—35 19 : 30 7. 35 : 24 10—14 8. 45—40 14—19 9. 40—35 19 : 30 10. 35 : 24 9—14 11. 44—40 14—19 12. 40—35 19 : 30 13. 35 : 24 5—10 14. 50—45 10—14 15.

45—40 14—19 16. 40—35 19 :
: 30 17. 35 : 24 3—9 18. 49—
44 9—14 19. 44—40 14—19
20. 40—35 19 : 30 21. 35 : 24.
Белые выдохлись. У них не
осталось ни одной защиты для
коловой шашки. У черных еще
в резерве шашка 4.

21... 4—9 22. 42—38 9—14
и последующим ходом 23...
14—19 черные выигрывают
коловую шашку.

Партия № 20. 1. 32—28
18—22 2. 37—32 12—18 3.
41—37 7—12 4. 32—27 20—
24 5. 34—30 1—7?

Ведет к неминуемой поте-
ре шашки (диаграмма 160).

6. 38—32 14—20. Хотя на доске еще все шашки, у чер-
ных два хода. Не меняет дела и 6... 15—20.

7. 30—25! 10—14. Если закрываться шашкой 9, финал
будет тот же. 8. 43—38 4—10 9. 49—43 24—29. Приходится.
Ничего другого у черных нет. 10. 33 : 24 22 : 33. Если 10...
20 : 29, то 11. 28—23 с выигрышем шашки. 11. 39 : 28 20 :
: 29 12. 28—23 19 : 28 13. 32 : 34 X.

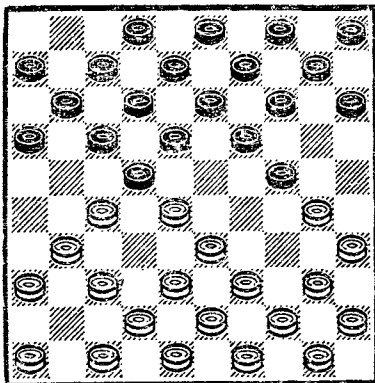

Диаграмма 160

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПОПУЛЯРНЫХ НАЧАЛ

Теперь познакомимся с первыми ходами наиболее попу-
лярных схем игры в дебютах. Это может пригодиться в прак-
тической игре. Первый ход белых определяет дебют. Ответ
черных — систему игры. От дальнейших ходов зависит вы-
бор того или иного варианта.

После 1. 33—28 возникает Голландский дебют. При 1.
32—28 получается дебют Рафаэля. Польский дебют полу-
чается при ходе 1. 31—27, и дебют Роозенбурга после 1.
33—29.

Голландский дебют (1.33—28)

I. Симметричная система (1... 18—23).

Вариант де Гааза: 1. 33—28 18—23 2. 31—27 20—24
3. 34—30 17—21 4. 39—33 12—18 5. 37—31 7—12 6. 31—

26 14—20 7. 26 : 17 11 : 31 8. 36 : 27 20—25 9. 44—39 25 :
: 34 10. 40 : 20 15 : 24 и т. д.

Вариант Гогланда: 1. 33—28 18—23 2. 39—33 12—18
3. 44—39 7—12 4. 31—27 20—24 5. 37—31 14—20 6. 41—37
10—14 7. 34—29 23 : 34 8. 40 : 29 17—22 9. 28 : 17 12 : 21
10. 27—22 18 : 27 11. 31 : 22 и т. д.

Атака Молимара: 1. 33—28 18—23 2. 39—33 12—18 3.
44—39 7—12 4. 50—44 1—7 5. 31—27 17—21 6. 37—31
23—29 7. 33 : 24 20 : 29 8. 34 : 23 18 : 29 и т. д.

Вариант Дюмона: 1. 33—28 18—23 2. 39—33 12—18 3.
44—39 7—12 4. 31—27 20—24 5. 34—30 17—21 6. 37—31
14—20 7. 30—25 21—26 8. 25 : 14 9 : 20 9. 39—34 26 : 37
10. 42 : 31 12—17 11. 49—44 17—21 12. 44—39 21—26 13.
41—37 1—7 14. 47—42 7—12 и т. д.

Симметричный вариант: 1. 33—28 18—23 2. 31—27
20—24 3. 34—30 17—21 4. 39—33 12—18 5. 44—39 7—12
6. 30—25 21—26 7. 40—34 11—17 8. 34—30 17—21 9. 50—
44 1—7 10. 44—40 7—11 и т. д.

Вариант Фабра: 1. 33—28 18—23 2. 35—30 20—25 3.
39—33 12—18 4. 40—35 7—12 5. 34—29 25 : 34 6. 29 : 40
и т. д.

II. Система с 1... 18—22.

1. 33—28 18—22 2. 38—33 12—18 3. 42—38 7—12 4.
47—42 1—7 5. 34—29 19—23 6. 28 : 19 14 : 34 7. 40 : 29
10—14 и т. д.

III. Система с 1... 17—21.

1. 33—28 17—21 2. 31—26 20—24 3. 26 : 17 11 : 33 4.
38 : 20 15 : 24 5. 32—28 6—11 6. 37—32 11—17 7. 41—37
17—21 8. 43—38 18—23 9. 36—31 12—18 10. 31—27 и т. д.

Дебют Рафаэля [1.32—28]

I. Разменная система (1... 19—23).

1. 32—28 19—23 2. 28 : 19 14 : 23 3. 37—32 10—14 4.
34—30 14—19 5. 30—25 17—21 6. 25 : 14 19 : 10 7. 41—37
10—14 8. 31—27 5—10 9. 40—34 и т. д.

II. Система (1... 18—23).

1. 32—28 18—23 2. 33—29 23 : 32 3. 37 : 28 19—24 4. 39—33 14—19 5. 44—39 20—25 6. 29 : 20 25 : 14 7. 41—37 19—23 8. 28 : 19 14 : 23 9. 37—32 10—14 10. 46—41 5—10 11. 41—37 14—19 и т. д.

III. Система Пита Росзенбурга (1... 16—21).

1. 32—28 16—21 2. 31—26 18—22 3. 37—32 11—16 4. 41—37 7—11 5. 37—31 21—27 6. 32 : 21 16 : 27 7. 46—41 1—7 и т. д.

IV. Система Дюмона (1... 20—24).

1. 32—28 20—24 2. 34—30 14—20 3. 30—25 10—14 4. 37—32 18—23 5. 42—37! 17—21 6. 31—26 4—10 7. 26 : 17 12 : 21 8. 36—31 21—26 9. 31—27 7—12 и т. д.

Польский дебют [1.31—27]

1. 31—27 17—21 2. 37—31 21—26 3. 41—37 (или 3. 32—28 26 : 37 4. 41 : 32 и т. д.) 3... 19—23 4. 33—28 14—19 5. 39—33 10—14 6. 34—30 20—24 7. 30—25 11—17 8. 27—22 18 : 27 9. 31 : 11 6 : 17 10. 36—31 и т. д.

Дебют Пита Роозенбурга [1.33—29]

1. 33—29 19—23 2. 35—30 20—25 3. 40—35 14—19 4. 44—40 10—14 5. 50—44 23—28 6. 32 : 23 19 : 28 7. 38—33 16—21 8. 33 : 22 17 : 28 и т. д.

Середина игры (миттельшпиль)

Точную границу между дебютом и миттельшпилем провести невозможно. Считают, что середина игры наступает после того, как сделано 15—20 ходов и на доске осталось по 15—16 шашек у каждой стороны.

Завершается миттельшпиль, когда у сторон остается совсем мало шашек.

Отсюда видно, что середина игры — самая сложная и длительная стадия шашечной партии. Поэтому ее иногда даже делят на две части — первый миттельшпиль и второй миттельшпиль.

В миттельшпиле перед тобой открывается большое поле деятельности для применения накопленных знаний в области комбинации, приемов позиционной игры и личного турнирного опыта.

Миттельшпиль еще очень мало изучен. Сейчас в этом направлении делаются первые шаги. Причем начинается изучение со второго миттельшпиля, когда у сторон по 11 и меньше шашек.

Бесчисленное множество позиций второго миттельшпиля можно классифицировать на группы по характерному рисунку шашек на доске. Для каждой группы возможно проведение аналогичных схем игры.

Рассмотреть все группы невозможно и нет необходимости. Здесь мы рассмотрим наиболее популярную группу — классические позиции.

Они часто встречаются в партиях и в настоящее время наиболее изучены. Характерной деталью в рисунке этих позиций являются белые шашки на полях 28, 32 и черные на соответственных полях 19 и 23.

Наиболее известной классической позицией является следующее положение (диаграмма 161).

Позиция была открыта и исследована в начале прошлого столетия выдающимся сенегальским шашистом Вальдуби. Первый анализ этой позиции опубликован в 1911 году. В дальнейшем аналитики многих стран дополняли анализ Вальдуби. Решающий вклад в

анализ этой позиции внес воспитанник Киевского Дворца пионеров Игорь Косминский. Если ты внимательно всмотришься в эту позицию, то заметишь, что она почти симметричная. Белые только опередили противника в развитии на два хода¹. В классических позициях это плохо. Лучше несколько отставать в развитии и иметь запас резервных ходов. Анализы подтверждают это мнение. Привожу основной вариант, так как весь анализ громоздок. 1. 34—29 23 : 34 2. 30 : 39 18—23 3. 27—22! Этот странный на вид ход является единственным. После 3. 39—34 13—18 у белых проигрыш.

3... 12—17. Нападение на шашку 3... 12—18 приводило после 4. 39—34 18 : 27 5. 34—30 к ничейной позиции. Теперь, если 5... 27—31, то 6. 33—29!, а на 5... 13—18 следует 6. 28—22 23—28 7. 32 : 12 27 : 7 8. 33—28 24—29 9. 38—33 29 : 38 10. 37—32 38 : 27 11. 30—24 со спасительным прорывом в дамки. 4. 22 : 11 16 : 7 5. 28—22! 7—12 6. 22—17! 12—18 7. 32—28!! 23 : 34 8. 17—11.

ПОЗИЦИЯ ВАЛЬДУБИ

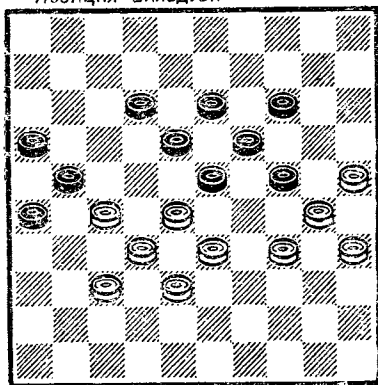
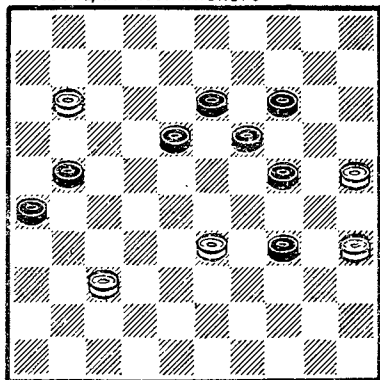

Диаграмма 161

¹ Полная симметрия была бы при нахождении шашки 34 на поле 39. Но теперь очередь хода за белыми, поэтому можно говорить, что белые опережают в развитии черных не на один, а на два хода.

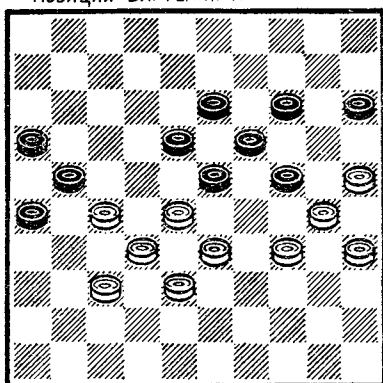
ПОЗИЦИЯ КОСМИНСКОГО

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 162

ПОЗИЦИЯ БАРТЕЛИНГА

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 163

И, несмотря на три лишние шашки, выигрыша у черных нет! (Диаграмма 162.)

У черных (диаграмма 163) отсталая шашка на поле 15. Это является причиной их проигрыша.

1... 15—20. Не спасает комбинация 1... 24—29 2. 33 : 24 15—20 3. 24 : 15 18—22 4. 27 : 20 21—27 5. 32 : 21 23 : 41. Так как возникший эндшпиль проигран для черных. 2. 34—29 23 : 34 3. 30 : 39 18—23 4. 39—34 13—18 5. 34—30 23—29 6. 28—22 18—23 7. 33—28, и белые выигрывают.

ПОЗИЦИЯ ФАБРА

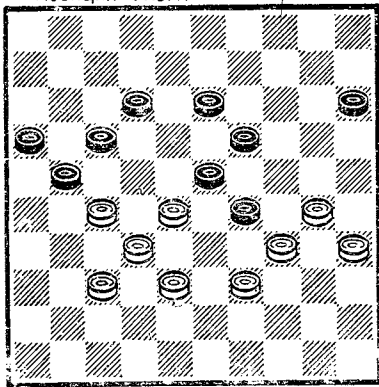

Диаграмма 164

Теперь познакомимся с двумя любопытными позициями-близнецами экс-чемпиона мира Мариуса Фабра (Франция).

Последний ход черных (24—29) неудачен (диаграмма 164). Он приводит к тому, что черные теряют контроль над важным в классической позиции полем 24. Это и явится причиной проигрыша.

1. 39—33 29 : 40 2. 35 : 44 15—20. Белые угрожали ходом 30—24. Поэтому черным нельзя было ходить ни 2... 12—18, ни 2... 21—26. Если бы они пошли 2... 13—18, то по-

ПОЗИЦИЯ ФАБРА

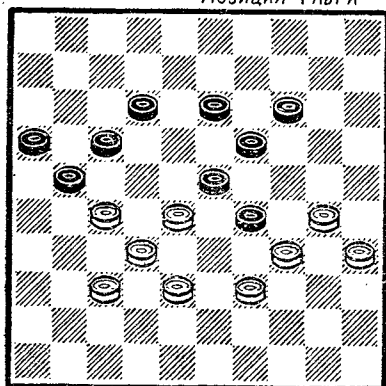
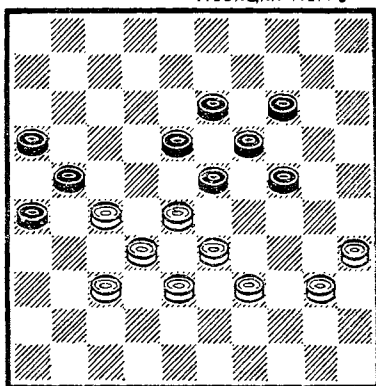

Диаграмма 165

ПОЗИЦИЯ ПЕРРО

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 166

следовало бы 3. 44—39 X. 3. 27—22! 20—24. Ничего лучше-го у черных нет. Здесь опять невозможны ходы 3... 12—18 или 3... 21—26 из-за 4. 22 : 11 16 : 7 5. 30—24 X. При 3... 20—25 4. 22 : 11 25 : 34. Следует 5. 33—29 X. 4. 22 : 11 16 : 7 5. 33—29!! Эффектный удар. 5... 24 : 31 6. 30—24 19 : 30 7. 28 : 37 с выигрышем.

Диаграмма 165. В отличие от предыдущей позиции здесь черная шашка расположена не на 15, а на 14 поле. Это дает им возможность достичь ничьей. 1. 39—33 29 : 40 2. 35 : 40 17—22!! Черные опережают противника и успевают раньше осуществить удар «Полумесяц» 3. 27 : 20 21—27 4. 32 : 21 23 : 41, и ничья.

Во многих классических позициях обладание особым бортовым полем имеет большое значение. (Диаграмма 166.)

Черные добиваются победы при помощи занятия поля 25. 1... 14—20 2. 40—34. После 2. 28—22 следует 2... 23—28 3. 32 : 25 21 : 45 с прорывом в дамки. 2... 20—25 3. 28—22 23—28! 4. 32 : 14. Нельзя бить 4. 32 : 12 из-за 4... 21 : 43! 5. 39 : 48 24—30 6. 35 : 24 19 : 8 X. 4... 21 : 41 5. 14—10 18 : 27 6. 33—28. Белым некуда ставить дамку. Если 6. 10—5, то 6... 41—46 X. После 6. 10—4 26—31 7. 4 : 18 31—36 дамка гибнет. 6... 41—46 7. 35—30. При 7. 10—4 46 : 45 8. 4 : 36 26—31! у черных выигрыш. 7... 46 : 5 8. 30 : 8 5—23, и белые беззащитны.

Слабость одного из флангов, как известно, является серьезным недостатком позиции. (Диаграмма 167.)

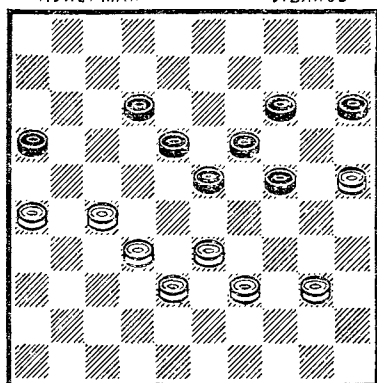
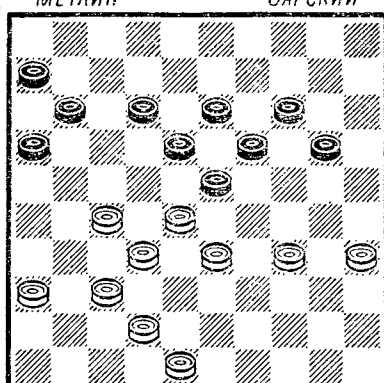

Диаграмма 167

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 168

Здесь этот изъят в положении черных сочетается еще с отсталой шашкой 15. 1. 33—28! 12—17. Нельзя ходить 1... 24—29 из-за 2. 38—33! 29 : 38 3. 32 : 43 23 : 21 4. 26 : 8 X. После 1... 23—29 следует 2. 28—22 18—23 3. 22—17 12 : 21 4. 16 : 27 14—20 5. 25 : 14 19 : 10 6. 40—35 X. На 1... 15—20 решает 2. 28—22 X. 2. 39—33 16—21. При 2... 15—20 3. 40—35 у черных нет ни одного хода. 3. 27 : 16 23—29 4. 16—11! 17 : 6 5. 26—21, черные сдались.

Огромную роль в классических позициях играет «Олимпик» (упор из белых шашек 45, 40 или черных 6, 11). Он позволяет при помощи комбинационных угроз на «Королевский удар» влиять на оценку всей позиции.

Диаграмма 168. «Олимпик» позволяет черным форсировать победу 1... 20—24 2. 34—30 23—29! 3. 42—38 29—34! 4. 30 : 39 24—29 5. 33 : 24 19 : 30 6. 35 : 24 18—23 7. 28 : 17 11 : 44 с разгромом. Другие позиции миттельшпиля подробно рассматриваются в моей книге «Стратегия в стоклеточных шашках».

Техника эндшпиля

Ни в какой стадии не требуется такого точного расчета, как в эндшпили. Цель игры в эндшпили — реализация полученного ранее преимущества. Доведение его до победы или максимальное затруднение противнику пути к ничьей, когда преимущество недостаточно для выигрыша. Если твое положение хуже, то цель игры в эндшпили — спасение. Без овладения техникой игры в эндшпили невозможно стать мастером. Поэтому изучим эндшпиль. Ты его обязательно полюбишь, а я на первых порах помогу в нем разобраться.

О СИЛЕ ДАМКИ

Сколько шашек равно дамке? Это вопрос не праздный. Предположим, у тебя во время игры есть возможность прорваться в дамки ценой жертвы двух шашек. Стоит ли идти на это? Чтобы правильно решить этот вопрос, надо знать соотношение между дамкой и простыми. Конечно, дамка на столеточной доске — большая сила. Ведь доска огромная, а дамка может за один ход пересечь ее из конца в конец. Попробуй сделать это простой шашкой. Сколько на это потребуется времени? Да и препятствий на пути будет немало. Но не всегда сила и подвижность дамки одинаковы.

Диаграмма 169. Здесь дамка легко выигрывает против шести черных шашек при любой очереди хода. Попробуй разыграть эту позицию, и ты убедишься в силе дамки.

А здесь (диаграмма 170) даже две шашки белых победят вражескую дамку и простую 1. 34—30! 25 : 45 2. 43—39 X.

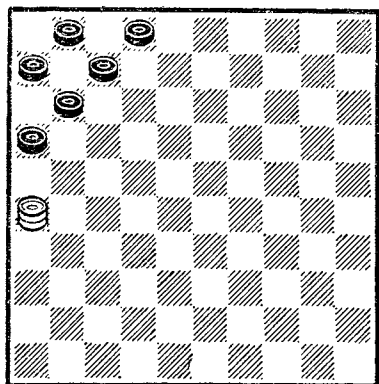

Диаграмма 169

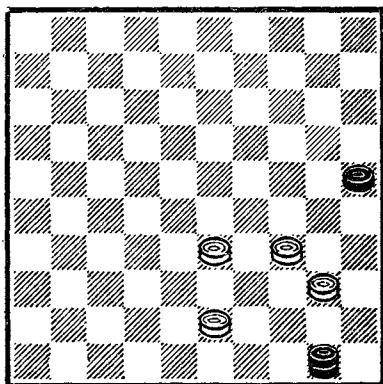

Диаграмма 170

Эти примеры показывают, что на все случаи жизни невозможно определить точное соотношение между дамкой и простыми. Много зависит от их взаимного расположения на доске.

В общем, все же считается, что если есть возможность прорваться в дамки ценой потери одной, двух и изредка даже трех шашек и дамка будет в безопасности, то на это стоит идти.

Познакомимся с некоторыми эндшпилями, имеющими практическое значение.

БОРЬБА ПРОСТЫХ

Для правильного разыгрывания этих положений важно уметь точно рассчитывать позицию, знать побольше приемов и идей.

Резко возрастает роль оппозиции и прорывов в дамки.

Первая позиция, которую мы рассмотрим, может вызвать недоумение (диаграмма 171).

Одна шашка против одной. Что в этом положении сложного? Но не все так просто, как кажется с первого взгляда. У белых нет количественного перевеса, но есть одно важное преимущество. Они имеют выбор. При желании белые могут вынудить встречу с черной шашкой или избежать ее и зна-

КЕЛЛЕР

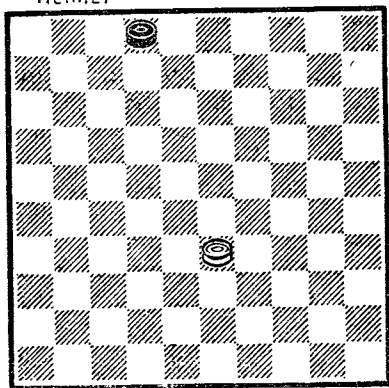

Диаграмма 171

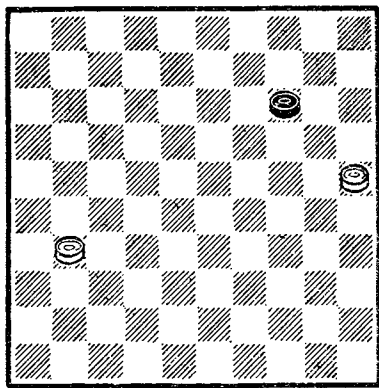

Диаграмма 172

чительно раньше прорваться в дамки. Из этого следует, что если оппозиция в пользу белых, то им надо обязательно организовать встречу с черной простой. Если оппозиция неблагоприятна, тогда надо попытаться решить исход борьбы при помощи прорыва. Белые выигрывают при любой очереди хода.

Давай проследим, как достигается выигрыш, если первыми приходится делать ход черным. 1... 2—7 2. 33—28! 7—11 3. 28—22 11—16 4. 22—17 X.

Здесь решила оппозиция. Если ход делают белые, решает прорыв 1. 33—29 2—8. Теперь уже черные стремятся встретиться, но безуспешно. Выбор ведь зависит от белых.

2. 29—24! 8—13 3. 24—20 13—19. Куда бы черная простая ни пошла, белые успеют ее задержать. 4. 20—15 19—23 5. 15—10 23—29 6. 10—5 29—33 7. 5—32 33—39 8. 32—49 X.

У белых (диаграмма 172) больше шашек, но кажется, что это для черных не страшно — их шашку трудно задержать. Но белые все же могут это сделать.

1. 31—27 14—19 2. 27—22 19—23. Если 2... 19—24, то

3. 25—20! 24 : 15 4. 22—18 15—20 5. 18—12 20—24 6. 12—7 24—29 7. 7—1 29—33 8. 1—34 33—38 9. 34—48 X.

3. 22—18!

Часто для достижения цели надо проявлять щедрость. Жертва с лихвой окупится.

3. 23 : 12 25—20 5. 12—18 20—14 5. 18—23 14—10 6. 23—29 10—4 7. 29—33 4—27 8. 33—39 27—49 X.

Диаграмма 173. Старинная позиция, известная более двух веков. Белые выигрывают при помощи заключения шашки противника на двойнике.

1. 18—12 25—30 2. 12—7 30—34 3. 7—1 34—39.

После 3... 34—40 4. 1—6 40—44 5. 50 : 39 45—50 6. 39—33 черная дамка гибнет.

4. 50—44! Белые сами помогают противнику скорее попасть в дамки. 4... 39 : 50 5. 1—6 50—28. Куда-то ведь нужно ходить черной дамкой. 6. 6 : 50, и черная шашка лишена ходов.

Шашки весьма популярны среди слепых. Многие из них играют очень сильно. У нас в

стране первыми мастерами среди незрячих стали москвичи—Кузнецов, Кулешов и киевлянка Файтельзон.

В 1958 году в Амстердаме я давал сеанс одновременной игры на десяти досках против мастеров. Лучше других против меня сыграл мастер Ольсен, который сделал ничью. А ведь ему было труднее всех играть, так как он незрячий. Ольсен известен как автор многих интересных позиций, имеющих большое практическое значение. Вот окончание Ольсена, часто встречающееся в игре (диаграмма 174).

У белых через один ход будет дамка, но ведь и противник близок к дамочным полям. Кажется, что ничья неизбежна. Ольсен все же указал путь к выигрышу: 1. 7—2 34—39 2. 2—16! 39—44 3. 16—11! 44—50. Если 3... 44—49, то 4. 11—44! 49 : 40 5. 45 : 34 X. 4. 11—6 35—40 5. 45 : 34 50—45 6. 6—1 X.

Не меньшее значение имеет борьба трех простых против одной. В этих позициях очень важны удары на бортовых полях и петли. (Диаграмма 175.)

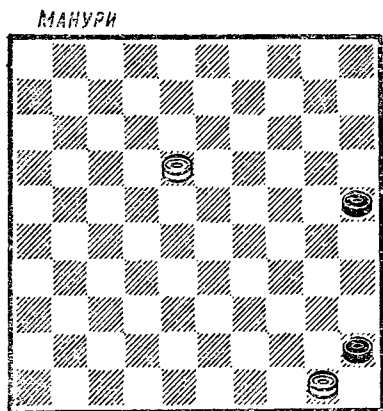

Диаграмма 173

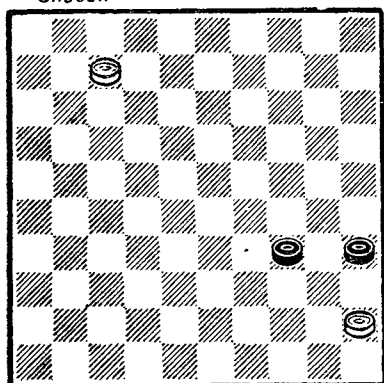

Диаграмма 174

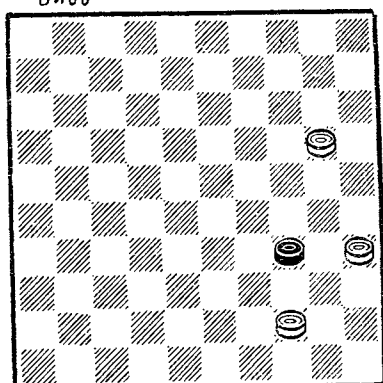

Диаграмма 175

Кажется, что если черная шашка пройдет в дамки, то ничьей не избежать. А как предотвратить прорыв? Если отдать две шашки 1. 35—30, то белые даже проигрывают. После боя 1... 34 : 14 белая шашка никак не сможет избежать гибельной для нее встречи с черной простой. Но путь к победе имеется. 1. 20—15! 34—40 2. 39—33 40—45. 3. 35—30! 45—50 4. 30—24 50 : 20 5. 15 : 24 X.

Диаграмма 176. Черные вынуждены превратить свою простую в дамку только на поле 49, после чего она разменивается. 1. 12—8 29—33 2. 8—3 33—38 3. 3—26! 38—43 4. 26—48 43—49 5. 48—31 49—40 6. 50—44 40 : 49 7. 31—27 X.

Диаграмма 177. Задача белых построить петлю в тот момент, когда черная шашка превратится в дамку. 1. 49—43 32—37 2. 43—38 37—41 3. 39—34. Гибельная для черной дамки петля готова 3... 41—46. Если 3... 41—47, то 4... 38—33 X. 4. 38—32 46 : 40 5. 45 : 34 X.

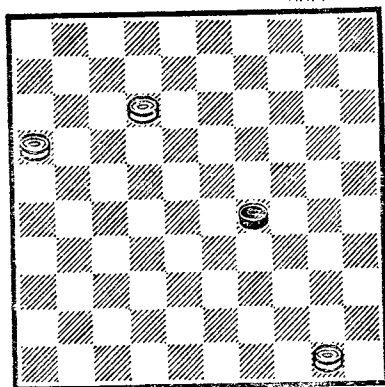

Диаграмма 176

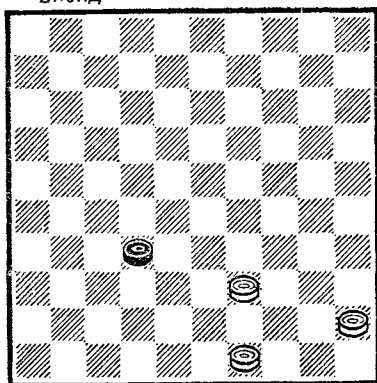

Диаграмма 177

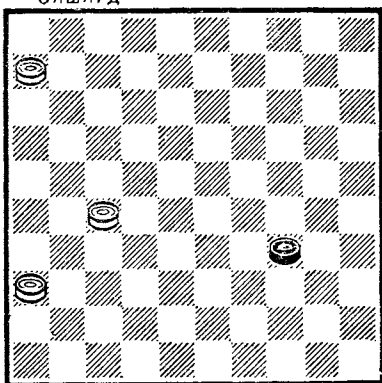

Диаграмма 178

Диаграмма 178. Для выигрыша используется петля из шашек 36, 27 и угроза оппозиции. 1. 6—1 34—39 2. 1—29! 39—44. Нельзя 2... 39—43 из-за жертвы 3. 29—33! 43 : 21 4. 36—31 X. 3. 29—38 44—49. После 3... 44—50 следует 4. 38—33 50 : 31 5. 36 : 27 X. 4. 38—32! 49—35. Черной дамке не уйти от гибели.

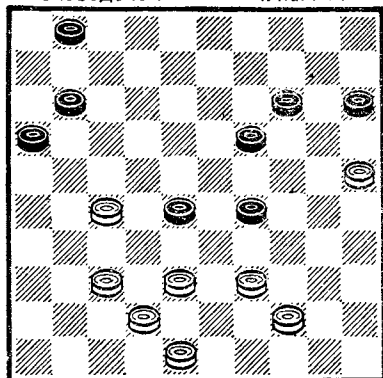
5. 32—19 35 : 31 6. 36 : 27 X.

ДАМКА ПРОТИВ ДВУХ ПРОСТЫХ

Этими эндшпилями часто завершаются практические партии. Примеров много. Так, в моей партии против мастера Слободского возникла следующая позиция (диаграмма 179).

Мне удалось при помощи комбинации осуществить прорыв и перевести игру в выгодное окончание 1... 29—33 2. 38 : 29 19—23 3. 29 : 18 28—33 4. 39 : 28 16—21 5. 27 : 7 1 : 41 6. 42—37.

Так играть надо. Черные грозят превратить свою шашку в дамку и легко выиграть. 6... 41 : 32 7. 48—42 15—20 8. 44—39 20—24 9. 39—34. Единственный ход. Проигрывает 9. 39—33? из-за 9... 24—30! 10. 25 : 34 32—38 11. 33—28 38 : 47 12. 28—22 47—33 13. 22—18 33—17 X. 9... 14—19 10. 34—29? Проигрывает. Жертвовать следовало в другую сторону 10... 34—30! 11. 24 : 35 25—20, и спасение еще было

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 179

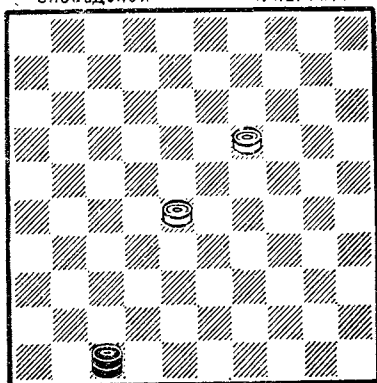

Диаграмма 180

возможно. 10... 24 : 33 11. 25—20. Теперь следует встречная жертва двух шашек и выигрывающий прорыв в дамки 11... 33—38! 12. 42 : 33 19—24 13. 20 : 29 32—37 14. 29—24. Если 14. 33—28, то 14... 37—41 15. 28—22 41—47 16. 29—23 47—41 17. 23—18 41—36 18. 22—17 36 : 13 19. 17—12 13—2 X. 14... 37—41 15. 24—19 41—47 16. 33—28.

В результате комбинации и ряда маневров у черных (диаграмма 180) появилась дамка против двух простых белых. Могут ли черные выиграть? Оказывается, да. Единственным путем к победе является тонкий маневр в тылу противника 16... 47—36! Только так! Другие ходы не достигают цели. Советую проверить это. 17. 19—14. Если 17. 28—23, то 17... 36—9 X. 17... 36—41!

Вот, оказывается, в чем дело! Атака дамкой с тыла иногда опаснее всего.

17. 28—22 47 : 5 18. 22—18 5—19 19. 18—12 19—2 X.

Разбор окончания этой партии весьма поучителен. Исход напряженного шестичасового турнирного поединка зависел от маневров черной дамки в эндшпиле.

При разыгрывании аналогичных эндшпилей следует знать, к каким позициям необходимо еще издали стремиться.

Привожу некоторые из них (диаграммы 181, 182, 183, 184, 185, 186).

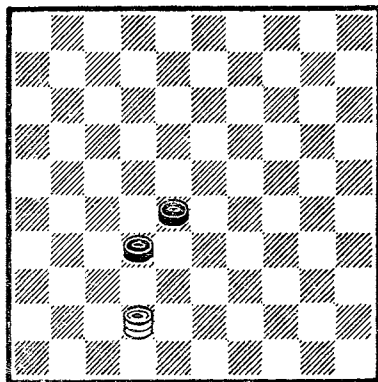

Диаграмма 181

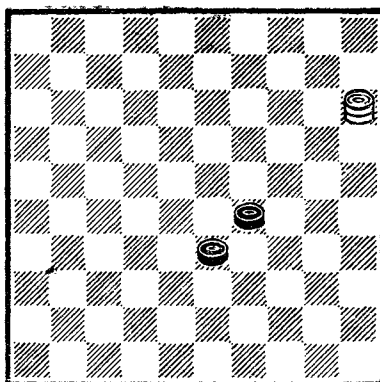

Диаграмма 182

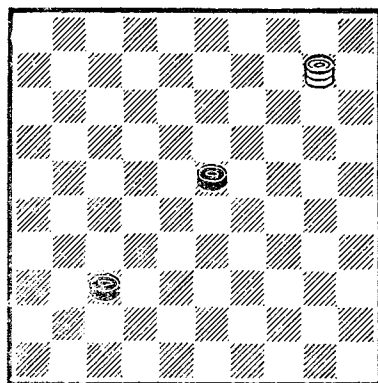

Диаграмма 183

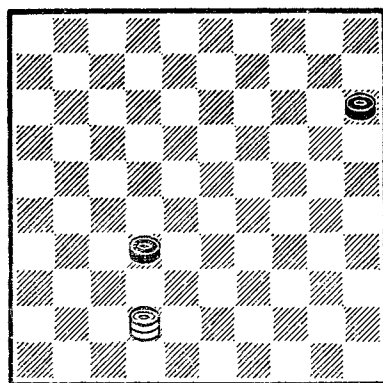

Диаграмма 184

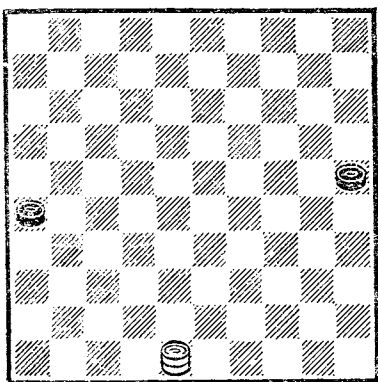

Диаграмма 185

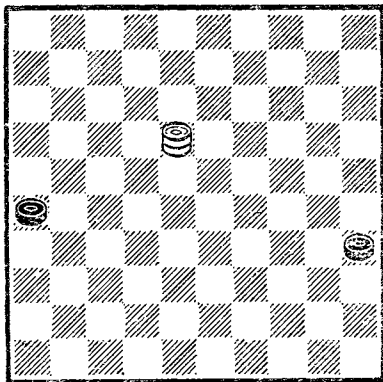

Диаграмма 186

Во всех этих положениях выигрыш у белых.

Диаграмма 187. 1. 35—24! 18—22. После 1... 18—23 сразу решает отход 2. 24—33 X. 2. 24—38 22—28 3. 38—29 28—32 4. 29—42 15—20 5. 42 : 15 32—37 6. 15—47 X.

Диаграмма 188. 1. 31—9! 23—28. К тому же ведет 1... 29—33 2. 9—14 23—29 3. 14—20 X. Если 1... 29—34, то 2. 9—14 23—29 3. 14—20 X.

КЕЛЛЕР

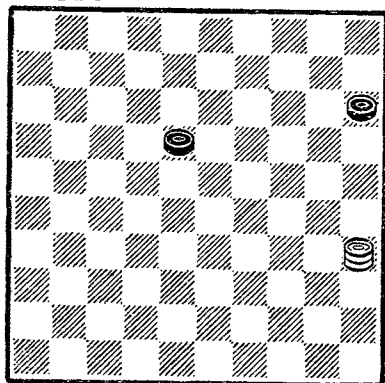

Диаграмма 187

КЕЛЛЕР

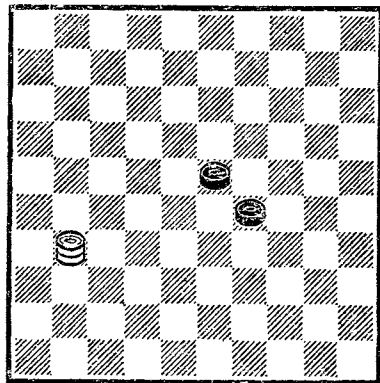

Диаграмма 188

МЕРТЕН

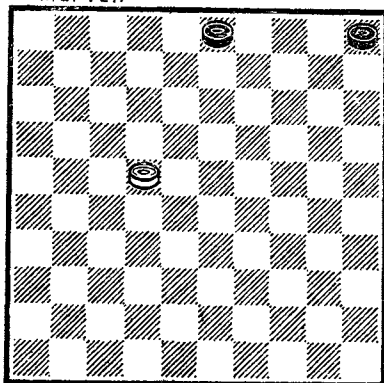

Диаграмма 189

2. 9—14 28—33. Попытка прерваться в дамки второй шашкой 2... 29—34 парируется следующим путем 3. 14 : 32 34—39 4. 32—49 X. 3. 14—20 29—34 4. 20 : 38 34—40 5. 38—33 40—45 6. 33—50 X.

Диаграмма 189. У белых еще нет дамки, но она скоро появится.

1. 22—17 3—8. Если двигать другую шашку, то белые успеют занять поле 1 и отрезать своей дамкой обе черные шашки. Например, 1... 5—10 2. 17—12 10—14 3. 12—7 14—19 4. 7—1 X.

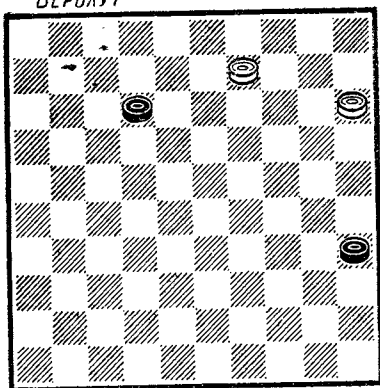

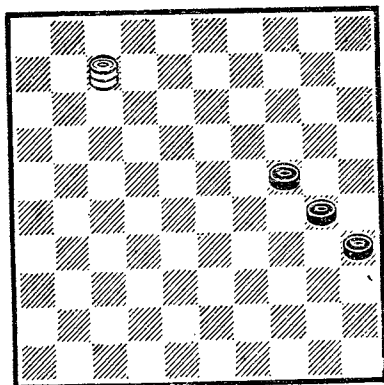
Диаграмма 190

Если 2... 18—23, то 3. 15—10 35—40 4. 25—34! 40 : 25 5. 10—5 с выигрышем. 3. 25—34!

Только эта красивая жертва дамки ведет к победе. Важно отбросить назад опасную проходную шашку черных.

3... 40 : 29 4. 15—10.

Теперь выигрыш белым обеспечен при помощи известных тебе приемов. 4... 18—22 5. 10—4 22—28 6. 4—10 28—33 7. 10—15 X.

ХОД ЧЕРНЫХ

Диаграмма 191

2. 17—11 8—12 3. 11—6 5—10.

Другие ходы не могут изменить результата борьбы. После 3... 12—18 4. 6—1 18—22 5. 1—23 белые без труда выигрывают. Если сыграть 3... 12—17, то 4. 6—1 (с угрозой 5. 1—23), и черные вынуждены ответить 4... 5—10, сводя к основному варианту.

4. 6—1 12—17 5. 1—23 10—15 6. 23—28 17—21 7. 28—32 21—26 8. 32—37 15—20 9. 37—42 20—25 10. 42—48 X.

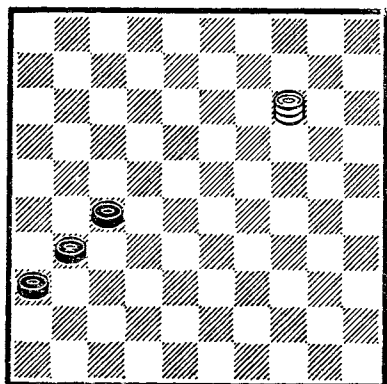
Диаграмма 190. 1. 9—3 12—18 2. 3—25! 35—40.

ДАМКА ПРОТИВ ТРЕХ ПРОСТЫХ

Очень распространены позиции, в которых дамке удается отрезать простые по какой-нибудь диагонали. Такое положение уже было приведено ранее на диаграмме 169.

Если дамке удастся отрезать простые по двойнику, то они обречены на гибель (диаграмма 191).

Независимо от очереди хода черным не избежать проигрыша. Если 1... 24—29 2. 7 : 25 35—40, то 3. 25—39 40—45 4. 39—50 X.

НИЧЬЯ

Диаграмма 192

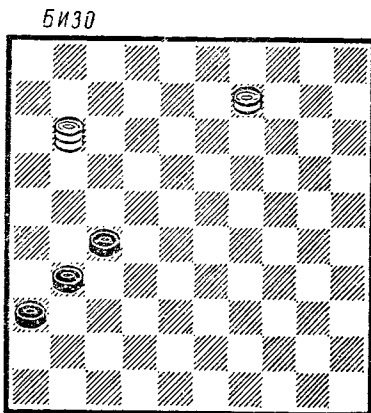

Диаграмма 193

Диаграмма 192. Здесь черные ближе к дамочным полям и их попытка прорыва эффективнее. Кроме того, важно, что черные удачно выстроили свои шашки. Куда бы ни стала белая дамка, неминуемо последует отдача двух черных шашек: 1... 27—32 или 1... 31—27 и 2... 36—41 с ничьей.

Но не всегда удастся так расставить шашки. Наглядной иллюстрацией этому служит этюд Бизо (диаграмма 193).

1. 9—4! 27—32. Не спасает жертвы 1... 31—37 2. 4 : 48 37—41 3. 48—37 41 : 32 4. 11—33 32—37 5. 33—47 X.

К гибели всех черных шашек ведет попытка пройти скорее в дамки 1... 37—41 2. 11—22 27 : 18 3. 4 : 47 X. 2. 4—27! 32 : 21 3. 11—16! При помощи жертвы и тонкого маневра с тыла белые вынуждают нужное им расположение простых: 3... 21—26 4. 16—32 X.

Диаграмма 194. Впечатление таково, что все шашки белых неминуемо погибнут при попытке перешагнуть через линию огня — диагональ 15—47, но путь к спасению все же есть.

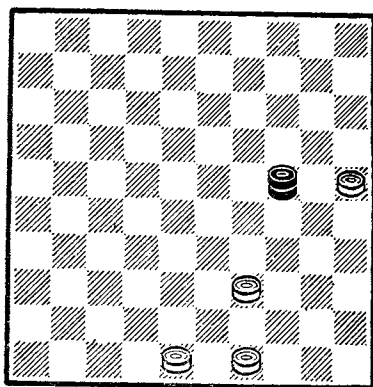

Диаграмма 194

1. 49—43 24—47. Если 1... 24—15 или 1.. 24—29, то 2. 39—33 15 : 49 3. 25—20 49—32 4. 48—43! 32: 49 5. 20—14 и ничья.

2. 39—34! 47—15 3. 39—33 и далее, как показано в только что рассмотренном варианте.

ДАМКА ПРОТИВ ЧЕТЫРЕХ ДАМОК

Тебя, вероятно, как и многих других ребят, интересует вопрос: могут ли три дамки выиграть против одной?

На столеточной доске, как правило, трех дамек недостаточно для победы над одинокой дамкой. Это не значит, что сразу сильнейшей стороне надо соглашаться на ничью.

Существует много ловушек, и попытки выиграть не следует прекращать, пока не будут исчерпаны все возможности.

А сколько же все-таки нужно иметь дамек, чтобы обеспечить выигрыш против одной дамки противника? Четыре. В этом случае можно построить много позиций с петлями, обеспечивающих победу сильнейшей стороне.

Вот одна из них (диаграмма 195).

Где бы ни находилась черная дамка, она быстро уничтожается. Попробуй проверить это на доске.

Если в результате первого знакомства с эндшпилями у тебя появится к ним интерес, советую тебе поработать над материалами книги Н. Мозера «Шашечные окончания».

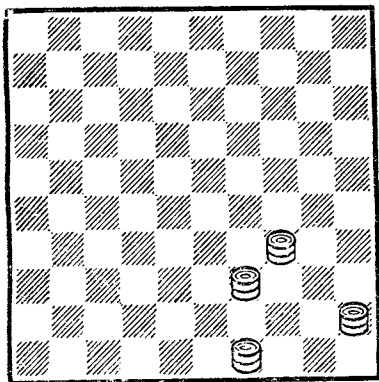

Диаграмма 195

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Глава 1.</i> Первая ступенька	3
<i>Глава 2.</i> На новых рельсах	23
<i>Глава 3.</i> Подготовка к штурму	35
<i>Глава 4.</i> За право бросить перчатку	54
<i>Глава 5.</i> Я — «Куперман Десятый»	68
<i>Глава 6.</i> Испытание	84
<i>Глава 7.</i> Марафон на колесах	90
<i>Глава 8.</i> Год в роли экс-чемпиона	109
<i>Глава 9.</i> Реванш состоялся	136
<i>Глава 10.</i> Что случилось с Баба Си?	153
<i>Глава 11.</i> Пятый Олимпийский	174
<i>Глава 12.</i> Поединок на Кавказе	188
<i>Глава 13.</i> Занавес не опущен	203

Часть вторая

НАЧНЕМ ИГРУ НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ

<i>Глава 1.</i> Поле битвы и правила игры	227
<i>Глава 2.</i> Мир комбинаций	242
<i>Глава 3.</i> Основные приемы позиционной игры	261
<i>Глава 4.</i> Как начинать партию	287
<i>Глава 5.</i> Середина игры (миттельшпиль)	302
<i>Глава 6.</i> Техника эндшпиля	307

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ВОЗРАСТА

Куперман Исер Иосифович
НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ

Ответственный редактор *М. А. Зубков*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *В. К. Егорова*

Корректоры
Л. М. Агафонова и Л. И. Дмитриук

Сдано в набор 5/III 1969 г. Подписано к
печати 24/XI 1969 г. Формат 60×90¹/₁₆. 20
печ. л. (18,88 уч.-изд. л.) Тираж 75 000 экз.
ТП 1969 № 573. А06332. Цена 74 коп. на
бум. № 2

Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Детская литература» Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фаб-
рика «Детская книга» № 1 Росглавополи-
графпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Суэцевский
вал, 49. Заказ № 3907.

74 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»